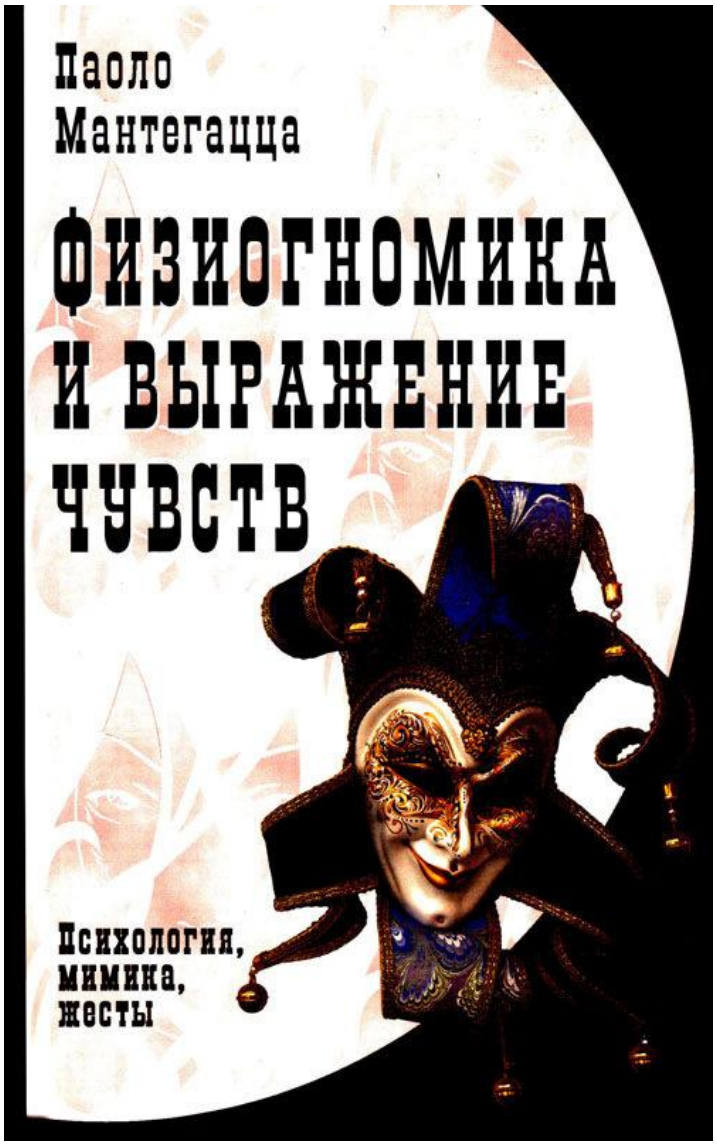
Паоло Мантегацца
Физиогномика и выражение чувств



«Физиогномика и выражение чувств»: Профит Стайл; Москва; 2011
ISBN 978-5-98857-176-6

Аннотация

Эта книга посвящена исследованию человеческого лица и человеческой мимики. К талантливым авторам-популяризаторам, от которых можно многому научиться, относится итальянский писатель XIX века, профессор флорентийского Музея естественных наук, Паоло Мантегацца. Его перу принадлежит ряд популярных и вместе с тем вполне удовлетворяющих научным требованиям сочинений по психологии, на темы весьма интересные, а именно о природе удовольствия, о природе страдания и т. п., – сочинения, которые содержат в себе всегда и краткую историю изучаемого вопроса, и изложение автором множества своих и чужих интересных наблюдений в данной области.

Сочинение это представляет не только общий интерес для всей образованной публики. Оно может быть полезно и назидательно в особенности для педагогов, стремящихся серьезно поставить дело воспитания юношества, для живописцев, ваятелей и вообще художников, изучающих и изображающих человеческие типы, и, наконец, для актеров, стремящихся воплотить в живые образы бессмертные типы драматического искусства.

Паоло Мантегацца

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Физиогномика и выражение чувств

Человековедение Паоло Мантегаццы

«Человек ты: помни это.
Знай – ты смертен.
Будь здоров».
Латинская надгробная надпись

Выдающийся итальянский ученый **Паоло Мантегацца, Paolo Mantegazza (1831–1910)** принадлежал к блистательной плеяде интеллектуалов, которые во второй половине XIX века, после открытия теории Чарльза Дарвина, своими трудами обеспечили подлинную революцию в области естествознания, что содействовало общемировому развитию и трансформации мировоззрения. Они создали новый тип гуманизма – идеологию развившуюся не на основе схоластических спекуляций, но на базе постулатов науки.

Паоло Мантегацца был врачом, неврологом, физиологом, психологом, антропологом и изящным писателем, автором первых фундаментальных сочинений по сексологии, создателем экспериментальной теории воздействия кокаина на человеческую психику.

Он родился в городе Монца 31 октября 1831 года. Обучался в университетах Пизы и Милана и уже в 1854 в Павии получил свою первую ученую степень доктора медицины. После путешествий по Европе, Индии и Америке Мантегацца работал практикующим врачом в Аргентине и Парагвае. После возвращения в Италию в 1858 году работал хирургом в миланском госпитале, а также стал профессором патологии в Павии. Здесь же в 1870 году Мантегацца начал работать профессором антропологии в Институте хирургии. Он также основал первый в Италии Музей Антропологии и Этнологии, который позднее был реформирован в Итальянское Антропологическое общество, которое являлось одним из самых многочисленных и представительных в Европе.

Кроме этого, ученый обладал ярко выраженной гражданской позицией, он никогда не был безучастным к политическим процессам, происходившим в обществе, поэтому с 1865 по 1876 годы являлся депутатом в итальянском Парламенте от города Монца, избирался в Сенат.

Всю жизнь он активно занимался популяризацией науки, слыл убежденным либералом и внедрял идею эволюции в антропологии с целью создания стройной концепции «естественной истории человека», что было вполне в духе времени. С 1868 по 1875 годы он активно переписывался с Чарльзом Дарвином. Ученый не был чужд и модных тогда расовых теорий, сформулировав принципы «Морфологического древа человеческих рас», в котором расы располагались иерархически согласно своим культурным достижениям. Белые европеоиды занимали наивысшее положение в этой культурфизиологической «табели о рангах». Полинезийцы, семиты и монголоиды представляли в этой классификации нисходящие ветви, а самое низкое положение занимали негроиды. Сегодня подобный взгляд на культурную историю человечества просто немыслим, но нужно понимать, что в момент своего зарождения любая общественно-политическая, а равно и научная теория переживает самые экстремальные стадии роста, не всегда отражающие истинное положение вещей. Но с точки зрения объективной истории науки мы не в праве предавать забвению даже один, хотя бы самый экстравагантный, пассаж пионеров естествознания той эпохи, ибо без их откровений у нас не будет целостного представления о развитии европейского мировоззрения вообще.

Абсолютное большинство интеллектуалов той блистательной эпохи обладало неподдельным эстетическим темпераментом, и, как истинный итальянец, Паоло Мантегацца для своих расовых классификаций привлекал богатейший иллюстративный материал классической живописи, в результате чего создал «Эстетическое древо человеческих рас».

Одним из первых он начал изучать влияние наркотических растений на создание человека, когда работал в Южной Америке и наблюдал там за индейцами, употреблявшими листья коки для поднятия физиологического тонуса, а также в гигиенических целях.

Близкое знакомство с биографиями пионеров науки вообще, и естествознания в частности, не может не вызывать восхищение их человеческим подвигом, ибо, не имея современных средств информатизации,

ограниченные как в материальных средствах, так и свободе передвижения, они создавали целые научные направления плодами деятельности которых мы пользуемся до сих пор. Пропагандисты модной тогда теории эволюции, стремительно завоевывавшей умы и сердца просвещенной публики, одинаково профессионально разбирались в вопросах биологии, физической антропологии, палеонтологии, психологии, неврологии, а также истории и культурологии, прекрасно владея всеми основными европейскими, а равно и классическими древними языками. Каждая европейская нация стремилась вырваться вперед в этом соревновании идей и научных школ. Тогда еще не произошло разделения на узкоспециализированные дисциплины и весь этот комплекс стремительно развивавшихся наук именовался одним названием – **человековедение.**

В духе универсализма тех дней Паоло Мантегацца, помимо указанных нами направлений исследований, оставил также серьезные работы об аномалиях строения черепа и скелета, о патологиях внутренних и половых органов, теории эмбрионального развития человека и человекообразных обезьян.

В своем крупнейшем сочинении «Физиология наслаждений» (М., 1890) он формулировал: «Удовольствия, развившиеся внутри рас, разнятся не только по степени вкушаемого ими наслаждения, но и по способу выражения этих наслаждений». В данном исследовании, а также в книгах «Физиономия и выражение чувств» (Киев, 1888) и «Экстазы человека» (СПб, 1890) он развил оригинальную концепцию под названием **«этнография наслаждений»,** в которой уделил большое внимание физиологическим и нравственным особенностям эмоциональной сферы у представителей различных рас.

К основным его научным сочинениям относятся также: «Принципы гигиены» (1875), «Физиология боли» (1880), «Физиономия и выражение чувств» (1883), «Сексуальные отношения в человечестве» (1885), «Физиология ненависти» (1889), «Женская психология» (1893), «Физиология любви» (1896).

Прославился он и как один из новаторов в области научной фантастики своими футурологическими романами, а также как автор сборников афоризмов. Скончался Паоло Мантегацца в Сан-Теренцо (Специя) в 1910 году.

Он, несомненно, был очень ярким и разнообразным исследователем и писателем. Его книги переводились на все основные европейские языки, в том числе и на русский. Однако в современной России, а также в других странах Европы, его уникальное творческое наследие практически предано забвению. Вот эту-то несправедливость мы и хотим исправить данным переизданием его замечательного труда «Физиономия и выражение чувств» (1883), впервые опубликованного в России, в Киеве в 1886 году.

Уже в самом предисловии было сказано, что автор с большой любезностью откликнулся на пожелания русских издателей и по первому же требованию выслал специальное обращение к читателям нашей страны, чтобы максимально прояснить цели и задачи своего исследования, с учетом местной национально-культурной специфики. Впрочем, нужно особенно подчеркнуть, что в то время это было нормой в отношениях между передовыми нациями, когда интеллектуал одной страны почитал за честь лично обратиться к читающей элите другой. Вполне закономерно поэтому, что предисловие к данной работе писал известный русский философ Николай Яковлевич Грот. В качестве незначительного отступления следует особо отметить, что Паоло Мантегацца дружил со многими представителями русской научной интеллигенции, в том числе с основоположниками русской антропологической школы Анатолием Петровичем Богдановым и Дмитрием Николаевичем Анучиным.

Книга, которую мы с удовольствием представляем нашему современному русскому читателю, на наш взгляд, совершенно не утеряла своей культурной и исторической ценности, невзирая даже на столь значительное прошествие лет.

Уже во введении к работе было отмечено: «Что касается естественных наук, и преимущественно биологии, то в настоящее время тесная и живая связь их с психологией уже не подлежит никакому сомнению». Это было совершенно революционное по тем временам воззрение, ибо пика своего расцвета такая самостоятельная дисциплина, как **психобиология** достигла лишь во второй половине XX века. Будучи подлинным провидцем и новатором науки, Паоло Мантегацца писал также, что «в области знания психология, несомненно, будет играть со временем первенствующую роль». И сегодня мы без труда обнаруживаем всю правоту его суждений.

«Измерить человеческую мысль», – вот к чему дословно сводилась цель книги. Но в силу того, что в человеке физические и психические процессы теснейшим образом взаимосвязаны, автор предпринял

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

попытку систематизации всех физиогномических знаний на биологической основе. «Человеческое лицо интересно для всех; ведь это – книга, которую каждый волею-неволею должен читать ежедневно и ежечасно».

В прекрасно структурированном сочинении «Физиономия и выражение чувств» приводится история развития физиогномики в разные времена и у разных народов, сопровождаемая наглядным очерком анатомических основ мимики, со специальным разбором отдельных частей лица и их влияниях на общую структуру портрета. Причем все эти нюансы автор рассматривает не только в статике, но и динамике, для большей наглядности привлекая цитаты из классиков ваяния и живописи со времен античности и Ренессанса, оставивших очень образные и меткие описания физиономии людей в различных их психических состояниях.

В современной России интерес к психологии, физиогномике и иным смежным наукам, изучающим человеческую сущность, постоянно возрастает, что закономерно, ибо вышеозначенный комплекс знаний в условиях советского интернационализма находился практически под запретом. Знать природу наследственных различий в границах пропагандируемого равенства – это была сама по себе крамола для действующего режима. Поэтому сегодня, когда, как мы смеем полагать, все постулированные Конституцией свободы являются неотъемлемой частью нашей повседневной гражданской жизни, такие классические труды, как базовая работа Паоло Мантегаццы, должна всецело способствовать общей культуре грамотности в области реального человековедения в России.

Владимир Авдеев

От редакции

Значение науки, изучающей явления душевной жизни и деятельности человека, сравнительно с таковой же у животных, все более и более осознается образованным обществом нашего времени, и европейская психологическая литература растет не по дням, а по часам. Действительно, есть ли область знания или сфера деятельности человека, которая так или иначе не соприкасалась бы с психологией?

Целая группа гуманитарных наук – исторических, словесных, юридических – исключительно имеет дело с явлениями, возникающими и развивающимися на почве психологической, каковы явления общественной жизни, язык, литература, право и юридические отношения. Что касается естественных наук, преимущественно биологии, то в настоящее время тесная и живая связь их с психологией тоже не подлежит никакому сомнению. Китайская стена, отделявшая явления душевной жизни от явлений материальной природы, стала разваливаться с тех пор, как в современных психологических школах утвердилось воззрение Локка, которое отвергло существование прирожденных идей и признало, что вся сумма душевных деятельностей развивается из внешнего и внутреннего опыта, при посредстве нашей организации. Эта идея великого мыслителя как бы призывала натуралиста к аналитической разработке психических явлений. И вот трудами Фехнера, Эд. Вебера, Дондерса, Вундта, Гельмгольца, Сеченова, Экснера и других создаются новые отрасли точной науки – психофизика и физиологическая психология. За последние 15 лет в этой области знания сделаны новые существенные приобретения. Опыты Фритча и Гитцига, Феррье, Мунка и др. констатировали в коре головного мозга специальные чувствующие психические территории и волевые (психомоторные) центры и таким образом доказали известную локализацию в мозгу отдельных психических функций. С другой стороны, благодаря работам Чарльза Белля и Дарвина возникло строго-научное изучение выражения чувств и душевных волнений человека и животных, а Спенсер и Роменс, Гузо, Эспинас и другие ученые обратились к исследованию эмоциональной жизни животных, сравнительно с таковой же у человека, в различных других областях, поставив на научную почву наблюдения и опыта так называемую сравнительную психологию. Это новое направление, выразившееся известным слиянием науки о душе с наукой о жизни органической, служит верным залогом дальнейшей плодотворной разработки психологии, потому что жизнь вообще составляет первооснову душевных явлений, и, следовательно, уже в самых низших формах органической жизни должны содержаться зародыши жизни душевной.

Но если эта последняя подчиняется общим законам природы, и если поэтому современная психология не может не опираться при своих выводах на факты и наблюдения других точных наук, то естественно

ожидать, что открываемые ею высшие законы душевной жизни, в свою очередь, должны будут со временем пролить широкий свет на явления органической и физической жизни природы. Ог. Конт полагал, что конечной наукой *(la science finale),* в которой сольются все науки, следует считать социологию, но если подумать, что социология есть только особого рода психология – психология общественного организма, то вернее будет предположение, что конечной наукою станет со временем для психического существа, называемого человеком и познающего все через свой психический организм (ведь и сама наука есть форма и продукт душевной его деятельности), именно психология. Последнее, между прочим, подтверждается и свойствами другой самостоятельной области знания – математики. Великими философами прошлого, в особенности Кантом, достаточно доказано, что все основы наших математических понятий лежат в прирожденной нам природе наших познавательных орудий, нашего рассудка и разума. Можно не соглашаться с некоторыми частными положениями кантовской теории познания, но нельзя не признать, что общий характер наших пространственных и количественных представлений предопределен организацией нашего душевного строя, наших познавательных способностей. Поэтому, глубокий математик, не желающий ограничиваться одними числовыми выкладками, так же точно, как и мыслящий естествоиспытатель, не в праве игнорировать психологию и свысока относиться к ее обобщениям. Как только он захочет уяснить себе смысл, назначение и сферу компетенции математических понятий, так по неволе должен будет обратиться к изучению процессов мысли и психических законов образования представлений и понятий человеческого ума.

Таким образом, в области знания психология, несомненно, будет играть со временем первенствующую роль. Что касается до практического ее значения в жизни на разных поприщах высшей разумной деятельности человека, то кто позволить себе усомниться в нем? Мы уже не говорим о том, что общий тон, нравственный тон разумной деятельности человека вполне зависит от его взгляда на нравственные начала жизни, а этот последний, в свою очередь, от основательности его воззрений на душевную природу человека. Но и помимо этого общего значения, есть ли хоть одна специальная сфера разумной деятельности человека, в которой знание законов душевной жизни не могло бы иметь применения? В общественной деятельности, в управлении государственным механизмом, в нравственно-воспитательной деятельности, в области медицинского ухода за страждущим человечеством, в области научного изучения и творчества, в сфере художественной деятельности – везде человек сталкивается с человеком, всюду он должен воздействовать на душевный строй своих ближних, влияя на их ум и волю, исправляя и улучшая их чувства и стремления, вникая в их самочувствие, пробуждая в них хорошие влечения, свежие и живительные ощущения, добрые и умные мысли. Можно ли сознательно выполнить одну из этих задач, не имея понятия о законах и разнообразных явлениях душевной, жизни человека? Может ли правитель успокоить и удовлетворить управляемых, не понимая душевных, умственных и нравственных их потребностей; могут ли отец, мать, педагог воспитать честных и умных граждан, не зная свойств ума, чувства и воли ребенка, не понимая его инстинктов и влечений; может ли врач лечить своего тяжелобольного пациента, не обращая внимания на его самочувствие, на патологические изменения в его настроении, аффектах, идеях; может ли, наконец, художник создать что-либо великое в области звуков, форм и красок, или же в области слова, не изучив тщательно всех изгибов человеческой души, игры ее чувств, страстей, стремлений; и не оттого ли так мало хороших художников, что большинство художников обыкновенно пренебрегает изучением душевной природы человека, на которую искусство призвано воздействовать, если оно даже и не делает ее прямо сюжетом своих произведений?

В виду всех вышеизложенных соображений, желательно, конечно, самое широкое развитие серьезной и строго научной разработки психологии, направленной к истолкованию законов душевной жизни, с одной стороны, и развитие популярной психологической литературы, которая бы знакомила общество с результатами ученых психологических исследований, с другой.

Только с расширением той и другой области психологической литературы возможно поставить в данной стране на должный уровень высоты и преподавание психологии в учебных заведениях, и знание ее содержания и выводов в обществе. К сожалению, наша самостоятельная русская психологическая литература представляется ныне еще крайне бедной и неспособной удовлетворить ни одной из этих потребностей. Приходится поневоле прибегать к переводам лучших сочинений, выходящих на западе, чтобы пополнить важнейшие пробелы в отечественной литературе. Но что переводить?

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

При весьма еще ничтожном в нашем обществе сознании важности изучения психологии, перевод наиболее серьезных научных трудов представляется делом совершенно неблагодарным и неосуществимым. Их не станут читать, и уже многие попытки таких переводов окончились полнейшим неуспехом. Очевидно, сначала должно приохотить и приучить общество к чтению произведений известного рода. А для этого удобнее переводить в первую очередь более популярные и занимательные для чтения книги, если только авторы их стоят на должном уровне научного развития и знания.

К таким авторам-популяризаторам, от которых можно многому научиться, относится без сомнения талантливый итальянский писатель, профессор флорентийского Музея естественных наук, Мантегацца. Его перу принадлежит ряд популярных и вместе с тем вполне удовлетворяющих научным требованиям сочинений по психологии, на темы весьма интересные, а именно о природе удовольствия, о природе страдания и т. п., – сочинения, которые содержат в себе всегда и краткую историю изучаемого вопроса, и изложение автором множества своих и чужих интересных наблюдений в данной области и, наконец, ряд эмпирических выводов, невольно навязывающихся при изучении данного разряда фактов. В прошлом году вышло в свет новое сочинение Мантегаццы в этом же роде, перевод которого и предлагается ныне русской публике.

Мы уверены, что каждому образованному человеку чтение этой книги принесет много удовольствия и пользы, предмет ее представляется крайне интересным и важным. Наука лишь недавно, в особенности под влиянием Дарвина, стала правильно и систематически изучать выражение человеческих чувств, настроений, волнений и страстей. А между тем эти выражения представляют собою единственную дверь, через которую мы можем проникать во внутренний мир других человеческих существ, изучая их чувства, намерения, желания, способности, добродетели и пороки, без знания которых, как это было показано выше, мы шагу ступить не можем.

Наука в этой области изучения пока еще сделала мало. Несомненно, что остаются громадные области еще вовсе неисследованных явлений; несомненно, что во всем, начиная с роста, фигуры, цвета волос, глаз, формы носа и других общих внешних признаков и кончая самою ничтожною игрою любого мускула не только лица, но и туловища, каждого пальца руки, – во всем этом, повторяем, отражаются те или другие постоянные и неизменные, или же преходящие и изменяющиеся черты характера, темперамента, привычек и склонностей человека, из которых одни перешли к нему наследственно, а другие приобретены лично. Но мы далеки еще теперь от точного и совершенно правильного истолкования всех этих явлений. Для этого нужны еще дальнейшие успехи в области анатомии и физиологии человеческого организма, не говоря уже о психологии. Однако и те данные, которыми теперь располагает наука в этой области, весьма значительны и разнообразны, сравнительно с теми случайными догадками и фантастическими объяснениями, которые господствовали отчасти еще в прошлом веке, даже в таких классических трудах, как сочинения Лафатера. Многие из этих научных данных тщательно подобраны, сгруппированы и вполне популярно изложены в настоящей книге Мантегаццы. Хотя и в ней еще много гипотетического, много важных пробелов и недостаточно обоснованных положений, но так как автор обладает похвальным свойством не скрывать от своих читателей слабых сторон своего анализа, а сам откровенно на них указывает, то эти недостатки никого не введут в заблуждение. Сочинение это имеет, впрочем, не только общий интерес для всей образованной публики. Оно может быть полезно и назидательно в особенности для педагогов, стремящихся серьезно поставить дело воспитания юношества, для живописцев, ваятелей и вообще художников, изучающих и изображающих человеческие типы, и, наконец, для актеров, стремящихся воплотить в живые образы бессмертные типы драматического искусства. Мы уверены, что все эти специалисты отнесутся сочувственно к выходу книги Мантегаццы в русском переводе, который мы старались сделать как можно более точным и ясным.

Николай Грот
Е. Вербицкий
Киев, 1 июня 1886 года

К читателю

Эта книга посвящена исследованию человеческого лица и человеческой мимики. Будучи научной по

своей цели и по своему методу, она приступает к изучение выражений с точки зрения, установленной Дарвином, не отказываясь и со своей стороны от скромного притязания сделать некоторый шаг вперед.

Я поставил себе раз и навсегда правилом – строго отделять положительные наблюдения от всевозможных смелых догадок и остроумных предположений, заслонявших до сих пор дорогу к научному исследованию. Я хотел бы таким образом отмежевать область знания от области фантазии. Человеческое лицо интересно для всех; ведь это – книга, которую каждый волей неволей должен читать ежедневно и ежечасно. Психолог и художник найдут в этом сочинении отчасти новые факты, отчасти уже известные, но истолкованные сквозь призму новых теорий. Быть может, ему удастся также уяснить некоторые новые законы, управляющие человеческой мимикой.

Рисунки, передающие жесты, волнения или эстетические типы, принадлежат Гектору Хименесу, известному ваятелю и искусному живописцу карикатурного жанра. Я дал только идею рисунков; но художник выполнил их совершенно свободно, согласно своему вдохновению и, следуя внушениям собственной плодовитой фантазии, которая угадывала, можно сказать, почти схватывала мою мысль. В рисунках этих следует искать только проявление искусства, освещающего и уясняющего предмет. А не математическую правильность линий, передающих оттенки, которые могут быть воспроизведены только фотографией.

Я счел нужным сделать оговорку с той целью, чтобы от приложенных к этой книге рисунков не требовали больше того, чем сколько они могут дать, и чтобы автору не была приписана та заслуга, которая принадлежит всецело художнику.

О наблюдении психических явлений (Введение, составленное автором для русского издания)

Что психическая сторона человека исследована еще очень мало – в этом никто не сомневается. Войдите в самую богатую библиотеку в мире, вы найдете там атласы, содержащие рисунки всевозможных растений и животных, но не отыщете ни одного такого, в котором были бы воспроизведены все формы человеческой красоты.

Самообольщение и обман вознесли на такую высоту природу человека, что разум и наблюдение не могли до нее добраться. Нужны были целые века и кровавые битвы для того, чтобы вырвать человека из сферы надменности и предрассудков и ввести его в скромную лабораторию науки, и самой величайшей дерзостью нашего времени была попытка применить к изучению человека те же самые приемы, какими пользуются при изучении электричества, теплоты, химического свойства.

Мы уже положительно знаем, что страсти и самые тонкие чувства суть такие явления, которые возникают в глубине нервных клеток и проводятся по длине нервных волокон, и что, не смотря на всю свою сложность, они подчиняются в проявлениях своих тем же самым законам, которые управляют материальным миром.

Если мы считаем нужным наблюдать, описывать и классифицировать явления, происходящие перед нашими глазами, то почему же при исследовании мысли и чувства нам следует избегать того метода, который применяется нами ко всем другим явлениям природы? Да и притом же, если для изучения гальванических батарей и электрометров мы должны были долго и терпеливо работать в лабораториях, наблюдая и производя опыты, то неужели для понимания механизма человеческого мозга нам достаточно послушать фантастических выдумок поэтов, которые мчатся на Пегасе своего воображения в бесконечных пространствах, где-то за пределами реального мира? Почему бы психологии ни сделаться такою же отраслью естествознания, как зоология и ботаника, и такою же экспериментальною наукой, как физика и химия? Ботаник составляет свой гербарий, малаколог – свой музей раковин; я же, психолог, отыскиваю явления психические и группирую их подобно тому, как это делают ботаник и малаколог.

Если я наблюдаю в течение многих лет различные формы выражения, которые может принимать человеческое лицо при различных страданиях телесных и душевных, и нахожу, что все это бесконечное разнообразие выражений можно свести к ограниченному числу типов, то я работаю в области естественной истории; и если мне удается, напр., констатировать, что одним и тем же искривлением лица может выражаться как оскорбленное самолюбие, так и ощущение горького вкуса во рту, то я работаю в области экспериментальной науки.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Таким образом, психология есть наука естественная и экспериментальная; а отсюда следует, что она должна идти тем же путем, пользоваться тем же методом и теми же критериями, как и физика, зоология, ботаника.

Наблюдать вообще не легко, и тем более трудно наблюдать хорошо. Разори сказал: «Видеть что-либо еще не значит наблюдать», и точно также думали все прочие глубокомысленные натуралисты. Наблюдать – это значить направлять все наши чувства и все силы нашего духа на известный предмет, или на известную его сторону с тем, чтобы определить возможно большее число отношений и простейших начал; само собой разумеется, что с первого же момента наблюдения необходимы нормальность ощущающих снарядов и тонкость умственных способностей. Не все в одинаковой степени одарены этим талантом и живостью ощущений, – и вот отчего зависит та значительная разница, с какой одно и то же наблюдение производится различными людьми. Один, едва только успел посмотреть на предмет, как с первого же взгляда схватил все его очертания и уже определил отношения данного предмета к окружающим; а другой, хотя бы сто раз видел тот же предмет, все-таки еще не знает его и не может дать о нем отчета.

Чем больше наблюдают, тем лучше делается самое наблюдение; так, когда впервые приближают глаз к окуляру микроскопа, то не различают ничего, кроме какой-то неопределенной кучки; но по мере того как глаз упражняется в этом направлении, он мало помалу приобретает навык точно различать даже малейшие подробности объекта.

Особенное пристрастие наше к известным предметам производит то, что мы обращаем наше наблюдение на них предпочтительно перед всеми другими; отсюда возникают различные группы наблюдений. Положим, вы – человек галантный и входите в салон с двумя вашими друзьями, из которых один – археолог, а другой – художник. Последний в несколько минут пересмотрит уже все картины, археолог успеет открыть где-нибудь в глубине этажерки древнюю бронзу, а вы в совершенстве будете знать, которая из дам имеет самую изящную ножку.

Если для того, чтобы хорошо познать какой-либо материальный предмет, необходимо продолжительное и частое наблюдение его, то сколько же нужно времени и внимания для основательного изучения психического явления!

Неправильное наблюдение, помимо своего отрицательного значения, представляется вредным и в положительном смысле, ибо может внести ложный элемент в целый ряд хороших наблюдений.

Циммерман сказал, что множество поверхностных наблюдений приносит меньше пользы для опытного знания, чем небольшое число наблюдений точных и внимательных. Плохие наблюдения повредили психологии гораздо больше, чем все философские системы, составлявшие против нее заговор. Они входят в нее, как сбивчивые и сомнительные основы, и нужны целые годы и века, чтобы изгнать их из храма науки. Как часто приходится разбирать целую стену для того, чтобы удалить несколько негодных кирпичей, угрожающих прочности целого здания!

До настоящего времени в психологии допускается все, что угодно: лишь бы философская система имела симметрию, – ее уже изучают, и имя ее автора переходит в потомство. Если ошибется натуралист, если сделает неточный анализ химик, то их тотчас же украсят шутовским колпаком; но когда психолог смешивает инстинкт с разумом, или вдается в нелепый онтологизм, – он все-таки остается философом и, при известном запасе красноречия и ума, может создать особую философскую школу, которую историк должен будет включить в свой обзор и отвести ей почетное место в ряду блестящих представителей человеческого ума.

Экспериментальная наука уже изгнала из своей области известную часть онтологических воззрений, но ей предстоит еще устранить значительное число других. Путь этот труден, высоты, которыми нужно овладеть, грандиозны, но там, на вершине их, находится человек, а такое приобретение стоит самой кровавой борьбы.

Овладев своей планетой, человек должен овладеть и самим собой; после анализа атомов, плавающих в атмосфере солнца, человек должен анализировать свою собственную мысль.

Какие же материалы подлежат ведению нашей науки? Это суть все проявления жизненных отношений, все факты мира психического, все чувства, все мысли, все преступления, все добродетельные деяния; сюда относятся и ощущения идиота, и грезы гения.

Эти материалы доставляются не одним только человеком, но и животными, и для того чтобы

достигнуть удовлетворительных результатов, необходима психология, изучающая человека сравнительно с животными. Нет ничего унизительного, или уменьшающего достоинство человека в том, что первые проблески разума и чувства отыскиваются у существ, наиболее к нему приближающихся; это значит только применять к наследованию мысли тот же самый метод, каким мы пользуемся при изучении тела в науках физических и экспериментальных. Разве мы чувствуем себя униженными тем, что самые ценные сведения о нашем дыхании или о нашем кровообращении добыты путем изучения этих функций у кролика, собаки, лошади? Неужели мы должны отвергнуть важные открытия относительно всасывания потому только, что опыты, послужившие основой для них, были сделаны на лягушках и черепахах?

Для того чтобы глубоко постигнуть какое-либо явление, необходимо проследить и изучить его на всех ступенях лестницы живых существ: только таким путем мы можем удостовериться, каким образом одно и то же отправление от самой простейшей формы у одних животных видоизменяется в крайне сложные формы у других, и как одна и та же цель достигается тысячами различных способов. Если дышат люди, птицы, рыбы, насекомые и раки, то необходимо изучать дыхание у людей, птиц, рыб, насекомых и раков; если же лошадь, собака и муравей мыслят, то должно исследовать мысль у лошади, собаки и у муравья.

Животные тем более пригодны для психологических наблюдений, что они не знают о том, что их наблюдают, и потому, что они не имеют никакого интереса – как это случается иногда у людей – мешать ходу наблюдений ученого; они удобны еще и потому, что мы можем подвергать их опытам, применение которых к человеку было бы опасно и неблагоразумно. Не бойтесь же: психологический материал, добытый исследованиями над животными, не затмит ни одного луча в венце нашего духовного могущества и не задержит ни одного из биений нашего сердца. Пока существуют людоеды, пока цивилизованные нации вынуждены карать столько воров и убийц, признаюсь, мне нисколько не страшно сравнивать себя с животными, но часто приходится краснеть от того, что я человек.

Наконец, если метафизики приходили в ужас от одной возможности сравнения человека с животными, то это делалось ими не без задней мысли: они прозрели довольно ясно, что методическое и опытное исследование, восходящее от простейшего к более сложному, могло бы подорвать их заоблачные теории….

Все психические явления развиваются в головном мозге и при участии нервов. Это такого рода движения, молекулярные свойства которых нам еще неизвестны, ибо они ускользают от наших самых чувствительных инструментов, но, тем не менее, мы видим и чувствуем их эффекты. Видим мы их у других, а чувствуем в самих себе; вот почему опыт внешний и опыт внутренний (самонаблюдение) суть два великие источника всех психологических знаний.

Одно и то же неведение существует в психологии и в физике: мы не знаем, каким образом колеблются частицы тела, которое называется нами горячим и светящимся, и точно также не знаем того молекулярного движения, которое, ассоциируя колебания центральных нервных клеток и перерабатывая материалы, собранные прошлыми ощущениями, передается посредством мышц руки перу или кисти и производит «Божественную Комедию», или картину «Преображения».

Не смотря на это незнание молекулярных движений, Ньютон мог, однако, открыть законы всемирного тяготения, а современные физики могли устроить электрический телеграф.

Точно также, при помощи одних экспериментальных наблюдений над психическими явлениями мы должны достигнуть возможности начертать общие законы, управляющие мыслью, мы должны научиться извлекать из головного мозга величайшие плоды мысли и добра.

Психические явления до того сложны, до того перепутаны с множеством посторонних элементов, что их невозможно исследовать и познать без предварительного разложения. Поэтому, необходима беспрестанная работа самого кропотливого анализа; следующий затем синтез должен бы состоять только в помещении каждой части вновь на то место, какое она занимала; по восстановлении разобранной мозаики, она снова должна сделаться столь же совершенною, какою была прежде. К сожалению, после подобного анализа у нас чаще всего не остается в руках ничего, кроме обломков и пыли, из которых невозможно восстановить мозаику.

В психических явлениях следует иметь в виду: общий характер их механизма, различие их по самой природе и осложнение их другими элементами. Таким образом, для классификации этих явлений у нас оказывается несколько критериев, по которым их можно соединять в более или менее естественные группы. Я бы предпочел избрать критерием классификации именно только природу самих психических

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

явлений.

Если обратить внимание на общий механизм, то все психические явления следует подразделить на центростремительные, центробежные и центральные.

Всякое соприкосновение нашего тела с внешним миром порождает центростремительное явление; поэтому, все наши внешние ощущения – центростремительные психические акт, это первые элементы всякого познания, и их можно поместить в ряду наиболее ясных фактов физиологической психологии. Ни одно ощущение не может возникнуть без периферического органа, воспринимающего впечатление определенным образом, и без нервного волокна, передающего последнее нервным центрам. Центральные аппараты, получающее впечатление, отвечают движением, которое может переходить на ближайшие центры, или же направляться к периферии. В этом последнем случае происходит центробежное психическое явление; будет ли то смех или плач, ласка или удар, слово или крик, – во всяком случае, это будет движение, следующее за ощущением.

Все обширные территории, где накопляются ощущения и энергии для будущих деятельностей, сообщаются между собою и начинают работать: это чисто центральные акты. Мы часто ошибочно думаем, что та или другая мысль возникла самопроизвольно, т. е. вызвана волей; на самом же деле, активная деятельность центральных клеток была вызвана каким-нибудь мимолетным, едва заметным ощущением, при чем достаточно было малейшего движения, чтобы разрядить аппараты, в которых напряжение сил достигло высокой степени. Часто периферическое возбуждение, по-видимому, вовсе отсутствует, но оно, быть может, исходит от кишок, желудка, яичника и т. п.

Впрочем, ничто не мешает допустить, что и без всякого ощущения, выходящего извне или со стороны наших органов, нервная клетка, сама по себе, может приходить в деятельное состояние, сообщая свое движение более или менее обширным и более или менее отдаленным группам чувствительных или психически функционирующих клеток. В подобном случае мы имели бы перед собою типичный пример чисто центрального психического явления.

Это различие весьма существенно. Коль скоро, нам представляется психическое явление, весьма темное по своей новизне или по своей сложности, то мы, прежде всего, должны определить – центральное, центробежное или центростремительное, и когда нам будет известен характер его механизма, мы будем очень близки к его пониманию. Очень важно также обратить внимание на время, когда возникает известное психическое явление, чтобы иметь возможность определить его истинную топографии. Хотя, быстрота мысли и кажется нам поразительной, ибо мы склонны думать, что в течение нескольких минут в нашем мозгу могут пробегать миллионы идей, но опыт показывает, что скорость эта более кажущаяся, чем действительная, и что всегда, даже при самых быстротечных психических явлениях, можно отметить преемственность их во времени, определить предыдущее и последующее:

1. Я ощущаю запах цветка.

2. Он возбуждает во мне чувство удовольствия.

3. У меня возникает воспоминание об одной любимой особе, которая когда-то подарила мне такой же цветок.

4. Я мысленно посылаю ей грустный привет, так как она далеко.

5. Я решаюсь писать к ней.

Вот, по крайней мере, пять явлений, следовавших друг за другом. Одни из них центростремительные, некоторые центральные и одно – центробежное, и притом все они возникли в течение нескольких секунд. Тем не менее, последовательность во времени и причинная связь их очевидны. Сопротивление материи, ее энергия, передача движения здесь так же очевидны, как и явления распространения тепла и электричества. И вот, мы очутились в области физики, и притом физики элементарной, хотя занимаемся психологией.

Обратимся теперь к двум весьма важным критериям, позволяющим установить самую естественную классификацию всех психических явлений, а именно к их природе и взаимному сочетанию.

Природа психических явлений. Исследование природы этих явлений позволяет нам подразделить их на следующие три большие категории: явления ощущения, чувства и мысли[1]. Ощущение – это всякое заметное для нас отношение к внешнему миру и всякое изменение, которое мы чувствуем в своем

[1] С этой общей классификацией психических явлений мы позволим себе не вполне согласиться: явления воли и деятельности пропущены, а явление мысли можно рассматривать, как осложнения явлений ощущения и чувства, что признает несколько ниже сам автор. См. «Психологию чувствований». СПб. 1880, II часть. Н. Грот.

организме. Таким образом, можно различать ощущения внешние и внутренние. Они редко существуют в чистом виде, большею же частью сочетаются с другими психическими явлениями, при каждом акте нашей мысли, при каждом движении наших страстей.

Я люблю, я ненавижу – это два явления чувства, но осложненные ощущением, так как они связаны с сознанием предмета любви или ненависти. Я размышляю и соображаю, и в то же время я ощущаю свое размышление и соображение; отсюда следует, что и сама мысль, этот наиболее чистый психический феномен, представляет собою, – если позволительно так выразиться, – двойную комбинацию умственного явления и ощущения.

Чувство – это вся сумма сил, собранных в клетках мозга, которая побуждает нас любить, ненавидеть, завидовать, желать, презирать и, наконец, испытывать всевозможные проявления страстей. Это те силы, которые дают нам возможность удовлетворять все наши потребности высшего порядка и сами согласуются с ними.

Явления умственные – это ряд физических и математических явлений, возникающих среди собранных ощущений (идеи) и накопившихся энергий (чувства). Обыкновенно это суть различные сравнения и суждения (мысли) или симметрические сочетания нескольких сознательных элементов.

Я вижу женщину – *ощущение.*

Я ее люблю – *чувство*.

Я вспоминаю, что ее люблю или сравниваю эту любовь с другой, – явление *умственное.*

Нижеследующий план представит вам самый естественный анализ психических явлений и определит составные их элементы, подобно тому как химическая формула может показать, на какие простейшие начала и в каких именно пропорциях удается разложить известные сложные вещества.

План этот выражает лишь современное состояние нашего знания; подобно химической формуле, он может подвергаться различным изменениям, соответственно прогрессу науки. Сегодня какое-нибудь тело признается простым, а завтра, быть может, нам удастся его разложить. Сегодня какой-нибудь психический акт считают элементарным, а завтра, пожалуй, более тонкий наблюдатель расчленит его на несколько элементов.

Элементарный анализ психических явлений [2]

ОЩУЩЕНИЯ	ЧУВСТВА	ЯВЛЕНИЯ УМСТВЕННЫЕ
Осязательные	Естественные:	Идеи
Вкусовые	Ненависть во всех ее формах, любовь во всех ее формах	Воспоминания
Обонятельные	Чувство собственности	Рассуждения
Зрительные	Самолюбие во всех его разновидностях	Соображения
Слуховые	Приобретенные: чувство изящного, стыдливость, доброта, правдивость	Решения
Удовольствие во всех его формах		
Страдание в его бесчисленных разновидностях		

Я избегал слова способность *(faculte),* так как им чересчур злоупотребляли. По-моему, это есть лишь возможность известного психического акта, – следовательно, нерв обладает способностью проводить ощущения, двигательная клетка – способностью двигать, клетка мозговой коры – способностью мыслить. Называют, например, способностью волю, между тем как она есть ни что иное, как момент, в который неустойчивое равновесие нескольких сил нарушается определенным решением, что, в сущности, есть лишь одна фаза изменений, присущая многим психическим явлениям. Способностью называют также воображение, которое есть ни что иное, как совокупление отдельных психических материалов в одно целое и группировка их в новые формы, отвечающие эстетическим потребностям[3].

[2] В этом случае не можем не сослаться опять на свои собственные специальные классификации ощущений, чувствований и других психических явлений в «Психологии чувствований», как на кажущиеся нам более подробными и точными. – Н. Грот.

[3] Этот анализ понятия «способности» не может быть признан исчерпывающим все его содержание. – Н. Грот.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Необходимо, чтобы каждый психолог предпосылал своему описанию психических явлений точное определение употребляемых им терминов.

Когда физик говорит о трении, сцеплении, сопротивлении, все понимают о чем идет речь; что же касается психологов, то одни из них видят большое различие между умом и страстью, тогда как другие принимают их за синонимы; у одного психолога «conscience» означает нравственное чувство, а у другого – ощущение. Но этого мало. Какой-нибудь наблюдатель открывает или воображает, что открыл новый признак известного психического явления и дает ему новое название; и раз слово вошло во всеобщее употребление – соответствующее ему явление признается за нечто реальное и очевидное. Часто умирает сам автор и исчезает его школа, но слово, придуманное им применительно к его открытию, правильному или ложному, все-таки остается в словаре, чтобы служить вечным камнем преткновения для потомства.

Рэберти удачно сравнивал словари с кладбищами во время праздничных гуляний, когда они бывают наполнены живыми и мертвыми. Такое печальное смешение нельзя, однако, всецело приписывать ошибкам психологов; отчасти оно зависит и от свойств самих предметов, которые им приходится исследовать, обозначать и определять.

Немногие люди обладают такою тонкою проницательностью, чтобы схватывать быстрое и сложное явление мысли и чувства; но когда филологи или психологи изобретают для этого явления новое слово, они убеждены, что их термин должен вызывать в мозгу других ту же самую идею, как и в их собственном. Есть народы, у которых не существует слова «красивый», да и все народы, имеющие его теперь, не всегда его имели; был, следовательно, человек, который впервые нашел это слово. Хотя теперь оно и сделалось общим достоянием, но если я у каждого спрошу точное его определение, то получу их целую сотню. Можем ли мы, точно также, иметь одинаковые представления о тех психических явлениях, которые называем: *шуткой, иронией, мефистофелизмом, угрюмостью, Selinsucht, sandad?*

Овен Тэйк очень верно заметил: «Modern psychology suffers terribly from the difficulties and the deceptions of language. Without psychology, there is no anthropology. Without a good method, without clear and generally accepted definitions there is no psychologya. (Современная психология ужасно страдает от трудностей и ошибок языка. Без психологии не существовало бы и антропологии, а психология невозможна без правильного метода, без вполне ясных и общепринятых определений.)

Итак, каждый психолог в начале своей большой или маленькой книги обязан поместить несколько страниц того словаря, который объясняет его определения, синонимы и т. п. Такая таблица может служить читателю путеводной нитью в той неизвестной области, через которую он проходит; она изображает, так сказать, анатомию человеческого ума и сердца. С ее помощью мы найдем, что самые темные психические явления всегда представляют собою двойные, четвертные и т. п. сочетания простейших элементов.

Паоло Мантегацца

Часть первая. Лицо человека

Глава I. Исторический очерк учения о физиогномике и мимике человека

В той ограниченной области мира, куда проникает наш слабый человеческий глаз, мы всюду видим, что первые зачатки живых существ возникают и развиваются по тем же законам, по каким зарождаются и развиваются и науки в тихой лаборатории мысли. Сначала наступает беспорядочное движение атомов, стремящихся отыскать друг друга и сгруппироваться для первого проявления соединенных сил и образования симметрии простейших форм; вскоре затем смутно обозначаются органы низшего порядка; прежде слитые части мало помалу разъединяются, и по мере сформирования и обособления членов, они образуют группы и располагаются в известном порядке; увеличиваясь, они в то же время заключают в себе другие меньшие и самые малые части, которые в свою очередь постепенно превращаются в более и более крупные, – и таким образом из бесконечного ряда зачатков, скученных в одном и том же ядре, последовательно возникают все новые формы и новые отростки. Наконец, перед нами является организм с раздельными членами, предъявляющий права свои на известное пространство, на долю солнечного света и на особое наименование. Так происходят грибы и дубы, муравей и человек; так же точно зарождаются и

развиваются науки.

Такому общему ходу развития всех наук следовала и наука, называемая *физиономикой* (или физиогномонией) и *метопоскопией* [4], что означает одно и то же – изучение физиономии человека. Еще за много веков раньше, чем только что упомянутые названия вошли в наши словари и в историю науки, человек уже рассматривал лицо другого человека, чтобы прочитать на нем радость или печаль, любовь или ненависть, при чем на этой почве строил любопытные прорицания, находившие применение в повседневной жизни. Нет ни одного даже невежественного народа, ни одного первобытного языка, которые не выразили бы в какой-нибудь поговорке результатов этих примитивных опытов угадывания. Горбатость, косоглазие, блестящий и тусклый взгляд, различная длина носа, различная ширина рта – все это хвалилось или порицалось в народных поговорках, и такого рода поговорки – первое зерно того вещества, из которого впоследствии формировались материалы для новой науки.

В этих первых попытках всегда видна детская неопытность, продукт неведения; личные симпатии и антипатии возводятся в неоспоримые догмы и безапелляционные суждения; строгое наблюдение и соображение заменяются инстинктом и чувством, и все это еще приправляется элементами магии, являющейся одним из первородных грехов семьи человеческой. Приправа становится потом все более и более обильной, по мере возрастания потребности в новых питательных веществах, и дело доходит до того, что сама приправа эта уже всецело заменяет надлежащую пищу, недостаточную для удовлетворения слишком сильного голода. Тогда-то именно, неудовлетворенный простым наблюдением лица человеческого, с целью внесения в поговорки и подведения под физиомические законы случайных совпадений и вашей собственной симпатии или антипатии, человек начинает искать на небе и среди созвездий связи между небесными телами и чертами лица и строит причудливое здание астрологии человеческих судеб – настоящую белую магию, приспособленную к изучению лица человека. Магия требует магика, и вот он является, облеченный тайною непостижимого, для того, чтобы объяснять непонятное; магия делается промыслом, ремеслом, откармливающим нескольких шарлатанов за счет наивной толпы.

Вот настоящее, хотя и не очень почетное, начало физиономики. Затем являются первые писатели, собирающие изустные и разбросанные в пословицах материалы новой науки; они присовокупляют к этому множество и своих собственных соображений, дают наименование своей доктрине и в догматической форме возвращают невежественной толпе то, что от нее же и получили. В младенческом периоде развития литература всегда имеет энциклопедический характер: вот почему элементы физиогномики попадаются в Библии, в творениях св. Отцов, в произведениях философов и поэтов. Джованни Баттиста Де Лапорта был прав, написавши в заглавии первого тома своего прекрасного труда[5], что *физиономика* (тогда писали: *физиономия) сложилась от естественных начал;* в своем предисловии – страницах, полной смелых и могучих исторических синтезов, – он справедливо указывает, что первые зачатки той науки, к разработке которой он приступает, были разбросаны в произведениях великих мыслителей, его предшественников.

С удовольствием привожу здесь несколько цитат из этого предисловия:

> «Адамацци писал, что природа человека выражается на челе и в глазах его даже тогда, когда уста не говорят. Философ Клеант часто утверждал, согласно с Зеноном, что по лицу можно узнавать характер[6] Пинегорейцы, как сообщает Ямвлих, поставили за правило – не принимать никого в число своих учеников, прежде чем не убедятся по ясным признакам, по выражению лица и всей внешности претендента, в его способности к наукам. Они утверждали, что природа устраивает тело сообразно с качествами души и снабжает ее такими орудиями, какие для нее необходимы, что она на теле чертит нам образ души, – короче, что первое служит своего рода пробой для второй. У Платона читаем, что Сократ никого не допускал философствовать, не убедившись в его способности к тому по исследованию лица.
>
> Лицо Алкивиада, говорит Плутарх, показывало, что он призван занимать высокое

[4] Этот термин значит буквально: лицезрение, т. е. «исследование, изучение лица». – Пер.

[5] G. B. Dalla Porta Napolitaxo, Delia fisonomia dell'uomo, libri sei, Padova, 1627, pag. 1.

[6] Клеант – один из учеников Зенона, основателя стоической философии, жившего от 336–264 гг. до Р. Хр.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

положение в республики… Платон и, после него, Аристотель утверждали также, что природа приспособляет тело к деятельности души. Действительно, всякий инструмент, сделанный для известного назначения, должен ему и соответствовать, а так как назначение тела и есть его деятельность, то отсюда ясно, что все тело должно быть устроено природою в видах самой совершенной деятельности… По сообщению Гомера, Нестор, на основании сходства, найденного им в лице Телемаха, делает такое заключение о свойствах его души: «По некоторым приметам, какие вижу я на твоем лице, славный юноша, я узнаю, чей ты сын. *Я* не удивляюсь, что твои глаза так блестят: твое гордое и благородное лицо, твое высокое красноречие и твой разум напоминают мне твоего отца. Какой юноша мог бы быть таким, как ты, если бы он не был сыном великого Улисса?»

Аристотель написал книгу о физиономии, а Платон, хотя и не был эволюционистом, сравнивал лицо человека с физиономией животных. Де Лапорта, хотя и не соглашается в этом пункте с великим греческим философом и считает безрассудным предположение, что можно найти человека с телом вполне подобным телу животного, однако в своем сочинении тоже постоянно сопоставляет человека с животными и сравнения свои поясняет множеством рисунков.

Платон, например, говорил, что по идеи львиная порода должна быть благородна и смела, или, другими словами, что человек должен быть храбрыми, если у него есть что-нибудь львиное, как напр., широкая грудь, широкие, могучие плечи и т. д. Со своей стороны Де Лапорта также постоянно ставит в параллель с человеком павлинов, собак, лошадей, ослов, быков, петухов, свиней и других животных. Достаточно двух примеров, чтобы показать, как далеко в своих сравнениях заходит неаполитанский физиономист. На стр. 115, цитированного выше издания, он сравнивает морскую рыбу, ската, с Императором Домицианом: «В следующей таблице, – говорит он, можно видеть лицо Домициана, срисованное с его мраморной статуи и с древних медалей, а радом с ним ската, изображенного с натуры».

А на стр. 104 представлены нижние конечности обезьяны и человека с таким пояснением: «На этой таблице можно видеть ягодицы обезьяны и тощего исхудавшего человека».

Однако же, такие нечестивые сравнения, по-видимому, не мешали в те времена умирать с ореолом благочестия, так как Де Лапорта скончался, пользуясь всеобщим почитанием, и погребен в церкви. Впрочем, богословы того времени отличались большей терпимостью в этом отношении, чем некоторые современные.

Иезуит Никеций, обладавший наибольшей эрудицией из всех писавших в XVII веке о физиономике, ссыпается в своих сочинениях на 129 авторов, не включая сюда, по его словам, «священное писание, которое, по выражению Оригена, есть итог всех наук». Из числа этих авторов он цитирует: святых – Амвросия, Григория Великого, Григория Назианского, Григория Нисского, Иеронима, Августина, Петра Дамиенского, Фому Аквината; философов и богословов – Аристотеля, Платона, Кардана, Сенеку, Тертуллиана; историков – Ксенофонта, Страбона, Плутарха, Тацита; поэтов – Аристофана, Ювенала, Лукана, Люциана, Марциала, Петрония; натуралистов и врачей – Аверроэса, Авиценну, Гиппократа, Цельса, Галенаи Плиния[7].

Семнадцатый век был золотым веком физиономики астрологической и полуастрологической. В то времена особенно сильно сказывалось пристрастие ко всему таинственному и к разным снадобьям мнимонаучного изобретения. Испанский писатель Жером Кортес, уроженец Валенсии, в своей занимательной книге наивно утверждает, что «физиономия есть ни что иное, как гениальное и тонкое научное воспроизведение природы человека и что по ней можно узнать хорошее или дурное телосложение, добродетели или пороки человека, если рассматривать его как животное»[8].

Чтобы оправдать это определение, добродушный Кортес, после рассуждений о физиономии, трактует и о других интересных предметах, как, например, о превосходных свойствах розмарина *(Tratato segundo de las excelencias del Romero y su calidad),* восхваляет водку и приводит массу рецептов, между прочим, рецепт порошка из лягушек–*«que tiene virtud de soldar las venas rompidas y un imguento preciosissimo para*

[7] R. P. Honorato Nicquetio, e Societate Jesu sacerdotis Theologi, Physiognomonia humana libris IV distincta. Editio prima. Lugduni, 1648.

[8] Hieronimo Cortes, *Phisonomia varios secretos de naturaleza, etc.* Barcelona, 1610.

sonar toda fistola y llaga vieja, y otros males» (который обладает свойством заживлять порванные вены и служит превосходною мазью для излечения всяких фистул, застарелых язв и др. болезней).

Сочинений по астрологии человеческих судеб очень много. В них находим мы самые странные, самые нелепые выводы, точно книги эти писаны каким-нибудь сумасшедшим или пьяным человеком. Достаточно, для примера, упомянуть, что Кардан в своем сочинении[9] пускается в самые странные прорицания, не только относительно характера, определяемого по чертам лица, его морщинам и пятнам, но даже относительно всех событий, имеющих приключиться с известным человеком в течение всей его жизни.

На своих изображениях *астрологического лица* он проводил на лбу семь горизонтальных линий, посвященных, считая по порядку сверху вниз: Сатурну, Юпитеру, Марсу, Солнцу, Венере, Меркурию и Луне. Смотря по тому, какими окажутся эти линии на известном лице, – прямыми, кривыми или пересекающимися – и предсказания будут различны. На одной из таких фигур, например, изображен человек, которому, судя по его линиям на лбу, предстоит повешение или сожжение; на другой изображается человек, который непременно должен быть *tristis et vitiosus* (печального нрава и порочным).

Софизм, послуживший основанием к построению астрологической физиогномики, Де-ла-Шамбр[10] излагает так:

> «Без сомнения, голова представляет собой небо в уменьшенном виде: как и небо, она имеет свои светила и своих духов. А так как мы можем наблюдать звезды, их положение и движение, не зная ни их природы, ни причин их размещения в пространстве, то мы в праве составить себе такое же понятие и обо всех частях лица».

Де-ла-Шамбр был писателем здравомыслящим; несмотря на то, что он жил среди астрологов и хиромантов[11], он все же восставал против предрассудков своего времени и решился, хотя и не без робости, написать особую главу о том *«как следует относиться к хиромантии и метопоскопии»*. Здесь он не все отвергает, но и не все принимает; и в заключение говорит, что надо избегать преувеличений и что, хотя и есть в астрологии много верного, но не так много, как это утверждают астрологи и хироманты.

Но все-таки честь настоящей, открытой борьбы с астрологией принадлежит итальянцу Де Лапорта. После уже цитированной выше книги, он написал другую: *«О физиономии неба»*, шесть томов, в которых доказывается лживость астрологии судеб, где указаны способы объяснения естественными причинами всего, что могут физически означать и выражать внешность и черты лица у человека (Падуа, 1623 г.). В этом сочинении неаполитанский писатель доказывает, что черты лица у человека зависят не от влияния звезд, а от его темперамента и, приведя для примера суждения астрологов о характере людей, родившихся под планетой Сатурн, он прибавляет:

> «Мы привели их мнение не для того, чтобы согласиться с ними, а для того, чтобы их опровергнуть, как сказки старых нянек. Маскируя лживость этих сказок и выдавая за произведение неба и звезд великие и чудные вещи, они хотят заставить нас принимать за что-то волшебное то, что происходит от естественных причин. Мы упомянули уже, что родившиеся под Сатурном люди меланхоличны, холодны, сухи. Обращаясь же к мнению врачей, мы находим, что именно людям меланхолического темперамента, холодным и сухим Гален приписывает твердое и хрупкое тело, жесткие волосы, влажную и синеватую кожу, а меланхоликам вообще – черные и щетинистые волосы, густые сросшиеся брови, толстые губы и приплюснутый нос. Другие врачи указывают на неправильное расположение зубов и широкую грудь. Все это имеет связь с темпераментом, как утверждают врачи, а вовсе не зависит от звезд».

Из всех писателей XVII века Де Лапорта (De La Porta) пользовался наибольшею известностью и потому

---

[9] H. Cardani medici Mediolanensis Metoposcopia, etc. Latetiae Parisiorum, 1658.

[10] De la Chambre, *L'art de connaitre les hommes. Amsterdam,* 1660.

[11] Хиромантия – прорицание по линиям руки. – Пер.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

для многих был единственным представителем древнего учения о физиономике. Под его портретом, приложенным ко многим изданиям его сочинений, находим такие стихи:

Blandus honos virtusqne simul delubra tenebant,
Sed binis templis unica PORTA fuit.
Tu quoque virtuteni conjunctam nactus honori,
Amborum digne PORTA vocandus eris.

(Привлекательная честь и доблесть совместно имели храмы, и в этих двух храмах были одни врата. Ты так же, достигнув доблести, соединенной с честью, по заслугам должен быть назван вратами обеих.)

Де Лапорта не только первым открыто выступил против астрологии, но и открыл новую эру в изучении физиогномики. Он, конечно, располагал лишь ничтожным научным материалом своего времени, но за то воспользовался им с разумной разборчивостью положительного философа и стал на почву здравой психологии. Он обсуждал методы к руководству при изучении физиогномики человека и старался выяснить, *каким образом по темпераменту всего тела можно угадывать нравы, характер человека.*

Этим и объясняется слава, которой он пользовался, и тот энтузиазм, с каким все европейские ученые отнеслись к его книге, написанной сначала на латинском языке, потом переведенной им же самим на итальянский, а другими – на французский и испанский языки.

В течении XVII и XVIII веков этот знаменитый неаполитанец считался главнейшим авторитетом в области физиономики. Все, писавшие после него по этому предмету, просто заимствовали его работы, иногда указывая на них, иногда же вовсе умалчивая, и черпали полной горстью из его энциклопедии, где было собрано все, что было сказано о физиономии человека ученым и его предшественниками, и все, что только мог к этому прибавить его собственный наблюдательный ум.

Никеций, уже цитированный выше, был для своего времени весьма ученый писатель и хороший наблюдатель. Он также различал хиромантию *астрологическую* от хиромантии естественной. Подобно Де ла Шамбру, он смутно сознавал необходимость отбросить все древние суеверия и был поэтому предшественником представителей экспериментальной школы, которая должна была преобразовать мир. Замечательно его введение к натуральной хиромантии, где он говорит, например, следующее о значении руки:

Что же такое рука? По Зороастру, это – удивительное чудо природы; по Плутарху – причина человеческой мудрости, по Лактацию, – руководительница разума и мудрости, по другим писателям – художник, творец мира, орудие (вместилище) дружбы, охрана человеческой жизни, оборона тела, защита головы, помощница разума, посредница души, выразитель божественной грации, нерв речи, мастерская благочестия. По выражению Исидора, рука – словно прислужница, а именно прислужница всего тела, ибо она подает пищу рту и помогает всем прочим членам. Наконец, она – символ верности; поэтому протянуть правую руку значит обещать верность, как это видно из 7-й главы Энеиды Виргилия:

Pars mini pacis erit dextram tetigisse tyrannis.

(Прикоснусь к правой руке тирана – и у меня явится надежда на мир.)

А также из книги 3-й:

Ipse pater dextram Anchises haud multa moratus
Dat juveni, atqne animum praesenti pignore firmat.

[Сам отец Анхиз, немного медля, подает юноше правую руку, и этим залогом поддерживает

в нем бодрость.]

В своих очерках мимики страстей и характеров человека Никеций является искусным живописцем. Вот, например, как он описывает фигуру смелого человека: «Лицо открытое, вид страшный, чело суровое, брови дугой, продолговатые; нос удлиненный; зубы длинные; шея короткая; руки длинные, до колен; грудь широкая; плечи приподнятые; глаза серо-голубые, налитые кровью, сверкающие; взгляд суровый».

В конце XVII века другой итальянский писатель, Гирарделли, написал большой том, заглавие которого характерно для той эпохи преувеличений и напыщенности. Вот его точная копия:

Кефалогия
Физиономика,
разделенная на сто частей,
в которой, на основании указаний Аристотеля
и других философов-натуралистов, с краткими рассуждениями
и тщательными наблюдениями, рассматриваются физиономии

СТА ГОЛОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ,

выгравированных в этом

СОЧИНЕНИИ,

на основании которых, по многим признакам и соображениям
излагаются различные наклонности мужчин и женщин
СОЧИНЕНИЕ КОРНЕЛИЯ ГИРАРДЕЛЛИ ИЗ БОЛОНЬИ
ИСКУСНОГО ВЕСПЕРТИНСКАГО АКАДЕМИКА

: присовокуплением многих сонетов различных знаменитых поэтов
и академиков, в которых вышеупомянутые физиономии изящно
описаны, с приложением к каждому из них рассуждений
неутомимого веспертинского академика
Болонья
У наследников Доцци и Ко
1672.

В самом деле, крайне любопытен метод, примененный этим «искусным и неутомимым» академиком к изучению физиономии человека. Он представляет нам сотню лиц человеческих, срисованных, хотя правда и очень плохо, с натуры и искусно обрамленных причудливыми скульптурными украшениями. Под каждым рисунком есть свое особое двустишие на латинском языке, особый сонет и комментарий автора книги. Я приведу здесь для образца только двустишия и сонеты, относящиеся к доброму и злому лицу; от пространных комментариев автора я уже избавляю читателя.

Перед нами красивое круглое лицо с белокурыми, судя по стихам, волосами. Вот двустишие к нему:

Moribus ingenuis praeclaraque indole credas,
Quem flavescenti videris esse coma.

[У кого ты увидишь золотистые волосы, тот, поверь, имеет благородный характер и прекрасные нравы.]

Далее, под тем же портретом напечатан сонет, любезно составленный для автора сеньором Чезаре Орсини, следующего содержания:

Белокурые волосы, которыми природа роскошно украсила твое славное чело, обнаруживают и другие ее дары так ясно, что мысль легко может составить о них живое представление.

Ты не должен испытывать страха, когда тебе придется вооружиться и сражаться, потому что у тебя есть могучая и неразлучная с тобою сила, защищающая и охраняющая тебя от влияния гибельных звезд.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Цари носят короны из блестящего золота, и покорная толпа преклоняется перед тленными лучами, какими они сияют.

Ты же, под покровом твоих золотистых волос, имеешь несравненно более существенный дар – столь великое сокровище добродетели, что благодаря ему ты возвышаешься превыше солнца и достигаешь неба.

На стр. 17 наш остроумный академик представляет нам ужасное лицо, обхваченное ладонью руки, как будто она находится в руке бреющего ее цирюльника; под нею, точно надпись на позорном столбе, также смелое двустишие:

Hispida caesaries pigrum notat, atque timentem
Quemque mala videas calliditate frui.

[Жесткие взъерошенные волосы обнаруживают ленивца и вообще человека, боящегося воспользоваться даже ничтожным преимуществом.]

Затем следует также сонет, сочиненный на этот раз *аркадийцем*, а именно маркизом Энрико Росси, членом аркадайской академии в Болоньи:

Уходи прочь отсюда, прочь подальше, так как быть подле тебя – несчастие для всякого: твой рот произносит слова, противоположные твоим мыслям; ты всегда готов примешивать ложь к истине.

Ты никогда не был настолько отважен, чтобы идти на встречу опасности; никогда ты не оказал участия другому; ты готов бежать, как лань или быстроногая косуля; ты далеко обходишь всякого встречного прохожего.

Для всякой благородной души, для всякого честного сердца ты напоминаешь тернии и шипы, будучи подлым, обманщиком, ленивцем и злым.

Одно верно: если твои уста лгут, то, по крайней мере, твои жесткие и щетинистые волосы говорят о тебе правду и открывают твои пороки.

Несмотря на эти академические шутки, Гирарделли все же человек ученый и тонкий наблюдатель; его книга интересна для всякого, желающего ознакомиться с учениями о физиономии в Италии в конце XVII века. В его книге, между прочим, есть два рассуждения о носе, которые в самом деле любопытны. Он говорит, между прочим, что нос служит для выражения гнева и презрения:

…Доктора проверяли некоторые поговорки, касающиеся движений носа при выражении человеком известных волнений. Например, при насмешке, издевательстве над кем-нибудь нос делает движение, выражаемое поговоркой: *Eum adunco naso suspendere* [озадачить кого-либо вздернутым носом]. Когда желают выразить презрение, делают носом движение, согласное с поговоркой: *Eum naso rejicere* [кого-либо отогнать от себя движением носа]. Видя, что кому-либо делают неприятность, поворачивают нос назад; в состоянии гнева раздуваются ноздри и краснеет кончик носа.

Раньше Гирарделли, писал о физиономике и на латинском языке Граттарола. Я не имел под рукою его сочинения, но, судя по многим выдержкам из него, приведенным у писателей XVII в., оно не отличается особенною оригинальностью.

Джиованни Инженьери, епископ Капо д'Истрии, живший в начале того же века, оставил нам небольшой трактат под заглавием *«Натуральная физиономия»*. Но в нем автор обнаруживает только недостатки своей эрудиции, и ограничивается лишь тем, что в виде афоризмов передает выводы каббалистики. Достаточно будет нескольких примеров:

Борода у женщин есть признак нескромности.
Чрезмерная величина лба – признак лености.
Малый лоб свойствен холерическому человеку.
Очень красные глаза – признак злой натуры, склонной к жестокости.
Масляные глаза – признак сластолюбия.
Курносые люди – очень сладострастны.
Люди с круглым носом – великодушны.

Шипион Киарамонти из Чезены[12] был одним из лучших физиономистов; он издал свои сочинения только годом раньше Инженьери. К той же школе относятся Блондо, Финелла и некоторые другие. Много авторов, много книг, но мало оригинальности и много плагиата. Неизвестно, сколько времени дело продолжало бы идти все тою же избитою колеей, если бы в половинах VII века не появился Лафатер, открывая новую эру для исследований этого рода. Лафатер был настоящим предтечею положительной науки и служит звеном, связующим писателей XVII века с писателями современными.

Врач Чиро Спонтони также посвятил небольшую астрологическую книжку изучению лба (*«Метопоскопия по измерениям линий на лбу»*, Венеция, 1626 г.).

В историческом очерки физиономики необходимо еще упомянуть о хиромантии, которая, как последний остаток средневековой магии, удержалась даже до настоящего времени. При пересмотре книг о хиромантии поражает та серьезность, с какою фантазия пытается прочитать по непостоянным линиям руки характер, развитие и судьбу человека. Укажу нижеследующие главнейшие труды по этому предмету:

Любопытная наука или трактат о хиромантии (la science curieuse ou traite de la chyronmance). Париж, 1665. Книга в 212 страниц, с множеством рисунков.

Adrian Sicler. *Chiromance royale nouvelle, enrichie de figures, de moralitez et des observations de la cabale, etc.*

Gio-Battista De La Porta: *Delia chirofisonomia* (О физиономике руки), два тома, переведенные Помпеем Сарнелли на латинский язык, Napoli, 1677. Книга в 167 страниц.

Лафатер не был ни врачом, ни натуралистом: это был гражданин г. Цюриха и пастор. Как поэт и художник, с женственною натурою и с пылкою любовью к человечеству, он ко всему относился с горячим энтузиазмом, с внезапно слагающимися убеждениями и с тою подвижностью идей, которая служит источником и радостей и скорбей для всех людей, одаренных чрезмерной чувствительностью. Достаточно одного взгляда на прекрасный портрет его, который он оставил нам в своих произведениях, чтобы сразу увидеть все его недостатки и редкие достоинства. Сообщительный, готовый всем восторгаться, подвижный, но постоянно пребывающий в пределах доброго и честного, он комментировал нам свой портрет в краткой автобиографии, которая так прекрасна по своей искренности и изяществу. Лафатер принадлежит к числу тех немногих людей, которые всюду вносят свой темперамент и свои нервы и высказываются каждому вполне. Поэтому, едва прочтете вы одну страницу его великого произведения, как уже вы узнали его и полюбили. Лицом и характером он был очень похож на Фенелона. Говорят, однажды г-жа Сталь, во время прогулки с ним и некоторыми общими их друзьями, вдруг остановилась и воскликнула: *«Как наш дорогой Лафатер похож: на Фенелона! Его черты, его фигура, его лицо. Это настоящий Фенелон, но только Фенелон со швейцарским оттенком»*. Он был также поэтом и оставил нам несколько эпических поэм, из которых одна удостоилась даже сравнения с *«Мессиадой»* Клопштока, затем – несколько религиозных драм, кантиков, речей, богословских сочинений и несколько швейцарских песен *(Scliweizer-lieder)*, которые были очень популярны.

Лафатер сделался физиономистом не вследствие чтения авторов, своих предшественников, а благодаря тому, что рисовал своим бойким карандашом множество фигур, и нравившихся и не нравившихся ему, и заботливо хранил эти рисунки. Таким образом, рисуя и собирая коллекции своих рисунков, он оказался обладателем множества наблюдений, которые, будучи сведены вместе, даже без строгого порядка и без всякой схоластической классификации, как бы сами собою сложились в обширную энциклопедию из

[12] De conjectandis cnjusque moribus et latentibus animi affectibus.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

500–600 таблиц, которую сам он вздумал однажды назвать *«Библией физиономики»*. Первое издание ее in-folio появилось в 1772 г. Это издание сделавшееся теперь большою редкостью, особенно драгоценно тем, что рисунки выполнены под наблюдением самого автора. После первого немецкого издания, вышли и другие – на французском, английском и иных языках. У меня есть издание, напечатанное в Гааге в 1781–1803 гг. Оно начато автором, а четвертый том его издан уже после смерти его сыном, доктором медицины. Горячая человечность и религиозность автора видны во всем, даже в заглавии этого бессмертного произведения: *Essai sar la physiognomonie, destiné à faire connaitre l'homme et à le faire aimer.* (Опыт физиономики, предназначенный для того, чтобы познать человека и полюбить его.)

Действительно, автор вдохновлен любовью и верою; увлекаемый живостью своих чувств, он на каждом шагу слагает гимны: то воспевает он рот, как самую интересную часть лица, то Бога, создавшего человека столь прекрасным, то женщину, очаровательницу жизни, словом, – все, что только предстанет пред влюбленными его глазами. Рассказывают, что во время продолжительной болезни от раны, полученной им при осаде Цюриха французами, вследствие истощения он впал в состояние галлюцинации и религиозного экстаза: ему тогда представлялось, что он апостол Иоанн и присутствует при таинствах Апокалипсиса.

У Лафатера незаметно и следов астрологии, а равно нет у него и рабского подражания древним писателям, с которыми, впрочем, он мало был и знаком. А при таких условиях надлежащее научное исследование с положительными и рациональными методами у единичного человека легко заменяется одними только догадками, и чувство всегда и везде заступает место научного убеждения. От этого именно зависят несовершенства вышеупомянутого прекрасного труда Лафатера, который хотя и представляется сам по себе грандиозным памятником человеческого гения, однако не может послужить прочным основанием для утверждения на нем других столбов и зданий. Одним удивлением и любовью к людям невозможно заменить научного наблюдения, и самая гениальность Лафатера не могла восполнить недостатка тех знаний по анатомии и естествоведению, которыми он совсем не обладал. Довольно двух анекдотов, чтобы показать всю шаткость его учения.

Однажды пришел к нему какой-то незнакомец.

–Г-н Лафатер, – говорит он. – Я только что прибыл сюда. Посмотрите хорошенько на меня, так как я приехал из Парижа в Цюрих именно затем, чтобы вас видеть и подвергнуть лицо вашему исследованию. Узнайте, кто я такой?

–Я уже рассматриваю вас внимательно. У вас много характерных черт. Прежде всего, вы писатель… Вы, вероятно, по профессии занимаетесь литературною работою, да, именно, вы литератор.

–Это правда, но какого рода литератор?

–Я не знаю, во всяком случае, мне кажется, что вы умеете подмечать смешные стороны предметов…. что вы смелы, оригинальны…. очень остроумны. Очень может быть, что вы автор произведения *Tableau de Paris,* только что прочитанного мною.

И действительно, это был Мерсье.

Когда Лафатеру прислали маску Мирабо, он узнал лицо великого революционера. «Сейчас видно, – сказал он, – человека со страшной энергией, неудержимого в своей отваге, неистощимого в средствах, решительного, высокомерного и прочее».

Но вот и оборотная сторона медали. Однажды, друг его Циммерман прислал ему резко очерченный профиль при письме, которое должно было живо затронуть его любопытство. Лафатер, желавший и уже ожидавший получения портрета Гердера, вообразил, что это и есть профиль великого немецкого философа и принялся восхвалять интеллектуальные качества и поэтическое дарование человека, с которого срисован профиль. А между тем, человек этот был просто убийцей, казненным в Ганновере.

То же, что случилось с Лафатером, будет случаться со всяким, кто станет принимать физиогномику за точную науку и будет смешивать собственно мимику с анатомией лица, как это сделал Лафатер, сам того не замечая.

Во всяком случае, знаменитый цюрихский пастор наметил новую эпоху в истории нашей науки, и его произведение всегда останется неисчерпаемым источником справок для артиста и для психолога. О нем самом можно сказать то же, что он говорил о Рафаэле:

«Когда я желаю проникнуться удивлением к величию творений Божьих, мне стоит только

представить в своем воображении лицо Рафаэля. По моему мнению, это – апостолический человек; я хочу этим сказать, что в отношении к художникам он был тем же, чем были апостолы в отношении к прочим людям».

Лафатер был апостолом научной физиономики и, не смотря на написанную против него Лихтембергом знаменитую «Сатиру о физиономии хвостов», он все-таки сохранит свое место в истории наук физиологических, как один из самых симпатичных, самых любимых публикою и самых светлых личностей.

Лебрён[13], знаменитый художник Людовика XIV, писал о физиономике, но по академическому образцу. Типы выражений главнейших чувств у него деланные; это скорее карикатуры, чем снимки с природы, как это мы еще будем иметь случай показать в дальнейшем изложении.

Из артистов, изучавших физиономию, упоминают еще итальянца Рубенса, дворянина из Удины, который издал в Париже в 1809 г. книгу о портретах и о наилучшем способе схватывать выражение лица[14]. Это наблюдатель проницательный, и его сочинение заслуживает большего внимания, чем каким оно пользуется теперь.

Настоящая наука начинается с Кампера. По имени этого великого анатома назван тот личной угол, который до настоящего времени служил критерием и мерою для определения места, какое должны занимать лицо человека и морда животных в морфологическом ряду. Топинар[15] и я писали критические статьи о значении этого критерия, но все-таки личной угол Кампера[16] останется гениальнейшим открытием в ряду исследований этого рода.

Кампер в своих исследованиях начал изучение лица человека у различных рас и наметил главнейшие черты развития форм, разбирая критически, в очень сжатой форме, блестящие, но поверхностные суждения Бюффона. В третьей главе второго из цитированных сочинений он излагает *физические наблюдения разницы в чертах лиц рассматриваемых в профиль голов обезьян, орангутангов, негров и других народов, восходя до античных голов.* «Всякий удивится, – говорит он, – видя на первых таблицах две головы обезьян, потом голову негра и голову верблюда». При этом он отвергает взгляд некоторых ученых, допускавших, что негры произошли, может быть, от связи белых женщин с обезьянами. По его мнению, тут не место доказывать нелепость такого предположения; тем не менее, сам он сравнивает обезьян, негров и античные статуи. Считая такое сопоставление весьма смелым, он все-таки делает его, и богословские предрассудки не мешают ему начертить первые схемы развития форм человека.

Чарльз Белль, замечательный физиолог, издал в 1806 г. первым изданием свою книгу об анатомии и философии выражения[17] – сочинение, составляющее эпоху в истории мимики. Лемуан[18] имел основание сказать, что «книгу Ч. Белля должен был бы изучать всякий, кто желает заставить говорить лицо человеческое, – как философ, так и художник». В конце прошлого столетия немец Энгель издал хорошую книгу *(Письма о мимике),* переведенную Разори на итальянский язык; в ней различные движения лица и тела изучены тщательно и изложены интересно.

В 1839 г., доктор Бургес[19] изучал причины краснения лица под влиянием различных чувств. В 1862 г. вышли два издания трактата Дюшенна[20] о механизме лица, но мне кажется, что Дарвин[21] несколько

---

[13] Lebrun, *Conférences sur l'expression des divers caractéres des passions.* Paris, 1667, in 4. Эти сообщения перепечатаны в издании сочинений Лафатера, выпущенном Моро в 1820 г.
См. также соч. того же автора: *Expressions des passions de I'âme, in-folio.* Publié par. A. Suntach.

[14] G. Battista de Rubeis, *De' ritratti ossia trattato per cogliere le fisonomie.* Paris. 1809. Напечатано на итальянском и на французском языке.

[15] Topinard, *Etude sur Pierre Camper et sur Tangle facial dit de Camper, Revue d'anthropologie,* t. II, Paris, 1871. – *Des diverses espèces de prognathisme,* ibidem, t. I et t. IV. – Mantegazza, *Dei. caracteri gerarchici del cranio umano.* Archives d'anthropologie et d'ethnologic. Florence, 1876, t. V, p. 32.

[16] Camper, *Discours sur le moyen de représenter les diverses passions, etc. – Dissertation physique sur les différences réelles que présentent les traits du visage.* Utrecht, 1791. Посмертные издания.

[17] Crarles Bell, Anatomy and philosophy of expression. 1806 г.

[18] Albert Lemoine, De la physionomie et de la parole. Paris, 1865, стр. 101.

[19] Burgess, The Physiology or mechanism of blushing, 1839.

[20] Duchenne, Mecanisme de la physionomie humaine on analyse électro-physiolocjiqiie de I'expression des passions. Paris, 1876.

[21] Darwin, The expression of the emotions in man and animals. London, 1872, p. 5.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

преувеличивает значение наблюдений и теорий Дюшенна. Своей книгой *«Физиология боли»* я старался умерить пылкость физиологов.

Великий французский анатом Грасиоле[22] читал в Сорбонне публичный курс о выражении лица, напечатанный после смерти автора в 1865 году.

Свои выводы о мимике он резюмирует так:

> Из всех приведенных мною данных следует, что ощущение, воображение и даже самая мысль, как бы ни была она возвышенна или отвлеченна, не действуют без того, чтобы не вызывать соответствующего чувства, и это чувство отражается непосредственно, симпатически, символически или метафизически, во всех сферах внешних органов, которые и выражают его так или иначе, смотря по свойству их собственной деятельности, как будто бы каждый из них был возбужден непосредственно.

В этом учении кроется зерно глубокой истины, но её едва возможно рассмотреть за туманом метафизических выражений. Я надеюсь, что в моей книге, в главе о мимической азбуке, читатель найдет лучшее освещение предмета.

Пидерит[23] издал в 1859 г. опыт изучения выражений лица, а в 1867 г. научный трактат о мимике и физиогномике. Бэн, Герберт Спенсер и некоторые другие психологи позитивной школы собрали ценные наблюдения над некоторыми выражениями лица человека.

Но только Дарвину принадлежит честь первого применения нового метода изучения мимики человека и открыт для широкого поля сравнений, путем исследования простейших форм мимики у животных, наиболее сходных с нами.

До него великие анатомы и физиологи касались только одной стороны проблемы: они занимались выражением лица только в его отношении к эстетике и искусству. Он же, при своем широком и проницательном уме, наметил общие законы, управляющие выражением чувств во всем царстве животных. Его книга *«О выражении волнений у человека и животных»* – один из самых блистательных монументов, воздвигнутых его гением, и можно без преувеличения сказать, что учение о мимике, как специальный отдел сравнительной биологии, поставлено им в положение новой науки в этой изданной лишь в 1872 г. в книге, к которой мы еще не раз будем обращаться впоследствии.

Дарвин изучал мимику главнейших чувств у животных, у детей и взрослых. Он разослал длинный ряд вопросов путешественникам, миссионерам и всем своим корреспондентам во всех пяти частях света. Он собрал таким образом необычайное множество новых фактов, затем рассматривал их как бы чрез лупу, подводя под теорию эволюции, для того чтобы открыть их соотношения, найти связь причин и действий. Можно не соглашаться с ним в некоторых частностях, можно отвергать некоторые из его объяснений, как слишком смелые, но при всем том нельзя не удивляться той широте горизонта, какая открылась перед нами с появлением его книги.

Прошло не более 2 столетий со времени появления сочинений Де Лапорты и до появления книги Дарвина, а между тем какая бездна разделяет методы этих двух исследователей! Точно читаешь две книги, написанные на разных языках. С одной стороны – гадания, каббалистика и несколько скудных мыслишек, выплывающих из океана рискованных утверждений и случайных сближений. С другой – мало утверждений и много сомнений; но какая верность метода, какие виды открыты для будущего! Там перед нами был мир фантастически, где ничего нельзя было схватить, – все только туман и видения; здесь же мы становимся ногами на твердую почву природы и вступаем на путь настоящего научного исследования.

Придется идти этим путем, может быть, много веков, но зато не придется нам уже возвращаться назад или переменять направление.

Однако же, новейшая физиогномика не могла удовлетворить толпу, которую так долго угощали забавными глупостями и красивыми сказочками. И потому еще в текущем столетии продолжалось издание книг, которые, при всей их кажущейся серьезности, с претензией на научность, сильно отзывались духом

---

[22] Gratiolet, De la physionomie et des mouvements d'expression, 1865.

[23] Piderit, *Wissenschaftliches System der Mimik und Physiognomonik,* 1867.

астрологии или, по крайней мере, сентиментальной физиогномики.

Как на образец такого рода произведений, я укажу на *«Полный трактат о физиогномике»* Лепеллетье де ла Сарта (Traité complet de la physiognomonie), где напыщенность формы изложения соперничает с пустотой содержания. А между тем автор был врач.

То же самое надо сказать и о двух томах знаменитой Энциклопедии Pope, излагающих учение о физиономии – *«Новое руководство для физиономиста и френолога»* (Le nouveau manuel du physionomiste et du pbrenologiste, Paris, 1838 г.) и *«Дамский физиономист»* (Le physionomiste des dames. Paris, 1843 г.). Первая из этих двух книжек даже и начинается прямо ложью, так как ее выдают за посмертное сочинение Лафатера и профессора Шоссье, а другая предлагается более скромно, как произведение любителя.

Торэ издал в Брюсселе, в 1837 г., небольшой *«Словарь френологии и физиогномики»* (Dictionnaire de phrénologie et de physiognoinome), материалы для которого собраны случайно и отовсюду понемногу, частью из древнейших, частью из новейших авторов; но в общем труд этот заслуживает внимания и содержит в себе несколько хороших статей. С такими компиляциями не должно смешивать некоторых работ итальянских авторов. Бедный Полли, которого мы недавно лишились, написал диссертацию – *«Опыт физиогномики и патогномоники»* (Милан, 1837 г., с 16 таблицами); эта книга теперь, правда, совершенно забыта и даже вовсе не была известна по ту сторону Альп, но она не заслуживает такого невнимания. Диссертация эта богата прекрасными наблюдениями, особенно в отделе о физиономии больных и изложена с юношескою пылкостью.

Филипп Кардона в своей книге *«О физиономии»* (Delia fisonomia, Ancona, 1863 г.) к сожалению пользуется таким торжественным стилем, что от него на версту отдает плесенью и гнилью, а это особенно неуместно в научном сочинении. Кроме того, книга дурно составлена – беспорядочно и ненаучно; в ней видна однако же здравая эрудиция автора и местами блестят искорки остроумия и юмора. Мастриани касался более или менее физиогномики в своих сочинениях: *«Анатомия нравственная»* (Notomia morale, Napoli, 1871 г., 2 edit.) и *«Человек перед судом присяжных»* (L'uomo dinami alla corte d'Assise).

В этом историческом очерке я, конечно, не мог указать всех без исключения авторов, писавших о физиономике, а хотел только главными штрихами очертить развитие этой науки, которая после долгого блуждания то по небесам, то по земле, возвратилась наконец теперь к своему исходному пункту, т. е. к чистому источнику изучения самой природы.

В настоящее время мы уже должны резко разграничивать, собственно *мышечные* движения, служащие для выражения чувств, от известных черт лица – его анатомии и формы. Таким образом мы получаем, с одной стороны, изучение лица человеческого в смысле анатомическом, антропологическом и по применению его к пластическим искусствам; с другой стороны, имеем дело с изучением выражения и мимики в смысле психологическом и по отношении его к сравнительной этнологии, что в практическом применении представляет также интерес для художника, скульптора и актера.

Книга моя имеет скромную цель лишь указать на то, что по праву относится к антропологии и что – к психологии, и познакомить с теми положительными данными, какие мы в настоящее время имеем относительно лица человека и его выражения. Я почту себя счастливым, если мне удастся своими наблюдениями обогатить сокровищницу фактов, уже приобретенных для науки.

Глава II. Человеческое лицо

Вскоре после рождения, когда глаза уже видят, но еще ничего не различают, первое, что представляется еще девственному зрачку, – это человеческое лицо. И когда в последние минуты жизни взор наш блуждает в томительной тоске агонии, наши глаза с жадностью ищут дружеское лицо, чтобы взглянуть на него прежде, чем закрыться навсегда. Лицо человека, на котором могут изображаться беспредельная любовь или вечная ненависть, внезапная симпатия или непреодолимое отвращение, представляет для нас самый интересный предмет в мире. Все библиотеки на свете не могли бы вместить в себе мыслей и ощущений, которое пробуждало в людях лицо человека, с тех пор как это бедное разумное двуногое утаптывает почву нашей планеты. Религия создала из человеческого лица храм предрассудков и обожания; правосудие искало на нем следы преступлений; любовь получала от него самые нежные наслаждения;

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

наука открыла, наконец, с его помощью, происхождение племен и выражение немощей и страстей, а также нашла в нем мерило для энергии мысли.

Словари наших языков собрали все плоды наших стремлений, знаний, наших поверхностных и глубоких исследований. Искусство изобразило человеческое лицо в бесконечном разнообразии и изменчивости его выражений. Первый художник, попробовавший с помощью острого кремня провести линию на кости или роге оленя, прежде всего изобразил грубое начертание человеческого лица с помощью круга и трех или четырех точек.

Этот всеобщий культ человеческой наружности находит себе полное оправдание: лицо человека, занимающее столь небольшое пространство, представляет одну из самых выразительных картин человеческой природы, совмещая в себе, кроме пяти органов чувств, множество деликатных нервов и подвижных мускулов. Поэтому, лицо наше без слов выражает радость и скорбь, любовь и ненависть, презрение и обожание, жестокость и сострадание, бред и вдохновение, надежду и боязнь, сладострастие и стыдливость – словом все желания, все страхи, все разнообразие жизненных проявлений, исходящих ежеминутно из высшего центрального органа – головного мозга.

Много веков тому назад, когда наука не собрала еще материалов наших наблюдений, нужды общественной жизни заставляли изучать человеческое лицо с тем, чтобы читать на нем мысли разума и чувства сердца. Отсюда ведет свое начало эмпирическое искусство, обходившееся без правил и систем, переходя по наследству от отца к сыну, как достояние грубого опыта.

Несколько анекдотов, собранных Лафатером, могут дать понятие об этом физиогномическом искусстве, которым обладают, в различной степени, все люди на свете.

Отец одного добродетельного юноши, который собирался в отдаленное путешествие, сказал ему при прощании: «Только об одном прошу тебя, мой сын, возвратись ко мне с прежним лицом!»

«Во сколько вы оцените мое лицо?» – спросил незнакомец физиономиста. Последний, разумеется, отвечал, что весьма трудно определить цену наружности. «Оно стоит 1,500 талеров, – возразил первый, – так как эту сумму мне пришлось получить в займы от одной незнакомой особы, доверившейся только моей физиономии».

Однажды к графу Т., живущему в В., зашел его приятель, старавшийся придать своему лицу веселое и спокойное выражение. Окончив дело, по которому он являлся, этот господин уже хотел было удалиться.

–Я не позволю вам уйти! – сказал граф.

–Что за странная мысль, – отвечал его друг, – мне нужно уже уходить от вас!

–Но вы не выйдете из моей комнаты, – возразил граф, запирая дверь на ключ.

–Ради Бога, скажите, почему вы так поступаете со мною?

–Потому что по вашему лицу я вижу, что вы замышляете преступление.

–Кто? Я? как можете вы считать меня способным на это?

– Вы замышляете убийство, или я ровным счетом ничего тут не понимаю!

Приятель побледнел и сознался, что граф был прав, при этом вручил ему спрятанный пистолет и рассказал свою прискорбную историю. Граф был великодушен настолько, что выручил своего друга из обстоятельств, которые влекли его к преступлению.

Тем не менее, все, что известно большинству относительно человеческого лица, ограничивается путаницей неопределенных понятий, с трудом передаваемых языком.

Попробуйте описать кому-нибудь анатомические или мимические свойства хорошо знакомого вам лица, или даже своего собственного, – и вы увидите, как трудна эта задача. Между тем, достаточно мельком увидеть человека, чтобы научиться отличать его от миллионов других людей, населяющих земной шар. Следовательно, видеть и отдавать себе отчет в виденном – две вещи совершенно различные. Взглянув на лицо, мы быстро отмечаем, как бы посредством внутренней стенографии, самые выразительные и самый характерные его черты. Наша память хранит этот стенографический образ, благодаря которому мы распознаем друг друга, – и для обыденных потребностей жизни этого достаточно. Иногда мы замечаем только одну, самую выдающуюся черту и единственно на основании этой черты составляем кличку или название. Белые зовут чернокожими все народы Африки и Меланезии, потому что внимание первых, прежде всего, поражается окраской последних, резко отличающейся от цвета их собственной кожи. Также точно мы окрещиваем людей эпитетами: кривой, длинноносый, толстогубый; говорим о лицах глупых,

похотливых, красивых или безобразных, хотя, кроме этих типических признаков, подобные лица обладают и многими другими чертами, дополняющими их индивидуальность.

Не все части лица одинаково важны для отличения людей друг от друга. Де-Рубеис с полною очевидностью доказал это немногими словами в своем сочинении о воспроизведении физиономий *(Traité de la reproduction des physionomies),* на которое мы уже ссылались в первой главе[24]:

> Физиономия обладает двумя отличительными признаками, из которых один главный, другой – второстепенный. Следующие гипотезы дадут возможность понять, в чем именно заключается первый признак.
>
> (№ 1, рис. 1). Пусть ваш приятель, которого вы часто видите и как нельзя лучше знаете, пусть он закроет свою голову повязкой, окружив ею лицо и спрятав нижнюю губу, лоб и половину щек. Остальное, т. е. глаза, нос, верхняя губа, пусть остается открытым. Хотя большая часть лица будет при этом спрятана, тем не менее, вы тотчас же узнаете физиономию, потому что отличительные признаки ее видимы.
>
> Наоборот, предположим, что этот приятель снял свою повязку, так что голова его будет убрана, как обыкновенно; но если теперь он приложит только к передней части лица черную маску, идущую от средины лба до средины носа и закрывающую небольшое пространство, занимаемое глазными орбитами, – в таком случае друзья его не узнают, особенно если при этом он изменит форму или цвет своей обычной одежды.
>
> Таким образом, та часть лица, которая простирается от носовых костей до середины лба и которая расположена между двумя висками, составляет отличительный признак физиономии… между тем как область, заключающая в себе выпуклости щек и нижнюю часть носа, составляет признак второстепенный.

Ошибка заурядного наблюдения заключается не только в том, что две или три характерных черты берутся как стенографический знак для всех человеческих лиц, но также в смешивании признаков *формальных* или *анатомических* с явлениями совершенно другой категории–*движением* или *выражением.* Эта вторая очень важная ошибка вкралась и во все трактаты по физиономике. Только очень недавно *анатомию* стали отделять от *мимики* и каждую из них изучать порознь. В этом предлагаемом сочинении мы будем строго придерживаться этого основного различия.

У одного человека – маленькие близорукие глаза, длинный изогнутый нос, большой косой рот; у другого – большие прекрасные глаза, греческий нос, очаровательный рот; но, несмотря на это, может, однако, случиться, что оба они будут одинаково смеяться и сходным образом выражать любовь и ненависть, так как их лица, хотя и отличаются одно от другого анатомически, но зато сходны между собою по физиологии или мимике. Мы не намерены представлять здесь анатомический или эстетический трактат о человеческом лице, и в этом отношении сообщим здесь только то, с чем читателю необходимо познакомиться прежде, чем мы приступим к учению о выражении, составляющему самую важную и оригинальную часть нашего труда.

Если мы разложим посредством анализа все элементы, встречающиеся в живом человеческом лице, не прибегая для этого к тем аналитическим приемам, которые производятся с помощью скальпеля, то получим следующий ряд:

Анатомические и мимические элементы человеческого лица

Величина лица и черепа и их взаимные соотношения
Длина и ширина лица и их относительная соответственность.
Расположение различных частей лица.
Общая форма.
Цвет.

[24] G. Battista de Rubeis, *op. cit.* p. 10.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Лоб.
Глаза, брови, веки и ресницы.
Нос.
Рот.
Подбородок.
Уши.
Зубы.
Волосы и борода.
Пятна.
Морщины.
Различные движения или мимика.

Каждая из этих основ человеческого лица распадается, в свою очередь, на другие второстепенные, как это мы увидим в следующих главах.

Из общей совокупности этих элементов можно составить суждения относительно последовательных эпох жизни или случайных проявлений ее у человека в отношении:

Пол.
Возраст.
Здоровье или немощь.
Различных изменений травматических или патологических, перенесенных в течение жизни.
Раса и родство.
Различного рода красота.
Нравственных свойств.
Место в умственной иерархии.

Если бы мы пожелали, путем более точного и научного обобщения, по возможности сократить число критериев, применимых к оценке лица, то могли бы установить пять следующих: *физиологический, этнический, эстетический, нравственный и умственный.*

Суждения *этническое* и *эстетическое* опираются почти исключительно на анатомические особенности, и по поводу их мы еще скажем кое-что в пятой главе первой части; наоборот, в основе физиологической, нравственной и умственной оценки скорее лежит мимика, чем анатомические признаки, а потому эти виды оценки будут разобраны во второй части нашего труда.

В теории живописи существует несколько правил, с помощью которых можно приблизительно определить средние пропорциональные размеры частей красивого или, по крайней мере, правильного человеческого лица. Древние заимствовали эти правила у Витрувия, писатели новых времен – у Альберта Дюрера. После Дюрера стали изучать произведения классической древности, и с помощью их старались объяснить эстетические законы человеческой морфологии. Многие художники, приготовив холст для портрета, прежде всего, рисуют овал и вписывают в него крест; затем они делят высоту на четыре части, из которых каждая равна длине носа; ширина же делится на пять частей, при чем каждая из них отвечает ширине глаза. Однако же, по совершенно справедливому замечанию Кампера, означенные размеры до бесконечности разнообразны у каждого из людей, но именно эти незначительные различия и создают индивидуальность.

Так как в предлагаемом сочинении речь идет не об искусстве, а об антропологии и психологии, то относительно общей формы физиономии достаточно будет сказать лишь несколько слов.

Одна из самых важных особенностей человеческого лица заключается в том: имеет ли оно или не имеет выдающиеся челюсти, толстые губы и подавшийся назад лоб. В первом случае лицо называют *прогнатическим;* тип этот встречается у негров, австралийцев и у некоторых папуасов. Во втором случае лицо называется *ортогнатическим* и составляет принадлежность высших племен. Исидор Жофруа Сент-Илер установил еще третий тип – *эвригнатическое лицо,* которое характеризуется и весьма выдающимися скулами и принадлежит китайцам, японцам и различным народам монгольского и

туранского племени. Эта классификация составляет скорее интеллектуальную, чем эстетическую характеристику, так как в основе ее лежит по преимуществу относительное развитие головного мозга и лица.

Рассматривая только среднюю часть лица, нужно отличать еще две главных формы: 1) когда лицо развито в переднезаднем диаметре и выдается на срединной линии; 2) когда оно развито в поперечном направлении, причем боковые части его выдаются, а середина представляется сплюснутой. Первая форма встречается у европейцев, вторая – у негров, а еще более – у монголов.

Бывают лица длинные и короткие; первые чаще наблюдаются у арийцев и семитов, вторые – у монголов. На наш взгляд, безукоризненное лицо должно быть красивой овальной формы. Дальнейшие частности относительно размеров лица будут изложены в следующей главе, где мы займемся разбором отдельных его частей.

Цвет кожи есть одна из самых выдающихся и главных черт, бросающихся нам в глаза при взгляде на человеческое лицо; с помощью этой черты мы составляем суждения о племени, поле, возрасте и здоровье. Цвет кожи зависит от содержащегося в ней пигмента, от способа распределения в ней крови, от известных свойств эпителия и более глубоких тканей, обусловливающих своеобразный блеск кожи.

Брока в своих *Instructions antropologiques,* изданных антропологическим обществом в Париже, пробовал подвести всевозможные окрашивания кожи к наименьшему числу основных цветов, которые обозначаются у него различными номерами; та же таблица служит и для определения цвета волос. Но все, желавшие воспользоваться этой цветной шкалой для определения окраски человеческой кожи, встречали большие затруднения.

Что касается лично меня, то я пытался применить эту таблицу к изучению лапландцев, но должен был от этого совершенно отказаться. Главная причина непригодности означенной шкалы заключается в том, что кожа гораздо прозрачнее бумаги, на которой Брока наносил свои цветные оттенки. Нельзя сравнивать два окрашивания, из которых одно исключительно происходит путем отражения, а другое отчасти передается проходящим, отчасти отраженным светом. Ко всему этому следует прибавить субъективные ошибки, которые весьма значительны при определении цветов.

Таблица антропологического общества в Париже, по-видимому, отличается научностью и точностью, в действительности же она так же не точна, как и старинное классическое подразделение на белых, краснокожих, желтых и черных людей, при чем подразумевалось, что белые населяют Европу, краснокожие – Америку, желтые – Азию, а черные – Африку. Такого рода шаблоны, пожалуй, и рассекают гордиев узел, подобно Александру Македонскому, но не развязывают его. Мне кажется, что мы очень близко подойдем к истине, если признаем, что человеческая кожа бывает трех цветов: белого, черного и цвета сухого боба.

Белый цвет кожи встречается почти у всех арийцев, семитов и у многих полинезийцев, не принадлежащих ни к малайскому, ни к папуасскому племенам и, по всей вероятности, имеющих с нами общее происхождение. Негры, папуасы, австралийцы, некоторые племена Индии и негритосы имеют черную кожу. У всех остальных народов земного шара кожа имеет цвет сухого боба. Если собрать бобы разных видов и различных степеней сухости, то можно получить все оттенки кожи племен, прозванных желтыми и красными и представляющих то цвет сырой глины, то – жженой, то цвет кофе с молоком, то, наконец, различные оттенки шоколада.

На первый взгляд, сравнение цвета человеческой кожи с окраской плода или пищи, может показаться слишком грубым эмпиризмом; но на самом деле, так как в данном случае речь идет о понятиях субъективных, то, сравнивая окраску кожи с цветом сухих бобов, можно получить гораздо более точное представление о цвете, нежели определяя её словами: смуглая, темно-земляная или черновато-желтая. Сверх того, пусть читатель заметит, что этимологическое построение всех слов основано на сравнении определяемых понятий с предметами хорошо всем известными.

Впрочем, я хочу придать своему утверждению более конкретную очевидность. Многие путешественники сообщали о цвете кожи негритосов, и, между прочим, профессор Семпер и д-р Кравфурд; первый из них говорит, что они имеют темную буро-медную окраску; по словам второго, цвет их походит на сильно пережженный кофе *(over-burned coffee).*

Кто знает кофе, тот составит гораздо более ясное понятие о цвете кожи негроидов по второму определению, чем по первому. В окраске человеческой кожи есть нечто такое, на что этнологи до сих пор

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

не обращали должного внимания. Ни одно самое точное и удачно выбранное прилагательное не может верно охарактеризовать этот колорит, потому что он происходит от накладывания двух красок одна на другую, и чаще всего получается такое впечатление, как если бы слой черной или очень темной пыли осел на поверхность сухого боба. Я изучал этот вид кожи у тобасов, моковитов и матакосов, обитающих в Южной Америке; но судя по тому, что мне довелось узнать из уст путешественников, я думаю, что к этим племенам можно прибавить еще и многие другие, у которых цвет кожи колеблется между белым и черным, не будучи, строго говоря, ни тем, ни другим[25].

Глава III. Черты человеческого лица

Лоб. Глаза. Брови и веки. Нос. Рот. Подбородок. Щеки. Уши. Зубы

Изучив форму и главные признаки человеческого лица, приступим к анализу его черт и рассмотрим каждую из них отдельно.

Если мы обратимся к писателям древних и новых времен, то найдем у них в изобилии физиономические угадывания, перемешанные с ничтожным числом фактических наблюдений, – странный контраст, служащий явным доказательством бедности знания и плодовитости человеческой фантазии! Самый малоизвестный физиогномист предлагает нам сотню формул, одна сомнительнее другой, чтобы судить о характере и о разуме человека по чертам его лица; между тем серьезные антропологи, почти не касаясь этого предмета, исключительно занимаются изучением черепа, который, по их мнению, содержит в себе разгадку самых сокровенных тайн человеческой природы. Художники занимают среднее место между физиономистами и антропологами; изучая лицо с эстетической точки зрения, они формулировали свои суждения отчасти по собственному вкусу, отчасти под влиянием направления той школы, к которой принадлежали.

Лоб

После глаз лоб самый верный выразитель ума. Много веков тому назад, прежде чем преемственность морфологического развития была установлена по схеме эволюционистов, все считали широкий и высокий лоб красивым, а узкий и скошенный назад – безобразным. Эта оценка была совершенно законна, потому что первая форма лба свойственна самым интеллигентным расам, тогда как вторая характеризует низшие племена и служит признаком духовного убожества.

Кроме пропорции величины лба к другим чертам лица, он представляет еще другие второстепенные особенности, которые видоизменяются соответственно положению в иерархической лестнице, сообразно полу и возрасту.

Сильное развитие надбровных дуг указывает на низкую ступень племенной иерархии и в то же время является одним из отличительных признаков мужского пола[26].

Узкий и подавшийся назад лоб с огромными надбровными дугами обозначает самые низкие иерархические особенности и преимущественно встречается у низших типов папуасского племени.

У женщин (по крайней мере, у высших племен) надбровные дуги выражены слабо или даже совершенно отсутствуют. Женский лоб узок и имеет явственные выпуклости, – склад, свойственный также черепу ребенка.

Другой постоянный признак женского лба заключается в том, что он поднимается вертикально, затем сразу уклоняется по направлению к темени, образуя явно выраженный угол. Напротив, кривая линия лба мужской головы незаметно переходит в кривую, соединяющую лоб с затылком.

---

[25] Мы думаем, что для полной последовательности автору следовало отвергнуть и название «белый» и «черный» цвет кожи, из которых особенно первое совершенно неточно: белого цвета кожи не существует ни у кого, а бывает розовый, желто-розовый, желто-серый и т. д. Одно из двух: или и эти цвета должно определять также по аналогии с растениями и другими предметами, или оставить везде прежние символические и неточные обозначения красок. Впрочем, наука могла бы придумать и совершенно новые специальные термины для обозначения цветов кожи живых людей, на основании этнографического критерия. – Пер.

[26] Mantegazza, *Dei caratteri sessitali del cranio umano.* Archivio per l'Antrop. ecc, tome II, p. 11 –*Studii antropologici sulla Nuoca Guinea.* Archivio per l'Antrop. ecc, tome VII, p. 137.

Лоб ребенка отличается по преимуществу сильным развитием выпуклостей.

Вот и все, что могут сообщить нам антропологи относительно лба. Художники скажут о нем еще меньше. Из них мы сошлемся только на знаменитого Леонарда, который различал три формы лба – плоскую, вогнутую и выпуклую, да на нашего Кардону, дополнившего это подразделение своими комментариями. Последний из них говорит, что первая форма лба, присущая розовым лицам, служила для толкователей Аристотеля и для Де Лапорты признаком прекрасного нрава, вторая же форма лба приносит не слишком много чести тому лицу, которое ею обладает, в особенности, если лоб не очень развит в высоту, по направлению к темени. Третья форма, если только лоб не носит на себе печати нахальства и хитрости, свидетельствует о гармонии способностей и часто о призвании к музыке[27].

> Кропотливые ухищрения физиогномистов относительно значения различных типов лба еще обильнее. Вот образчик результатов этого рода изысканий:
>
> Люди, обладающие большим лбом, трусливы и боязливы подобно быкам, у которых лоб также бывает широкий.
>
> Люди с малым лбом крайне невежественны, наподобие свиней. Но под малым лбом я подразумеваю лоб узкий, потому что свиньи, на которых намекает Аристотель в своей *«Физиономии»*, имеют очень узкий лоб.
>
> Лоб, развитый в длину, указывает на здравый смысл и на легкость усвоения наук.
>
> Квадратный лоб, но умеренных размеров относительно лица, означает великодушного человека, вследствие сходства его чела с львиным. Имеющие лоб круглый – злы и преисполнены надменности. Люди, у которых лоб круглый и возвышенный, отличаются тупостью, так как имеют сходство с ослом.
>
> Лоб неплоский указывает на проницательность человека, по сходству его с собакой.
>
> «Гладкий лоб означает человека задорного, – говорит Рази. – *Я* думаю, что это зависит от аналогии с собакой, которая отличается тем же качеством и при этом не имеет морщин на лбу».

И подобные сравнения занимают целые страницы. Автор рассматривает лбы: прямые, тощие, ни гладкие, ни шероховатые, спокойные, сумрачные, средней величины, спокойные и печальные, высокие, унылые, строгие, грустные, веселые и т. д., и почти при каждом определении он сопоставляет изображение человека с изображением животного, чтобы доказать верность своих параллелей и суждений[28].

По Никецию, лоб есть дверь души и обитель стыда *(animi janua, pudoris sedes),* при чем со своей обычной ученостью он цитирует и Цицерона *«О домогательстве консульства»* (De petitione consulates), и Марциала:

> …. perfricuit frontem posuitqiie pudorem. (Намазала чело и отбросила стыдливость.)

и Исайю:

> Scivi enim quia, durus es, et nervus tuus ferreus et frons tua aerea. (Уж я узнал, насколько ты крепок: и сила твоя железная, и лоб твой медный.)

и «Экклезиаст»:

> Animce irreverenti et infrunitae ne tradas me. (Не предай меня духу непочтительности и бесстыдства).

и Теренция:

---

[27] Filippo Cardona, *Delia Fisonomia,* Ancona, 1863.

[28] Gio-Battista Dalla Forta, *Delia fisonomia del'uomo,* Padova, 1627.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Mitte jam isthaec, exporrige frontem. (Оставь уж это и разгладь чело.)

и Плавта:

Ego te porrectiore fronte colo mecum loqui. (Я желаю, чтобы ты говорил со мною с более радостным челом.)

и, наконец, Плиния:

Чело – это указатель скорби, веселости, снисходительности и строгости: нигде так ясно не отражается совесть, стыд, как в глазах и на челе.

Ссылки ученого иезуита доказывают нам еще раз, что ораторы, поэты и пророки считали передние доли главным центром мысли гораздо прежде, чем это было доказано физиологией головного мозга.

Преподобный Джованни Инженьери, епископ острова Истрии, доходит в своих определениях относительно лба до смешных тонкостей; так, например, лоб ни гладкий, ни морщинистый, означает у него человека справедливого[29].

Болонский Гирарделли посвящает вторую декаду своего труда [30] изучению лба, «который представляет собою самую сокровенную и самую благородную часть физиономии». Он еще более чреват цитатами и каббалистическими ухищрениями, чем иезуит Никеций[31]. Чтобы дать понятие о напыщенном и сентиментальном слоге XVII столетия, каким рассуждает Гирарделли по поводу лба, привожу для образчика один пример:

Из всех частей нашего тела, лоб оказывается наиболее способным к выражению внутренних душевных состояний. У подножия лба пылают непрестанно благородные огни глаз; чем легче этот оракул сердца воспламеняется любопытством и жаждой познания внешнего мира, тем лучше читаются на нем веления судеб, предначертанные в природе…

Лафатер имел полное основание говорить, что все его предшественники по изучению человеческого лба то и дело, что повторяли друг друга, впадая в неопределенные и противоречивые разглагольствования, и приходили к резким, лишенным смысла заключениям. Он уверяет, что изучал человеческий лоб более чем остальные части лица, потому что считал его самой главной и характерной чертой. Но и Лафатер в свою очередь насиловал природу, принуждая её отвечать под угрозой пытки, а потому его законы ни что иное, как гадания, отвергаемые точной наукой.

Посудите сами, насколько справедлива моя оценка:

1. Чем более вытянут лоб, тем более ум лишен силы и гибкости.
2. Чем лоб уже, короче и плотнее, тем характер сосредоточеннее, тверже и основательнее.
3. Лоб с округленными очертаниями и без углов указывает на мягкость и податливость характера. И наоборот, чем прямолинейнее будут очертания лба, чем тверже и суровее характер.
4. Если лоб совершенно перпендикулярен, начиная от волос и до бровей, то это служит признаком полнейшего отсутствия ума.
5. Перпендикулярная форма лба, незаметно уклоняющаяся кверху, указывает на рассудительность ума, а также на глубину мысли и на ее самоуверенность[32].

---

[29] *Fisonomia naturale* di Monsignor Giovanni Ingegneri, Padova, 1626, p. 19.

[30] Cornelio Ghirardelli, *Cefalogia Fisonomica,* Bologna, 1672, p. 73.

[31] R. P. Honorati Nicquetii, etc., *Physiognomia humana, Lugduni,* 1648, p. 176.

[32] Lavater, *Essai sur la physiognomonie,* etc, La Haye, 1786, tome III, p. 230.

Но здесь мы остановимся. При взгляде на лоб, прежние ученые умели сообщать нам различного рода диковины. Мы перед ними невежды, и первые же строки, написанные нами об этой части лица, исчерпывают почти всю сумму положительных сведений, какими мы располагаем. Вероятно, в массе суждений, высказанных старыми физиономистами и особенно таким хорошим наблюдателем, как Лафатер, кроется некоторая доля правды. Потомство, быть может, сумеет ее отыскать посредством аналитических исследований, к которым мы теперь не способны. Но было бы неблагодарным трудом рыться в прошлом, в то время как перед нашими очарованными глазами открываются богатые копи сокровищ положительной психологии.

Глаза

Глаз представляет настолько важную часть лица, что полное описание этого органа вместило бы в себе половину психологии и мимики. Но в этой части своего труда нам приходится говорить только об анатомической истории глаз, не касаясь их *выражения*.

Самые характерные признаки глаз – выражение, форма, положение, цвет, а также особенное расположение бровей и век. На основании целой совокупности таких признаков мы и составляем свои суждения о глазах, называя их красивыми, безобразными, красноречивыми, глупыми, выразительными и т. п.

Величина глаза, поскольку она определяется нами эмпирически, с первого взгляда и без измерения, зависит не только от объема глазного яблока, но также и от различной величины щели, образуемой веками и дозволяющей видеть большую или меньшую часть глаза.

Глаз довольно большой, но не слишком выпуклый, представляет для нас идеальное совершенство; маленький глаз кажется нам некрасивым. Это суждение вполне основательно: так как глаз принадлежит к числу самых выразительных органов, то и размер не остается без влияния на силу его выражения.

Вообще у арийцев, семитов и у многих негров глаза большие; у монголов и у многих малайцев – маленькие.

Форма глаза зависит отчасти от большей или меньшей выпуклости роговицы, а еще больше – от формы глазной впадины, формы век и от величины глазной щели. Следовательно, нам необходимо рассмотреть глаза круглые, выпуклые, миндалевидные, горизонтальные и косвенно направленные к носу или к вискам.

Арийские и семитические племена, а также белые полинезийцы имеют глаза миндалевидные с заостренным наружным углом. По нашим понятиям, в этом заключается одна из главных особенностей красоты семитических женщин, а также испанок Андалузии, в жилах которых есть некоторая примесь семитической крови. Эта форма глаз высоко ценится и на востоке, где посредством сернистой сурьмы даже искусственно подражают удлиненному поперечному разрезу век.

Глаза, опускающиеся наискось снаружи внутрь, представляют одну из характерных черт монголов и некоторых американских племен. Это косвенное расположение глаз донельзя резко выражено у эскимосов, бурятов и т. п.

У нас иногда встречается как раз обратное – наружный угол глаза стоит ниже внутреннего. Эта особенность, в соединении с другими эстетическими условиями, может создать редкую и необыкновенную красоту, как это было у императрицы Евгении.

Глаза могут быть некрасивы, если они чересчур сближены или слишком удалены друг от друга. Особенно, в первом случае, взгляд принимает зверское, крайне отталкивающее выражение.

Глаза бывают также безобразны, если они на выкате, как у некоторых негров, или когда они слишком выпуклы, как у некоторых близоруких. Чрезмерно глубокое положение глаз в орбитах может зависеть или от резко выдающегося вперед свода глазных впадин, или от сильной худобы. В том и другом случае взгляд может иметь свирепое или грустное выражение.

Цвет глаз весьма различен, как у различных племен, так и у отдельных индивидов одной и той же расы. Обыкновенно мы определяем окраску глаз вообще одним словом, хотя в действительности она всегда слагается из нескольких различных оттенков радужной оболочки с большим или меньшим участием цвета

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

зрачка, который всегда бывает черным. Радужная оболочка имеет два концентрических пояса различного цвета и почти всегда представляет еще полоски третьего цвета. Вот почему трудно подвести все цвета глаз к небольшому числу типов. Мы называем черными в сущности темно-карие глаза, хотя в целом свете не найдется ни одной черной радужной оболочки.

Мы можем установить только довольно грубую классификацию цвета глаз, разделяя их на *серые, голубые, зеленые и карие.* Антропологическое общество в Париже приняло для каждого из этих основных цветов пять оттенков, которые и представлены на таблице, приложенной к небольшой книжке *«Антропологические изыскания».* Но при практическом применении этой таблицы встречаются большие затруднения, потому что символы, принятые Брока для сравнения, – не точны. На таблице цвета непрозрачны, т. е. они представляют цвета, отраженные от белой бумаги, на которую они нанесены. Цвет же глаз, напротив, составляется как из лучей отраженных, так и из лучей проходящих. И практика мне показала, что цвет глаз лучше прямо определять словами обыкновенного языка. Чтобы дойти хотя бы приблизительно до научной классификации, следовало бы иметь набор искусственных стеклянных глаз, на подобие тех, какие вставляют окривевшим, чтобы скрыть этот недостаток.

В этой трудности я убедился, когда с другом моим Соммье исследовал глаза у лапландцев, причем я должен был отказаться от пользования таблицей антропологического общества. Мы нашли на радужных оболочках лапландцев не менее четырнадцати различных оттенков. Вот они:

	мужчины	женщины
Темно-карий цвет	2	4
Карий	8	6
Светло-карий	10	4
Голубой бирюзовый	12	4
Голубой светло-бирюзовый	2	-
Лазуревый серый	13	-
Небесно-голубой светлый	1	1
Серый	3	4
Темно-серый	7	5
Светло-серый	2	-
Серо-лазуревый светлый	1	1
Серожелтый	2	-
Серо-зеленый	2	-
Зеленый	1	-
Всего	66	29

Серые, зеленые и голубые глаза почти всегда встречаются вместе с цветом волос и кожи, свойственным белокурому типу; карие же и вообще темные глаза обыкновенно бывают у брюнетов. Иногда, впрочем, приходится видеть голубые глаза при черных волосах, или темные глаза при белокурых волосах. Такие контрасты многим нравятся, потому что редкость есть элемент, оказывающей большое влияние на наши эстетические суждения.

Случается, хоть и очень редко, что каждый из обоих глаз имеет свою особую окраску. Всем известен красный цвет глаз у альбиносов; это зависит оттого, что цвет радужной оболочки, лишенной пигмента, обусловливается только кровеносными сосудами.

В нашей благоприятной или не благоприятной оценке цвета глаз главную роль играет субъективное чувство, и в этом отношении существуют различные вкусы – национальные и индивидуальные. Я никогда не забуду, с каким красноречием один очень ученый норвежский филолог и этнолог выражал мне свой энтузиазм по поводу *светлых* глаз (он подразумевал при этом глаза светло-серые или небесно-голубые) и свое отвращение к глазам темного цвета.

Первые, утверждал он, так выразительны, что могут передавать все чувства; черные же глаза, напротив, ничего не выражают – это просто *кусочки угля!* Я молчал, будучи погружен в печальные размышления по поводу основательности и прочности наших эстетических суждений.

С цветом глаз мы связываем много представлений эстетических, психических, традиционных и проч., в силу которых темные глаза считаются нами более способными выражать страсть и чувство, а голубые и серые – нежность и добродушие. Вообще, однако, мы предпочитаем резко выраженные оттенки; при прочих одинаковых условиях, мы находим более красивыми глаза бирюзово-голубые и темно-карие, нежели серые, зеленоватые или неопределенной окраски *(couleur incolore),* как говорил один из моих профессоров естественной истории.

Глаза имеют различную степень блеска, который может сильно изменять их выражение. У человека смеющегося, говорящего или мыслящего глаз сильно блестит; у людей тупых, слабых или больных он

имеет мало блеска, а у умирающих взгляд бывает иногда почти совсем потухший. Блеск глаз заслуживает внимательного исследования, так как это один из наиболее важных и самых темных элементов в учении о глазе. Пока наши сведения на этот счет ограничиваются тем, что блеск находится в зависимости от строения роговицы, от изменения выпуклости под влиянием глазных мышц, от влаги, отделяемой глазом, и преимущественно от легкой пелены слез, покрывающей всю наружную поверхность глазного яблока.

Брови, веки и ресницы – элементы второстепенные; но и они могут изменять выражение физиономии.

Брови бывают густые, очень густые, или же более редкие настолько, что едва видны. Вообще мы считаем красивыми брови умеренно густые, правильно изогнутые в дугу, изящно очерченные и с волосками равномерной длины. У мужчины мы предпочитаем более резкие брови, а у женщины – более деликатные, так как эти две формы являются выражением естественного полового различия.

Очень густые брови, в особенности когда они сливаются вместе, придают лицу выражение энергии, которое может доходить до степени суровости и свирепости. Напротив, когда они почти не заметны, то это сильно вредит выразительности глаз и является безобразным признаком.

С возрастом, центральные волоски бровей удлиняются и иногда отчасти даже прикрывают глаз, образуя таким образом нечто в роде щетинистых пучков, придающих лицу то суровый, то почтенный вид.

Лафатер придавал бровям большое значение, как критерию для определения характера[33].

> Часто брови уже сами по себе определяют характер, как это доказывают портреты Тассо, Леона Баттиста Альберти, Буало, Тюренна, Ле Февра, Апелля, Оксанстерна, Кларка, Ньютона и др.
>
> Брови слегка дугообразные соответствуют скромности и простой молодой девушки.
>
> Брови, расположенные по прямой линии и горизонтально, составляют принадлежность мужественного и сильного характера. Если в одной половине своего протяжения они горизонтальны, а в другой коротки, то это означает, что сила духа соединена с простодушной добротою.
>
> Я никогда не видел ни одного глубокого мыслителя, ни одного твердого и рассудительного человека с тонкими бровями, которые расположены очень высоко и разделяют лоб на две равные части.
>
> Тонкие брови – верный признак апатии и вялости.
>
> …
>
> Чем более они надвинуты к глазам, тем характер серьёзнее, глубже и солиднее. Чем выше положение бровей, тем более характер проигрывает в силе, твердости и смелости.

Не смотря на мой глубокий скептицизм относительно всех физиономических выводов, поскольку они основаны на анатомических данных, а не на мимике, признаюсь, что в сфере моего личного опыта я всегда находил верными толкования Лафатера, относящиеся к бровям. Они так подвижны и находятся в такой тесной и неразрывной связи с глазами и с умственным развитием, что при изучении их морфологии на одной и той же расе и с разумной осмотрительностью можно, по всей вероятности, найти в них верный критерий для постановки психического диагноза.

Бюффон также писал:

> После глаз, из всех черт лица лучше всего характеризуют физиономию брови; так как по своей природе они отличаются от других частей лица, то в силу этого контраста они резче выделяются и больше обращают на себя внимание, чем все остальные черты; брови имеют тоже значение, что и тень в картине, заставляющая сильнее выступать цвета и формы.

Веки бывают более или менее длинными, широкими, мясистыми, открытыми и т. п. Но самую важную их особенность составляют ресницы, расположенные на свободных краях. Ресницы могут быть короткие, неправильные или, наоборот, длинные, правильные и, наконец, щетинистые. Мы находим красивыми

[33] Lavater, *Op. cit,* tome III, p. 295.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

длинные ресницы, отбрасывающие тень на щеки; такие длинные ресницы – один из самых грациозных признаков андалузских женщин.

Нос

В последнее время никто так хорошо не изучил носа с морфологической точки зрения, как Топинар.

Эта почти неподвижная часть лица имеет, однако, большое значение, как этнический признак и как эстетический элемент лица. По одному только носу можно определить расу, в другом случае нос может испортить самую красивую наружность. По этому артисты справедливо называют его *«украшением лица»*, и Лафатер, пожалуй, был прав, сказав, что красивый нос никогда не встречается на безобразном лице. Можно, прибавляет он, быть уродом и иметь красивые глаза; но с правильным носом непременно гармонируют и остальные черты лица. На множество красивых глаз приходится один безукоризненный нос.

По мнению знаменитого швейцарского физиономиста, красивый нос должен иметь следующие качества:

a) его длина должна быть равна длине лба;

b) он должен иметь легкое вдавление у своего корня;

c) спереди дуга его должна быть широкой и почти параллельной с обеих сторон; но посередине ширина ее должна быть немного больше;

d) кончик носа не должен быть ни твердым, ни мясистым; нижний контур должен иметь правильное и резкое очертание, не будучи ни чересчур острым, ни слишком тупым;

e) при взгляде en face, крылья носа должны выступать отчетливо, а ноздри должны быть красиво очерчены снизу;

f) в профиль нижняя часть носа должна составлять не более трети его длины;

g) ноздри должны оканчиваться более или менее заостренно и округляться сзади; они должны быть слегка выгнуты, и профиль верхней губы должен разделять их на две равные части;

h) бока носа должны образовать род перепонки;

i) вверху нос должен почти сливаться с глазничным сводом, а ширина его подле глаз должна быть не менее половины дюйма.

Многие из этих особенностей еще спорны. Вообще же наши эстетические суждения относительно носа почти всегда безошибочны, потому что они основаны на непреложных законах эволюции и органической морфологии.

Мы, люди высших рас, находим дурными носы, похожие на нос обезьяны, а также курносые, сплюснутые или очень малые носы, ноздри которых не имеют почти параллельного расположения и поперечное сечение которых представляется в виде цифры 8. В этом случае, в силу своего отвращения к атавизму, мы приносим в жертву даже законы геометрии; уж скорее мы признаем красоту в женщине с носом чрезмерно большим, чем примиримся с курносым. В Италии большой нос (в особенности так называемый орлиный) называется *аристократическим* – быть может потому, что длинноносые завоеватели, греки или латиняне, победили первобытных обитателей с маленьким носом.

Натурально, мы считаем безобразным всякий нос, при котором нарушаются законы симметрии или гармоническая соответственность с прочими частями лица. Никем, разумеется, не может быть признан вполне красивым нос слишком большой, или слишком малый, или кривой.

У различных рас нос развивается то более в переднезаднем направлении, то в поперечном, и таким образом возникают два крайних типа – нос *орлиный* и нос *сплюснутый*. Длинный нос, говоря вообще, принадлежит всем народам Европы, белым полинезийцам и североамериканцам; негры и монголы отличаются коротким носом.

Нос может быть в одно и то же время длинен и широк; с другой стороны, он может быть до того коротким и приплюснутым, что линейка, положенная поперек лица, будет лежать на обеих щеках, не

касаясь носа. Так именно бывает у эскимосов. Орлиный нос может иметь один или два горбика, а у маленького носа кончик иногда бывает приподнят кверху, что придает всему лицу выражение капризное и дерзкое. Это так называемый вздернутый нос, довольно часто встречаемый во Франции. У романцев есть даже пословица: *«Des nez en l'air, il en faut un par maison et pas plus* (на всякий дом довольно и одного вздернутого носа)».

Карус различает пять видов внушительных носов: *нос худой, длинный, кривой, широкий и мясистый.*

Леонард некогда указывал еще более тонкие различия:

> Соединение носа с глазами может быть или вогнутое или прямое….
>
> Носы бывают прямые, вогнутые и выпуклые. Прямой нос имеет четыре разновидности: нос длинный, короткий, нос с кончиком, приподнятым вверх или с опущенным книзу. Вогнутые носы представляюсь три подвида, смотря по тому, будет ли вогнутость находиться в верхней части, по середине или в нижней части. Выпуклые носы также бывают троякие: с выпуклостью наверху, по середине или внизу; выдающиеся части, между которыми помещается нос, также могут быть прямыми, вогнутыми или выпуклыми. Чтобы лучше удержать в памяти то или другое лицо, нужно сначала присмотреться на многих физиономиях к формам рта, глаз, носа, подбородка, горла, шеи и плеч, и затем уже делать сравнения. Носы представляют десять видов, так как они могут быть прямые, дугообразные, вдавленные, приподнятые вверху или внизу более чем по середине, орлиные, приплюснутые, круглые и заостренные. Все эти особенности замечаются только при рассматривании носов в профиль. При взгляде en face, можно различить одиннадцать форм носа: он бывает ровный, утолщенный в середине, утолщенный в конце и тонкий у корня, с ноздрями широкими или узкими, высокими или низкими, при чем их отверстия могут быть открытыми, или же прикрываются концом носа.

И все-таки этим перечнем Леонард не определил точно все возможные разновидности форм носа.

Для научных целей следует всегда руководствоваться нижеследующей программою, которая составлена Топинаром и в которой, по моему мнению, не упущен из виду ни один из важных морфологических признаков[34].

Наибольшая высота	
Наибольшая ширина	Измерение поперечное
Наибольший выступ	Измерение переднезаднее

[34] Topinard, *De la morphologie du nez, Bulletin de la Societe anthropologique,* 2-e serie, vol. VIII, 1873.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

- Спинка
  - Угол наклонения
  - Направление
    - прямолинейное
    - ломанное или волнистое
    - выпуклое (разновидность — орлиная)
    - вогнутое (разновидность — вздернутая)
  - Форма
    - крышеобразная
    - округленная
    - сплюснутая
- Основание
  - Разделение долек
    - ясное (расщепленное, трехдольное)
    - неясное
    - переходящее за ноздри
  - Крылья
    - сближенные
    - расходящиеся
  - Ноздри
    - Форма
      - эллиптическая
      - округленная
      - особенная
    - Главная ось
      - малая
      - большая
      - более вниз
    - Плоскость их обращения
      - вперед
      - назад
      - кнаружи
    - Направление главной оси
      - переднезаднее
      - косвенное
      - поперечное

При помощи этой таблицы я мог классифицировать даже нос Тьебо, старшего из двоих Акка-де-Миани, у которого кончик носа спускался ниже двух долек, между тем как основание было очень широкое.

В этой таблице опущен один признак, именно угол, образуемый корнем носа со лбом. Он очень резко выражен у австралийцев и папуасов и равен нулю при, так называемом, греческом носе, который представляет скорее условную, чем действительно существующую форму и встречается на всех статуях древнегреческих скульпторов. Угол этот весьма мало заметен у монголов и арабов.

Мышцы, заправляющие движениями носа, находятся у человека почти в атрофическом состоянии. Поэтому они сокращаются крайне слабо и в редких случаях, – так например, при удушье, когда привлекаются к деятельности даже самые слабые мышцы, чтобы помогать дыханию. Помимо этих патологических условий, крылья носа расширяются или сжимаются весьма заметно в состоянии гнева или удовольствия. По-видимому, такие движения резче бывают выражены у низших племен, а равно и у людей высшей расы, очень склонных к сладострастию.

Я заметил, что кончик носа почти всегда бывает отклонен немного вправо, и думаю, что этот факт объясняется привычкою сморкаться правою рукою. Впрочем, моя теория требует еще подтверждения.

Рот

Если глаз есть самая выразительная из частей лица, то рот – наиболее симпатичная его часть. Вожделения любви и пламя страсти сходятся здесь, как бы в естественном центре. И действительно, как мы увидим это яснее во второй части книги, глаз представляет мимический центр мысли, а рот есть центр для выражения чувства и чувственных ощущений. Томмасео вполне основательно пишет в своих «Нравственных размышлениях»: «Латиняне недаром под словом *os* (рот) разумели все в лице человека. В устах отражается вся душа».

Лафатер тоже посвятил рту целую страницу, полную нежной и чувствительной экзальтации:

> Рот есть истолкователь и орган души и сердца. Как при покое, так и при бесконечно разнообразных движениях его, в нем соединяется целый мир выразительных признаков. Он красноречив даже в своем молчании.
>
> Для меня эта часть тьмы так священна, что я едва решаюсь говорить о ней. Это – предмет достойный удивления!
>
> Это величайшее чудо среди многих других чудес, составляющих мое существо! Мой рот не только вдыхает живительный воздух и совершает отправления, общие у меня с другими животными, но служит и органом речи; он говорит и может говорить, даже никогда не открываясь.
>
> Читатели, не ожидайте от меня ничего более по поводу этого самого деятельного и выразительного из всех наших органов; такое предприятие было бы свыше, моих сил.
>
> …
>
> Человечество, до чего ты унижено! О, как велик будет мой восторг в вечной жизни, когда глаза мои будут созерцать на лице Иисуса Христа божественные уста, когда я в радости воскликну: «Я тоже одарён устами, подобными тем, которые обожаю, и я могу произносить имя того, который мне дал их! Жизнь вечная! Уже одна мысль о тебе – блаженство».
>
> Я заклинаю наших художников и всех артистов, призванных изображать человека, заклинаю их всеми силами изучать этот драгоценнейший из всех наших органов во всех его разновидностях, во всех его пропорциях и во всей его гармонии.

Тут уже такой чувствительный мистицизм, что напоминает мне истерические и религиозные восторги святой Терезы. Лафатер имел очень женственную натуру и был глубоко религиозен.

Рот очаровал не только Томмасео и Лафатера – этих двух мечтательных поклонников чувства, хотя и весьма отличных один от другого, – он очаровал также и Гердера, творца философии истории. Послушайте его:

> … Именно через рот исходит голос, этот истолкователь сердца и души, выразитель чувства, дружбы и самых чистых восторгов. Верхняя губа передает наклонности, порывы, волнения любви; надменность и гнев искривляют рот; хитрость утончает губы: добродушное настроение округляет их, распутство расслабляет и опускает вниз: любовь же и страсти воплощаются в них с невыразимою прелестью.

Любезный читатель, не будучи великим человеком, как те, о которых мы только что говорили, сравни сам два различных ощущения, какие возбуждают в тебе при взгляде на лицо женщины два прекрасных глаза или один красивый рот. В первом случае, ты, пожалуй, будешь поражен удивлением до того, что остановишься с открытым ртом, но во втором – ты не в состоянии удержаться от пламенной любви. Женщина, в которую мы влюбляемся благодаря ее глазам, приводит нас в восторг, в восхищение и увлекает в душевный экстаз. Но та, которая нас очаровывает своим ртом, – та словно уже заключает нас в объятия, точно она уже принадлежит нам, по крайней мере, в невинной области желаний. Глаз – это лазуревое небо, ни для кого недосягаемое, а губы – это земля с ее благоуханиями, с ее страстями и со всей чувственностью ее плодов.

Но оставим поэзию и возвратимся в нашу суровую анатомическую лабораторию.

Вообще все высшие племена имеют не слишком большой рот с довольно тонкими, слегка дугообразными губами. Даже те, которые восстают против дарвинизма в силу предубеждений школы или по религиозному малодушию, соглашаются с этим учением в том, что рот, когда он напоминает нам наших «кузенов», человекоподобных обезьян, далеко не красив. Рот безобразен, когда он слишком велик или слишком отдален от носа, и когда верхняя губа представляет собою род длинной занавески. Менее чувственные, чем обезьяны, мы находим очень некрасивым рот с слишком мясистыми губами, что почти всегда встречается вместе с выдающимися челюстями или, говоря научно, с лицом прогнатическим.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Непомерная толщина губ, наблюдаемая почти у всех негров, обусловливается гипертрофией подкожно-жировой клетчатки и сильным развитием круговой мышцы рта. Верно также и то, что эта особенность почти всегда сопровождает большое развитие чувственности.

Лафатер желает (и, по моему, справедливо), чтобы относительно рта мы различали:

a) две губы в тесном смысле, взятые отдельно;
b) линию их соприкосновения, когда род закрыт;
c) центр верхней губы;
d) центр нижней губы;
e) основание срединной линии (Лафатер называет основанием угол, замечаемый при рассматривании рта в профиль, при слабом освещении, и отбрасывающий небольшую тень на нижнюю губу);
f) углы, под какими оканчивается эта линия.

Что касается формы рта вообще, то Лафатер отличает три главные разновидности:

–Рты, у которых верхняя губа выдается над нижней. Это отличительный признак добродушия (?). Таким образом можно сказать, что это – рты сентиментальные.

–Рты, у которых обе губы одинаково выдаются вперед; такие рты бывают у честных и искренних (?) людей, и их можно назвать благородными ртами.

–Рты, у которых нижняя губа выдается из-под верхней и которые можно назвать раздражительными.

В настоящее время, считая себя менее сведущими и более скептическими, чем Лафатер, мы скажем только, что чрезмерно выдающаяся верхняя губа часто находится в связи с совестливостью; наоборот, сильно выдающаяся нижняя губа обыкновенно указывает на большую твердость характера или на упрямство.

Подбородок

Во многих книгах повторялось, что только у человека есть подбородок, но это верно разве только по отношению к скелету. Несомненно, впрочем то, что высшие расы питают сильное отвращение к малым и едва заметным подбородкам. И действительно, это признак низшей породы, встречающейся среди самых низких типов человечества. Наоборот, мы считаем красивым подбородок округленной или овальной формы, довольно резко выступающий у мужчины и менее выдающейся у женщины. Крючковатые подбородки, напротив, вызывают представление о какой-то грубости, несовместимой с грацией и добродушием. Но это, как и все подобного рода воззрения, не имеет за собою никакого серьезного основания. По-видимому, можно считать доказанным, что, при прочих равных условиях, сильно выдающийся подбородок означает тоже, что и выдающаяся нижняя губа, по поводу которой мы уже говорили выше. Это составляет этническую особенность англичан – народа, одаренного твердой волей. «Продолжительное наблюдение показало мне, – уверяет Лафатер, – что выдающийся подбородок всегда указывает на что-то положительное, а короткий подбородок имеет значение лишь отрицательного признака». Энергия или слабость иного человека часто только и обнаруживается его подбородком. Но Лафатер не согласен с мнением древних, будто заостренный подбородок изобличает коварство.

Множество пословиц на различных языках приписывают подбородкам, имеющим ямку посередине, известное выражение добродушия. По заявлению Лафатера, его собственное наблюдение подтверждает эту народную примету; впрочем, сам я не берусь ни подтверждать, ни отрицать это утверждение. Верно только то, что ямочка, находящаяся на середине подбородка, увеличивает красоту лица. Поэтому Пульчи в с *Morgante Maggiore* верно очертил все достоинства подбородка следующим удачным стихом:

Подбородок круглый, слегка раздвоенный и плотный.

Любой формы подбородок всегда легко описать двумя-тремя прилагательными, потому что эта часть лица наименее богата частностями. Что касается Лафатера, то он разделил подбородки на три главных категории, а именно: подбородки, скошенные назад (по моему мнению, свойственные женщинам); подбородки, профиль которых находится в одной плоскости с нижнею губою и, наконец, подбородки острые, выступающие более нижней губы.

Томмасео посвятил подбородку одно из своих метафизических вдохновений: «Малый подбородок – признак сердечности; длинный и полный – признак холодности; длинный и отклоненный назад – признак прозорливости и твердости; ямочка на подбородке указывает, что красота тела выше красоты души».

Щеки

У белых и черных рас щеки (скулы) выдаются мало, а у монголов – очень резко, что составляет одну из самых характерных черт этого племени. Мы уже упоминали о выдающихся скулах эскимосов; в этом отношении им не уступают и буряты. Хороший приятель мой Соммье писал мне недавно из Сибири, что он путешествовал с одним уполномоченным из бурят и, рассматривая его профиль, заметил, что щека у него выдавалась из-за носа. Что касается нас, представителей арийской расы, то обыкновенно мы считаем чересчур выдающиеся щеки безобразными.

Уши

Эта часть лица, по-видимому, наименее выразительна, с одной стороны, потому, что она является еще менее подвижной, чем нос, да и то лишь в самых редких случаях, а с другой – потому, что уши помещаются в таком месте, где они наполовину скрыты, и для того чтобы ими восхищаться или порицать их, сперва надо еще отыскать их. Все же следует признать, что красивое ухо может дополнить общую красоту лица.

В наших эстетических суждениях относительно ушей мы, сами того не сознавая, оказываемся дарвинистами. Мы находим их безобразными, если они чересчур велики, и в особенности, когда они слишком отклоняются от головы, когда у них нет так называемой сережки, или когда верхняя часть ушной раковины похожа на обезьянью. Мы считаем уши красивыми в том случае, если они не велики, хорошо сформированы, с правильно очерченными изгибами, если они прилегают вдоль к голове и снабжены округленной, ясно различимой сережкой.

Круглые, неправильные или угловатые уши – безобразны; овальные – красивы.

Ушной сережки, кажется, вовсе недостает у некоторых рас северной Африки (шауйя, кабилы).

Зубы

При закрытом рте зубов не видно; но при открывании рта зубы получают важное значение для физиономии, в оценку которой они вносят существенный элемент, усиливающий восхищение или ужас, симпатию или отвращение. Конечно, даже самые красивые зубы еще не делают человека красавцем, но зато дрянные зубы могли бы испортить красоту даже Венеры Милосской.

Среди высших рас красивыми считаются зубы не слишком выдающееся, без промежутков, не слишком толстые, не слишком широкие, не слишком длинные, белые или слегка синеватые. Безобразными мы называем зубы сильно выдающееся, косо стоящие, неправильные, желтые и редко посаженные.

На всех вообще вид значительной части десен верхней челюсти, при открытом рте, производит неприятное впечатление. Красота много проигрывает от испорченных зубов: это как бы пятно на солнце. Так как гигиена зубов в то же время и гигиена красоты, то хорошие дантисты были бы достойны золотого монумента или, по меньшей мере, могли бы занять почетное место в ряду друзей человечества.

Этнологического исследования зубов пока еще не имеется; весьма возможно, что с помощью его удастся открыть важные отличительные признаки.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Глава IV. Черты лица (продолжение)

Волосы и борода. Родимые пятна. Морщины.

Волосы и борода составляют второстепенные части физиономии, но во многих случаях и они могут изменять лицо в эстетическом отношении или служить к определению расы; кроме того, они почти всегда характеризуют пол и до известной степени различные возрасты жизни.

Волосы

Все люди на земном шаре имеют голову, покрытую волосами. Один этнолог сообщал о маленьком безволосом племени на западном берегу Австралии, происшедшем, по-видимому, от смешения австралийцев с китайцами; но заявление это требует еще подтверждения[35].

Человеческие волосы различаются по цвету, длине, толщине, а также по своему строению, от которого зависят особенности их вида и внешние различия, распознаваемые даже невооруженным глазом без помощи микроскопа.

Природа пользовалась богатой палитрой при окраске наших волос. Антропологическое общество в Париже для определения цвета волос приняло ту же самую таблицу, которая служит для определения цвета кожи; но эта шкала цветов представляет такое же неудобство, каким отличается и шкала для определения цвета глаз. Волосы более или менее прозрачны, между тем как оттенки, принятые за типические образцы, суть цвета отраженные. Этим и объясняется непригодность таблицы.

Цвет волос, начиная с белого, как лен, постепенно переходит в светло-белокурый, золотистый, рыжий, каштановый, темно-русый и черный, как смоль.

Если взять в совокупности все человеческое население земного шара то оказывается, что черный цвет волос есть наиболее распространенный. Достаточно указать на монголов, малайцев, негров, американцев и южных европейцев.

Белокурый цвет волос является распространенным у германской, кельтской и славянской ветвей арийского племени, а также у финской ветви монгольского племени. Рыжие волосы занимают исключительное положение, так как этот цвет не свойствен специально ни одной расе, но впрочем, его можно рассматривать как разновидность белокурого цвета; действительно, он почти никогда не встречается у племен черноволосых.

Изучая лапландцев, Соммье и я нашли, что русый цвет волос у них самый обычный. Густой черный попадается редко, белокурый – довольно часто. Но вот более точная таблица:

Цвет волос

	Черный	Русый			Белокурый		
		темно-русый	средний	светло-русый	темно-русый	средний	светло-русый
Мужчины	2	9	11	6	9	17	8
Женщины	1	8	9	1	3	4	6

Цвет волос, как мы уже видели, почти всегда находится в связи с известною окраскою глаз, и сочетание этих двух признаков представляет одну из самых надежных характеристик для суждений о чистоте расы. Например, когда у какого-нибудь народа волосы и глаза постоянно бывают черные или постоянно светлые, то раса признается чистою. К противоположному заключению приходят в том случае, если встречают различные оттенки, представляющее разнообразное смешение цветов. Но, во всяком случае, это положение этнологии может быть принято только условно, так как для многих народов мы еще не имеем статистики, заслуживающей доверия, а также и потому, что племена весьма отдаленные одно от другого могут, однако,

---

[35] Как раз во время исправления моих корректур, уважаемый друг мой проф. Giglioli подарил мне фотографическую карточку, представляющую совершенно лысого уроженца центральной Квенсландии (Австралии).

Парижское этнографическое общество, в заседании 5 марта 1884 г., получило фотографический снимок во весь рост голого уроженца Квенсландии, принадлежавшего к почти исчезнувшему племени, которое отличалось отсутствием всяких следов волос. Известны только два представителя этой расы: один мужчина и одна женщина. Мужчина женат на немке и имеет от нее ребенка с замечательно красивыми волосами (N. du T.).

иметь одинаковые глаза и одинаковые волосы. Нельзя же, например, поставить в классификации японцев рядом с сардинцами только потому, что у тех и у других глаза и волосы черные. Различное распределение пигмента – хороший анатомический признак для построения системы классификации людей, но не для целей таксономического метода[36].

Топинар, воспользовавшись бесчисленными наблюдениями, собранными Д. Беддоком, составил хроматологическую таблицу для цвета волос и глаз человека:

	Рыжие и блондины,%	Промежуточные или шатены,%	Брюнеты, %
23 Датчанина	78,5	17,9	2,5
400 Валлонцев	52,0	22,2	25,2
1125 Горных шотландцев	45,4	23,9	30,9
90 Ирландцев	45,3	21,2	31,9
634 Нормандца	33,1	29,2	37,6
1250 Вьеннцев	32,8	25,8	41,4
368 Бретонцев	20,0	22,7	57,3
518 Лигурийцев	17,0	16,0	67,0
163 Северных евреев	13,1	13,3	73,6
233 Южных евреев	13,5	13,7	73,1
130 Мальтийцев	8,8	11,8	79,3

Из этой таблицы можно вывести следующие заключения:

1. Ни один из исследованных рядов не представляет однообразные цвета.

2. Наибольшее число блондинов встречается у датчан, затем у валлонцев; наибольшее число брюнетов – у мальтийцев, евреев и лигурийцев.

3. Количество брюнетов у северных и южных евреев одинаково.

4. Бретонцы – по преимуществу брюнеты. Мы думаем, что у людей, особенно высших рас (арийской и семитической), совершенно независимо от влияний этнических, волосы могут иметь различную окраску. В этом легко убедиться, не выезжая за пределы Италии: здесь можно встретить евреев белокурых, русых и брюнетов. Не в праве же мы объяснять этот факт какими-нибудь таинственными причинами.

Несомненно, что в Европе, в особенности в больших городах, число блондинов из года в год уменьшается. Для Англии это уже доказано, к большому огорчению англичан. Charnock утверждает, что такая перемена происходит в Европе уже две тысячи лет. Некоторые стараются объяснить это городским режимом, где мясо играет более видную роль, нежели в деревнях. Другие, напротив, говорят, что невыгодные гигиенические условия в больших центрах населения ведут к уменьшению числа блондинов потому, что последние менее выносливы, чем брюнеты. По моему мнению, вопрос этот очень важен, но собранные по этому предмету наблюдения не составляют еще материала достаточного для того, чтобы вывести какое-либо положительное заключение. Кто пожелает изучить этот вопрос, тот найдет точку отправления для более глубоких и более обширных исследований в следующих данных.

Д-р Г. Майр[37] представил в двух картографических таблицах относительные цифры людей с белокурыми волосами, с белой кожей и светлыми глазами в общинах Баварии; из них видно, что в этой стране, взятой в отдельности, означенные типы чаще встречаются в северных провинциях, чем в южных. Оказывается также, что количество индивидов со светлыми волосами и глазами меньше в городах, чем в деревнях.

	Провинции		Средние цифры	В городах	В деревнях
	северные	южные			
Белокурые волосы	68,67	38,1	54	40	55
Светлые глаза	73,75	59,6	66	63	67
Белая кожа	92,94	70,73	85	-	-

Преобладание светлого цвета в деревнях Майр приписывает отсутствию в них оживленной эмиграции, благодаря которой в городах происходит более сильное смешение рас. При этом темные расы, хотя и менее многочисленные, обнаруживают большую производительную способность. Мне кажется, что эти различия определяются и некоторыми другими условиями. Так, по словам проф. Бертильона[38], оказалось, что в

[36] Пфафф говорит, что черные волосы преобладают в крайних поясах, и оттого гренландцы и эскимосы имеют волосы одинакового цвета с неграми. Но он забыл про лапландцев.

[37] Mayr, *Die Bayerische Jugend nach der Farbe der Augen, der Haare und der Haut,* 1876.

[38] Congres international de démographie tenu a Paris en 1878, séance du 7 Jaillet.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Англии число блондинов вообще убывает, и по отношении к брюнетам постепенно уменьшается. Между тем известно, что городское население Англии постоянно возрастает и что в сущности 50 % народонаселения живет в городах, имеющих более 2000 душ, а 38 % – в городах, имеющих более 20,000 душ.

На сто человек с белокурыми волосами 38 имеют голубые глаза, 39 – серые и 23 – карие. На сто человек с темными волосами 22 имеют голубые глаза, 34 – серые и 44 – карие.

Переходя от Баварии к более северному государству – Саксонии, мы получаем в среднем выводе на каждую тысячу человек следующие цифры[39]:

Кожа		Глаза			Волосы			
смуглая	белая	голубые	серые	карие	белокурые	рыжие	русые	черные
60	940	378	331	288	692	2	296	9

Следовательно, смуглого населения в Саксонии заметно меньше, но и здесь тоже оказывается, что оно сравнительно многочисленнее в больших центрах.

На сто человек с белокурыми волосами 44 имеют голубые глаза, 35 – серые и 21 – карие; на сто человек с темными волосами 46 имеют глаза карие, 39 – серые и 25 –голубые. Эти отношения разнятся очень мало от тех, какие представляет Бавария.

Наблюдения, сделанные Ф. Корёзи в Будапеште, участвовало 10000 венгерских студентов, распределяют их следующим образом:

Кожа		Глаза				Волосы		
смуглая	белая	черные	карие	серые	голубые	черные	темные	белокурые или рыжие
2,210	7,790	15	4,490	2,594	2,901	406	4,501	5,092
		4,505				4,907		

Во Франции не сделано таких точных наблюдений в этой области. Д-р Бернар[40] разделил департаменты Франции на две группы, смотря по тому, преобладает ли в них раса Кимврийская (Север, Юра, Нижний Рейн, Мозель, Верхний Рейн, Мёрта), или раса Кельтийская (Коррез, Верхняя Луара, Авейрон, Индра, Кантал, Ардеш, Дордон) и нашел, что на сто человек цвета глаз и волос распределяются так:

	Волосы		Глаза	
	белокурые	каштановые	светлые	темные
Департаменты Кимврийской расы	55	45	56	42
Департаменты Кельтийской расы	22	78	50	50

В числе глаз светлых в Кельтийских департаментах находится значительное количество серых глаз, составляющих, по Топинару, характерную принадлежность кельтийской расы.

Смуглый тип, преобладающий в Италии, с одной стороны, по частоте серых глаз в Пьемонте, примыкает к этническим особенностям кельтийского племени, а с другой стороны, по частоте голубых глаз в Венеции и Ломбардии – к племенам германским и славянским. В южных провинциях значительный контингент народностей светлого типа заметно видоизменяет их этнографию.

Во время войны за освобождение, в американской армии, в которую были навербованы европейцы всех племен, д-р Beddoe собрал относительно цвета волос следующие данные:

	Рыжие или белокурые	Темнорусые	Черные
	%	%	%
Англичане	49	27	24
Шотландцы	50,2	25,7	23
Ирландцы	50,5	20,1	23,3
Немцы	48	22,6	23,8
Скандинавския племена	68,4	19,5	11,8
Испанцы и португальцы	23,7	17,7	57,8

Еврейское племя обратило на себя особенное внимание этнографов. В нем есть белокурые и темные волосы, светлые и темные глаза. В Германии еврейское население гораздо темнее остальной его части, так как в нем насчитываюсь 42 % брюнетов; но среди него есть и замечательно светлая разновидность, т. е. с белокурыми волосами, голубыми глазами и белою кожей; эта часть составляет 11,2 % всего еврейского населения. В Венгрии две трети евреев имеют белую кожу, 57 % – глаза темной окраски и 76 % – темные

[39] D. Geissler, Die Farbe der Auyen, der Haare und Haut bei den Schulkindern Sachsens.

[40] Topinard, *Manuel d'antliropologie.*

волосы[41].

Цвет волос, независимо от их густоты, длины и формы, кажется нам красивым или дурным, смотря по нашему личному вкусу, который в свою очередь подчиняется многочисленным влияниям привычек, воспитания, расы, предрассудков, ассоциаций мыслей и чувств.

Для тонкой эстетической оценки в этом отношении существуют, однако же, некоторые руководящие идеи, общие всем европейцам или, вернее сказать, всем людям высшей расы. Нам нравятся волосы *редко встречающихся* цветов, *крайних* оттенков, или такие, которые, соединяя в себе разнородные оттенки, сразу производят несколько впечатлений. Вот почему мы ценим волосы пепельного цвета и белокуро-рыжеватые (редкий цвет), черные как смоль и ярко-каштановые; наоборот, неопределенно-русые и неопределенно-темные волосы нам не по вкусу. Рыжие волосы, хотя и редко встречающееся, не нравятся почти никому, так как это тип почти уродливый, всегда сочетающийся в представлении с двумя отвратительными вещами: потом противного запаха и бесчисленными пятнами на коже.

Волосы могут быть так длинны, что превышают длину тела, или так коротки, что имеют лишь несколько сантиметров длины. У арийцев и семитов бывают длинные волосы; у народов, имеющих курчавые волосы, последние в тоже время и коротки. Андалузцы, испано-американцы и женщины Парагвая славятся длиною своих волос. В Сальте я знал одну очень красивую даму, у которой волосы достигали пяток и даже переходили за них на один дециметр; в Парагвае я видел молодых девушек, которые могли завертываться в свои волосы и без всякой другой одежды считать себя достаточно прокрытыми.

Длина волос не зависит от их количества или, по общепринятому выражению, от их густоты. Эту густоту, однако же, нельзя определить верно с первого взгляда, так как толстые волосы занимают больше места, чем тонкие, что и может ввести в ошибку. Вообще блондины имеют больше волос, чем брюнеты; шатены занимают между ними средину.

После пятидесяти лет волосы в большинстве случаев начинают выпадать, причем появляется физиологическая плешивость. Иногда, впрочем, волосы сохраняются до глубокой старости. Негры, папуасы, американцы делаются плешивыми реже и позднее европейцев, которые лысеют иногда в тридцать лет. Женщины, у которых волосы длиннее наших, сохраняют их также дольше и почти никогда не делаются совершенно плешивыми.

Поперечный *разрез* волоса под микроскопом не всегда представляет одинаковую форму. Несколько лет тому назад Pruner-Bey и Ружон полагали, что по различию формы поперечного разреза волоса можно определить все человеческие племена. Но при более внимательном исследовании все антропологи пришли к убеждению, что эти два врача ошибались, приняв за постоянное и естественное явление то, что составляло лишь результата способа перерезки волоса[42]. В настоящее время известно, что курчавые волосы имеют поперечник эллиптический, а прямые – круглый. Между этими формами есть, много промежуточных.

Смотря по вкусу, предпочитают то прямые волосы, то вьющиеся; но мы обыкновенно не терпим волос курчавых, шерстистых, потому что с ними связывается представление о некоторых чертах низших рас.

Bory de Saint-Vincent разделял людей на расы лейотрихические, т. е. с гладкими волосами, и на расы улотрихические– с волосами курчавыми. Позднее антропологи подразделили курчавые волосы на эриокомические (с равномерной рассадкою, как у негров) и на лофокомические (с прерывистой рассадкою, как у готтентотов, негритосов и бушменов); но Топинар показал, что такое подразделение не основательно. Если расчесать гребнем курчавые клочки лофокомов и обрить волосы, то будет ясно видно, что корни волос рассеяны у них равномерно по всей поверхности черепа, без всяких следов островков и кустов, о которых говорилось в этнологических и антропологических сочинениях[43].

Курчавые волосы негра очень тонки; корни их меньше и сидят менее глубоко, чем у всех прочих племен.

---

[41] Raseri, *Materiaux pour I'ethnologie italienne.* Rome, 1879, p. 120. Что касается Италии, то мы отсылаем читателя к приложению в конце книги; там он найдет данные относительно цвета глаз и волос в Италии.

[42] *Bull. de la Société d'anthropologie,* Paris, 1873. p. 3.

[43] *Bull. de la Sócieté d'anthropologie,* 1878, p. 61.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Пфафф[44], измеряя среднюю толщину волос у человека, пришел к следующим результатам:

Пушок грудного ребенка	0,008–0,01
— на плече ребенка	0,015
— на верхн. губе у женщины	0,018
Волосок на плече у человека	0,03–0,04
Ресница у человека	0,01
Волосы мужчины	0,08
— женщины	0,06
Волосок на руке человека	0,07
— на носу	0,08
— на лобке (у мужчины)	0,12
— (у женщины)	0,15
Брови мужчины	0,12
Усы	0,13—0
Борода	0,15
Волосы под мышками	0,15
Щетина свиньи	0,27

11 лет назад мною написано было относительно эстетики и поэзии волос несколько прочувствованных строк, которые, с позволения читателя, я намерен здесь воспроизвести. Надеюсь, мне извинят такую кражу, которую сам хозяин производит у себя самого.

Глаз – это окно души; в губах может быть сосредоточено столько красоты, что ее хватит на то, чтобы убить или спасти человека; на лбу может блистать гений до того ярко, чтобы заставить сказать, что в человеке есть божественное начало; подбородок уже сам по себе может обнаруживать беспредельную доброту и кротость; туловище своими гибкими движениями способно обнаруживать силу и любовь; волосы же, которые не говорят, но и не лгут, и которым природа отказала в чувствительности, могут во сто крат увеличить все прочие виды красоты и в своих бесконечных лабиринтах скрывать столько поэзии, сколько в состоянии человек постигнуть и создать.

Они повинуются бесчисленным капризам воображения; они поддаются самым смелым фантазиям прикосновения; они разнообразят до бесконечности эстетическую игру лица, и даже в неподвижных чертах скелета создают ежеминутно новые проявления красоты; на одном и том же лице они рисуют сотни различных картин, из одной красоты творят тысячи красот. Это – словно живая ткань, с беспредельною покорностью уступающая требованиям желания, вкуса, искусства; это – словно волна, блистающая огнем, страстью, чуть не мыслью, – волна, которая плавно и беспрестанно поднимается на поверхности как бы вечного потока.

Голова человека – это храм его мыслей, его страстей; здесь именно царит его величие и мужественная красота; но там, где оканчивается человек и начинается небо, – там ветер колышет целый лес, уже как будто не составляющий плоти, но еще не являющийся и простой стихией; это граница, на которой глаза никогда не перестают искать ощущений и где туманные облики вечно меняющихся и вечно прекрасных форм волнуются, точно живые.

Человеку не доставало формы, способной дробиться до бесконечности, недоставало бесконечной множественности частей мира растительного: природа ему не отказала и в этом, дав ему волосы, которые для осязания являются источником самых разнообразных наслаждении.

Различные народы относятся к волосам различно, но не всегда соответственно своему иерархическому положению среди других племен. Квакеры, занимающие очень высокую ступень в развитии человечества, довели свой уход за волосами до минимума; такой же индифферентизм обнаруживают многие американские расы и лапландцы. Напротив, папуасы много занимаются своими волосами: они их заплетают и убирают на тысячу различных способов, которые заслуживают названия парикмахерской архитектуры. Замечательно, что у них мужчины больше женщин заботятся о своей прическе и охотно подвергают себя неудобству класть во время сна голову на деревянную подкладку, лишь бы не испортить причудливых зданий, воздвигнутых из волос на их черепе. Даже и в Европе, у различных наций и в различные времена, волосы убирались весьма странным образом и должны были повиноваться крайне затейливым капризам моды. Скрученные и перекрученные, сплетенные или распущенные, они увеличивали собою размеры головы в различных направлениях, образуя род башни, гнезда, лепешки. Эстетическая и

[44] Pfaff, *Das menschliche Haar, etc., Ziceite cermehrte Auflage*, Leipzig, 1869.

этническая история волос, без сомнения, могла бы составить довольно объемистую книгу.

Борода

Борода – исключительная принадлежность мужчины; всем женщинам природа отказала в этом украшении. Впрочем, у некоторых племен мужчины имеют такую маленькую бороду, как если бы и совсем ее не было. Надо сказать, что борода не имеет никакого отношения к умственному развитию расы, так как она одинаково хорошо растет и у австралийцев, и у самых красивых и самых высоких типов арийского и семитического племен.

К наиболее безбородым относятся вообще все народы, принадлежащие к монгольской и американской расе. У лапландцев я нашел очень жиденькие бороды, да и то лишь на верхней губе и на подбородке.

Из народов, имеющих редкую бороду, многие ее выдергивают. Так поступают тегвельхи в аргентинских пампасах, употребляя для этой цели особые серебряные щипчики. То же проделывают калмыки и маорисы, у которых существует даже пословица: «Нет жены для косматого мужчины».

Русские, персы, скандинавы имеют очень красивые бороды. У некоторых восточных племен весьма замечательна резкость контуров бороды, между тем как у австралийцев и у племени Тодас (Todas) борода беспорядочно разбросана по лицу небольшими космами.

Борода нравится женщинам и нам самим, потому что представляет характерную принадлежность пола и придает лицу мужественный вид. На том же основании бороду неприятно видеть у женщин, как отталкивающее уродство, отсюда и наша пословица: «Бородатую женщину приветствуют камнями».

Физиономисты, астрологи и поэты, рассуждая о бороде большей частью шутили на счет ее значения. Припомните шестистишие Кваданьоли, посвященное усам:

Черные усы – признак мужественной смелости;
Русые – указывают на горячую голову и добрый нрав;
Рыжие – на коварство; белокурые – на благородство души;
Белые – на недостаток жизненности;
Щетинистые – изобличают ярость; пушистые – простоту;
Большие – удальство; жидкие – бессилие.

И у человека, и у человекоподобных обезьян цвет бороды бывает вообще светлее цвета волос на голове.

Родимые пятна

Родимые пятна могут находиться на всех частях тела, в том числе и на лице, где, смотря по месту, по величине, форме и окраски, они являются украшением или же источником безобразия. Маленькая темная или черная родинка, капризно приютившаяся на подбородке какой-нибудь дамы, или возле ее губы, или на щеке, будет резче оттенять белизну кожи и, привлекая к себе наше внимание, может прибавить еще больше прелести к самой совершенной красоте. Некоторые маленькие родинки пользуются привилегией получать больше поцелуев, чем губы; в эстетике человека они имеют почти такую же ценность, как и известные маленькие ямочки на одной или на обеих щеках, прельщая собою и вдохновляя любовью того счастливого смертного, который ими любуется.

Известно, что в различные времена женщины делали себе искусственные пятна на лице, а древние физиономисты занимались отыскиванием соответствия между родимыми пятнами, находящимся на различных частях тела.

Де Лапорта в пятой книге своего сочинения представляет нам фигуру, где отмечены подобные совпадения: на этой таблице изображена фигура, на половину мужская, на половину женская, с тем чтобы показать, где у обоих полов находятся родимые пятна; линии указывают места их на лице и на теле. Эти каббалистические законы, управляющие, по мнению Де Лапорты, распределением родимых пятен на теле, почти целиком заимствованы у араба Али-Абенрагеля. Вот образчик этих странных бредней:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

… Мелами говорит, что женщина, имеющая родимое пятно на удачу, или на носу, будет поклоняться Венере больше; женщина, с родимым пятном на боковой части носа, будет ненасытна в своем любострастии. Али присовокупляет, что если кто-нибудь имеет родимое пятно на ухе, у того должно быть другое на ляжке»….

Галантный Казанова вероятно перечитал этих древних физиономистов, так как однажды в Голландии, увидя родинку на лице одной красивой дамы, он брался угадать, на каких более скрытых частях сидит другая родинка.

Морщины

Морщинами называются складки и более или менее глубокие борозды; образующиеся на коже под влиянием времени, или вследствие часто повторяющихся мышечных сокращений, или, наконец, от какого-нибудь расстройства питания.

Морщины мало изучались, хотя и могли бы служить интересным предметом научного исследования. Относительно гистологических свойств морщин я справлялся у моего знаменитого друга, проф. Биццозеро, и он любезно сообщил мне те немногие данные, какими располагает наука по этому вопросу.

По словам Геняе[45], «морщины на лице образуются в более поздних периодах жизни, вследствие понижения электрических свойств и упругости кожи, от растяжения и постепенного расслабления ее ткани… Они проникают в глубь дальше надкожицы *(epidermis),* так как их можно видеть на коже и по удалении эпидермы».

Согласно О. Сиону, мелкие бороздки, рассеянные по всему телу и перекрещивающиеся между собою, располагаются соответственно направлению пучков кожи; ось их параллельна оси главнейших соединительнотканных пучков.

Лангер показал, что от перекрещивания пучков соединительной ткани в коже образуются ромбоидальные петли, длинная ось которых, в различных областях тела, параллельно направлена естественной сократительности кожи. Никогда, однако же, она не бывает параллельна к главной оси тела: на туловище и конечностях упомянутые петли направляются вкось – вперед и вниз.

В сочинениях Кёлликера, Штриккера, Краузе, Пуше и Турнё я не нашел ничего интересного по этому предмету.

Итак, известно только, что морщины захватывают всю толщину кожи, и что направление их зависит от преобладающего направления пучков соединительной ткани, входящих в состав сетчатого отдела кожи.

Для мимики изучение морщин несравненно важнее, чем для гистологии, так как морщины роковым образом отмечают известные периоды человеческой жизни, или как говорит Расин:

Qund, par d'affreux sillous, l'implacable vieillesse
A sur un front hideux imprime la tristesse.

(Когда на отвратительном лбу ужасными бороздами неумолимой старости начертана печаль.)

Они могут также рассказать страничку из нашей истории:

Les rides sur son front ont grave ses exploits.
Corneille.
(Морщины вырезали на лбу его подвиги.)

[45] Henle, *System anat.,* vol. II, p. 9.

Морщины могут находиться на всех частях тела: на руках, на шее, на животе; преимущественно же их встречают на лице и на более подвижных частях его, как, например, вокруг глаза, на подбородке и в пространстве между верхнею губою, носом и щеками.

По направлению морщины можно разделить на горизонтальные, перпендикулярные к оси тела, косые, дугообразные и, наконец, смешанные или перекрещивающиеся.

Чаще всего встречаются и наиболее характерны следующие морщины:

–*Поперечные морщины на лбу,* бывающие даже у детей, когда они истощены, страдают английской болезнью или идиотизмом. У человека здорового они составляют нормальное явление в возрасте за 40 лет.

–*Вертикальные морщины на лбу,* которые рано появляются у людей, много работающих головой, но в известном возрасте обыкновенно бывают у всех.

– *Дугообразные или перекрещивающиеся морщины* встречаются на середине нижней части лба и, если появляются слишком рано, указывают на продолжительные и сильные физические или нравственные страдания.

–*Гусиная лапка* неизбежно появляется в сорок лет, а иногда и раньше. Она состоит из морщин, расходящихся лучеобразно от наружного угла глаза.

–*Морщины носа,* поперечные или нисходящие, наблюдаются у взрослых и стариков.

–*Морщина носогубная,* нисходящая от верхней части крыльев носа к углам рта. Это по всей вероятности первая морщина, производимая временем, и раннее ее появление может быть результатом наследственности. У меня она существует с 22-х летнего возраста.

–*Морщины щечно-подбородочные,* которые идут, слегка искривляясь, от щек вниз к подбородку.

–*Маленькие морщины* в виде узких петель, покрывающие все лицо, – признак старости и увядания.

–*Морщины век,* которые бы я охотно назвал бы половыми; они очень тонки и появляются на верхнем веке, а иногда и на нижнем. Они придают глазу утомленный вид; их часто можно видеть у развратников, а у женщин – в период месячных очищений, особенно когда менструации неправильны и болезненны.

У мужчин морщины показываются раньше, чем у женщин; они являются раньше и бывают глубже у людей нервных, у которых лицо очень подвижно, а также у тех людей, которые вследствие болезни утратили свою тучность и сильно похудели.

Против некоторых морщин нет никаких средств; их нельзя ни предотвратить, ни уничтожить: это значило бы остановить течение времени. Справедлива испанская пословица: *«Зубы лгут, волосы обманывают, а морщины выдают»*.

Поменьше движений лица, смазывание его жирными веществами, защита от палящих лучей солнца – вот неплохие предосторожности против морщин; но для людей, не занятых своею наружностью, это лекарство, пожалуй, будет хуже самой болезни.

Естественное и лучшее средство состоит в том, чтобы потолстеть к тому времени, когда обыкновенно появляются морщины: кожа при этом растягивается и тем замедляется фатальное появление на ней складок. Зато нет ничего хуже, как после ожирения, развившегося до 40 лет, похудеть ко времени появления морщин[46].

Глава V. Сравнительная морфология лица человека. Эстетика лица

Прочитав заглавие этой главы, можно подумать, что с моей стороны очень самонадеянно и смешно рассчитывать изложить на нескольких страницах такой обширный предмет, которого достало бы для исследований на целую жизнь. Спешу объяснить, что здесь я излагаю только сущность содержания двух других моих книг, готовящихся к изданию, если время и мои силы это позволят. В моей книге *Microcosme* я намерен представить *опыт учения о человеке,* где будут рассмотрены все этнологические вопросы, касающиеся этнических разновидностей лица человека. В другой книге *Epicure* я постараюсь представить трактат *об изящном,* где человеку, конечно, будет отведено первое место.

То, что я изложу в этой главе, будет достаточно, чтобы в моей работе о мимике находились налицо все

[46] Эта страница о морщинах содержит в себе зачаток особой монографии, которая, если позволит время, будет издана позднее.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

ее члены, не исключая и тех, которые, не имея еще нервов и мышц, уже обрисовались хотя бы в главнейших штрихах. Умеющий читать между строк откроет в них очертания моих этнологических и эстетических воззрений и найдет материал для продолжительного исследования, которое, может быть, не останется бесплодным.

Лица человеческие до такой степени разнообразны по своим относительным размерам и своим чертам, сходству или несходству, что можно сказать, – сколько людей в мире, столько и лиц, и что ни одно из них еще не повторилось в течение веков. Однако же, некоторые из них до такой степени похожи одно на другое (как это бывает у некоторых близнецов одного и того же пола), что легко можно принять их одно за другое, другие же, наоборот, до того различны, что как будто принадлежат живым существам различного рода. Сближение лиц сходных, разделение лиц несходных – это задача классификации и в этнологии, и невидимому нетрудная, в действительности же это одна из самых тяжелых работ, выпадающих на долю натуралиста. Различия проявляются в бесконечно малых степенях; между крайними полюсами известного ряда лиц такое множество промежуточных звеньев, что между ними весьма легко запутаться даже самому проницательному исследователю и самому опытному классификатору. Если бы возможно была сразу поставить перед собою ряд лиц всего человечества, то посредством бесконечного ряда промежуточных лиц можно было бы соединить лицо Венеры Милосской с лицом тунгуски, лицо Аполлона Бельведерского с лицом австралийца – без перерыва в ряду и без особых препятствий.

Шесть лет тому назад, я послал другу моему, профессору Гильоли, письмо об этнологии (Введение к кругосветному путешествию итальянского корвета *Маджента,* Майснер, 1876 г.), в котором я изложил мой символ веры, мои убеждения о племенах человека. В настоящее время, спустя шесть лет, после той внутренней и внешней критической разработки, которая могла бы разъесть сталь самых крепких убеждений, я с удовольствием вижу, что и теперь мои воззрения остались такими же, какими были и прежде. Может быть я видоизменил расположение какой-либо ветви или отростка этнологического дерева, но все-таки мой символ веры еще и теперь имеет для меня всю авторитетность догмы. Вот этот символ веры, в котором слова – человек и племя нужно только заменить словом лицо, чтобы составились тезисы моей теории по сравнительной морфологии лиц человеческих.

1. Человек – одно из наиболее космополитических животных и наиболее изменчивых, и потому он представляет чрезвычайное разнообразие племен и их подразделений.

2. Число племен неопределенно; многие исчезли, другие же образовались вновь или могут образоваться впоследствии.

3. Чем далее подвигаемся мы вместе с историей, тем более и более мы открываем племена и их подразделения, потому что в прежние времена люди не так много путешествовали и дольше оставались изолированными одни от других.

4. И внизу и на вершине родословного дерева всего человечества ветви и отростки сближаются между собою настолько, что самые высокие ветви находятся в связи с самими низкими. Негр, возвысившийся до кафра, уже приближается к европейцу, а европеец, спустившийся ниже, вследствие напр., эпидемического зоба, или кретинизма, или голодания, приближается к негру или к австралийцу.

5. Вообще низшие племена имеют черную или смуглую, а высшие – белую или почти белую окраску.

6. При классификации племен нужно сколь возможно менее гоняться за родоначальниками племен, так как эти розыски – самый обильный источник этнографических ошибок.

После того как я опубликовал свое этнологическое дерево, в котором я классифицировал племена по критерию умственного развития, из этого дерева возникли два других. В одном из них племена сближаются одно с другим по внешним морфологическим признакам, без всякой предвзятой мысли о моногенизме или полигенизме, без всякого подчинения какому-либо авторитету филологическому или этнологическому. В другом – племена распределены по требованиям эстетики, как понимаем ее мы, арийцы.

Вот три различных основы классификации: *система, метод и образ действия (modus agendi),* зависящий и от метода, и от системы.

Первая и вторая системы классификации наиболее сходны в результатах распределения племенных ветвей. Очевидно опыт этнологии, предложенный мною антропологам, не был настолько систематичен, как это казалось на первый взгляд. В самом деле, мозг очень сложный орган; это, так сказать, высший синтез всех жизненных сил, и потому в нем сконцентрированы сотни вторичных признаков и сам он

модифицируется, возвышаясь или понижаясь вместе с ними.

Я полагаю, что главнейшими этническими типами, под которые можно подвести лицо человеческое, можно считать следующие:

1. Лицо арийское (очень часто смешивающиеся и сливающиеся).
2. Лицо семитическое (очень часто смешивающиеся и сливающиеся).
3. Лицо негра.
4. Лицо негритоса.
5. Лицо готтентотское.
6. Лицо монгольское.
7. Лицо малайское.
8. Лицо американское (приближающееся к арийскому и монгольскому).
9. Лицо австралийское.

Малоразвитые народы придают своим богам этнический тип, свойственный их собственному племени. Тоже, что с богами, делают и с национальными масками. Рассматривая итальянские маски stenterello, gianduia, meneghino, pantalon, arlequin и др., мы видим, что в этих карикатурах народ всегда олицетворяет себя самого, преувеличивая лишь черты собственной физиономии.

Много томов будет еще написано о красоте вообще и о красоте человека в частности до тех пор, пока человек будет обитать на нашей планете, и пока будут основываться школы эстетики, которые не один раз переменят свое знамя. Я тоже напишу свою книгу, которая может остаться гласом вопиющего в пустыне, если будет выражать только мои мнения и мою мысль, или же, в лучшем случае, будет принята, как выражение взглядов известного времени и народа.

А пока, да позволено мне будет начертать, подобно волшебникам, магический треугольник, который, по моему мнению, обнимает собою всю казуистику эстетики. Для меня эта великая проблема вполне очерчена тремя определениями, исходящими от трех гениев, не только различных, но даже противоположных:

> Красота есть отблеск истины. *Платон*.
>
> Для жабы самца красота – это его жаба-самка. *Вольтер*.
>
> Красота физическая… не подчиняется ли она капризам, чувствам, не зависит ли от климата и от вкуса? *Мирабо*.

В красоте мы ищем тип совершенства, тип всевозможных вещей, прототип всех типов. И мотылек красив, когда его идеальная легкость соединена с поразительным блеском и окраскою форм, свойственных этому насекомому; и бурый лев с его мохнатою гривою красив своею силою; человек красив более всякого другого живого существа, потому что поставленный выше всего животного царства, он обладает самыми изящными формами при самых могучих проявлениях жизни; он особенно красив для нас, потому что мы ему симпатизируем безгранично, и красота его увеличивается до бесконечности, когда она может сразу удовлетворять большому количеству наших интеллектуальных требований.

Есть красота человека вообще и в частности – красота половая, красота для каждого возраста, для каждого племени, для каждого семейства и индивидуума. Легко понять, перефразируя остроумное определение Вольтера, что белая женщина для нас самая красивая, потому что сами мы белые, и, наоборот, для негра ничего нет красивее его мясистой подруги с толстыми губами. Однако это не вполне точно, по крайней мере, по отношению к неграм и южным американцам: когда им предстоит выбор между негритянкой и индианкой, они предпочитают ту, которая по типу более приближается к их племени, но я утверждаю, что когда им представляется выбор между красивой белой женщиной и красивой негритянкой или индианкой, они без колебаний отдают предпочтение первой.

Манчилла в рассказе своем о военном походе в аргентинских пампасах, сообщает следующий разговор с одним местным жителем *(Ranquele)* [47]:

[47] Lucio V. Mancilla. *Una escursion a los Judios Ranqueles.* Leipzig, Brockhaus, 1877. vol. II, p. 277.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

–Кто тебе больше нравится, китаянка *(china)* или христианка?
–Христианка.
–А почему?
–Христианка белее, выше ростом, кожа ее тоньше и вообще она грациознее.

Я твердо держусь того типа красоты человека, который выше всех второстепенных типов красоты монгольской, американской, негритянской, и проч. Я всегда находил, что если человек низшей расы оказывается замечательно красивым, то он всегда приближается к нашему арийскому типу. Можно убедиться в этом на типах женщин японок и кафров.

Половой элемент настолько усложняет морфологию человеческую, что существуют два типа красоты: один для мужчины, другой для женщины, и что в одном и том же племени мужчины и женщины не всегда одинаково красивы. По-видимому, специальный тип всякого племени приспособлен преимущественно то к мужской, то к женской красоте. Так, в Италии мужчины красивее женщин, в Испании – наоборот. Во всех случаях, когда женщина принимает вид мужчины, она делается некрасивою.

Из числа известных мне наций самые красивые женщины – испанки и англичанки; что касается до наций, известных мне только по отзывам других лиц, то я укажу на репутацию красоты грузинок и черкешенок. Замечательные образцы мужской красоты мы встречаем в Италии, Англии и на Востоке. Тунгусские женщины кажутся безобразнее всех других. У большинства из них челюсти занимают большую часть лица, а глаза представляют узкие, длинные щели, через которые видны маленькие черные шарики без всякого выражения. Самые безобразные мужчины – австралийцы, моковиты Аргентинской республики, которую я много раз посещал, и жители Феца.

Все племена носят в себе чувство человеческого братства. Но всякий человек, рожденный под солнцем, имеет одинаковое стремление к самовозвышению. Доказательство тому то отвращение, какое обнаруживают даже очень белые мулаты, когда им приходится сознаться, что в их жилах течет кровь негра, а еще более – ужасающая всех и каждого мысль быть похожим на обезьяну.

Некоторые негры, австралийцы и папуасы вырывают, подпиливают, и красят себе зубы, чтобы не быть похожими на обезьян или собак. Почти у всех обитателей земного шара считаются безобразными: низкий, волосатый лоб, выдающаяся челюсть и нос, уменьшенный почти до полного отсутствия.

Подобно бабочке, которая, выйдя из куколки, сбрасывает, как нечто позорное, все следы своего состояния личинки, так и все люди смотрят вверх и соприкасаются с землею возможно меньшею частью своего тела.

Сколько бы мы ни расчленяли, по фантазии, племена на какое угодно число отдельных разновидностей, сколько бы мы ни видоизменяли и ни переделывали наши систему и методы классификации, все-таки, все двуногие, едва умеющие добыть огонь и говорить между собою, чувствуют себя братьями; наперекор всяким доктринам, они и любят, и убивают друг друга, но над трупами умерших вновь завязываются узы любви.

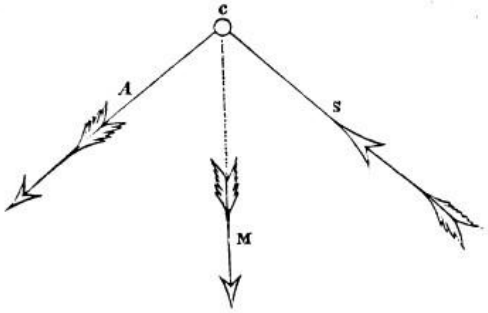
Часть вторая. Мимика или выражение чувств

Глава VI. Азбука мимики

Если бы мы приняли слово выражение в наиболее широком смысле и в его этимологическом значении, то рисковали бы сразу подвести под это понятие слишком много различных явлений и сделали бы мимику синонимом языка (речи).

Язык (речь) выразительнее всякой мимики, но не есть мимика, хотя последняя и может представлять собою часть языка и даже заменять его. Можно когда угодно убедиться в этом: стоит только посмотреть на глухонемого или на двух собеседников, не знающих какого-либо общего им обоим языка, когда им нужно сообщить друг другу свои мысли или свои ощущения.

Мимика – одна из тех центробежных энергий, которые исходят от великих преобразователей силы – от нервных центров. Известное количество движения, полученного извне в форме света, теплоты, звука, превращается в волнение или мысль, которые, отражаясь затем в центробежном направлении, вызывают известные мышечные движения. Такими движениями могут быть: крик, членораздельные слова или жесты. Вообще *мимическая работа* есть проявление известной части, иногда очень малой, той преобразованной в центрах силы, которая участвует в более сложных и более возвышенных актах. Представленная ниже схематическая фигура показывает графически, как происходят явления мимики. Впечатление S восходит к центру C, там преобразуется, положим, в чувство любви, которое затем идет центробежно по линии CA и дает в то же время мимический ток по линии CM.



Таким образом можно сказать, что мимика есть как бы побочный ток от волнения и мысли.

Мимика – одно из самых элементарных проявлений нервной деятельности; она обнаруживается даже у самых низших организмов. Даже инфузории, моллюски, насекомые производят такие движения, которые не служат собственно целям питания, дыхания, кровообращения, генерации, а представляют только выражение ощущений. В животной экономии мимика имеет два различных и важных назначения.

Она может заменять язык (речь) или же дополнять его.

Она может защищать нервные центры и другие части тела от различного рода опасностей.

Подобно языку, мимика представляет большое разнообразие форм, но, несмотря на это, она всегда – более общий язык. Слова, каково бы ни было их происхождение, всегда имеют условное значение, и потому они пригодны только для того, кто их понимает и знает их смысл. Напротив того, мимика есть язык всех людей, и область ее распространения, собственно говоря, переходит за пределы человечества: она понятна и для животных, приближающихся к нам по устройству нервных центров. Скажите собаке или ребенку, еще не умеющему говорить, или иностранцу, не знающему вашего языка, например, слово *разбойник,* сопровождая его благосклонною улыбкою или ласковым жестом, – и эти три существа, столь различного рода, но одинаково не понимающие значения слова разбойник, ответят вам ласковою мимикою. Наоборот, скажите им слово *любезнейший* со злобным выражением или с угрожающим жестом и вы увидите, что они испугаются, убегут или примут жалобный вид. Этого крайне простого примера достаточно, чтобы показать границу, отделяющую условный язык (речь) от простого и элементарного языка мимики.

Однако же, и в мимике есть много условных знаков, значение которых надо уметь понимать, также как и значение слов какого-нибудь языка. Ломбардец, француз, немец, прибывшие в первый раз в Неаполь, конечно, не поймут немой мимики неаполитанца, который, например, вместо того, чтобы сказать нет, смыкает губы, откидывая голову назад. Точно также люди многих других наций не сочтут себя оскорбленными, когда увидят, что миланец приложит большой палец руки к концу своего носа, растопырив остальные пальцы в сторону своего собеседника и двигая ими попеременно; никто из нас не придет в ярость оттого, что миланец, положив крестообразно один палец на другой, как бы показывает известную меру длины; между тем как этого жеста достаточно, чтобы возбудить бурю негодования во всей Аргентинской республике.

В этой книге мы не будем касаться той стороны мимики, которая вполне условна и подлежит изучению подобно языку глухонемых. Мы займемся здесь только явлениями мимики самородной, автоматической, которые почти во всех частях света одинаковы и потому составляют настоящий универсальный, общепонятный язык. Ласка, поцелуй, благосклонная улыбка везде будут приняты как знаки любви, а скрежетание зубами, поднятие сжатого кулака и другие подобные жесты всегда будут поняты, как выражения угрозы, гнева или ненависти. Без сомнения, существуют и другие равнозначащие формы, но все

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

они настолько похожи, что не могут быть поняты в каком-либо другом смысле. Два малайца предпочитают целоваться носом об нос, а мы предпочитаем поцелуй губами; но ведь никто же не примет трение носа об нос за выражение ненависти; подобно этому и все различные у различных народов формы любезного и почтительного приветствия всегда и везде будут приняты за то, что они выражают и на самом деле.

Но чаще всего мимика, не заменяя вполне изустную речь, только дополняет ее, видоизменяет или подкрепляет.

Другое назначение мимики состоит в том, чтобы защищать нас от опасности. Кошка перед собакою, которая гораздо сильнее ее, ощетинивает шерсть и надувается, чтобы объем ее показался больше действительного; точно также, угрожая кулаком, оскаливая зубы, сморщивая брови, мы стараемся казаться *больше,* чтобы яснее показать нашу оборонительную силу.

Многие жесты, на самом деле не способные нас защитить, показывают только намерение защитить себя. Закрытие глаз при блеске молнии, поднятие рук над головою при землетрясении, конечно, не могут нас защитить, но это – автоматическое выражение желания защититься.

Если бы кто-нибудь стал утверждать, что всякое мимическое выражение имеет защитительный характер, то высказал бы мнение, хотя и парадоксальное, но по существу справедливое. Очень сильное волнение может нас убить, если оно не успеет передаться наружу посредством двигательных нервов и проявиться в мимическом движении. Во многих случаях, достаточно потерять возможность плакать или возможность смеяться, чтобы подвергнуть опасности нервные центры, а, следовательно, и жизнь. Всем известна история о том, как муж лишил жизни свою жену, крепко связав ее и щекоча ее подошвы. И много подобных событий ежедневно случается в жизни.

Самый красноречивый человек в мире будет невыразимо мучиться, если, в момент наибольшего увлечения, вынужден будет говорить со связанными или привязанными к столбу членами; при этом умолкнет его красноречие и превратится в беспорядочные конвульсии и бред. Я полагаю, что в этом отношении можно формулировать закон, определяющей одну из главнейших букв мимической азбуки.

Богатство мимических элементов всегда находится в прямом отношении к степени напряжения и чувствительности психического акта.

Слабое впечатление оставляет нас почти в совершенном покое, между тем как сильное волнение производит целый *ураган мимики.* При чрезмерном напряжении отраженного тока в центробежном направлении мышцы приходят в тоническое сокращение, и тогда получается чрезмерное мимическое выражение, похожее на столбняк.

Мысль, как явление по преимуществу математическое, всегда сопровождается менее распространенною мимикою, нежели чувство.

Чтобы убедиться в различии той роли, какую играют в мимике мысль и чувство, достаточно сравнить оратора, читающего свою речь, с оратором, свободно отдающимся своему вдохновению в речи. В первом случае жесты редки, заучены, холодны, часто неуместны, несвоевременны. Во втором случае мимика сильна, действительна, широковещательна. Такому различию мимики вполне соответствуем и эффект слова *прочитанного* или же слова *сказанного.* Никакая книга никогда не может заменить изустного рассказа или урока. Хотя мы иногда и проклинаем тот культ нашего века, который состоит в поклонении парламентам и речам, но должно признаться, что *устная речь* (parole parlée) – одно из самых сильных орудий человека. Все религии и многие философские школы основались более при содействии устного слова и даже при участии мимики, чем посредством книг.

Между книгой прочитанной и книгой пересказанной нет ни какой разницы в идеях; но эти идеи, выходящие из уст воодушевленного ими человека, доходят до мозга толпы путем уха, представляющего широкую дорогу для чувства. Слово писанное, напротив, холодно; оно доходит до мозга через глаз, представляющий собою орган интеллектуального восприятия и мало чувствительный. Это, может быть, одна из причин, почему слепой чувствует себя менее несчастным, нежели глухонемой. Этот последний лишен душевных движений, тогда как другой лишен только возможности видеть формы.

Слово произносимое имеет значение по преимуществу апостолическое: его видят, его чувствуют, оно является животрепещущим и схватывается целиком, проникнутое впечатлениями и парениям человеческого духа. Возьмем несколько примеров из различных сфер, чтобы убедиться в справедливости того, что я говорю.

Скажите громко среди толпы: «Пожар! Пожар!» или же начните кричать, бежа и жестикулируя: «Горим! Горим!» В первом случай многие останутся на месте, станут расспрашивать, узнавать. А во втором случае произойдет всеобщая и неудержимая паника – спасайся, кто может! Жест – акт более автоматичный, нежели слово, и потому легко увлекает к автоматическому подражанию. В этом можно убедиться, вдруг раскрыв, напр., зонтик на улице в пасмурную погоду, когда дождь еще не идет, или в омнибусе хватаясь рукою за кошелек, как бы для расплаты за место: вы увидите, что многие вслед за вами тоже раскроют свои зонтики и многие полезут к себе в карман за кошельками – по чисто автоматическому подражанию.

Припомните суматоху, появившуюся однажды в одном немецком театре, где случайно в тоже время был в местах на балконе и олимпиец Гёте. Едва только он встал и сделал жест для успокоения волнующейся и бушующей толпы, как вдруг всё стихло, как бы по волшебству, хотя он не сказал еще ни одного слова. А если бы, наоборот, он заговорил, не вставая и без жестов, – эффект был бы гораздо слабее, а может быть и ни какого бы не было.

Все великие ораторы обладают мощной мимикой, усиливающей действие их слова. У многих есть известный жест, или какое-нибудь привычное машинальное движение *(tic)*, необходимое для плавной и блестящей речи. Мингетти, напр., не мог говорить иначе, как держа в руке нож для разрезывания книг. Несчастный Борджио, трагической памяти, имел привычку поднимать ногу и теребить нижний край панталон, чтобы говорить красноречиво.

Друг, отличающейся крайнею назойливостью, красноречивым письмом просит у нас денег, и мы не решаемся дать их. Приходит другой к вам самолично и, благодаря жалостным жестам и удачной мимики, получает тотчас же то, чего первый не мог получить.

Женщина, устоявшая против сотни соблазнительных писем, сдается иногда при первом страстном взгляде, при первой любовной ласке.

Сочувственная связь психических актов между собою зависит, может быть, от аналогии их внутренней природы и вероятно также от тождества или сродства мимических центров, которые их воспроизводят. Интеллектуальный акт вызывает мысль; одно волнение вызывает другое; одно автоматическое движение сопровождается другим, таким же движением.

Если от индивидуальных фактов мы перейдем к великим фактам социальной и народной жизни (этническим), мы увидим, что везде оправдывается тот же закон. Чем ярче какой-либо народ воспринимает впечатления, тем богаче и выразительнее его мимика. Можно убедиться в этом, присмотревшись в галерее картин и статуй, – как люди различного характера и различных рас относятся к какому-нибудь потрясающему сердца художественному произведению.

Однако же, эта столь интересная сцена сравнительной мимики, вместо того, чтобы вызвать аналитическое, глубокое изучение особенностей психического строя различных семейств человеческих, по большей части дает только повод к международным остротам. Мы, напр., люди с живою мимикою, говорим про англичан, что они ничего не чувствуют! А они о нас говорят: «Это шуты какие-то!» Между тем и та и другая насмешка одинаково неосновательны. Нервная клетка итальянца моментально разряжается от накопившейся в ней энергии в центробежном направлении, и беда ей, если бы тысячи телеграфических нитей мимики не образовали собою предохранительного клапана! А нервная клетка англичанина заряжается глубоко и медленно, она сдерживает лучше нарастающую силу. Но люди, должно быть, до конца веков, вместо того, чтобы взаимно изучать друг друга для лучшего понимания, чтобы лучше любить и уважать друг друга, будут продолжать бросать друг другу в лицо эти международные оскорбления, которые резюмируются в таких более вульгарных выражениях: «Это гений, но он сумасшедший», или «Это человек счастливый, но он глупец!»

В мимике есть явления, не относящиеся прямо к условиям защиты, а относящиеся к разряду тех многочисленных сочувственных актов, какие встречаются в различных сферах нервной системы. Если не иметь постоянно в виду сочувственного автоматизма многих жестов, то половина всей мимики останется непонятною. Точно также, не изучив контраста между нашей волей и автоматизмом, невозможно понять всех оттенков, видоизмененных результатов выражения.

Вот четыре различных явления, как примеры того, что мы утверждаем:

–собака, видя вкусный кусок мяса, тотчас наставляет уши в направлении к желанному куску;

–играющий на бильярде, следя за шаром, пущенным им не по надлежащему направлению, показывает

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

глазом, губами, часто всем телом, направление, по какому он должен бы идти;

–портной, прилагая все свое внимание к разрезыванию дорогой материи, сопровождает движение своих ножниц синхронным движением челюстей;

– гребец в лодке часто сопровождает каждый удар весла движением губ.

Когда обращают внимание на какой-нибудь мимический акт, чтобы изучить его, он почти всегда уклоняется от своего самородного, естественного проявления; это можно видеть почти ежедневно на зевоте, которую докучливый наблюдатель сразу останавливает.

Окинув одним взглядом весь мир живых существ, можно сказать, что мимика является тем более интенсивною и тем более разнообразною, чем выше и чем развитее животное в социальном отношении. И устрица имеет свое мимическое выражение боли, но отсюда еще очень далеко до мимики Ниобы и Лаокоона.

Богатству мимики всегда соответствует известное совершенство анатомического строения. Мимика белого человека выше мимики негра, а мимика последнего выше мимики обезьяны, и потому именно, что мышцы лица оказываются более и более развитыми по мере перехода от человекоподобной обезьяны к человеку арийского племени. Весьма вероятно, что у некоторых великих драматических актеров и вообще у людей, умеющих мимикою лица подражать гримасам животных и самым разнообразным волнениям, существует более тонкое и более совершенное распределение работы, благодаря анатомическому устройству лицевых мышц. Вот что об этом пишет Бишоф:

> У моей молодой шимпанзе, также как у орангутанга и гиббона, вокруг всей круговой мышцы век, мышц круговой рта и ланитной есть особые мышечные волокна, которым можно было бы дать такие же названия, как и соответствующим мышцам человеческого лица. Но такое тождество трудно доказать, так как упомянутые мышечные волокна вовсе не изолированы от прочих волокон названных мышц. То же самое замечается и у других обезьян, – и я полагаю, что это обстоятельство согласуется с прежним мнением, что человек отличается от всех животных, включая сюда и наиболее развитых обезьян, именно большим развитием и более совершенным обособлением лицевых мышц. Правда, обезьяны сильно гримасничают и выражают энергично на своем лице низшие страсти сильного желания и гнева; но мимика нашего лица, передающая верно и характерно все волнения и страсти, стоит настолько выше, насколько у нас развитие лицевых мышц совершеннее, чем у обезьян[48].

У наших домашних животных мимика также пропорциональна степени их смышлености: боров и осел имеют скудную мимику, а лошадь и собака – более развитую. Мы тем легче понимаем животных, а они нас, чем ближе они стоят к нам в анатомическом отношении. И это происходит с тех пор, как человек и звери стали жить вместе, потому что за много веков раньше, чем Дарвин признал нас собратьями их во имя морфологии, природа уже соединила нас в обширное биологическое и психологическое братство.

Глава VII. Дарвиновы законы выражения

В предыдущей главе я старался привести к простейшим выражениям законы, управляющее мимикой, и начертать как бы азбуку мимики. Я, конечно, и не рассчитывал на то, чтобы определить все законы выражения; в остальной части этой книги я постараюсь только очертить главнейшими штрихами наиболее важные частности. Здесь же я желал бы кратко рассмотреть те три основных принципа, на которых основывается мимика по Дарвину. Эти три закона его, по моему мнению, не могут служить наивысшим показателем славы великого английского натуралиста. Но так как они изложены в бессмертной книге, подвинувшей значительно вперед исследования этого рода, то мы должны с ними ознакомиться и рассмотреть – в какой мере и каким образом они согласуются с естественными явлениями.

1. Первый закон Дарвина я выражу так: *закон сочетания полезных положений*. Некоторые сложные мимические выражения прямо или косвенно выгодны для известных состояний нервных центров. Когда

---

[48] Bischoff, *Beitrage zur Anatomie des Hylobates lenciscus*, München, 1870.

такие же условия (со стороны нервных центров) возникают вновь, хотя бы и в слабой степени, повторяется та же самая мимика, хотя бы она в данном случае была и вовсе бесполезна.

2. *Закон противоположности.* Некоторые психические состояния сопровождаются известными привычными действиями, которые полезны. Когда нервные центры находятся в противоположном состоянии, является невольное стремление и к движениям прямо противоположным.

3. *Закон действий,* обусловленных самим устройством нервных центров, независимо от воли, а также, до известной степени, и от привычки.

При всем моем уважении к одному из великих наблюдателей и мыслителей нашего столетия, я нахожу эти три закона неудачно сформулированными и очень неясными. В этом случае Дарвин более чем где-либо обнаружил недостатки своего чересчур аналитического ума. Между тем, сколько людей полагают, что он был склонен к слишком обширному синтезу! Он и обширен, если угодно, но также обширен, как природа, для которой он был таким замечательным толкователем. Первый закон неясно сформулирован: мысль в нем сглажена, не резко очерчена. Что касается второго закона, то было бы проще сказать, что противоположные причины производят и противоположные действия, так как случаи кажущейся противоположности относятся к явлениям симпатическим. Третье же положение, если я не ошибаюсь, вовсе и не заслуживает названия закона. Сказать, что некоторые нервные токи идут в одном, а другие в другом направлении, – значит, ничего не объяснить. Утверждать, что удовольствие вызывает смех, а скорбь – слезы, значит утверждать очевидный факт, а не объяснять его.

Если бы мне позволено было эти три закона, сформулированные Дарвином в готическом стиле, перевести в форму более симметрическую и более приспособленную к способу мышления латинских рас, я выразил бы эти законы так:

1. Существует мимика полезная, *оборонительная.*

2. Существуют мимические движения *сочувственные (симпатические).*

Обращаясь после этой краткой критики к деталям работы Дарвина; мы находим настоящие открытия в этой области, предоставленной прежде эмпиризму и гаданию; находим также чрезвычайное богатство частностей. Вот некоторые из них:

Закрытие век защищает глаз; но мы часто закрываем глаза и тогда, когда нам не угрожает никакая опасность: мы их закрываем, например, когда слышим очень сильный и внезапный шум.

Не принимая в расчет такого рода автоматического стремления к самозащите, невозможно было бы понять целую половину мимических движений.

Я часто замечал, что одна и та же или, по крайней мере, сходная мимика сопровождает весьма различные ощущения и волнения. Но это приводит меня прямо к предположению, что между этими двумя различными ощущениями или волнениями есть какие-нибудь общие черты в сопровождающем их центральном акте. Мы еще возвратимся к этому впоследствии, но можем рассмотреть и сейчас некоторые из подобных явлений.

Обыкновенно мы почесываем голову, когда чувствуем какой-либо зуд; но мы делаем тот же самый жест, задумываясь, вспоминая ускользающее слово, или когда желаем выйти из затруднительного положения.

Мы поднимаем верхнюю губу и сморщиваем ноздри, защищаясь от зловония, проникающего вместе с вдыхаемым воздухом до слизистой оболочки; и тот же самый жест у нас выражает презрение к кому-нибудь или отвращение от какого-либо предмета, оскорбляющего наше достоинство или нравственное чувство.

Мы трем себе глаза, чтобы удалить песчинку или мошку, попавшую в глаз и беспокоящую нас; но и желая прогнать какую-либо тягостную мысль, прибегаем к той же мимике.

Кашляют, чтобы удалить слизь, накопившуюся в глотки, гортани и дыхательном горле; но кашляют также и тогда, когда стараются разъяснить свои мысли, найти подходящее слово или выражение, выйти из затруднительного положения, выиграть время. Великий Кавур постоянно покашливал при своих парламентских речах.

При падении протягивают руки вперед (если успеваем); но тоже самое делают, падая в шутку на подушку или на постель, при этом нельзя, конечно, ушибиться.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Мы отклоняем голову от горящего факела или от рук очень возбужденного собеседника; но мы делаем такой же жест, когда хотим выразить, что мы далеки от предложения, которого принять не можем.

Мы закрываем глаза перед какою-либо ужасной сценой; но то же самое делаем и в темноте, когда наше воображение рисует нам какую-либо ужасную картину.

Анализируйте внимательно эти факты, и вы сможете их истолковать все: это или мимика чисто оборонительная, или мнимо-оборонительная от воображаемой опасности, или же– симпатическая, зависящая от волнения, аналогичного с тем, которое вызывает оборонительные жесты.

Многие мимические движения мы не относим к оборонительным только по своему незнанию биологии. Так, Дарвин удачно объяснил, что при плаче сокращение круговой мышцы век защищает деликатный орган зрения от прилива крови. Когда кусают себе губы или какие-либо другие части тела, раздирают тело, вырывают себе волосы, то, по-видимому, в вульгарном смысле, только прибавляют себе к одной боли другую; между тем как, на самом деле, такие самоистязания служат отвлечением для важнейших нервных центров и предохраняют мозг от серьёзной опасности при очень сильных скорбных душевных волнениях и переживаниях.

Дарвин сознается, что он не усматривает полезности дрожания при страхе. По моим же экспериментальным исследованиям боли, я нахожу это дрожание чрезвычайно полезным, так как оно ведет к развитию тепла и согревает кровь, которая под влиянием страха может слишком охладиться. Я полагаю, что можно объяснить и то, почему при сильной боли от прикосновения или при общей повышенной чувствительности мы перестаем дышать, или дыхание делается спазмолическим: мы таким образом вызываем легкую анестезию нервных центров, отчего боль и делается более сносною.

Наконец, рыдания, шумное выражение скорби, различные стоны могут быть полезны в том отношении, что вызывают сочувствие в окружающих, которое может принести нам помощь. Это бывает также и у животных, как я в этом убедился по собственному опыту в Америки, относительно быка и одного маленького попугая *(Canurus monachus).*

Оборона и симпатия, управляющая всей мимикой, у животных всегда более автоматичны, чем у человека, и более автоматичны у ребенка, нежели у взрослого. Эта разница присуща не только мимики, но и всем вообще актам психической жизни. *Sphynx macroglossa* едва только вылупится из куколки, как уже летает над цветами и в совершенстве выполняет все движения, необходимые для того, чтобы держаться на воздухе и собирать мед с цветов. Наоборот, нам, сынам Прометея, сколько нужно труда, изучения, опытов, – хоть бы для того, чтобы научиться прямо подносить ложку ко рту! Жеребенок тотчас при рождении бегает и скачет, а для нас нужны месяцы и годы, чтобы научиться ловко надеть себе пару перчаток.

Однако же, у животных мы находим и такого рода мимику, которая не может быть отнесена прямо к оборонительной и зависит от *атавизма,* а, следовательно, относится к симпатической мимике.

Дарвину принадлежит заслуга собрания и истолкования фактов подобного рода. Собака, прежде чем уляжется на ковре, поворачивается нисколько раз и топчется своими передними лапами, как бы для того, чтобы примять траву и приготовить для себя удобное место. Точно также, кошки боятся замочить свои лапы, может быть потому, что прародители их произошли на сухой почве Египта, и оттого они имеют стремление присыпать песком или землею всякое влажное место. Дочерям Дарвина удавалось заставить котенка делать такого рода движения посредством добавления воды в стакан, находящейся за его головою.

По автоматичности мимики, дети занимают среднее место между животными и взрослыми людьми. Часто школьный учитель наказывает целый класс за то, что все ученики начинают кашлять и чихать только потому, что один из них кашлянул или чихнул непроизвольно. Учитель наивно убежден, что все они кашляют и чихают нарочно. Между тем, если не всегда, то почти всегда, только непреодолимый автоматизм побуждает детей подражать тому, что один из них сделал по действительной надобности. Того же разряда вечная история с овцами, выбегающими из овчарни потому, что одна из них побежала, и возвращающимися назад потому, что одна из них вбежала обратно в овчарню. Клакеры (наемные хлопальщики) и кабалёры (наемные шикальщики) хорошо понимают это: им часто удается решить успех или неудачу комедии, организуя или аплодисменты, или шиканье, чтобы вызвать толпу на автоматические аплодисменты или шиканье. Генералы, командовавшие в больших сражениях, могут рассказать о многих трагических случаях, происшедших при различных обстоятельствах, но зависящих от причины подобного

же рода.

Проявления симпатической мимики объяснить труднее, чем мимику оборонительную, но при терпеливом и глубоком анализе они так же в конце концов объясняются.

Я разделил бы их на следующие категории:

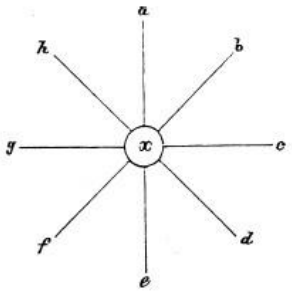
Симпатии подражания – самые обыкновенные и понятные. Многие зевают, бегают, смотрят на небо, потому что другие зевают, бегают или смотрят на небо.

Симпатии мышечные или механические. Выражают отрицание (нет) движением головы, затем рукою и даже, если есть повод к тому, – туловищем. Угрожают, открывая рот, посматривая искоса, сжимая кулак, а иногда даже поднимая ногу.

Симпатии функциональные. Самая элементарная мимика любви группируется в области таза, заключающей в себе половые органы, потом она распространяется на ласкающую руку и на губы, играющие столь важную роль в деле любви.

Непонятные симпатии нервных центров. Это самые темные явления в области животной мимики и объяснятся, может быть, впоследствии будущими успехами гистологии. Сюда относятся, например, почесывание головы, закрывание глаз при выражении смущения, неизвестности, робости, а также презрительная гримаса.

Общая для всех симпатических мимических движений физиологическая схема может быть выражена такою диаграммою:



При данном центральном ощущении *x* требуется найти, почему оно распространяется на симпатические центры *a, b, c, d, e, f, g, h.* После решения этого главного вопроса необходимо решить еще следующие второстепенные:

Что именно выражает данное мимическое движение?

Какую степень напряженности волнения оно выражает?

Какого оно характера: эстетического, нравственного или же умственного?

Есть ли оно на самом деле оборонительное, или только имеет вид оборонительного, или же оно только симпатическое?

Служит ли оно точным выражением данного возбуждения, или же это последнее вполне или отчасти является лишь притворным поводом, или заменено другими возбуждающими элементами?

Когда таким образом мы будем в состоянии ответить на все эти вопросы относительно каждого мимического движения, тогда будем вправе сказать, что мы его знаем вполне, – знаем его начало, его ход, сущность и все подробности.

В естествознании часто бывает труднее поставить вопросы, чем отвечать на них, а хорошо поставленный вопрос уже сам собою и легко приводить к ответу.

Глава VIII. Классификация выражений. Общий очерк всех мимических явлений

Рассматривая какое-нибудь явление природы в качестве наблюдателей или художников, мы можем гордиться своим уменьем подмечать в нем существенные черты, тени и полутени, и в особенности – возможностью верно воспроизвести его на страницах книги, на полотне картины или в мраморе. Но гордость наша должна смириться, лишь только мы захотим включить это явление в нашу систему и отвести ему здесь надлежащее место, сделать его одним из звеньев великой цепи предыдущих и последующих причин и действий, морфологических гармоний и диссонансов. Вот тут-то наше невежество и обнаруживается во всей своей обидной наготе; мы чувствуем себя лишь скромными толкователями внешней стороны явлений, и сеть наших классификаций оказывается весьма непрочной. Тем не менее, для

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

нас всегда необходимо обращаться к этому суровому суду сознания, перед которым наука со скромной откровенностью признает неточность своих выводов, а искусство черпает новые силы в чистых источниках истины.

Таблица 1

Различные выражения: а – свирепость, б – обожание, в – цинизм, г – ирония, д – надменность, ж – скромность.

Такому исследованию мы хотим подвергнуть и явления мимики с тем, чтобы точно знать действительные пределы науки в данном случае и чтобы труд наш представил потомству точный отчет наших наличных знаний по тому предмету, который мы намерены рассматривать.

Займемся же предварительным анализом, который поможет нам потом подняться выше и сделать некоторые общие выводы. Изучая каждое мимическое явление, необходимо иметь в виду природу того волнения, которым оно вызвано, степень этого волнения, его развитие и те влияния, которые могут сопровождать и изменять произвольные выражения данного выражения.

Природа волнения является самым главным и характерным элементом мимического эффекта. Сделаем теперь общий очерк важнейших мимических выражений, свойственных человеку, разделивши их на три большие категории:

Выражения чувственные.

Выражения страстей.

Выражения умственные.

ВЫРАЖЕНИЯ ЧУВСТВЕННЫЕ

Типы желания, удовольствия и страдания.

Потребности питания:

голод,

жажда

Общие органические потребности:
Мышечная деятельность
Мышечный покой
Сон
Холод
Тепло
Потребность в кислороде
Наслаждение жизнью
Отвращение к жизни
Жажда смерти
Страх смерти
Различные потребности чувственные и выделительные

Потребности специфических чувств:
Выражения, относящиеся
к осязанию
к вкусу
к обонянию
к слуху
к зрению

Потребности воспроизведения:
Оплодотворять
Быть оплодотворенной
Рождать
Кормить грудью
Особое видоизменение (выражение целомудрия)

ВЫРАЖЕНИЯ СТРАСТЕЙ
Типы желания, удовольствия и страдания.
Чувства, относящиеся к собственной личности:
Любовь к самому себе
Ненависть к самому себе
Страх
Мужество
Самолюбие
Тщеславие
Смирение
Чувство собственности

Чувства, относящиеся к другим:
Любовь половая
Любовь материнская
Любовь отцовская
Любовь детская
Любовь братская
Любовь к человечеству
Сострадание

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Уважение
Религиозное чувство
Ненависть
Гнев
Жестокость
Презрение
Ирония

ВЫРАЖЕНИЯ УМСТВЕННЫЕ
Типы желания, удовольствия и страдания.
Внимание
Размышление
Мимика труда механического
Мимика труда артистического
Мимика труда научного
Мимика литературного творчества
Мимика поэтического вдохновения
Мимика наблюдательной работы
Мимика речи
Мимика спора
Мимика труда гармоничного
Страдание сомнения
Радость открытия
Радости и печали эстетические
Радости и печали от несправедливости
Изумление

Эти наброски представляют почти полный элементарный анализ мимики, так как я старался составлять естественные группы из простых и наиболее обычных выражений, которыми сопровождается жизнь чувств, душевных волнений и мысли. Но редко какое-нибудь мимическое явление представляется в простом виде; чаще всего оно осложняется другими, и таким образом возникают двойные и даже тройные сочетания. Вот краткий обзор самых обычных сложных выражений:

ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВНЕЙШИХ СЛОЖНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

В сфере чувствительности

Наслаждение и страдание:
при лишении девственности.
при родах.
при кормлении грудью.
при щекотании.
при быстром переходе от холода к теплу и обратно.

Утомление и сластолюбие:

В сфере страстей

Меланхолия.
Жестокость и сладострастие.
Гордость и насмешка

Смирение и насмешка.
Любовь и вдохновение.
Отвращение и сострадание.
Страх и смелость.
Тщеславие и скромность.
Алчность обладания и жестокость.
Любовь и гнев.
Гнев и ирония.
Благоговение и изумление.
Презрение и гнев.
Жестокосердие и надменность.
Физическая боль и мужество.
Борьба и жестокость.
Покорность и радость.

В сфере умственной

Меланхолия.
Восторг и механические движения.
Упражнение мысли и танцы.
Труд воспитания и презрение.
– и привязанность.
– и ненависть.
– и печаль.
Работа речи и гордость.
– и смирение.
– и борьба.
– и ненависть.
– и любовь.
Художественный труд и сладострастие.

Мимолетное волнение выражается беглой мимикой, не оставляющей никакого следа; но если оно повторяется несколько раз, то оставляет на лице и других частях тела неизгладимые впечатления, которые могут открыть нам страничку истории известного человека.

Постоянные выражения могут быть представлены по группам в нижеследующей таблице:

ВЫРАЖЕНИЯ ПОСТОЯННЫЕ

Выражение, вызванные излишествами какого-нибудь отправления или известными нервными возбудителями:

Физиономия гастронома.
–голодного.
–развратника.
–выражающее мышечное расслабление.
–пьяницы.
–привычного потребителя кокаина, опия или гашиша.

Выражения, вызванные стойкими изменениями организма:

Физиономия чахоточного:
–больного водянкой.
–каменной болезнью.
–раком.
–невралгией.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

–ипохондрией.
–маньяка
–меланхолика.
–страдающего диспепсией.

Выражения, вызванные повторением известных волнений или известными видами умственного труда

Физиономия меланхолическая.
–пессимистическая.
–оптимистическая.
–беспокойная.
–униженная.
–унылая.
–дерзкая.
–подозрительная.
–недоверчивая.
–скромная.
–аскетическая.
–застенчивая.
–лицемерная.
–откровенная.
–алчная.
–безнадежная.
–благосклонная.
–мизантропическая.
–рассеянная.
–общительная.
–повелительная.
–свирепая
–жестокая.
–созерцательная.
–глупая.
–вдохновенная.
–исступленная.
–боязливая.
–воинственная.
–презрительная.
–насмешливая.
–висельника.
–инквизитора.

Выражения, вызванные продолжительностью известного рода занятий…

Физиономия и мимика священника.
–солдата.
–аптекаря.
–дрогиста.
–моряка.
–нотариуса.
–часовщика.

Составив столько таблиц и подразделений, мы, кажется, покончили с классификацией мимических явлений; теперь нам остается еще определить и привести в порядок такого рода выражения, которые, независимо от природы возбудителя, отвечают степени возбуждения, и еще более – известным условиям

временным или постоянным, в которых находится данный индивид.

Так, независимо от качества самого чувства, выражение его может быть сильным, слабым, изменчивым, неопределенным, красноречивым или едва уловимым, беспорядочным, судорожным, – все равно, будет ли это радость или печаль, любовь или ненависть. Равным образом, каждый человек, смотря по состоянию своего здоровья или немощи, силы или слабости, смотря по складу особенностей, кроющихся в его нервной системе, выразит то или другое волнение по своему. Сверх того, относительно формы мимики можно сказать, что она зависит от возраста, пола и расы. Отсюда именно становится понятным, почему только немногие художники умеют выражать в своих произведениях столько разнообразных элементов, когда им приходится на картине или в образе статуи воспроизвести характер душевного движения, его степень и всевозможные переходы в мире внешнем и в мире внутреннем. Всем удается изобразить смеющегося ребенка, умирающего человека, но *«Лаокоон»* – только один, и *«Неутешный»* – тоже один. Общие формы мимики суть следующие:

Мимика слабая, сильная, неистовая.
Мимика изменчивая, неопределенная, отчетливая.
Мимика напряженная, откровенная.
Мимика резкая и вялая.
Мимика беспорядочная и судорожная.

Чтобы закончить этот опыт классификации, нам остается еще сказать об аналогиях выражения, встречающихся весьма часто, – когда психические явления самого противоположного характера проявляются тождественной или, по крайней мере, весьма сходной мимикой. Большая часть таких совпадений выражения, таких мимических *синонимий* указываются здесь впервые и могут послужить нам драгоценным пособием для уяснения некоторых наиболее темных законов человеческой и животной психологии.

Мимические синонимии

Крайние степени удовольствия и страдания.
Наслаждение запахом и любовное сладострастие.
Отвращение к запаху и мимика пренебрежения.
Неприятное ощущение горечи и немые страдания самолюбия.
Наслаждения и страдания слуха=наслаждения и страдания привязанности.
Наслаждения и страдания зрения=радости и печали умственные[49].
Страдания от механических повреждений и мимика нравственной борьбы.
Наслаждение бодрым самочувствием и удовлетворение самолюбия.
Мимика сладострастия и жестокости.
Мимика скромности и целомудрия.
Страдания от холода и страха.
Страдания от жары и мимика гнева.
Мимика при щекотании=наслаждения и страдания от смешного.
Мимика кишечных страданий и отвращение к жизни или ипохондрия.
Восхищение и ужас.
Панический страх и безумие.

Глава IX. Мимика удовольствия

Удовольствие принадлежит к числу психических движений самых элементарных и самых общих для

[49] Соотношение чувствований, относящихся к области слуха, и чувств нежных, а также чувствований, связанных со зрением, и интеллектуальных чувств было нами исследовано подробно в нашей *«Психологии чувствований»*, С.П.Б. 1880, гл. XI и XIII, а намечено было еще ранее в статье *«Essai d'une classification nouvelle des sentiments»*, Rev. Philos., Paris. 1878.– Н. ГРОТ.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

всех живых существ. Это один из полюсов животной, а быть может и растительной чувствительности. К тому же мимика удовольствия так богата, так разнообразна и характерна, что казалось бы, должна была привлечь и остановить на себе внимание тех наблюдателей, которые впервые обратились к изучению этого рода движений. Вышло, однако же, не так; старинные физиономисты довольствовались тем, что уделяли в своих сочинениях несколько страниц смеху, как бы считая его единственным выражением удовольствия, достойным изучения; да и в этих немногих страницах больше содержится астрологии и каббалистики, чем настоящих внимательных наблюдений. Физиономика, со дня своего рождения, была наукой астрологической, и этот первородный грех удержался до наших дней, так как еще не нашлось искупителя, который бы смыл и исцелил его.

Почтенный Корнелио Гирарделли из Болоньи (знаменитый веспертинский академик) в 8-й беседе своей *«Физиономики головы»* (Болонья, 1670 г.) рассуждает *о смеющемся рте и о зловонном дыхании* (странная ассоциация!). Он цитирует при этом Аристотеля и различает смех умеренный, встречающийся у людей умных, и смех невоздержный и бестолковый, который у Цицерона называется *Cachinnus* (хохот) и составляет принадлежность безумных.

Далее он продолжает так:

> Смех – это нечленораздельные голосовые звуки, вызываемые удовольствием, которое мы испытываем, видя или слыша что-нибудь смешное или очень уродливое, или очень несовершенное. Поэтому мы можем сказать, что умеренный смех есть признак мудрости, душевной ясности и веселости. Смех невоздержный, наоборот, есть признак безумия или глупости. Чрезмерный смех, громкий и продолжительный, не нравился Сенеке, Пифагору и Плутарху и должен бы вызывать к себе омерзение у каждого мудрого и благоразумного человека.
>
> Император Гелиогабал смеялся до того громко, что своим смехом в театре заглушал смех толпы. А Боккачио сказал о подобном смехе: «Господин Симон смеялся во все горло так, что ему легко было бы вырвать все зубы».
>
> Демократ за свой неудержимый смех получил кличку «скалящего зубы»; смеясь беспрестанно, по каждому поводу, он растянул свой рот до ушей; его зубы всегда были оскалены, а лицо сморщено. Ювенал говорит о нем:
>
> > Perpetuo risu pulmonem agitare tolebat
> > Democritus…
>
> (Неумолкаемым смехом Демокрит надрывал свои легкие.)
>
> Зороастр, основатель магии, родился, смеясь, как утверждает о нем Плиний, кн. VII, гл. XVI.
>
> «Кто громко смеется, тот нахал, – говорит Рази, – те же, кто смеются, закашливаясь или задыхаясь, – тираны». «Если голос во время смеха изменяется, то это служит признаком надменности, скупости, жестокости, лживости и склонности к измене», – говорит Михаил Скот.
>
> «Тот, у кого тонкие губы и кто, хотя и смотрит весело, но смеется мало, должен быть сластолюбивым человеком. Без умолку смеющийся рот – признак злого, лживого, развратного, скрытного и язвительного человека, которому никто не должен доверяться, – говорит Альберт Великий, – потому что смех рта в соединении со смехом глаз, всегда гадок и свойствен именно женщинам». «Умеренный смех обличает людей доброжелательных, мирных, благоразумного поведения», – говорит Рази. По словам М. Скота, люди эти ловки, проницательны, обладают ясным умом, смышлены и трудолюбивы.
>
> Исократ пишет, что Платон был такого строгого нрава, и в лице его было столько сдержанности, что его никогда не видели смеющимся, – подобно тому, как и Клазомеца. О Крассе мы читаем, что он имел такой суровый вид и такие строгие привычки, что не смеялся никогда в жизни.

Иезуит Гонорий Никеций[50] в посвященной смеху главе, после множества приведенных им цитат в пользу смеха, становится уже отчасти на почву физиологии:

> … Происходит внезапное расширение сердца и большое разлитие жизненных духов, тотчас и возбуждающее мышцы груди и грудобрюшной преграды. Вслед за движением этих частей наступает движение мускулов, находящихся по бокам щеки, и таким образом происходит движение лица, известное под именем смеха и служащее для выражения душевной радости. Кто желает знать об этом подробнее, пусть прочтет прекрасное исследование о смехе Элпидия Берретария Присценского.
>
> К смеху наиболее склонны сангвиники и холерики, т. е. люди более горячего темперамента, и потому у греков смех называется *γελωζ* , от *ελη* , что значит жар.

Никеций оспаривает старинное мнение, по которому селезенка признавалась источником смеха, – мнение произвольно сложившееся благодаря той боли в селезенке, которую мы иногда испытываем после долгого смеха, или быть может придуманное в соответствие той теории, по которой печень считалась седалищем страдания:

> Cor sapit et putro loquitur, fel commocet iram.
> Splen ridere facit, cogit amare jecur.
>
> (Сердце наслаждается, легкие говорят, желчь возбуждает гнев, селезенка вызывает смех, а печень заставляет любить.)

И в другом месте:

> Quid faciam? Sed sum petulanti splene cachinno.
> (Что мне делать? Впрочем я хохотун с необузданной селезенкой.)

Исчерпав скудный запас своих физиологических сведений, Никеций следует примеру других и окончательно впадает в каббалистику:

> «Мальчики, женщины, дураки и вообще всякие невежды легко смеются, потому что для них все ново, а новизна вызывает смех. Тиринфяне, прозванные за свое пристрастие к смеху *φιλογλωτεζ* и, благодаря этой кличке, пользовавшиеся дурной славой у соседей, обратились за советом к Дельфийскому оракулу. Пифия ответила, что они, наконец, должны избавиться от этой беды, но с тем условием, если принесут быка в жертву Нептуну и, «не засмеявшись» *(αγελασοι),* бросят его в море. По обсуждению дела, они удалили всех детей от этого священнодействия, чтобы не было никакой опасности засмеяться»…

Раньше Гирарделли и Никеция один малоизвестный испанский писатель[51] ядовито отзывался о тех, кто слишком много смеется:

> Люди, смеющиеся часто и громко, имеют большую селезенку и по своей природе пусты, хвастливы, глупы, непостоянны и невоздержны.
>
> Те же, кто смеется редко и умеренно, бывают благоразумны, остроумны, скромны, прямодушны, постоянны и замечательно смышлены.

---

[50] *Honorati Niquetii e Societate Jesu, Sacerdotis, Theologi, Physiognomia humana. Libri IV distincta, editio prima,* Lugduni, 1648.

[51] *Hieronymo Gortez, natural de la ciudad de Valencia. Phisonomia y varios secretos de naturaleza,* Barcelona, 1610.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Я не желаю вовсе цитировать Цицерона, который говорит в своих *Tusculanes* [52]:

Si ridere concessum est, vituperatur tamen cachinnatio.
(Если дозволено смеяться, то все-таки хохот порицается.)

Катул выразился еще более строго:

Risu inepto res ineptior nulla est.
(Нет ничего глупее, как бестолковый смех.)

Но прежде философа и поэта в «Экклезиасте» было сказано:

«Глупец во время смеха возвышает свой голос, мудрец вряд ли станет и тихо смеяться».

А пословица говорит:

Risus abundat in ore stuttorum.
(Избыток смеха – в устах дураков.)

Всем этим изобретателям сентенций и мастерам на изречения, хотел бы я представить наших современников – Карла Фогта и Паскаля Виллари: один толст, другой худощав, оба гениальные люди, оба смеются беспрестанно и во все горло. Фогт, обладающей огромными легкими над диафрагмой и огромным желудком под нею, смеется так, что заставляет дрожать дом, компрометируя прочность постройки; этим он напоминает Бальзака, у которого также был большой живот и от смеха которого звенели оконные стекла.

Астрологическое и гадательное направление удержалось и поныне. Откройте наугад первый попавшийся том популярного физиономиста, например Лепеллетье[53] и вы найдете там такие утверждения:

Громкий и продолжительный смех…

.. .После достаточного числа внимательных наблюдений, нельзя не признать, что эта разновидность смеха, если допустить, что она естественна, указывает на следующие моральные свойства: ум самый заурядный; нрав легкомысленный, пустой, нерадивый, непостоянный, шутовской, мало серьезный; характер наивный, иногда даже до глупости (бедный Бальзак!), пошлый, грубый, невоспитанный, без выдержки, без чувства собственного достоинства (бедный Фогт!), бросающийся в глаза всем и не нравящийся никому, невоздержный, чувственный, жадный, почти всегда предающийся более или менее порочным влечениям инстинкта, редко послушный мудрым советам разума (бедный Виллари!).

Этого достаточно. Истинная физиология смеха начинается с великих натуралистов и биологов нашего времени. Между ними первое место принадлежать Дарвину, который отыскал первоначальные, зачаточные формы смеха у животных, представляющих с нами наибольшее сходство.

Шимпанзе чувствителен к щекотке; под влиянием этого возбуждения, глаза его начинаются блестеть, углы рта оттягиваются назад, нижние веки слегка морщатся, и в то же время он издает звук, соответствующей нашему смеху. Такое же действие оказывает щекотка и на орангутанга. Дюшен неоднократно наблюдал нечто в роде улыбки у обезьяны, когда ей подавали лакомый кусок. *Cebus Azaroe,* когда он доволен, издает своеобразные звуки, причем углы рта у него оттягиваются назад. Подобное же выражение было засвидетельствовано у *Cebus hypoleucus* и у *Inuus ecaudatus.* Дарвин наблюдал также выражение радости у двух или трех видов Macacus и у *Cynopithecus niger.* Первые откидывают уши назад,

[52] *Tusculan.,* lib. IV. См. также Клементия Александрийского *Pédagogia,* lib. II, cap. v.

[53] Lepelletier de la Sirthe, *Traité complet de pliysiognomonie,* Paris, 1864, page 216.

испуская при этом особый звук; *Cynopithecus* оттягивает назад и вверх углы рта и всю кожу на голове, так что поднимаются и брови. И при этом движении он оскаливает зубы.

Я также видел, что уистити из Бразилии, которых я держал у себя несколько месяцев, выражали свою радость, откидывая уши назад и приподнимая углы рта.

Вот где кроются абрисы человеческого выражения радости. Эта последняя обладает богатой мимикой, которую мы разложим на составные элементы, по тому же методу, какой принят нами для мимики печали.

Если бы я писал не *опыт*, а *трактат* о физиономии и мимике, я должен был бы наследовать один за другим все выразительные элементы удовольствия, которые могут встречаться в действительности, – то порознь, то в различных сочетаниях. Здесь я ограничусь тем, что бегло рассмотрю самые общие и самые характерные из этих элементов.

Первый из них – это поднятие углов рта, с чем всегда соединяется образование нескольких морщин вокруг глаза и вздутие тех частей щек, которые прилегают к носу. Из этих трех движений складывается улыбка, которая может быть едва уловимой, или же путем незаметных переходов превращается в смех. Этот характерный механизм наслаждения можно изучить, следя за развитием ощущения осязания, которое начинает становиться чувственным. Как только проявляется наслаждение, мышцы, поднимающие верхнюю губу, неудержимо сокращаются, – и улыбка готова. Наблюдение это было сделано уже примитивными художниками самых первобытных народов. У меня есть два идола *maori*, представляющие два основных типа выражения: удовольствие и страдание. Я бы воспроизвел их на страницах этой книги, но для этого понадобились бы два больших фиговых листка, чтобы скрыть некоторые подробности этих неуклюжих деревянных статуй. У той из них, на которой изображено удовольствие, углы рта приподняты; у той, которая олицетворяет собою страдание, они, напротив того, опущены.

Синоптическая таблица мимики удовольствия

Сокращения мышц лицевых и дыхательных...	Поднятие углов рта (улыбка). Сморщивание нижних век и окружности глаза. Раздувание щек. Расширение ноздрей. Смех. Закрывание глаз. Закатывание глазных яблок. Скрежет зубов. Судорожное сжатие челюстей.
Сокращения мышц шеи, туловища и конечностей. Судороги....	Равномерные движения шеи. Поднятие плеч. Различные изгибания туловища. Различные выразительные движения рук. Хлопанье в ладоши. Раздвигание нижних конечностей. Топанье ногой. Различные скачки. Танцы. Судороги в эпилептической форме.
Явления сосудодвигательные и чувствительные....	Краснота лица и реже — краснота всего тела. Бледность (редко) Блеск глаз. Слезы. Более обильное выделение слюны. Непроизвольное мочеиспускание.
Волнения голоса и явления психические	Вздохи. Крики. Шум, подобный храпению. Рыдания. Говорливость и необычное красноречие. Исступление. Необычайная благосклонность.
Явления паралитические	Паралич некоторых или всех мышц глаза. Косоглазие. Отвисание нижней челюсти. Обмирание и обморок.

Как только обозначается улыбка и большие ланитные мышцы сильно сокращаются, на нижнем веке образуются морщины. У людей возмужалых и у стариков они образуются также у наружного угла глаза. Вместе с тем брови немного опускаются; это доказывает, что одновременно с нижней частью круговой мышцы глаза сокращается и верхняя ее часть. Когда улыбка становится резко заметною, и особенно когда человек смеется, щека и верхняя губа вздуваются, нос как будто становится меньше или, лучше сказать, укорачивается, показываются верхние резцы и в тоже время образуется носогубная складка, спускающаяся

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

от крыльев носа к углам рта. У людей возмужалых и у стариков эта складка бывает двойной.

При резко обозначившейся улыбки и тем более во время смеха глаз становится блестящим, вследствие более обильного выделения слез; вместе с тем он кажется большей величины, потому ли что напрягается сокращением круговой мышцы, или потому (как признает Пидерит), что глазное яблоко при этом сильнее наполняется кровью и другими жидкостями.

Кроме вышеозначенного феномена, смех представляет еще и другое явление: глубокое вдыхание, за которым следует выдыхание, задерживаемое частыми перерывами и сопровождаемое особыми характеристическими звуками. Это опять-таки служит доказательством распространения мимики, переходящей из внутреннего мышечного круга в концентрический внешний круг. Когда удовольствие возрастает и возбуждение усиливается, мышц лица становится недостаточно для его выражения, и в помощь к ним приходят диафрагма и дыхательные мышцы грудной клетки.

Во время смеха рот раскрывается все больше и больше, многие зубы обнажаются и, наконец, с постепенным возрастанием возбуждения в мимической игре начинают принимать участие мышцы туловища и конечностей, с одной стороны, для того чтобы дать исход развившемуся центробежному импульсу, с другой, чтобы защитить внутренности живота, которые приводятся в колебания быстрыми и энергическими сокращениями диафрагмы. При этом именно сначала откидывается назад голова, а затем туловище, лицо и шея краснеют, вены надуваются, слезы наполняют глаза и даже текут по щекам. В то же время руки прижимаются к груди или к бокам, к надчревной области и к известным частям живота; иногда смеющийся человек прислоняется животом к стене или какой-нибудь другой точки опоры, или, наконец, просто бросается на землю.

Смех, приятный вначале, может стать настолько неистовым и продолжительным, что переходит в настоящие конвульсии, которые трудно преодолеть даже усилием воли. При этом являются сильные боли в затылке и неприятные ощущения в желудке и в грудобрюшной преграде, может также наступить непроизвольное мочеиспускание, что чаще всего случается у детей и у женщин.

По свидетельству Дарвина, подобный *смех до слез* встречается у индусов, малайцев, дайаков на Борнео, у австралийцев, кафров, абиссинцев и туземцев Северной Америки. Я лично констатировал этот смех у многих негров различных племен и у индейцев Южной Америки.

Великий английский философ задавался вопросом: есть ли смех высшая степень улыбки, или же улыбка является последним отголоском первобытной наследственной привычки к грубому смеху. Я считаю более вероятным, что и улыбка, а смех такой же древний, как сам человек, и что, смотря по степени возбуждения, может проявиться то или другое.

Непреложность этого факта может быть подтверждена тем, что дети улыбаются раньше, чем смеются. У пятерых моих детей первая улыбка показалась на 40 или 60 день от рождения, тогда как смех появлялся не раньше, чем на 3-м месяце. Один из сыновей Дарвина начал улыбаться на 45 день, а смеяться на 113; у другого улыбка появилась в том же возрасте, а у третьего – несколькими днями раньше.

Смех служит самым характерным выражением удовольствия под влиянием чего-либо смешного; но он может сопровождать и ощущение щекотки, и аффективные радости в их остром периоде. Чувственность возбуждает смех очень редко и только в форме приступов; при том этот смех бывает спазмолический или цинический и сопровождается особого рода хрипением или скрежетом зубов.

Дети и женщины смеются чаще, нежели мужчины и взрослые, потому что первые отличаются большею возбудимостью и в меньшей степени обладают умеряющей силою мозговых полушарий. Вполне здоровый может смеяться из-за пустяков; у человека больного или находящегося в дурном настроении духа ничто не вызовет смеха. Частый смех встречается у идиотов и при некоторых специальных формах умственного расстройства. Если прибавить к этому, что многие люди, посвятившие свою жизнь науке или исканию возвышенного идеала, постоянно бывают серьезны, то можно верно оценить смысл или, лучше сказать, повод к известной поговорке: «*Risus abundat in ore stultorum* (смех изобилует в устах дураков)».

Мы видели уже, что многие великие люди охотно и шумно смеются; но здесь будет уместно прибавить, что смех находится в гораздо более тесной связи с нравственным характером и состоянием здоровья, чем со степенью развития человека. Люди надменные, хвастуны и глупцы смеются мало ради того, чтобы не уронить своего личного достоинства. Я думаю, что отсюда же возникла и характерная черта испанской народности. Точно также завистливые, злые, недоброжелательные люди смеются редко, потому что они

пропитаны желчностью и постоянно бывают раздражительны. Думать о зле, делать зло, вспоминать о нем – вот повседневное занятие этих несчастных, томимых вечной жаждою ненависти и злословия. А все эти настроения отнюдь, конечно, не располагают к смеху.

Легкий, обильный, открытый смех является признаком добродушия и указывает на отсутствие тщеславия; это одна из наиболее достоверных аксиом физиономики. Лицемерное воспитание нашего века учит нас обуздывать проявления печали и радости, и потому люди отвыкают смеяться от чистого сердца. Прибавим еще, что иные дамы смеются мало, чтобы не иметь преждевременных морщин, а другие, наоборот, смеются слишком часто и при всяком удобном случае с целью показать свои прекрасные зубы.

Смех цинический, пронзительный, может служить иногда выражением ненависти или невыносимого страдания, но его никогда нельзя спутать со смехом веселым. Звуки могут быть одинаковы, диафрагма и грудные мышцы совершают те же сокращения, но лицо имеет совершенно иное выражение, – и мы в ужасе останавливаемся перед этой картиной, соединяющей в себе самые негармонические оттенки и самые неприятные гримасы. Вот почему пресловутый смех осужденных грешников служит излюбленным коньком для богословов и проповедников: это ни что иное, как мимическое выражение, взятое с натуры.

Смех и улыбка суть весьма экспансивные формы мимики; этот характер распространяемости, в сущности, составляет самую общую черту всех проявлений приятного. Это так верно, что не могло не броситься в глаза старинным наблюдателям, даже наиболее поверхностным.

Гирарделли говорит, что удовольствие содействует растяжению даже у моллюсков и губок… «Зоофиты или животно-растения, каковы моллюски и губки, испытывая страдания, сокращаются, а под влиянием радости до того растягиваются, что представляются совершенно открытыми». Никеций же в своем первом описании смеха говорит следующее: «Первое и самое существенное действие удовольствия состоит в переполнении сердца кровью и летучим началом, в изобилии прогоняемым отсюда к более отдаленным частям тела. Случается иногда читать, что некоторые люди умирали от радости, вследствие усиленного проталкивания (сердцем) газов». Существенный признак удовольствия – его экспансивность, наклонность к центробежному распространению; главная же черта страдания – его центростремительность, точно, оно заставляет уходить в себя. Радость побуждает нас выбегать из дому, печаль заставляет возвращаться домой; радость приказывает нам открыть окно, печаль требует закрыть его. В радости мы ищем света, движения, шума, людей; в печали добиваемся мрака, покоя, молчания, уединения. Таков общий закон; правда, подобно всем другим, он допускает исключения, но их легко объяснить влиянием противодействующих моментов. Закон этот управляет отдельными личностями и целыми обществами, и потому им должно бы была вдохновляться искусство. Подойдите к окну и взгляните на эту группу мужчин, женщин, детей, что-то окруживших, чего вы не видите. Они мрачны, неподвижны… Наверное тут случилось несчастье; в самом деле, они смотрят на труп самоубийцы. В другое время из того же окна вы увидите толпу кричащих и пляшущих людей; все движется, все суетится; значит, у них праздник, и радость уносит их всех в шумный вихрь мышечного разгула.

Я изучал на своих детях действие внезапной радости; после мгновенной неподвижности, вызванной удивлением, они начинают смеяться, и в тоже время бьют в такт ногой, хлопают в ладоши, скачут, танцуют, хотя раньше они никогда не видели ни у кого подобной мимики.

Посмотрите на ребенка, которому только что дали новую и желанную игрушку: он скачет с ноги на ногу, хлопает в такт руками. В этой прекрасной картине детской радости мы открываем один из первых источников зарождения музыки, которая является, быть может, самым удивительным произведением человеческого духа. Порожденная удовольствием(?), музыка в силу какого-то чудесного превращения, сама становится источником удовольствия, которое в свою очередь выражается ритмическими мышечными движениями, составляющими азбуку танца. От стучания в такт руками и ногами до изобретения барабана, тамбурина, кимвала всего один шаг. Дикие, но ритмические звуки возбуждают радость и создают музыку, которая, в своих патологических формах, приводит нас снова к первобытным диким звукам. Когда Дарвин спросил четырехлетнего ребенка, что значит хорошее расположение духа, ребенок ответил: «Это значить смеяться, болтать и обнимать»; этот наивный ответ освещает нам известный уголок психологии.

При вспышке радости сочувственное возбуждение распространяется на все наиболее восприимчивые части нашего мозга, в которых накопившаяся энергия всегда готова разрешиться мимикой. Так, Петерик видел, как негры из верховьев Нила терли себе живот, рассматривая стеклянные безделушки, которые им

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

приглянулись; а Лейхард наблюдал, как австралийцы, восхищавшиеся его лошадьми, быками и особенно собаками, попеременно открывали и закрывали рот, как бы смакуя что-то. Таким же образом, жители Гренландии, испытывая удовольствие, вдыхают воздух, точно глотают лакомый кусок. К вышеприведенным я прибавлю еще некоторые другие факты, служащие подтвержденьем этого закона в различных сферах. Развратные люди, при выражении какого-нибудь удовольствия, облизываются, гладят свои щеки или же прибегают к какому-либо иному виду половой мимики; а люди, страстно любящие музыку, придают всем своим радостям выражение гармоническое.

В числе мимических элементов удовольствия, перечисленных в нашей аналитической таблице, некоторые служат выразителями полового вожделения; из них я назову между прочим следующие: закатывание глазного яблока, до того сильное, что роговая оболочка становится невидимой, далее – скрежет зубов, судорожное сжимание челюстей *(trismus)*, эпилептические конвульсии, вздохи, хрипение, рычание, взвизгивания, рыдание и т. п. Все это продукты наиболее грубого животного инстинкта; вот почему они так автоматичны и так непреодолимы; воспитание оказывает на них лишь самое слабое воздействие, а то и совсем никакого. Тут разумная человеческая личность совершенно исчезает в обширном море животного единства: как оказывается, лошадь, осел и человек часто одинаковым образом выражают свои эротические восторги.

Различные мимические проявления удовольствия, группируясь друг с другом, могут представлять характерные картины некоторых душевных волнений или специальных состояний нашего организма.

Здесь я упомяну только о самых известных и наиболее определенных формах проявления этой мимики, которые могут служить руководящею нитью для художника и психолога.

Физиогномика хорошего расположения духа

Когда человек вполне здоров, когда ничто не омрачает его душевной ясности, тогда чувство жизни само по себе есть уже удовольствие. Удовольствие это выражается широкой улыбкой, постоянным умеренным напряжением *(tonus)* лицевых мышц и легким блеском глаз. Таковы лица здоровых детей, таково веселое выражение лица у порядочного человека, когда он хорошо себя чувствует. При виде этих прекрасных проявлений жизни, мы восклицаем: «О, какое веселое лицо. Какое отражение сердечного довольства! Приятно смотреть на него!»

Физиогномика бурной, исступленной, безумной радости

Выражение этого рода можно наблюдать при внезапной и сильной радости, в особенности, если ум к ней не подготовлен. Волнение беспорядочно и быстро устремляется из одного круга мимических движений в другой. Улыбка и смех, конвульсии и крики, пение и танцы едва успевают служить исходом для беспрестанных и спальных токов, распространяющихся из нервных центров. Почти постоянная особенность этой мимики состоит в том, что скрытая энергия переходит при ней в действительные акты: является непреодолимая потребность обнимать, целовать все, что попадется на глаза, – будь это животное или неодушевленный предмет. Поэтому, при изображении человеческой радости, художник никогда не должен упускать из виду той силы выражения, которая сопровождает мышечный разгул.

Физиогномика чувственности

Это одно из сильнейших унижений человеческого достоинства; поэтому некоторые женщины, мало или вовсе не чувственные по своей природе, испытывают истинное чувство отвращения или ужаса, когда перед их глазами разыгрываются подобные сцены.

Физиогномика удовлетворенной гордости

Когда человек поднимается вверх, – по лестнице ли рангов, или на мешках с золотом, или на воздушном шаре тщеславия, все равно, – он ощущает сильную и продолжительную радость, придающую

его физиономии весьма типическое и постоянное выражение. Подобно тому, как кошка взъерошивает свою шерсть и надувается, чтобы показаться больше и страшнее в глазах нападающей на нее собаки, так и человек, гордость которого сильно польщена высотою положения собственного «Я», держит себя величественно; он надувает щеки, дышит учащенно и сильно, выставляет вперед брюхо, если толст, или верхнюю часть живота, если худ, держит высоко голову, движется с шумом, – словом, старается занять как можно больше места под солнцем и всеми способами привлечь к себе внимание людей, стоящих ниже. Недаром же на всех языках слова: надутый и надменный – синонимы, а надуться значит возгордиться.

Физиогномика веселая, эпикурейская, вакхическая

Это ни что иное, как чрезмерное проявление хорошего расположения духа с сильной окраской чувственности, глуповатости и распущенности.

От самых низких ступеней выражения простого обжорства можно подняться до самого утонченного и универсального эпикуризма. Лоснящаяся и теплая кожа; полуоткрытый рот, словно в ожидании готовых поцелуев или лакомых кусочков; полуоткрытые и нисколько мутные глаза, с обращенным в пространство взором, как бы вечно созерцающим дымящиеся кастрюли или мягкие подушки; глухой рокот жирной крови в сытом и еще более жирном брюхе; блаженство голого Силена, несомого на плечах голыми вакханками; громкое урчание затрудненного пищеварения; вялость и леность мысли; постоянное тяготение к изысканным яствам и к удобной постели; смакование поцелуев и ликёров; одним словом полная чаша скотского брожения человеческой природы – вот в крупных чертах анатомическая и фигуральная характеристика той мимики, которая вдохновляла художников, воспроизводивших типы Бахуса, Силена и известных Донжуанов.

Некоторые из этих картин изображают стойкие мимические выражения, другие же соответствуют только временным, преходящим состояниям. Выражения бурной радости и чувственности отличаются слабой устойчивостью; наоборот, выражения вакхическое, удовлетворенной гордости и особенно хорошего настроения духа могут служить постоянною характеристикою физиономии.

Если бы какой-нибудь художник захотел изобразить в пяти больших картинах различные периоды человеческой жизни с присущими им наиболее характерными типами радости, то, быть может, для вдохновения и руководства его не без пользы останутся следующие строки:

1. *Детство* – хорошее расположение духа, чувство совершенного здоровья.
2. *Отрочество* – живость, подвижность.
3. *Юность* – восторги любви; миросозерцание в розовом свете.
4 *Зрелый возраст* – радости борьбы и удовлетворение самолюбия.
5. *Старость* –нежные радости привязанности и меланхолия приятных воспоминаний.

При изучении мимики удовольствия я получил возможность констатировать тот же закон, который был уже отмечен мною относительно выражений страдания. Я нашел, что наслаждения специфических чувств выражаются мимикой тождественной или очень сходной с мимикою душевных движений иного, высшего порядка.

Специфические наслаждения зрения, как и некоторые другие, более возвышенные умственные удовольствия выражаются широко раскрытыми и блестящими глазами, выпрямленным, напряженным положением головы. Присмотритесь к позе человека, созерцающего прекрасную картину природы, и вы найдете, что она во всех отношениях напоминает осанку вдохновленного поэта или пытливого философа.

Напротив того, наблюдайте сосредоточенное выражение человека, наслаждающегося хорошею музыкою, и вы увидите, что мимика его представляет полное сходство с мимикой наиболее нежных сердечных радостей. Пусть художник войдет в театр, когда поет Патти, когда воздух наполнен самыми нужными звуками Доницетти или Беллини, пусть окинет взором лица публики и он найдет здесь картины поразительной красоты.

Мимика вкусовых наслаждений очень груба; тем не менее, она подобна мимике наслаждения богатством, быть может потому, что рот представляет для нашей кассы своего рода окошечко, в которое

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

поступает некоторая дань от всех наших доходов, и что отведывание лакомого куска имеет большое сходство с тем удовольствием, какие испытывают при пересчете золота и банковых билетов.

Наслаждения обоняния выражаются мимикой почти тождественною с мимикой похоти, без сомнения потому, что обоняние и половые органы находятся в тесной связи[54].

Дайте самой целомудренной женщине понюхать цветок, запах которого ей нравится больше всякого другого, и присмотритесь к ее мимике. Невольно, бессознательно, она закроет глаза, глубоко вздохнет; если же она очень чувствительна, то по всему ее телу пробежит дрожь, и перед нами откроется та интимная картина, которую никогда не приходится видеть никому, кроме, быть может, любимого ею мужчины.

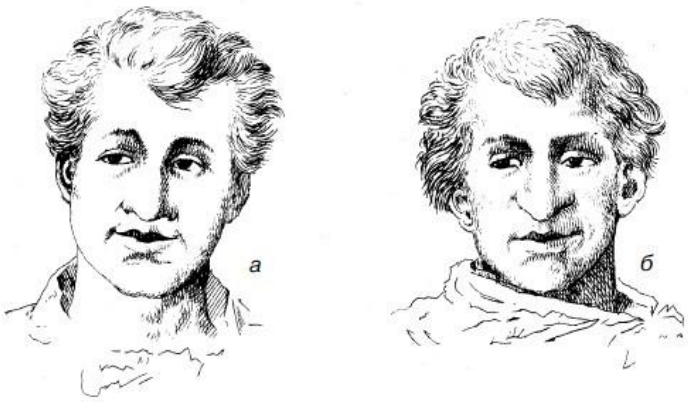
Тонкие критики могут возразить мне на это, что и страсть нюхать табачок, которою одержимы некоторые беззубые старушки, тоже ведь есть наслаждение обонятельное. Но это исключение, в сущности, только подтверждает правило, так как и в этой грубой мимики проглядывает чувственный оттенок, напоминающий патологические формы половых ощущений. Впрочем, удовольствие при нюхании табаку вызывается не только запахом, но и осязательными ощущениями; сверх того, оно являет собою известное наркотическое действие.

Наслаждения осязательные тесно переплетаются с наслаждениями чувственности и обыкновенно выражаются сходной мимикой. Но почти всегда они бывают осложнены мышечного работою, которая придает осязательным удовольствиям выражение тождественное или сходное с тем, каким характеризуются акты сопротивления, деятельности, борьбы.

В виду этого, художникам следовало бы чаще посещать мастерские кузнецов, столяров, токарей и вообще всех рабочих, имеющих дело с переработкой и формированием материала; здесь в различных мимических картинах они нашли бы богатый материал для самого высокого вдохновения.

В нижней части лица и особенно вокруг подбородка сосредоточиваются мимические проявления характера и деятельности; этот центр выразительной мимики симпатически участвует в сознательных и ритмических движениях столяра, кузнеца, токаря. Почти невозможно сверлить, стругать, пилить без того, чтобы лицо не принимало выражения деятельного труда и энергии. Некоторые очень усердные или очень нервозные рабочие, при занятиях своею ручною работою, представляют такие героические выражения, которые художник мог бы встретить разве только на полях сражений или в парламентах, если бы при этих исключительных условиях, т. е. во время кровавых битв или словесных турниров, возможно было оставаться столь же хладнокровным наблюдателем, как в мастерской токаря или кузнеца[55].

Таблица 2



Наслаждения органов чувств: а – вкусовое, б – обонятельное, в – зрительное, г – слуховое.

[54] Mantegazza, *Fisiologia del piacere.*

[55] Mantegazza, *Fisiologia del piacere,* Milan.

Глава X. Мимика страдания

В нашем сочинении *«Физиология страдания»,* изданном не так давно во Флоренции и иллюстрированном хорошим фотографическим атласом, четвертую часть своего труда мы посвятили изучению выражений страдания. На страницах этих нами изложены результаты продолжительных и терпеливых наблюдений и многочисленных жестоких опытов. Здесь мы укажем только в главных чертах на важнейшие выводы из наших исследований для того, чтобы в этом отделе мимики не оказалось крупного пробела. Когда посвящаешь всю свою жизнь изучению человека, то по неволе приходится касаться одних и тех же предметов в различных работах, издаваемых в разное время, причем некоторые повторения неизбежны.

Выражение страдания очень богато мимическими элементами, но все они могут быть резюмированы в следующей таблице. Эти элементарные формы выражения страдания в действительности редко встречаются одиночно; почти всегда они комбинируются различным образом и слагаются в различные картины, более или менее сходные между собою, смотря по свойству страдания и особенно – по характеру пациента.

Выражения противодействия.

Выражение парализации.

Смешанные выражения страдания и чувства, которыми оно вызвано или сопровождается.

Выражения противодействия

Это самые обычные выражения; они сопровождают все легкие и начало тяжелых страданий. Центробежные токи распространяются по ходу различных нервов, вызывая множество движений: сокращения лицевых мышц, беспокойные движения конечностей и туловища, жалобы, крики, рыдания, поднятие волос головных и кожных, угрозы присутствующим или отсутствующим существам, как реальным, так даже и воображаемым.

Синоптическая таблица

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Мышечные сокращения	лица туловища конечностей кремастера мышц, поднимающих волосы дрожание судороги	местные общие тонические клонические
Параличи	некоторых мышц лица конечностей всех мышц произвольного движения	
Дыхательные расстройства и звуки	Произвольная остановка дыхания Непроизвольная остановка дыхания Продолжительное выдыхание Прерывистое вдыхание и выдыхание Вздох Зевота Оханье Рыдание Стон Крик	
Расстройство выделительных и пищеварительных органов	Слезы Непроизвольное слюнотечение Непроизвольное мочеиспускание Рвота Понос Пот Бледность лица Бледность всего тела	
Вазомоторные периферические явления	Краснота лица Крапивница Краснуха Эрекция	
Психические расстройства	Необычная доброта Приступы гнева и злобы Приступы религиозного чувства Онемение Говорливость и необычное красноречие Бред Ритм мысли и слова	

Вся эта игра движений направлена к двоякой цели: во-первых – облегчить нервные центры от слишком сильного, подавляющего их напряжения, во-вторых – устранить само страдание.

Выражение парализации

Причиной их почти всегда бывают слишком сильные или слишком продолжительные страдания. Иногда страдание возникает так неожиданно и с такой силою, что паралич развивается без всякого противодействия; как известно, можно внезапно лишиться чувств, упасть в обморок и даже умереть.

Вне этих, к счастью, исключительных случаев, угнетение от страдания выражается зевотой, бледностью, истечением слюны, непроизвольными выделениями, угнетенным выражением лица.

Смешанные выражения страдания и различных чувств.

Разнообразие в действиях страдания на мышцы человеческого тела обыкновенно зависит не столько от степени самого страдания, сколько от того чувства, которым оно вызвано или которое его сопровождает. Так, по болезненным жестам человека мы легко догадываемся, болит ли у него зуб или мозоль; таким же образом при оскорблениях родительских чувств, самолюбия и чувства собственности к мимике страдания примешивается особое, присущее этим чувствам выражение.

Мышечные сокращения

За исключением тех весьма редких случаев, когда чрезмерное страдание внезапно вызывает общий паралич, можно сказать, что выражение страдания всегда сопровождается мышечными сокращениями. Сокращения эти могут ограничиваться или небольшим числом мышц, или несколькими их группами, или же распространяются на все мышцы произвольного движения, вызывая состояние, подобное столбняку, или всеобщие судороги.

При различных обстоятельствах, один мускул может сокращаться сильнее, чем другой, но это уже зависит от локализации, свойства и степени страдания.

В большинстве случаев страдание выражается мышцами лица, затем мышцами шеи, туловища, верхних

и, наконец, нижних конечностей.

Чаще всего вызываются сокращения надбровных мышц и мышцы, оттягивающей нижнюю губу; поэтому сморщивание бровей и опускание углов рта можно считать самыми постоянными признаками для большей части выражений страдания.

Сокращение жевательных мышц в свою очередь принадлежит к числу самых обычных явлений; оно придает рту резкое выражение решимости и гордости. Вместе с энергическим сжатием рта, происходит также и сжатие руки, а в более выразительных случаях сжимаются обе руки.

Как выражение страдания, судороги наблюдаются чаще всего при высшей степени нравственных страданий и почти всегда совпадают с полной потерей терпения, чувства собственного достоинства и многих других принадлежностей порядочности. Вот некоторые формы мимических судорог страдания.

Попеременное поднимание и опускание нижней челюсти, причем, однако, зубы не сходятся.
Произвольные сокращения многих мышц нижних оконечностей руки, отчасти туловища.
Частичные судороги мышц одной половины лица, от чего искривляется рот.
Судороги лобных и глазных мышц.
Судороги подкожной шейной мышцы и грудинососковой.
Клинические судороги брюшных мышц.
Судорожное сжатие челюстей.
Различные виды столбняка.
Истерические изгибания конечностей и туловища.

Параличи

Они всегда являются спутниками продолжительных и сильных страданий. Для того чтобы могла сразу исчезнуть способность иннервации, нервная энергия должна быть уже достаточно истощена, так или иначе. Одной из простейших форм является паралич мышц, смыкающих отверстие рта; самую сложную и самую тяжелую форму паралича представляет расслабление всех или почти всех мышц нижних конечностей и мышц, поддерживающих туловище в прямом положении.

Дыхательные расстройства и крик

Дыхание относится к числу тех функций, которые подвергаются самым глубоким расстройствам под влиянием страдания. Так как дыхательный акт совершается при помощи движений, то и расстройства его могут служить косвенными мимическими выражениями самого страдания.

Раз умеряющее влияние мозговых полушарий достигло своего высшего развития, оно выражается: произвольным задержанием выдыхания, усилением акта вдыхания, спазмолическими сокращениями диафрагмы, лестничных мышц, наружных межреберных мышц и грудной части внутренних межреберных, мышц поднимающих ребра, верхней зубчатой и грудиноключичной мышцы; в тех случаях, когда борьба со страданием достигает крайней напряженности, происходит также энергическое сокращение мышцы, поднимающей угол лопатки, а также – трапециевидной, малой грудной, большой грудной и большой зубчатой.

Если задерживающее влияние мозговых полушарий оказывается весьма слабым, то, наоборот, дыхание делается ускоренным, наступают бурные движения всех произвольных мышц, усиленное выдыхание, спазмолическое сокращение спинной части мышц внутренних межреберных, мышц нижних реберных, треугольной мышцы грудины, а в более тяжелых случаях сокращаются также брюшные мышцы: наружная косая, внутренняя косая и поперечная, а также мышца крестцово-поясничная.

Вздохи, стоны, крики, зевота

Вообще говоря, вздохи служат мимическим признаком страдания, хотя они сопровождают также и некоторые наиболее живые проявления чувственности или привязанности. Чаще же всего вздохи

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

появляются периодически при продолжительной и безмолвной печали и скорее указывают на нравственное, чем на физическое страдание.

Высшая ступень вздоха есть стон, который обыкновенно сопровождает выдыхание, как бы составляя его продолжение. Стон может перейти в крик; но крик этот бывает почти всегда машинальным и самопроизвольным выражением очень острых физических болей или же внезапных и сильных нравственных огорчений.

Зевота может выражать самые разнообразные ощущения, как например: голод, жажду и – преимущественно у женщин – потребность физической любви; но в мимике страдания зевота является одним из характерных элементов скуки.

Плач

Это мимический элемент страдания, охватывающий всю сферу мышечных расстройств и вторгающийся в сферу отделительных актов. Действительно, тут сразу встречаются сокращения многих мышц лицевых, грудных и брюшных, и вместе с тем – обильное отделение слез, которые не могут уже собираться и отводиться в носовую полость слезным протоком, и потому, переливаясь через нижнее веко, стекают по щекам.

Дарвин изучал с большой тонкостью мимический механизм плача[56]. Он заметил, что у детей плачу всегда предшествует и сопровождает его перемежающееся спазмолическое сокращение век, чем обусловливается довольно сильное давление на глаз. По мнению Дарвина, это имеет целью предохранить глазное яблоко от чрезмерного прилива к нему крови.

Вазомоторные периферические явления

Внезапный страх, весть о большом несчастье, а также острая и сильная физическая боль сопровождаются обыкновенно бледностью лица, а, в некоторых исключительных, правда, случаях – бледностью всего тела.

Краснотой лица всегда сопровождается плач ребенка; часто впрочем, ее наблюдают также у юношей и у взрослых.

Одна и та же степень того или другого страдания выражается у мужчины и у женщины неодинаково. Различия эти выступают тем рельефнее, чем выше ступень индивидуального и этнического развития.

Страдание женщины, говоря вообще, выражается или остолбенением, или крайне обостренной реакцией; самое обыкновенное явление – это слезы. У мужчины, по своей природе более сильного и мужественного, выражение страдания получает характер более воинственный. Мужчина старается бороться со своим страданием; он посыпает угрозы и проклятья природе и Богу. Сжатый и горизонтально выставленный кулак – вот характерное мимическое выражение для некоторых, наиболее острых, страданий мужчины; у женщины, наоборот, преобладает пассивная форма протеста, и самое обычное выражение ее скорби представляют стоны.

Преобладание в характере женщины доброжелательных и религиозных чувств придает и мимике ее страдания отпечаток благочестия и милосердия. Напротив, у мужчины эгоизм является господствующею чертою даже в сфере страданий. В минуты скорби женщина молится и творит добрые дела, мужчина же чаще всего кощунствует и прибегает к угрозе.

Выражение страдания еще сильнее видоизменяется под влиянием возраста, чем от различия пола. Малые дети испытывают только физические страдания и всегда выражают их однообразно – плачем и криком. С пробуждением в ребенке самолюбия, ревности, чувства собственности, ему делаются уже доступными и нравственные страдания; правда, он по-прежнему выражает их криком и плачем, но плач этот в различных случаях бывает своеобразный – то непрерывный, то перемежающийся; иногда появляется только хныканье, в других случаях – рыдания.

По мере того как ребенок растет, выражение страдания приобретает новые, более сложные черты:

---

[56] Darwin, *The expression of the emotions in man and animals,* London, 1872 г., p. 147.

слезы показываются реже и заменяются отчасти вздохами, рыданиями, стонами и воплями. У наиболее интеллигентных детей можно заметить известные проблески выражений высшего порядка, как например, сардонический или иронический смех и меланхолическую грусть. Эти формы выражения, уже весьма эстетичные, делаются все более и более утонченными с наступлением отрочества и ранней юности, и в этом же периоде жизни они достигают своей высшей прелести.

Молодой человек плачет лишь весьма редко; взрослый мужчина обыкновенно совсем отвыкает плакать. Но с тех пор, как нервные центры начинают слабеть, в глазах снова замечается наклонность к слезотечению, что служит первым признаком наступившего нисхождения жизненной параболы.

Вообще, выражения сосредоточенные, немые, с признаками слабой реакции составляют особенность зрелого возраста, – быть может потому, что в эту пору жизненный опыт делает нас уже менее чувствительными, или потому, что самолюбие и чувство собственного достоинства стараются умерить выражение страдания. Слезы, не сопровождаемые ни единым звуком плача, без всякого видимого расстройства дыхания, представляют в зрелом возрасте одну из самых выдающихся особенностей глубокого страдания.

В старости обычными выражениями страдания являются легко источаемые слезы, хриплый и жалобный плач, робкое изнеможение, – несмотря на то, что возрастающей эгоизм и притупление чувствительности стремятся уравновесить развитие слабости.

Если бы понадобилось резюмировать, возможно, проще наиболее характерные выражения страдания в различных возрастах, то я установил бы пять следующих главных типов:

1. Детство – крики без слез; сильный плач.
2. Отрочество – тихая грусть и меланхолия.
3. Юность – реакция угрозы.
4. Зрелый возраст – выражение горечи.
5. Старость – жалобные стоны и слезы.

Внимательно наблюдая выражения страдания различных специфических органов чувств, можно открыть новый закон, бросающий свет на множество загадочных фактов в области человеческой мимики и высшей психологии.

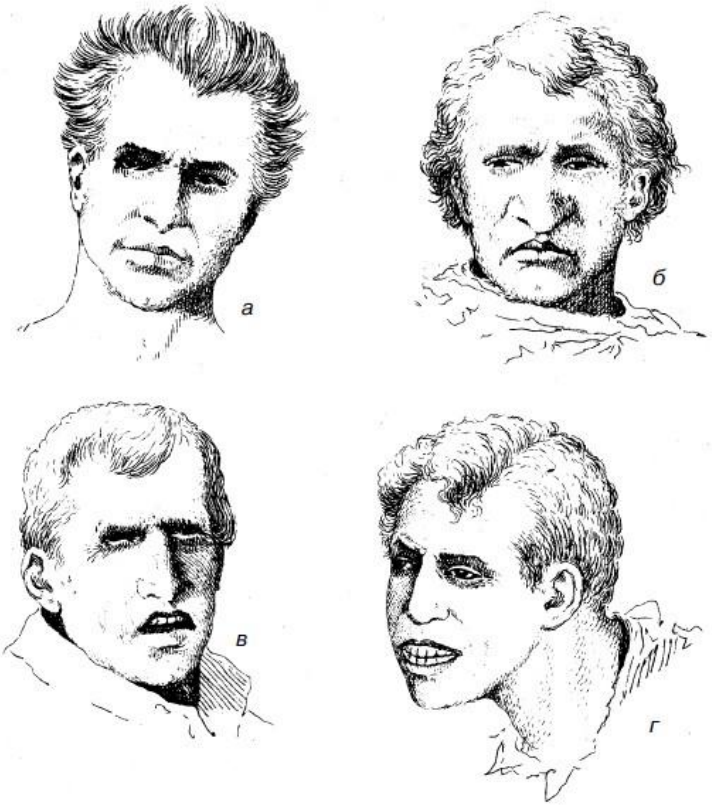
Характер специфических страданий органов чувств обусловливается соргана; в их выражении сказывается не только искусство самозащиты, но и законы симпатии, которые связывают каждое ощущение с определенной областью головного мозга, а, следовательно, и с известным чувством и мыслью.

Слишком яркий цвет, недостаток гармонии в сочетании цветов поражают наш глаз непосредственно. Это специфическое страдание мы и выражаем самым естественным образом, закрывая глаза, плотно сжимая веки и сокращая в то же время те мышцы, которые связаны анатомически и физиологически с круговой мышцей век. Это выражение донельзя сходно с той формой мимики, в какой проявляются и умственные страдания самого высшего порядка. При виде уродливой статуи, безобразной картины в сущности поражается не сетчатая оболочка, а тот, пока еще неизвестный, центр головного мозга, в котором сосредоточены эстетические энергии. Так как статуя или картина является первоначальной причиной эстетических страданий, то мы и выражаем их тем, что закрываем один или оба глаза, – так точно, как если бы нас ослепил слишком яркий свет. То же самое происходит, когда мы слышим какую-нибудь классическую глупость, если только, по закону контраста, она не заставит нас рассмеяться[57].

Таблица 3

[57] Mantegazza, *Atlante dell'espressione del dolore.*

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)



Страдания органов чувств: а – вкусовое, б – обонятельное, в – зрительное, г – слуховое.

Итак, можно формулировать закон, что мимика зрительных, страданий весьма аналогична с мимикой страданий умственных, – именно потому, что зрение есть наиболее духовное чувство и самый обильный источник идей.

Если мы обратимся к другим специфическим чувствам, то увидим, что и они подтверждают тот же закон. Слух – это ощущение, стоящее в самой непосредственной и тесной связи с чувствованием; поэтому-то и выражение специфического страдания слуха тождественно с выражением самых кровных оскорблений наших сердечных привязанностей. В своем атласе страдания я представил беглый набросок выражения внезапного страдания, возникшего у одного очень чувствительного молодого человека, когда он вдруг заметил, что я царапаю всеми десятью ногтями по стеклу.

Итак, можно считать доказанным, что специфическое выражение слухового страдания совпадает с выражениями чувств благосклонных или, как говорится обыкновенно, – чувства привязанности.

Аналогия между выражениями страданий органов чувств и страданий нравственных сделается еще более очевидно, если мы станем изучать мимику носа.

Под впечатлением очень неприятного запаха ноздри сжимаются, нижняя губа выдвигается, и мы невольно производим некоторые движения лица, имеющие целью задержать вхождение в носовую полость воздуха, а, следовательно, и зловония[58].

Мимика эта совершенно подобна тем мимическим выражениям, которыми передается наше чувство пренебрежения и презрения к подлому поступку или к бесчестному человеку. Когда наше личное достоинство возмущено оскорбительным предложением, когда мы по какой-нибудь причине испытываем чувство нравственного отвращения, мы всегда сжимаем ноздри, всегда приподнимаем верхнюю губу, подобно тому, как выражается иногда сардонический смех.

Стало быть, мимика обонятельных страданий имеет большое сходство с мимикой презрения и оскорбленного достоинства.

Изучение безмолвных страданий оскорбленного самолюбия дало мне возможность открыть впервые те законы мимической аналогии, которые я стараюсь здесь изложить. Когда мы оскорбляем самолюбие человека, который в силу своего общественного положения или слабости характера не в состоянии дать нам отпор, и если он хочет показать при этом, что наши оскорбления его не задевают, то мышцы его лица немедленно и невольно становятся неподвижными почти до исчезновения всякой мимики и приходят в

[58] Mantegazza, *Atlante dell'espressione del dolore.*

своеобразное статическое сокращение. Движение это, быстрое как молния, может ускользнуть от поверхностного наблюдателя, но оно очень характерно и почти тождественно у всех людей. Статическое сокращение и напряженная неподвижность лица сопровождаются скоплением во рту слюны, так что через нисколько минут оскорбленный субъект вынужден бывает проглотить ее[59].

Таким образом мы можем сформулировать и четвертый закон: *мимика вкусового страдания, и преимущественно вызванного ощущеньем горечи, представляет сходство с мимикой безмолвных страданий самолюбия.*

Выражение личных чувств обыкновенно бывает концентрическим, центростремительным; напротив, выражения привязанностей и сострадания имеют характер эксцентрический, центробежный. В этом мы убедимся позднее, при изучении мимики страсти; но и теперь уже следует установить этот принцип, так как он применим и к выражению страданий, исходящих из того же источника.

Очень характерно выражение страха, который, по нашему мнению, есть ни что иное, как страдание привязанности к жизни[60]. Поскольку центробежные силы, развивающиеся из этого чувства, могут быть колоссальны, постольку же и основанные на нем страдания проявляются в наиболее красноречивых, выразительных формах.

Страх, как и все эгоистические душевные порывы, имеет очень концентрический характер: кожа делается бледной, холодной, а затем влажной от пота; сердцебиение, сначала сильное и неправильное, становится потом медленным, дыхание затруднено; волосы на коже поднимаются, как под влиянием холода.

Если страх усиливается и переходит в ужас, то крылья носа раздвигаются, глаза чрезмерно раскрываются, как бы всматриваясь в предмет, внушающий нам ужас; они могут даже совсем закатываться и судорожно двигаться вправо и влево. Мышцы лица искривляются судорогой, все тело может колебаться, подобно маятнику, и обнаруживать спазмолические движения различного характера; наконец, может наступить мышечный паралич, придающий телу вид трупа или глубокого обморока; ослабевшие внутренности не могут удерживать своего содержимого.

Выражение умственных страданий, быть может, труднее всего поддается изучению, – потому ли, что мимика их мало экспансивна, или же потому, что они всегда осложнены другими страданиями, именно страданиями самолюбия.

Мимика печальных дум, признаком которой является уже указанное нами спазмолическое сужение или расширение глаза, сосредоточивается всегда в области головы, служащей главным и естественным центром этого рода страданий. Голова покачивается при этом с боку на бок, лоб морщится, человек ударяет себя руками по черепу; иногда эти удары повторяются по тому или другому месту лба, подобно тому, как толкают остановившиеся часы, желая привести их в движение. Иной раз почесывают себе голову, или же, совершенно закрыв лицо ладонями, погружаются в продолжительное и печальное раздумье. Во многих случаях к этому присоединяется сардонический смех, так часто сопровождающий возвышенные и благородные страдания.

Когда выражение страдания повторяется на лице часто, в течение многих дней, месяцев, даже лет, то соответствующие мышцы образуют постоянную складку, и кожа, которой передаются все мышечные движения, покрывается неизгладимыми морщинами. Если к этим явлениям, относящимся к функции произвольных мышц, мы присоединим другие изменения, зависящие от условий пищеварения или от сосудистой системы, – каковы, напр., бледность, землистый цвет, исхудание, краснота глаз и т. п., – то перед нашими глазами встанут хорошо знакомые образы, которые мы обыкновенно называем: физиономия печальная, меланхолическая, страдальческая, тоскливая и т. п.

Сколько свойственно человеку страданий физических и нравственных, столько же можно насчитать и стойких выражений страдания; но все они могут быть сведены к следующим наиболее частым и наиболее характерным типам:

Постоянное выражение страданий пищеварения.

---

[59] Darwin, *The expression of emotions in man and animals.*

[60] Мы сопоставили в свое время чувство страха с чувствованиями, возникающими под влиянием изменений в дыхательных процессах. *(Психология чувствований,* 1880, гл. XI). Мимика выражений тех и других чувств подтверждает эту аналогию, которую Мантегацца не подметил. – Н. Грот.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

– полового.
– физического.
– самолюбия.
– привязанности.
– скуки.
Постоянное выражение страданий меланхолии.
Постоянное выражение страданий лицемании.
Постоянное выражение страданий ипохондрии[61].

Лицо человека может выражать несколько душевных движений сразу или преемственно, в течение непродолжительного времени, так что последние следы исчезающего выражения сливаются с первыми проявлениями нового волнения. Такого рода переходы труднее всего поддаются как физиологическому анализу, так и художественному воспроизведению.

Разлагая искусственным путем эти двойные и тройные мимические комбинации, можно их свести к следующим главным типам.

Выражения страдания, сопровождаемые любовью.
Выражения страдания, сопровождаемые ненавистью.

Почти при всех сердечных страданиях выражение любви проявляется одновременно с высшею степенью скорби. Когда мы видим перед собою любимого человека, его труп, его портрет, или даже когда мы его представляем только в своем воображении, мимика любви может чередоваться с мимикой страдания, сочетаться с нею и даже сделаться преобладающею. Здесь содержится драгоценный источник эстетических элементов, из которого художники черпали свое вдохновение для несравненных созданий искусства, трогающих нашу душу[62].

Глава XI. Мимика любви и расположенности

Подобно тому как удовольствие и страдание являются двумя полюсами в сфере чувствительности, так точно любовь и ненависть представляют два полюса в мире страстей. Поэтому, если мы желаем представить научный разбор мимики, то в основу нашего исследования должны быть положены эти две точки отправления.

Как только возникла в нас известная симпатия, мы стремимся приблизиться к привлекательному для нас предмету – будь это грациозное животное или красивая женщина, наш собственный ребенок или избранник нашего сердца. Стремление это господствует над всей сферой привязанностей, над всеми способами их выражения. Оно обнаруживается, начиная с первого движения, которое оборачивает нашу голову к любимому предмету, и может дойти до жарких объятий, которые освящают союз двух существ или создают новое. От точки отправления до окончания пути расстояние велико, хотя его можно пролетать на крыльях страсти в мгновение ока; во всяком случае в основе мимики расположенности всегда лежит следующий основной принцип: *приближение к тому, что привлекает*.

В момент приближения мы обыкновенно обнаруживаем чувство удовольствия, которое может проявляться в различных формах; но все они главным образом сводятся к выражению радости от приближения к любимому предмету и к желанию встретить взаимность. И так, если не ошибаюсь, основные элементы как самых простых, так и самых сложных выражений расположенности–*приближение и удовольствие, сопровождаемое желаниями*. Это – положительные черты любовной мимики, отрицательные же признаки ее заключаются в полном отсутствии выражений ненависти, гнева, угрозы. Это

---

[61] Наш друг д-р Тебальди, профессор психиатрии в Падуанском университете, предпринял серьезное исследование относительно физиономии умалишенных. Ждем с нетерпением выхода в свет этого труда.

[62] Более полную монографию об этом предмете можно найти в моем сочинении: *Phifsyologie de la douleur,* стр. 277 и след.

язык, который может быть немым, или может сопровождаться какими-нибудь незначительными движениями, но всякий смышленый человек поймет его с первого взгляда. Попробуйте расспросить любую красивую женщину, которая пробыла несколько минут в салоне, окруженная мужчинами, и она вам сразу может шепнуть на ухо, кто из них ее любит и кто к ней равнодушен, кто добивается ее чувства из прихоти, и кто с первого взгляда безумно в нее влюбился. И если существует много оттенков вожделения и любви, то она определит вам характер и степень каждого вожделения и каждого вида любви.

Второстепенные элементы мимики, которые группируются около этих двух главных, весьма многочисленны; перечень их мы сделаем ниже в особой таблице. Однако же, на некоторых из них мы должны будем остановиться дольше, отчасти потому, что они мало изучены, отчасти потому, что они позволят нам проникнуть глубже в механизм мимики привязанностей.

Привязанность – это сила по преимуществу центробежная; она стремится, так сказать, переселить частицу нас самих в любимое существо. Наше «Я», почти совершенно отрешаясь от самого себя, старается войти в другое человеческое существо и уподобиться ему. Отсюда и возникает та подражательная симпатия, которая неудержимо вызывает у нас такую мимику, которая воспроизводит на нашем лице душевные движения, проявляющаяся у любимого нами субъекта.

Эта подражательная симпатия свойственна всем животным, ведущим общественную жизнь. Мимоходом, но мастерски коснулся ее Лафатер в своей книге в главе «О *взаимном воздействии физиономий одна на другую*». Послушайте, как тонко он говорит об этом предмете:

> Каждому случается перенимать привычки, жесты, выражение лица у тех, с кем часто приходится видеться. Мы некоторым образом усваиваем себе все, что любим, при чем происходит одно из двух: или мы сами уподобляемся любимому предмету, или этот последний становится похожим на нас. Все, что нас окружает, оказывает на нас свое влияние и в свою очередь подчиняется воздействию с нашей стороны. Но ничто не влияет на нашу личность с такой силой, как то, что нам нравится, и, несомненно, ничто не может быть нам так приятно, ничто не может так волновать нас, как человеческое лицо. Оно нравится нам потому именно, что гармонирует с нашим собственным лицом. Разве, оно могло бы иметь на нас влияние и казаться нам привлекательным, если бы не существовало точек притяжения, определяющих сходство или, по крайней мере, однородность его форм или его черт с нашими. *Я* не буду пытаться проникнуть в глубину этой непостижимой тайны; я не берусь разрешить трудный вопрос–*как* это происходит; но достоверен тот факт, что с одной стороны есть лица привлекательные, с другой отталкивающие. У двух индивидов, которые взаимно симпатизируют, или часто видятся друг с другом, обыкновенно вместе с одинаковым развитием их внутренних качеств замечается также и сходство в чертах лица, которое устанавливается взаимным обменом личных ощущений. Наше лицо, если можно так выразиться, сохраняет в себе отражение любимого предмета.

Далее этот горячий друг людей, чтобы иллюстрировать свою теорию симпатии, приводит изображения двух супругов. Муж, сделавшись ипохондриком, изменился в лице и видны все признаки глубокого отчаяния и упорного отвращения ко всякой пищи. Жена, которая его боготворила и ежеминутно следила за печальным превращением дорогого лица, мало помалу стала сама впадать в ипохондрию, и лицо ее приобрело выражение, сходное с выражением лица ее мужа. Оба они выздоровели, при чем лица их снова приняли свое обычное выражение.

В виду этого Лафатер благочестиво заканчивает свою статью, приводя очень кстати два прекрасных отрывка из Библии:

> *Все мы, открытым лицом, как в зеркале, созерцая славу Господню, преображаемся в тот же образ славы во славу….* (2 Кор. III, 18).
>
> *Мы станем подобны Ему, потому что увидим Его таким, каков Он есть* (Иоанн III, 2).

Сильную подражательную симпатию пробуждает в нас не только лицо живого человека, но и портрет

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

его, если только он похож и выразителен. На письменном столе Фридриха Великого стоял всегда бюст Юлия Цезаря. Я видел этот бюст, и он произвел на меня глубокое впечатление, – до того еще силен блеск гения в этом немом мраморе, несмотря на столько веков. Прусский король говорил, что этот Цезарь вдохновлял его на великие подвиги. Для того чтобы испытывать подобные влияния, не нужно быть великим человеком, достаточно быть просто человеком. Со времени моей юности перед моими глазами всегда находилась гравюра, изображающая Рафаэля Менгса и выполненная по его собственноручному портрету. Этот благородный и вдохновенный облик постоянно уносил меня в область высоких идеалов и побуждал к умственной работе.

Подражательная симпатия, составляющая одно из простейших явлений отраженной жизни чувств, особенно ярко выступает в мимике любви; но здесь она осложняется элементами высшего порядка.

Самый элементарный факт этого рода представляет тот случай, когда мы, притворяясь плачущими, заставляем плакать ребенка, который нас любит, хотя ему и неизвестно почему и как мы страдаем.

Более сложное явление происходит тогда, когда человек становится на колени перед любимой особой, целует ее ноги, как бы желая довести до совершенного ничтожества свое личное «Я», сделать его чем-то зависимым, какой-то частицей любимого существа. Это желание слиться с другим, умалить себя, чтобы возвеличить того, кого любишь, по моему мнению, выходит из узких пределов мимики и охватывает более обширную сферу и самые широкие горизонты мысли. Мы видим это по употреблению уменьшительных имен, которые в ходу между любовниками, а иногда и между друзьями, и которыми пользуются маменьки в разговоре со своими детьми; человек тонко и великодушно умаляет себя как будто для того, чтобы любимому существу легче было охватить и поглотить его. Ведь маленьким предметом удобнее овладеть, и потому в присутствии любимой особы мы хотели бы превратиться в цыпленка, в канарейку, во что-нибудь крошечное, чтобы всецело находиться в ее руках, чтобы чувствовать себя сжатыми со всех сторон ее теплыми и любящими пальцами. Есть еще и другая секретная причина к употреблению уменьшительных имен. Маленькие создания бывают нежно любимы, а нежность есть высший признак всякой крупной силы, которая может развиваться и расходоваться по собственному произволу. После сильного, горячего, стремительного объятия всегда следует нужная нота, и уменьшительные формы мимики или слов играют при этом видную роль.

Рассмотрев самые важные общие признаки расположения, нам следует теперь разложить их аналитическим путем.

Многие из этих мимических элементов наблюдаются и у животных. Дарвин описал ласки привязанности кошек и собак по отношению к их хозяевам, и подобные наблюдения с натуры мог бы сделать каждый. В своей *«Физиологии любви»* я также описал несколько сцен этого рода из мира животных, где постоянно преобладают два существенных элемента любовной мимики: приближение и удовольствие. Во всю жизнь я не увижу более ничего подобного кокетничанью двух улиток, которые, обменявшись ударами метательных камешков (подобно доисторическим людям), ласкались и обнимались с такой грацией и такой чувственностью, что могли бы возбудить зависть самого утонченного эпикурейца.

Синоптическая таблица мимики расположенности

Элементарные движения при приближении.....	Движения глаз Движения губ Движения головы Движения туловища Движения рук
Соприкосновения	Ласки руками Поцелуи Ласки носом Ласки языком Пожатия рук Различные объятия
Различные симпатические явления	Улыбка Смех Слезы Попеременные боковые изгибания шеи Различные движения, выражающие подчинение (становиться на колени; бросаться к ногам любимой особы; простираться на земле) Монотонное повторение звуков и слогов, не имеющих значения Песни и музыкальные звуки

Мимика расположенности начинается стремлением к сближению и оканчивается взаимным соприкосновением тел, или некоторых частей тела.

Именно, в инстинктивном выборе тех или других членов для соприкосновения и выражаются разнообразные виды расположенности, – от самого святого благоговения и до самых чувственных вожделений. У всех народов земного шара замечается стремление соприкасаться наиболее подвижными и наиболее чувствительными частями тела. Вот почему рука и рот являются главными органами мимики расположенности. Относительно руки, однако, существует большое единодушие, потому что есть, кажется, народы, которые никогда не целуются. Ссылаясь на авторитет Дарвина и некоторых других исследователей, я назову из числа таких народов: фиджийцев, маоритян, таитян, папуасов, австралийцев, обитателей Сомали в Африки, а также эскимосов и древних японцев.

Я никогда не забуду своего долгого спора с благородным и интеллигентным живописцем с острова Явы, Баден-Салеком. Он говорил мне, что, подобно всем малайцам, он находит больше нежности в соприкосновении носов, чем в соприкосновении губ. «Ведь носом дышат, – добавлял он, – носом мы ощущаем дыхание любимого существа, и нам кажется, что мы сливаем при этом свою душу с его душой». Я говорил в защиту губ; но мы могли бы проспорить целый день и все-таки не убедили бы друг друга; наши вкусы в области чувствований были слишком несходны. Наших женщин он находил очень красивыми, но никак не мог примириться с нашими орлиными носами, *такими длинными, такими огромными,* по его выражению.

В широком смысле слова, ласка может быть выражена какой угодно частью тела. Нога, впрочем, употребляется с этою целью весьма редко, да и то разве в тех случаях, когда для этого нельзя воспользоваться другим членом, или же у народов отсталых, которые имеют обычай для выражения преданности и уважения к какой-нибудь особе ставить себе на голову или на лицо ее ногу.

Настоящим же органом ласки служит рука. Пальцы ее – это суставчатые и гибкие рычаги, которые дают возможность дотрагиваться, щекотать, сжимать, обнимать, охватывать, увеличивая число нежных прикосновений и приятных ощущений. Не даром слова *cher* и *caresse* имеют общее словопроизводство *(carus).* Ласкающая рука ищет другую руку, или же, в моменты более нежного умиления, – лицо любимого человека; часто нам недостаточно одной руки, а иногда и обеих. Посмотрите на мимику материнской привязанности, когда мать любящей рукой гладит по лицу своего ребенка, и скажите, можно ли найти более нежное и более естественное выражение любви.

При своих ласках человек нечто отдает и вместе с тем нечто воспринимает. К руке, расточающей любовь, от кожи любимой особы, словно магнетические токи, прибывают волны другой любви. Вот почему одно из самых обычных и самых чувственных любовных излияний состоит в перебирании волос рукою. В этом лабиринте гибких и живых нитей рука находит неисчерпаемый источник осязательных наслаждений. Каждый волос – точно электрическая нить, приводящая нас в тесную связь с чувствами, сердцем и даже мыслью любимого существа. Недаром длинные волосы женщин во все времена считались залогом любви, и недаром лысые оплакивают утрату целой области в мире наслаждения.

Пожатие рук – один из видов ласки, но наименее чувственный. Оно служит простым выражением того,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

что два человека узнают друг друга, что они не желают один другому вреда и не имеют основания питать друг к другу ненависть. Это одно из распространенных приветствий в человеческой семье, и даже дикие народы, у которых оно не в обычай, истолковывают его всегда, как знак расположения. У народов цивилизованных рукопожатие есть самый естественный способ выражения дружбы, в котором часто рельефно выступают характерные черты народности. Всем известно сильное и энергичное *schake-hand* англичан. Итальянцы пожимают руку со страстной стремительностью, совершенно чуждой народам севера. Многие люди, очень холодные и мало общительные, никогда не отвечают на ваше рукопожатие: вы держите в своей руке какой-то мертвенный член, внушающий страх и отвращение.

Хотя пожатие руки является одним из простейших мимических актов, но в нем может заключаться столько разнообразных оттенков выражения, что описание их составило бы целую книгу. Пожимая руку другу или любовнику, можно желать этим сказать: *я вам не доверяю, я вас больше не люблю, я чувствую к вам влечение, я вас обожаю, я вас жду…*

Пожатие руки, сделанное мужчиной женщине, может быть дерзким, более дерзким, чем пощечина.

В ряду прикосновений, служащих выражением расположенности, после ласки и рукопожатия следует объятие, представляющее собою род переплетения верхних конечностей; бросаясь друг к другу в объятия, два существа почти отдаются взаимно друг другу, как бы желая слиться в одно. Способ объятия бывает различен даже у цивилизованных племен: то обнимающиеся обхватывают туловище друг друга обеими руками, то перекидывают друг другу через плечо одну руку, касаясь ею различным образом спины. Иногда объятие совершается в два приема: обнимают сначала одну, а потом другую сторону туловища своего друга или своей подруги. В своем путешествии в Лапландию[63] я описал способ объятий у лапландцев, а в своем *«Dio ignoto»* [64] – странный обычай у обитателей пампасов.

Выше объятий, или, лучше сказать, в иной сфере любовных чувств, стоит поцелуй, который совершенно неизвестен многим народам, но распространен у всех цивилизованных наций, хотя в разной степени и с очень различным значением. Французы, например, целуются ежеминутно – даже лица разного пола; напротив, у итальянцев, и особенно у восточных народов, поцелуй может быть дан только жене, дочери или сестре.

Поцелуй играл видную роль на страницах истории человеческого рода: нередко поцелуй смывался кровью, возбуждал войны между племенами или народами. И это естественно: как источник бесконечного наслаждения, он мог возбуждать и бесконечную зависть; он мог открывать измену или сулить блаженство.

Хотя губы и покрыты кожей, но они уже имеют свойства внутренностей. На этой розовой границе, где нет ни национальных гербов, ни таможен, сходятся внешняя и внутренняя природа человека и обмениваются своими проявлениями, при чем тысячи очень чувствительных нервов раздают и получают вновь впечатления наших ощущений, нашего сердца и мысли. Поэты были правы, говоря, что здесь встречаются две души; влюбленные всех времен были тоже правы, когда в страстном томлении восклицали: *«Только один поцелуй, или смерть!»* Случается нередко, что поцелуй сопровождается обмороком.

Поцелуй одновременно дает приятное внешнее и внутреннее ощущение; но существует громадная разница между поцелуем взаимным и поцелуем только данным, или только полученным. Многие женщины знают это и, будучи казуистами более чем любой теолог или адвокат, признаются, не краснея, в том, что получали много поцелуев, но добавляют, что сами никогда не отвечали на них.

Быть может, своим анализом мы профанируем это мимическое явление; однако, с научной точки зрения верно то, что поцелуй, оставшийся без ответа, равняется не принятому векселю. Вексель может быть ценою в тысячу, сто тысяч франков, миллион франков, но раз на нем нет подписи принимателя, он не стоит и гроша. Поцелуй только данный – это монолог, желание, стремление; поцелуй возвращенный – это принятый вексель, часто написанный слезами или кровью, но имеющий за собою мощную власть совершившегося факта. Поцелуй данный – это одно из тысячи семян, рассыпаемых щедрой природой на все четыре стороны и сохнущих или гниющих при отсутствии благоприятной для них почвы.

Напротив, поцелуй возвращенный не проходит бесследно. Хотя бы даже такой поцелуй не оскорблял

---

[63] Mantegazza, *Viaggio in Japponia coll'amico Sommier.* Firenze, 1880.

[64] Mantegazza, // *Dio Ignoto,* 3-e edit. Milan, 1880.

ничьего знамени, хотя бы из-за него не нарушались международные союзы и трактаты, – и тогда он все же есть торжественный договор, как бы передающий нам частицы плоти, сердца и мысли другого человека. Взаимный поцелуй – это брак; с ним неразлучны румянец при воспоминании о прошлом и соглашение относительно будущего. Страх, религия, выгода, пространство, время могут разлучить мужчину и женщину, обменявшихся поцелуем, но они отдались и принадлежат друг другу.

Поцелуй данный может быть настолько мало чувственным, что его нельзя отнести к мимике любви. Целуют ноги идолов, святые мощи, одежду героев и холодный мрамор храмов. Во всех этих поцелуях участвует одна пара губ – та, которая целует. Даже и между живыми людьми такой поцелуй может выражать уважение, благоговение, но не любовь. Так целуют руку из вежливости, благодарности или покорности. Так же целуют в лоб сына, дочь или великого человека, которому удивляются.

Еще большей особенностью отличаются холодные поцелуи, требуемые приличием, в которых хотя участвуют две пары губ, но губы эти не встречаются. Каждый нос целует щеку, потом ловким *chassez-croisez* носы меняются местами и прикасаются к другой щеке. Все же, однако, это поцелуи; научно они относятся к мимике расположенности; но какая пропасть между ними и поцелуем Паоло и Франчески!

Когда уста отдаются друг другу, когда целующиеся губы сливаются воедино, когда исчезает всякая граница между «твоим» и «моим», когда кожа и нервы, душа и тело соприкасаются, сплетаются и сливаются, – вот это настоящий поцелуй, являющийся, быть может, и самым прекрасным выражением любви, сближающий мужчину и женщину, чтобы возжечь свет факела жизни.

За губами находится другой очень чувствительный орган– язык, который нередко принимает участие в мимике любви. Это бывает и у животных, например, когда они лижут своих детенышей.

Я даже знаю одного очень нежного мальчугана, который, ни кем тому необученный, лижет тех людей, которым хочет выказать дружбу.

Различные элементы мимики, рассмотренные нами, комбинируются различным образом, слагаясь в сложные выражения, из которых наиболее выдаются следующие:

Выражение половой любви.

Выражение материнской любви. Тут мы находим все яркие краски эротического мира, за исключением чувственности. Так как это один из самых животных и наиболее непроизвольных видов любви, то отличительными чертами ее являются: стремительность, крайняя энергия и почти судорожная форма проявления. Многие великие артисты обессмертили себя изображением материнской любви, которая так полна чувства, так возвышена, так порывиста и так постоянна.

Выражение сострадания. Это двойное сочетание мимики страдания и мимики любви. Выражение это так обычно и так общеизвестно, что самые посредственные живописцы умели изображать лицо человека, который при виде чужих страданий страдает и сам *[cum eo patitur].*

Выражение расположенности вообще. Это спокойное, ясное выражение расположения, без ярких красок желания и наслаждения и без печального оттенка сострадания.

Постепенно оно может возвыситься до мимического выражения дружбы, которая представляет возвышенное и очень определенное проявление расположенности между людьми. Оба эти выражения характеризуются улыбкой, растяжением черт лица и некоторыми движениями, что все вместе выказывает нашу готовность помогать своим ближним, ободрять их, а иногда плакать и смеяться вместе с ними.

Это выражение расположенности к людям может сделаться постоянным, и тогда лицо принимает тот типический характер, который в общежитии называется *лицом любезного человека, лицом хорошего человека.* Мы еще будем говорит об этом по поводу критериев, руководящих нами в оценке нравственного достоинства физиономии; но пока я позволю себе указать, какая неопределенность на этот счет царит в трудах физиономистов не только древних, но даже и новейших. Послушайте, например, что говорит об этом Да Лапорта:

> *О лице хорошего человека.* Так как нравственность сопутствует всегда справедливости и ненависти к порокам, то мы соберем вместе отдельные черты добродетельного и нравственного человека и создадим из них образ, характерные признаки которого могут быть признаны средними для большинства.
>
> *Хороший человек.* Узнается по отсутствию резкости в его чертах. Большой нос,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

пропорциональный всему лицу, или длинный, нависший над ртом, или короткий с открытыми ноздрями. Лицо красивое, дыхание правильное, грудь и плечи широкие; бюст средний; глаза впалые, большие, подвижные, как вода в стакане, со смелым взглядом, всегда открытые, темные и влажные. Вид приветливый или меланхолический; брови густые; взгляд строгий или унылый.

Благонравные люди. Взгляд имеет выражение среднее между спокойствием и волнением. Уши довольно велики и четвероугольны, фигура средняя, голос средний между оживленным и слабым или нежным; смеется редко; ногти широкие, белые или розовые; глаза голубые и впалые, большие, неподвижные и сияющие, влажные, как вода; ноги хорошо сложены, нервные, с тонкими связками[65].

Нельзя не пожалеть того, кто захотел бы воспользоваться этими портретами, чтобы распознать доброго и благонравного человека.

Тот, у кого малый нос, не может быть добродетельным человеком, а тот, у кого темные глаза, должен отказаться от права считаться благонравным! Сколько каббалистики, сбивчивости, сколько предположений и как мало науки! Подвергая строгому анализу положения неаполитанского физиономиста, можно найти в них только две истины: во-первых, что лицо порядочного человека не представляет положительных черт злобы, во-вторых, что глаза его «имеют взгляд смелый», т. е. выражают прямодушие и искренность.

Перенесемся, по крайней мере, на два века вперед, и посмотрим, как изображает Лепеллетье человека *добросовестного, снисходительного, неподкупного, самоотверженного*.

Правильная голова с ясно очерченными контурами, заметное преобладание черепа над лицевой частью, черты лица обыкновенно тонкие, нежные и вполне пропорциональные; возвышенное, благородное, полное достоинства чело, сияющее неизъяснимым выражением душевной непорочности и красоты, отражающее самые чистые и прекрасные движения чувства и мысли.

Шея не толстая, округленная, медлительная и простая, но грациозная в своих движениях, свободно держащаяся на плечах, которые вообще мало выдаются и мало подвижны. Туловище тонкое, изящное, естественное в своих позах, гибкое, без резкости, вычурности и искусственности в своих движениях. Конечности, обладающие такими же счастливыми физиологическими свойствами, совершают только полезные, точные и сдержанные движения.

Как много красивых слов и как мало наблюдения! Какая неопределенность, и сколько ложных умозаключений Лепеллетье, живший двумя веками позже Да Лапорты, не сумел исправить ни одной черты в странном изображении, которое начертал его предшественник.

Лафатер, которому все-таки не доставало научного направления, чутьем угадывал то, чего ему не мог дать научный опыт. Послушайте его:

Признаки честного лица. Нет такого лица, которое не могло бы выражать известную степень честности; но не всем лицам свойственно это в одинаковой мере. Самые неуклюжие, самые безобразные лица имеют иногда в высшей степени честное выражение, а самые красивые и правильные – часто бывают обманчивы. Тем не менее, правильные черты лица внушают мне больше доверия, нежели уродливые. Когда брови, глаза, нос и губы пропорциональны, то выражение честности в лице, приобретает от этого еще большую определенность.

Не впадая в ошибку, честным можно назвать такое лицо, в котором соединены в равной степени выражения силы и доброты. Одно добродушие само по себе предпринимает иногда то, чего оно не в силах сделать; дает такие обещания, которых не в состоянии выполнить; начинает то, чего не может довести до конца. Силу, если она не смягчена добродушием,

[65] Glov. Battista Dalla-Porta, *Op. Cil.*

трудно побудить к деятельности; она не делает того, что могла бы сделать; она становится орудием притеснений и несправедливости. Добродушие без силы тоже, что туча без дождя; сила без добродушия – это груз без рычага. Обладая только одним из этих двух качеств, нельзя быть вполне хорошим человеком. Сила без добродушия переходит в суровость, добродушие без силы вырождается в простоватость. Одна грешит избытком мягкости, другая излишком суровости; как раз середину между ними занимает сила деятельная – справедливость, честность.

Таким образом, мягкость и твердость, взятые в отдельности, не совпадают с понятием о честности. Последняя требует для себя сразу и снисходительности, и силы: силы, которая бы не притесняла, и снисходительности, которой нельзя было бы злоупотреблять; она приводит нас к сознанию, что мы такое в действительности и чем мы не можем быть, что мы можем сделать и что превышает наши силы. Таковы основные черты честности. Хитрость – это недостаток силы, который желают скрыть, прибегая к усилию. Но всякое усилие, не отвечающее внутреннему побуждению или непосредственному действию какой-нибудь внешней причины, есть ничто иное, как притворство. Что притворно, то неестественно, а что неестественно, то противно честности.

И далее:

Человека честного, равно как и истинно умного, я распознаю в особенности по его манере слушать. В этот именно момент сила и добродушие в их взаимных отношениях выступают с наибольшею отчетливостью.

К числу физиономических признаков честности я отношу еще известный блеск глаз, ясность взгляда, в котором спокойствие кажется соединенным с подвижностью и который занимает середину между сверкающим и тусклым взглядом; – рот без гримас и судорожных искривлений; соответствие между движениями губ и глаз; цвет лица не слишком серый, не слишком красный и не чересчур бледный.

Перечисленные мною признаки могут отсутствовать во многих честных физиономиях; но очень мудрено встретить их вместе на лице плута.

Человек, который, смеясь от чистого сердца, не обнаруживает ни малейшего признака иронии, который, после первого взрыва веселости, продолжает тихо улыбаться, и лицо которого принимает затем выражение удовлетворенности и ясности, – такой человек, наверное, заслуживает нашего доверия, и честность его не подлежит сомнению. Вообще различные оттенки смеха и улыбки могут служить характерными признаками честности или лукавства.

А вот посмотрите еще, как Лафатер, будучи сам священником и святым человеком, мало уважал своих собратьев. Он заканчивает эту главу следующими словами:

Физиономические черты мужества сопутствуют чертам честности. Всякий обман есть трусость. Исходя из этого принципа, я думаю что ни в одном сословии честность настолько не распространена, как среди военных. Зато весьма редко она встречается в другом звании, которое я не хочу называть.

Нам хотелось привести целиком эту страницу из Лафатера, так как в ней сразу отражаются и недостатки, и достоинства бессмертного писателя. После чтения Да Лапорты и Ле Пеллетье здесь чувствуешь себя как бы перенесенным в другую, более чистую атмосферу, удивляешься тонкости психологических наблюдений и чисто женственной чуткости, умеющей различать в этом полумраке самые нежные черты человеческой природы. Но, с другой стороны, сколько неопределенности в этих штрихах, сколько догадок вместо наблюдений, какое беспрестанное смешивание самих фактов с их истолкованием!

В настоящее время мы справедливо сделались более требовательными относительно научных методов; и вот почему при изучении физиономии и мимики нам чаще приходится разрушать старое, чем созидать

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

новое. В настоящее время мы должны ограничиться лишь тем замечанием, что у людей, расположенных к добру, чаще всего появляется мимика благосклонности, и потому на лице их становятся постоянными те выражения, которые мы старались анализировать и изучать в настоящей главе. Если бы, однако, от меня потребовали более точного определения в виде неизвестного афоризма, то вот моя формула со всеми ее явными недостатками.

Лицо порядочного человека прежде всею отличается откровенностью, потому что ему нечего скрывать; оно бывает ясным и смеющимся, так как обычное благосклонное настроение духа составляет одну из самых надежных и прочных радостей жизни.

Глава XII. Мимика умиления, благоговения и религиозного чувства

Умиление, благоговение и все другие сердечные и умственные волнения, совокупность которых мы называем религиозностью, относятся к разряду чувств доброжелательных, а потому и соответствующие им выражения имеют сходство с мимикой расположенности. Мы не можем, конечно, выражать уважение, благоговение или религиозный восторг сжиманием кулаков, скрежетом зубов или какими-нибудь другими проявлениями гнева.

Рассматриваемые нами выражения всегда складываются из различных элементов. Благоговение состоит из чувства любви и удивления в одно и то же время; удивление же есть явление умственное, имеющее свою особую мимику. В чувство умиления, уважения, преданности примешивается еще третий элемент – наше инстинктивное стремление умалиться перед существом, которое мы признаем или относительно которого верим, что оно сильнее или выше нас. Все эти элементы заключаются и в религиозном чувстве, но здесь к ним присоединяется еще чувство страха, надежды или раскаяния. Мы постараемся рассмотреть сравнительным путем каждое из этих выражений.

Уважение, умиление, благоговение

В простейших выражениях уважения появляется улыбка сердечной расположенности, но здесь она сдерживается и умеряется чувством более возвышенным. Глаза неподвижны и широко открыты, но в то же время взор направляется вниз, – первый признак, которым отмечается умиление, самоуничижение. Дарвин охарактеризовал мимику удивления лишь несколькими чертами; но это штрихи, проведенные рукою мастера.

> Удивление состоит, по-видимому, из впечатления неожиданности, связанного с некоторым чувством удовольствия или одобрения. Когда оно проявляется с живостью, то брови раздвигаются, глаза открываются все шире и шире, тогда как при обычном изумлении они остаются неподвижными; при этом рот тоже не остается открытым, но складывается в улыбку.

В физиономическом атласе Лебрёна помещены три рисунка, изображающие этого рода волнения[66]. Лебрён говорит об *удивлении:*

> Настроение это, не вызывая сильного возбуждения, очень мало изменяет и черты лица. Брови при этом поднимаются, а глаза раскрываются несколько больше обыкновенного. Зрачок, расположенный как раз по середине между веками, кажется пристально устремленным на предмет, рот полуоткрыт, при чем щеки не представляют никаких заметных изменений.

Рисунок IV Лебрёна изображение *удивление,* смешанное с *изумлением,* но он выполнен не особенно верно и скорее напоминает мимику чувственности. Объяснение, сопровождающее этот рисунок, говорит больше самого изображения.

> Движения, посредством которых выражается это настроение, почти ничем не отличаются от движений, характеризующих простое удивление, – разве только тем, что здесь они

[66] Charles le Brun, *Expression des passions de I'âme.*

> сказываются живее и резче, брови поднимаются выше, глаза раскрыты шире, зрачок более удален от нижнего века и более неподвижен; рот раскрыт сильнее, и все вообще черты лица оказываются гораздо более напряженными.

Рисунок V изображает *благоговение;* но и здесь опять таки художник стоит ниже ученого. Глаза представлены чересчур сильно закрытыми, голова слишком опущена, так что лицо это с одинаковым успехом могло бы изображать и уничижение, и нравственное угнетение и много еще других душевных движений. Комментарий же к рисунку составлен и здесь удачно.

Удивление дает начало чувству уважения, из которого возникает благоговение; если благоговение возбуждено в нас чем-нибудь божественным или недоступным для наших внешних органов чувств, то оно выражается наклонением лица, опусканием бровей; глаза при этом почти закрыты и неподвижны, рот также закрыт. Движения эти спокойны и вызывают лишь очень мало изменений в других чертах лица.

Рисунок VI Лебрёна изображает *восхищение* – явление почти исключительно умственное, которое может быть вызвано различными причинами. Но так как оно косвенно сочетается и с религиозной мимикой, то нелишним будет напомнить здесь о том, что говорит по этому поводу Лебрён.

> Хотя восхищение и благоговение касаются одного и того же предмета с разных точек зрения, но сопутствующие им движения далеко неодинаковы; при восхищении голова склоняется налево; брови и зрачки поднимаются вверх; рот полуоткрыт, и оба угла его также слегка приподняты. Остальные черты остаются в своем обычном положении.

В основе благоговения и умиления всегда лежит чувство расположенности. Доказательства этому можно видеть во многих актах вышеописанной элементарной мимики – в наклонности целовать руки, ноги или одежду того человека, который внушает к себе почтение, простирать вперед руки, обращенные ладонью к оси нашего тела, как будто они приготовились кого-нибудь ласкать. Этот акт, о котором Дарвин умалчивает, может быть объяснен еще иначе, а именно общим характером мимики удивления. Мимика эта всегда экспансивна; подобно тому как раскрываются глаза и рот, руки при этом тоже удаляются от туловища, причем ладони их могут быть направлены кнаружи или обращены к оси тела. Если не ошибаюсь, оба эти положения рук характеризуют два последовательные периода удивления.

Когда ладони обращены к оси тела, пальцы чаще всего бывают сжаты вместе, и этот жест как бы выражает стремление к ласке; действительно, чувство, которое мы испытываем при этом, имеет много общего с расположенностью. Наоборот, когда ладони обращены кнаружи, то пальцы часто сильно раздвигаются, как это бывает во время испуга. А так как в этих случаях удивление преобладает над расположенностью, то и мимика приобретает характер более умственный, нежели сердечный.

Если удивление достигает степени восторга, то руки скрещиваются, упираются в бедра, если человек сидит, или в живот, если человек стоит, – точно чувствуется при этом потребность принять спокойное положение, для того чтобы дольше оставаться в созерцательном состоянии и изведать все наслаждение восторга. В то же время голова слегка склоняется то к правому, то к левому плечу (но не всегда к левому, вопреки утверждению Лебрёна).

Другая форма мимики состоит в том, что руки складываются, как вовремя молитвы, – то у самого лица, то впереди, или, наконец, обращены ладонями кнаружи. Генслей Ведгвуд[67] видит в этих актах следы атавизма – бессознательное воспоминание о том времени, когда руки побежденного инстинктивно протягивались к цепям победителя.

Дарвин[68], по-видимому, склонен принять эту теорию. Я же позволю себе в ней усомниться, потому что, обращаясь с мольбою к Богу и к сильным мира сего, перед которыми мы смиряемся, мы складываем руки точно так же, как и при выражении благоговения или удивления. Я полагаю, что, привыкнув с детства известным образом складывать руки при молитве, мы употребляем тот же жест для выражения мольбы к тем людям, которые могут сделать нам много добра или много зла, и что таким образом они ставятся нами

---

[67] *The origin of Language.*

[68] Darwin, *Op. tit,* p. 221.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

на место Бога.

Мне думается, впрочем, что в этих случаях мимические движения рук имеют не столь историческое, сколько органическое происхождение. Они служат или для того, чтобы расширить круг мимических излияний, или для того, чтобы симулировать желание или стремление обладать и ласкать предмет нашего поклонения или восхищения.

Согласно моим наблюдениям, я бы советовал художникам придерживаться следующих толкований мимики рук, сопровождающей выражение удивления на лице.

Распростертые руки, обращенные ладонями к оси тела.

Искреннее удивление, умиление, полное нежности. В самой характерной форме его можно наблюдать в том случае, когда человек смотрит на портрет дорогого для него покойника или на священный образ.

Широко раскрытые руки с раздвинутыми пальцами и с ладонями, обращенными кнаружи.

Удивление, перешедшее в изумление. Оно обнаруживается при виде какой-нибудь неожиданной и величественной картины природы.

Руки сжатые и упирающиеся в бедра или в живот.

Долгое, терпеливое и тихое созерцание прекрасной картины, прекрасной статуи, любимого существа во время его сна или, наконец, трупа обожаемого человека.

Руки сложенные, как бы для молитвы.

Восхищение, вызванное чем-то божественным, или каким-нибудь героическим поступком, или, наконец, изумительным произведением искусства.

Туловище и нижние конечности в свою очередь участвуют в выражении благоговения и удивления, но постоянно одинаковым образом сгибаясь и наклоняясь к земле. В этом настроении человек всегда стремится стать ниже другого, уйти в самого себя, точно стараясь занять как можно меньше пространства. Вот почему он и наклоняет при этом тело вперед, становится на колени и даже простирается лицом к земле.

У некоторых народов встречаются выходящие из ряду и унизительные проявления этой мимики; таковы, например, обычаи ползать на животе, лизать землю, подкладывать голову под ноги тому, кому хотят выразить почтение.

Я бы вышел из пределов начертанного мною плана, если бы захотел излагать историю всевозможных выражений и знаков почтения, употреблявшихся в различное время и различными народами, с целью определения ступеней, занимаемых ими в общественной иерархии. Тут выражение естественное уступает место условному, и мы вступаем в область условного языка, имеющего совершенно иное происхождение, чем мимика. Почти у всех цивилизованных народов принято в знак уважения снимать с головы шляпу; в других странах, напротив, это сочли бы за недостаток почтения. Да и у нас обнажают голову одни только мужчины, но не женщины. Быть может (по мнению Тэйлора), начало этого обычая кроется в условиях средневековой жизни, когда мужчины, при входе в церковь или в дом друга, должны были снимать с себя военные доспехи и шлем. Способ приветствия видоизменяется не только сообразно полу, эпохе и племени, но также и в зависимости от профессии; так солдат не может снимать у нас своего головного убора в знак приветствия, а должен для этого подносить только руку к голове.

В том немногом, что мы сказали до сих пор, заключаются уже все элементы, необходимые для определения религиозной мимики, которая не составляет особого мира, но является лишь областью, где сходятся самые разнородные душевные энергии, начиная от самых возвышенных стремлений до самого низменного страха, и образуют такую эмпирическую смесь, которая обыкновенно весьма трудно поддается научному определению.

В мимике религиозного чувства встречается и благоговение, и изумление, и горячая преданность, и ужас, и надежда, – словом все чувства, которые могут внушить нам люди или их неодушевленные изображения. Одна лишь черта составляет исключительную принадлежность этой мимики, – это поднятие глаз к небу, без сомнения основанное на вере в возможность увидеть там Бога и святых. В состоянии религиозной восторженности глаза могут закатываться до того, что роговая оболочка совершенно скрывается, подобно тому, как это происходит во время сна.

Благодаря тому, что искусство в течение веков почти исключительно носило религиозный характер, мы имеем целые тысячи памятников, на которых воспроизведены простое благоговение и мученичество, смиренная молитва и истерическое исступление; но даже и в бессмертных творениях великих живописцев

и великих писателей мы не найдем такого изображения, которое чем-нибудь отличалось бы от мимики, присущей благоговению, страху, надежде, удовольствию или страданию. При некотором усилии воображения можно создать сколько угодно сверхъестественных миров, но нельзя изобрести ни одной маленькой мышцы, служащей для выражения известного чувства, которое представляет сумму большого числа энергий, присущих исключительно человеческой природе и доступных всецело анатомическому и физиологическому анализу.

Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить о Лафатере. При всей своей религиозности, он посвятил одну из наиболее длинных глав своего сочинения вопросу *«О религии и религиозных физиономиях»;* однако же, не смотря на его проницательность, ему удалось только описать характер религиозных людей, но не удалось нарисовать картину религиозной мимики.

Сказав, что существует религиозная организация, он чувствует необходимость оправдать это странное выражение и предполагает, что о нем могут, пожалуй, сказать: «Этот добрейший Лафатер сам не знает, что говорит: от усиленного писательства он совсем потерял голову». Несколько далее он различает троякого рода религиозные типы.

1. Тип напряженный и суровый (как, например, у Кальвина).
2. Тип неопределенный и мягкий (в роде Цинцендорфа).
3. Тип свободный и прямой, в котором резкие проявления строгости могут сочетаться с необыкновенной мягкостью (св. Павел и св. Иоанн).

Очень удачными штрихами он очерчивает физиономии иезуитов и представляет несколько хороших портретов Лойолы, Хименеса, Карла Борромея и многих других. Но поразительнее всего религиозное выражение на лице одного молящегося старца. Все художники, имеющие дело с религиозными сюжетами, должны вдохновляться этой маленькой гравюрой, в которой заключается целая поэма.

Вот комментарий, сопровождающий это удивительное изображение:

> Сосредоточенность благочестивой души, погруженной в размышления о смерти, – души, все помыслы которой обращены к Богу, и которая, разочаровавшись во всем земном, жаждет лишь вечного покоя. Быть может, ее умиление робко и мало сознательно, но оно, по крайней мере, искренно. Все черты лица выражают его: начиная с печального и пугливого взора и кончая морщинами на лбу. Это не кающийся грешник, это – святой, который боится, при малейшем промахе, потерять свой путь к спасению. Тот жар, который никогда воспламенял его молодость, согревает еще и теперь его благочестие, не запятнанное фарисейским лицемерием.

В своем очерке о религиозной физиономии Лафатер виден весь в нескольких строках, где под плащом теолога и религиозного человека скрывается натуралист.

> У каждого религиозного человека, смотри по его характеру, складывается своеобразное понятие о божестве. Флегматик поклоняется богу кроткому и спокойному, человек жестокий страшится божьего могущества и мести. Вот почему св. Петр и св. Иоанн говорили об одном и том же Боге – первый со страхом, второй с нежностью.

Если гению Лафатера не удалось создать физиономического типа религиозного человека, то нисколько не удивительно, что его заурядные ученики и писатели нового времени не достигли в этом деле большого успеха.

К некоторым из них критик может относиться не иначе, как с улыбкой. Торе[69] утверждает, например, что высокая макушка головы составляет общий признак всех религиозных людей:

[69] C. Thoré, *Dictionnaire de phrénologie et de physignomonie,* Bruxelles, 1837.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Произведения искусства представляют много доказательств, подтверждающих это мнение. Почти у всех античных статуй верхняя часть головы мало возвышена. Таков тип языческий, в котором религиозность была менее развита, чем в типе христианском… Голова Христа, в изображениях художников, представляется замечательно развитой в верхней своей части, оттого ли, что художниками руководил инстинкт, или же потому, что тип этот был удержан в преданиях.

Лепеллетье характеризует благочестивого, искренне верующего человека следующими чертами[70]:

Голова, если она и не особенно велика, всегда хорошо сформирована, лоб высокий, но не чрезмерно; он чист, благороден, носит печать достоинства, без признаков тщеславия, суетности; сильные волнения не омрачают его чистоты; те же чувства, который могли бы нарушить его безмятежность, смягчаются небесными лучами, окружающими такое чело ореолом света и могущества; брови образуют две изящные и совершенно правильные дуги; глаза миндалевидной формы и довольно велики…

… Шея скорее длинна, чем коротка, и т. д.

О, мужчины, обладающие короткой шеей! О, женщины с маленькими и круглыми глазами! Откажитесь от надежды войти в рай? Так как ведь у вас не может быть ни истинного благочестия, ни искренней веры.

Глава XIII. Мимика ненависти, жестокости и гнева

Сколько раз в жизни приходится нам, вздыхая, повторять исполненные глубокого смысла слова Сёма: *«Небо испортило нам землю!»* В сфере страстей ненависть находится в таком же отношении к любви, как страдание к удовольствию в области ощущений; и мимика ненависти должна быть противоположна мимике любви, подобно тому как диаметрально противоположны те чувства, которые ими выражаются. Изучение мимики ненависти при помощи сравнений и противоположений было бы очень легко, если бы мы составляли свое понятие о чувстве ненависти исключительно путем наблюдения. Но, размышляя о ненависти, мы уклоняемся от здравого суждения под влиянием этических и религиозных идей, которые приучили нас непременно рассматривать это чувство, как греховное. Напротив, следовало бы думать, что всякое животное, всякий человек, рожденный под луной, должны и могут ненавидеть, лишь бы только они имели правильное понятие о ненависти, как об орудии удаления и противодействия тому, что им угрожает и вредит. Монтень, один из глубочайших знатоков человеческого сердца, должно быть предчувствовал эту истину, когда сказал: *«Боюсь, что сама природа развила в человеке некоторую склонность к бесчеловечности»*.

Посвятив уже несколько томов удовольствию, страданию и любви, я желал бы, прежде чем умру, написать еще и *«Физиологию ненависти»;* только тогда я мог бы с уверенностью сказать, что коснулся четырех главных пунктов в области чувства, среди которых вращается человеческая природа. Теперь же да позволено мне будет ограничиться наброском мимики одной из могущественнейших энергий, являющейся краеугольным камнем для доброй половины истории человечества.

Старинные физиономисты обращали внимание почти исключительно на чувство гнева и всегда старались строго отличать его от ненависти, хотя на самом деле первый представляет только особую форму последней. Тем не менее, они оставили нам несколько забавных изображений злого человека. Бросим же беглый взгляд в этот туман прошедшего.

В старинном трактате Полемона о физиономии, переведенном на итальянский язык Карлом Монтекукули, мы находим следующее:

ОПИСАНИЕ ПРИМЕТ БЕЗРАССУДНО-ЗЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Злые люди подобны зверям, из которых одни тоже бывают свирепы, а другие – кроткие, и

[70] Lepelletier, *Op. cit,* p. 543.

это нужно различать. Кроткие еще более безрассудны; дикие козы, овцы, лошади, ослы и другие, кротки и спокойны; наоборот, дикие звери свирепы и жестоки. Подобное же рассуждение приложимо и к оценке внешнего вида человека, ибо люди бывают двоякого рода: одни из них кротки и справедливы, другие же имеют дикие нравы. Люди отличаются друг от друга или суровостью и жестокостью, или мягкостью характера, что и бывает видно, смотря по тому, надменны ли они или любезны. Кротость – это естественная спутница справедливости, а суровость – спутница гордости и невоздержности; сладострастием отличаются те, в характере которых много мужицкой грубости. У злого человека волосы длинные, голова крепкая и косая, уши большие, шея кривая, ступни длинные, пятки высокие, лоб суровый с резкими очертаниями, глаза угрюмые, маленькие и сухие, взгляд неподвижный, плечи узкие, борода длинная, рот широко открытый и как бы расплюснутый, фигура длинная, точно надломленная в различных местах; он сгорблен, имеет большой живот и толстые ноги; суставы в кистях и ступнях огромные и неуклюжие; голос лающий, слабый, пискливый и наглый.

ОПИСАНИЕ ПРИЗНАКОВ ХОЛЕРИКА

Стан у него прямой, телосложение плотное, цвет лица румяный, плечи поддаются назад и не очень сильные, грудь плоская, борода длинная, вьющаяся: правильно спадают на шею волосы, длинное лицо, загнутые ресницы и впалый нос.

Аристотель различал три типа гневных людей: *желчные* или *язвительные; суровые* или *угрюмые: тяжелые, грубые* или *жестокие* [71].

Люди желчные и язвительные необыкновенно проворны и порывисты и при малейшем поводе способны воспламеняться гневом. Угрюмые не так легко увлекаются к мести за обиду, но зато долго хранят о ней воспоминание с затаенною горечью, как бы упорствуя в своем гневе; обыкновенно он проходит сам собою, сменяясь удовольствием, чем и смягчается страдание от полученной обиды. Они бывают несносны для всех своею вечною угрюмостью, порождаемою гневом, – несносны и для друзей, и для самих себя. Грубые же и жестокие склонны к более сильному гневу, чем следует; они слишком долго удерживают в себе гнев и только тогда успокаиваются, когда отомстят за обиду или заставят за нее поплатиться.

Никеций довольно хорошо описывает человека, находящегося в припадке гнева:

В состоянии гнева лицо краснеет, так как вокруг сердца кровь при этом вскипает, тончайший дух мгновенно бросается в разгоряченную голову, и, прежде всего, при посредстве нервов шестой пары, сокращается печень; сокращается также и сердце под влиянием вызвавшей гнев неприятности; желчь изливается из пузыря в полую вену (sic!). И эта смешанная с желчью кровь устремляется к сердцу и уже кипит вокруг самого сердца, расширившаяся от надежды на мщение, которое представляется уму как нечто благое; и вот, вследствие этого сокращения и расширения сердца происходит именно то, что в гневе люди сначала бледнеют, а затем вдруг вспыхивают, как огонь; не отрицаю, впрочем, что бывают и такие, которые весьма долго остаются бледными, потому ли, что гнев этих людей бывает наиболее соединен со страхом, так как они боятся приступить к исполнению своих замыслов, или же вследствие избытка черной желчи, которая не так быстро воспламеняется, а, воспламенившись, не так легко испаряется; этому нужно приписать, что сердце усиленно бьется вследствие чрезмерного жара, которым оно пылает, а члены трясутся, благодаря непоследовательному и тревожному разлитию духов[72]…

[71] Honorati Niquetii, *Physiognomia humana,* Lugduni, 1648.

[72] Hoxorati Niquetii, *Physiognomice Humana,* Lugduni, 1648, p. 87.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

За много веков до Никеция, Сенека нарисовал гораздо лучшую картину гнева:

> Как существуют верные признаки бешенства, именно: дерзкое и угрожающее выражение глаз, сумрачное чело, исступленное лицо, беспокойство в руках, изменение цвета лица, частое и усиленное дыхание, – так точно эти же признаки свойственны и гневу: глаза горят и бегают, все лицо сильно краснеет; вследствие прилива крови из глубины сердца, губы дрожат, зубы стискиваются, волосы поднимаются и становятся дыбом; дыхание стесненное и свистящее: слышатся звуки хрустящих суставов, стоны и вопли, как последствие некоторого стеснения сил; речь прерывистая; руки очень часто сжимаются, а ноги стучат о землю; все тело находится в возбуждении и производит резкие жесты; лицо принимает отталкивающее и страшное выражение.

Здесь, действительно, видна рука мастера.

Гирарделли старается доказать нам, что малый лоб и острый нос служат признаками сердитого и злого человека, и приводит в пользу этого мнения следующие физиологические доводы.

> Малый лоб означает сердитого человека, так как указывает на то, что жизненные духи в передней части мозга стеснены, что они сдавливают друг друга и воспламеняются, а от этого часто воспаляются кровь и мозг, а потом и сердце, вследствие той зависимости, которая существует между этими главными органами нашей жизни. Поэтому, гнев есть ни что иное, как воспламенив крови в сердце.

По Гирарделли, средоточием гнева служит нос:

> … Следует заметить, что нос (кроме своей ближайшей функции – очищать мозг от негодных его отделений) имеет еще другую задачу: когда страсть гнева и презрения зажглась и воспламенилась в недрах груди, нос является внешним выразителем ее, так что кончик носа указывает нам, как велика степень возбуждения силы гнева.
>
> Так как у быков телосложение весьма лимфатическое и маложелчное, и так как они обладают толстым носом с несколько опущенными ноздрями, и при этом они обыкновенно животные ленивые, то отсюда можно заключить, что и человек, у которого нос похож на бычий, бывает нерадив к своим обязанностям и не легко поддается гневу. Все это согласуется с законами противоположностей. Сердитые люди имеют обыкновенно заостренный нос и при малейшем возбуждении краснеют…

Странное открытие, будто заостренный нос указывает на расположение к гневу, не принадлежит, впрочем, всецело Гирарделли. Посмотрите, сколько писателей предварили его:

> Нос, заостренный на конце, составляет признак лживости, сварливости и вспыльчивости; ибо в приступе гнева…

и далее:

> Нос, заостренный на конце, обозначает раздражительность.
> *Grattarola*

> По тонкому кончику носа можно угадать склонность к сильной раздражительности.
> *Pomponio Gacrico*

> Люди с заостренным носом обыкновенно нетерпеливые сварливы, надменны, потому что им свойствен холерический темперамент; преобладающие элементы в нем суть огненные.

Ingegniero

Слишком, малый нос означает человека с переменчивым нравом… У кого нос тонкий, тот имеет сильную склонность к гневу. Если же при том кончик носа заострен, то это служит признаком жестокости.

U. – B. Da la Porta

Очень жаль, что я вынужден противоречить стольким почтенным писателям; но, не выходя из тесного круга своей семьи и своих ближайших знакомых, я могу освободить заостренные носы от тяжких обвинений, которые возводились на них, начиная с Помпонио Гаррико до Никеция включительно. У одной семьи, состоящей из строптивых людей, характерную особенность всех ее членов составляет очень закругленный нос; у одного же прекрасного отца семейства, который совершенно не способен сердиться, кончик носа до того заострен, что в случай надобности им можно было бы пользоваться в качестве шила.

Лафатер, в котором так тесно соединялось добродушие с мистицизмом, занимался изучением злых физиономий только между прочим; поэтому, в прекрасном предисловии к своему труду он и мог написать, что его *Опыт о физиономики* предназначен для того, чтобы дать возможность узнать человека и полюбить его. Однако, в седьмом отделе своих *физиономических* анекдотов он обращает внимание на то, что иногда можно прочесть на лице человека выражение временного или постоянного чувства ненависти.

«Будь я проклят, если этот человек не плут! – сказал Тит о жреце Таците. – *Я* видел, как он три раза плакал и рыдал на трибуне в то время, когда не было ровно никакого повода проливать слезы, и раз десять отворачивался, чтобы скрыть улыбку, когда шла речь о злодеяниях или несчастьях».

Иностранец, по имени Кюбисс, проходя с нами через зал у г-на Ланжа, был так поражен одним из портретов, висевших на стене, что отстал от нас и остановился, чтобы рассмотреть эту картину; спустя четверть часа, мы, не видя Кюбисса, пошли искать его и нашли на том же самом месте и все еще с пристально устремленным на портрет взором.

–Что скажете вы об этом произведении? – спросил его г. Ланж. – Неправда ли, ведь красивая женщина?

–Несомненно, – отвечал он, – но если портрет сделан удачно, то его оригинал обладает, по-видимому, очень черной душой; это должно быть сам дьявол!

Это был портрет знаменитой отравительницы Бренвилье, столь же прославившейся своей красотой, сколько и злодеяниями, которые привели ее к костру.

Таковы туманные представления прошлого, где смешивается анатомия с мимикой, каббалистика с действительным наблюдением. Обратимся же к настоящему, которое требует более точных методов и положительного анализа.

Мимика ненависти всецело покоится на следующем основном положении: *удаление от всего, что ненавистно, что заставляет страдать, что угрожает какой-нибудь опасностью.*

Отдельные признаки выражения ненависти, добытые путем кропотливого анализа, представлены в нижеследующей таблице.

Выразительные знаки удаления и отталкивания отмечают переход между отвращением и ненавистью в обыденном смысле слова; но для нас они принадлежат к одной естественной группе мимических актов.

Смотря по силе отвращения, по большей или меньшей степени чувствительности и по уменью владеть собою, мы можем выражать свою ненависть с известною сдержанностью, представляющею собою первичное проявление всякого страдания; или же мы можем обнаружить свое отвращение и омерзение и затем перейти к самым явным проявлениям наступательной вражды.

К омерзению и отвращению, возбуждаемому в нас каким-нибудь неодушевленным предметом, почти или даже вовсе не примешивается чувство ненависти в том смысле, какой придается обыкновенно этому слову. Здесь имеет место только чисто болевая мимика, хотя с ней иногда сочетается выражение удаления,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

которое есть начало ненависти.

Синоптическая таблица мимики ненависти

Элементарные движения, выражающие удаление и отталкивание	Отклонение назад головы. Отклонение всего туловища. Протягивание рук вперед, как бы для защиты себя от ненавистного предмета. Сужение или закрывание глаз. Поднятие верхней губы и сморщивание носа.
Угрозы в форме намерения или действительные	Усиленное нахмуривание бровей. Широко раскрытые глаза. Оскаливание зубов. Скрежет зубов или сжатие челюстей. Раскрывание рта и высовывание языка. Сжатые кулаки. Угрожающие движения рук. Стучание ногами. Ворчание и различные крики Автоматическое повторение одного и того же слова или слога. Внезапное ослабление и дрожание голоса. Плевание.
Различные виды реакции: вазомоторные и сочувственные явления	Дрожь во всем теле. Судороги губ и лицевых мышц. Судороги туловища и конечностей. Различного рода страдания, причиняемые самому себе, как-то: кусание кулаков или грызение ногтей. Язвительный смех. Покраснение лица. Внезапная бледность лица. Сильное расширение ноздрей. Поднятие волос на голове.

Цивилизация так подгрызла нам ногти и так притупила наши зубы, что иной раз даже лютая ненависть внешним образом выражается одним только движением – отбрасыванием назад головы. Не смотря на то, что это движение едва заметно, оно всегда, однако, сопровождается каким-нибудь мимическим актом, являющимся выражением страдания, и в основе этого последнего лежит, разумеется, двоякая причина: во-первых, неприятность находиться лицом к лицу с предметом своей ненависти, а во вторых, чувство досады, что приходиться делать над собою усилие, чтобы сдержать и скрыть свою ненависть и свое огорчение.

Представьте себе, что в обществе любезных и благовоспитанных людей вдруг появился человек, антипатичный для всех, а у некоторых возбуждающий, пожалуй, чувство сильной ненависти и презрения. Этот момент – самый удобный для изучения отрицательной и, так сказать, замаскированной мимики ненависти. Голова отклоняется от оси тела; туловище упирается в спинку кресла или прислоняется к стене: наступает всеобщее центробежное движение. В то же время губы сжимаются, и на лица, за минуту перед тем ясные и веселые, набегают тучи. И так, в данном случае вы видите перед собой полную мимическую картину ненависти, но доведенную, с помощью социальной узды, до степени едва уловимого выражения.

Вы видите здесь стремление *удалиться* от ненавистного человека, выражающееся целым рядом движений отталкивающей мимики.

Вы видите также выражение *страдания,* чаще всего сопровождающее мимику ненависти.

Вы видите, наконец, безмолвное сжатие губ – первый предвестник сопротивления, борьбы, которая уже готова начаться.

Первым и неизбежным признаком приготовления к борьбе всегда служит задержка дыхания и закрытие рта.

Нахмуривание бровей – весьма характерное явление в мимике ненависти, обозначающее переход между двумя типами выражений. Легкое нахмуривание бровей указывает только на страдание; но если оно достигает сильной степени, то придает глазам грозное выражение, имеющее целью испугать противника, как это имеет место у некоторых человекоподобных обезьян. Есть сферы, где ненависть и страдание сходятся. Оба эти душевные волнения часто до того смешиваются и перепутываются одно с другим, что попытка наблюдателя разложить на простые элементы эту сложную двойную психическую комбинацию оказывается неосуществимой. Мы страдаем, и в то же время возмущаемся своим страданием, и негодуем на него, словно на врага, с которым нужно бороться; иногда же мы глубоко ненавидим и страдаем от этой ненависти. В том и другом случае мимические выражения бывают одинаковы: *любовь и удовольствие* – с одной стороны, *ненависть и страдание* – с другой, вот два сложных двойных сочетания, две психомимические комбинации, до такой степени стойкие, что для разложения их необходимо пустить в ход

весь грозный и разрушительный арсенал наших аналитических приемов.

Глаз принимает большое участие в мимике ненависти, и притом двумя различными и почти противоположными способами.

При простом отвращении, при простой потребности к удалению, глаз закрывается совершенно или отчасти, как бы с той целью, чтобы заставить исчезнуть образ ненавистного предмета или лица. Напротив, с наступлением фазы противодействия или угрозы, глаз широко раскрывается, так что верхнее веко почти исчезает, взгляд становится неподвижным, принимая особое выражение отважной решимости, которое мы совершенно справедливо называем угрожающим, так как оно предвещает неизбежную угрозу или, по крайней мере, готово перейти в нее. Ужас и отвращение передаются одинаковым выражением взгляда. Это сходство настолько велико, что Лебрён в своем Атласе не сумел провести никакого различия между выражениями ненависти и ужаса, так что под рисунками 16, 17 и 18 можно было бы, без ущерба для истины, произвольно переставить подписи. В рис. 16-м, под которым значится – *отвращение,* мышцы сокращены так же, как при выражении ненависти, а рис. 17-й, изображающий ужас, был бы вполне пригоден и для изображения приступа гнева. Рис. 18-й представляет *гнев,* но он мог бы с таким же успехом служить и для изображения *испуга.* Рисунок, на котором передается *ненависть* или *зависть,* исполнен более удачно.

Но все эти изображения или неправильны, или неполны, так как им недостает мимики плеч и рук, которая при сильных душевных волнениях постоянно дополняет выражение лица. Если вы изобразите на лице *ненависть,* а рукам сообщите жест страха, то получите картину *ужаса.* Но попробуйте изобразить на лице ужас и присоедините к этому сжатые кулака – и вы получите выражение *ненависти.* Неточность и неполнота в изображениях Лебрёна исправляются сопровождающими их объяснениями. Вот два образчика.

> **Гнев.** Проявление гнева указывает на природу этого чувства. Глаза становятся красными и воспаленными, зрачок – блуждающим и сверкающим. Брови то поднимаются, то опускаются, лоб сильно хмурится, между глазами выступают морщины. Ноздри раскрыты и расширены, губы сильно сжаты; нижняя губа выдвигается вперед, оставляя углы рта немного открытыми и придавая лицу выражение жесткой и презрительной усмешки.
>
> **Ненависть или зависть.** Это чувство выражается сморщенным лбом, нахмуренными и сдвинутыми бровями, сверкающими глазами, причем зрачок, наполовину скрытый под бровью, обращен в сторону предмета, возбуждающего это чувство. Зрачок и глазной белок, равно и веки, кажутся воспаленными: ноздри бледны, расширены и более заметны, чем обыкновенно: они выдаются вперед, вследствие чего появляются складки на щеках: рот закрыт так, как будто у человека стиснуты зубы: углы рта вытянуты и опущены, мускулы челюстей как будто ввалились. Цвет лица отчасти воспаленный, отчасти желтоватый, губы бледные или синеватые.

Если вы сравните большие художественные изображения Лебрёна с маленькими фотографиями, иллюстрирующими книгу Дарвина, то с первого же взгляда увидите, какой огромный шаг сделало учение о физиономии в сравнительно короткий период, отделяющий великого живописца от великого натуралиста. Там все искусственно и условно, преувеличено и неопределенно; здесь же сама природа, которая на хорошо поставленные вопросы дает еще лучшие ответы; там теория, которая поработила, извратила и обезобразила истину, здесь – голая истина, которую можно созерцать лишь с удивлением.

Участие глаза в мимике ненависти не ограничивается тем, что он закрывается и прячется; напротив, часто также он сильно краснеет, что зависит от сильного прилива крови к голове. В самых резких случаях этого рода, глаз выступает из своей орбиты; это признак чрезмерной гиперэмии, и на обыденном языке состояние это слывет под именем *вытаращенных, выпученных глаз, или глаз, которые хотят выскочить наружу.* По мнению Грасиоле, зрачки в подобных случаях всегда бывают сильно сужены, подобно тому, как это наблюдают при остром воспалении мозговых оболочек.

Нос расширяется, крылья его приподнимаются, и у людей с очень подвижными носовыми крыльями достаточно одной этой черты для того, чтобы лицо их приняло свирепое выражение. Явление это обусловливается глубокими вдыханиями с судорожными остановками в дыхательном акте и, без сомнения,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

зависит также и от сочувственных сокращений лицевых мышц.

Существенным и, быть может, самым важным центром мимики ненависти служит рот, который остается иногда судорожно закрытым, что выражает общее напряжение мышц перед началом борьбы; гораздо чаще, однако, рот открывается, при чем обнажаются все зубы или, по крайней мере, передние, или же только один из клыков.

Дарвин с удивительной тонкостью изучил эту сторону мимики ненависти, указав, какую роль играет в ней атавизм.

Зубы – это орудие для нападения или защиты, которое, правда, вышло из употребления у нас, людей цивилизованных, но которым и теперь еще пользуются дикари и дети, бессознательно воспроизводящие столько характерных черт из жизни наших доисторических предков. Хотя мы теперь уже не кусаемся, но все-таки еще в порыве гнева показываем зубы и скрежещем ими с тем, чтобы заставить противника почувствовать их силу.

Иногда в приступе гнева мы показываем только один клык, и тогда наше лицо принимаете выражение, известное под именем сардонического смеха. Однако не у всех людей рот и мышцы лица способны принимать это выражение; только некоторые могут сокращать одну из мышц, поднимающих губу, таким образом, чтобы обнажился только один клык; но и они могут это проделывать в одной лишь половине лица. В этом язвительном выражении, состоящем в показывании одного клыка, Дарвин видит явное доказательство тех наследственных уз, которые соединяют нас с нашими отдаленными предками. Эти последние должны были иметь очень сильные клыки и, вероятно, пользовались ими, как орудием защиты.

Я преклоняюсь перед мнением великого английского философа, но все-таки, как я уже сказал об этом раньше, мне кажется, что мимика сардонического смеха при выражении ненависти представляется гораздо более сложной. Смех и улыбка – самые обычные явления при выражении ненависти. Они встречаются и у тех лиц, которые не могут поднимать часть верхней губы таким образом. Чтобы обнажился клык. Можно улыбаться и смеяться до упаду даже с плотно закрытым ртом, а этот подавленный смех именно и есть одна из самых обычных форм смеха, сочетающихся с мимикой ненависти.

Если бы можно было наследовать все случаи смеха в порывах ненависти, то, вероятно, мы нашли бы руководящую нить к логическому объяснение неожиданного проявления здесь смеха, который обыкновенно сопровождает более приятные душевные волнения или более резкие контрасты забавного. Смеются впрочем не тогда, когда гнев достиг высшей степени своего развития, а в то время, когда он еще смешан с презрением и отвращением. Смеются или улыбаются в тех случаях, когда видят перед собой униженного и смущенного противника, или когда приступ гнева только еще готовится. В этом случае нас заставляет смеяться именно контраст между торжеством нашей ярости и смиреной покорностью ненавидимого лица; это радость от сознания возможности отомстить непосредственно ударами или унижением самолюбия. Поэтому чаще всего смехом сопровождаются самые свирепые проявления ненависти, – без сомнения потому, что мщение тем слаще, чем сильнее ненависть, или чем больше надеются нанести этим вред своему врагу.

Это так же верно, как и то, что очень добрые люди в разгневанном состоянии редко смеются, так как при этом они сами страдают. Напротив, люди злые и жестокие в этих случаях всегда смеются, потому что им приятно видеть страдание. А, кроме того, есть еще и другой более редкий, но более демонический смех ненависти; и, в сущности, в этой форме мы имеем дело с жестоким орудием пытки. Смеются от всего сердца, чтобы ободрить свою жертву и этим самым сделать более мучительным для нее переход от надежды к отчаянию. Как будто стараются убедить своего врага в том, что ему нечего бояться, что все обстоит благополучно, – с тем, чтобы позже дать ему лучше почувствовать острые когти ярости и мщения.

Так поступают многие из плотоядных животных, в особенности из породы кошек; то же проделывают и дикари, преимущественно из числа людоедов[73].

Я вовсе не думаю, чтобы этим исчерпывались все поводы, побуждающее нас к смеху ненависти. К ударам, к оскорблениям, к множеству всякого рода жестокостей нашей души мы иногда желаем присоединить еще злорадство и насмешку: мы смеемся, чтобы поглумиться над жертвой, чтобы заставить ее переходить поочередно от мучений страха к унижениям презрения, и при всем том ясно показать ей, что

[73] В моей *«Физиологии страдания»*, стр. 326, я также говорил о сардоническом смехе, как о знаке презрения.

она для нас не более, как предмет забавы.

Ненависть так естественно сопровождается улыбкой, что мы часто улыбаемся при одном только замысле мщения, даже в отсутствии жертвы, и в этом случае мы протягиваем руку горизонтально ладонью вниз, как бы желая сказать – подожди же! И подобное клятвенное обещание неизбежно сопровождается ядовитой демонической улыбкою. Здесь уже не может играть никакой роли теория атавизма, построенная на клыках; смех вызывается здесь контрастом между тем спокойствием, каким, по нашему мнению, наслаждается ненавистное лицо, и тем ураганом, с каким мы намерены на него обрушиться.

У детей, у дикарей и париев нашего общества высунуть язык и показать его во всю длину своему врагу считается знаком презрения и отвращения; в этом мимическом акте больше пренебрежения, чем ненависти; может быть в связи с ним находится и выражение желания плюнуть на землю или в лицо презираемой и отвратительной для нас особы. Это выражение, должно быть, очень древнее и очень автоматичное, так как изображения его встречаются у идолов Полинезии, Индии и Мексики. Мне самому случалось видеть, как шимпанзе и дети плевали в знак угрозы и гнева, хотя как те, так и другие никогда и ни от кого не могли заимствовать этого жеста.

Мимика гнева и ненависти, достигая известной степени, всегда становится угрожающей и подкрепляется движениями рук и ног. Так, поднимают к небу сжатый кулак, или рассекают несколько раз воздух краем ладони, или же топают ногою о землю. Поднявшись до этой ступени, мимика ненависти делается крайне экспансивной, и я не могу объяснить себе, каким образом де-ла-Шамбр, советник и постоянный врач короля, мог в своем сочинении о признаках страстей, в котором посвятил целый том описанию ненависти, высказать следующую ересь:

> Хотя ненависть и представляет самую необузданную из всех страстей, но все-таки она принадлежит к числу тех, которые мене всего выражаются на лице. Как будто чувствуя себя виновной в беспорядках, смущающих разум, она желает скрыться и стыдится быть замеченной. Таким образом, кроме некоторых взглядов и некоторых выдающих ее движений, все прочие изменения, встречающиеся в теле во время этого душевного движения, скорее зависят от других страстей, сопровождающих ненависть, чем от нее самой.

Ненависть может, конечно, оставаться немой и сосредоточенной; но тогда и не бывает никакой мимики, – все равно как можно любить, радоваться и страдать без всякого внешнего проявления этих волнений. Но разве ненависть обнаруживается, она выражается в чрезвычайно экспансивной форме.

Таблица 4

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Различные выражения: а – удовольствие, б – страдание, в – любовь, г – ненависть, д – сладострастие, ж – целомудрие.

Иногда, чаще всего именно при той форме ненависти, которая слывет под именем гнева, мы чувствуем потребность сделать самим себе какой-либо вред и разбиваем окружающее нас предметы, раз мы не можем или не хотим наносить удары ненавидимому лицу или, вместо него, кому-нибудь другому.

Вообще степень вреда, какой мы причиняем в подобном случае сами себе, может служить мерилом напряженности нашего гнева; ценность и хрупкость разбиваемых предметов в свою очередь является довольно точным масштабом. В начале мы довольствуемся тем, что бьем себя кулаками, либо слегка кусаем себе губы или ногти; потом, мы рвем на себе волосы и бороду, кусаем себя до крови; можем далее дойти до нанесения себе ран и, наконец, до самоубийства. Во всяком случай, все это ни что иное, как превращение сил, подобное тому, какое бывает при чувстве страдания. То же самое следует сказать и относительно повреждений окружающих предметов в приступе гнева. Мы можем начать с незначительного кусочка бумаги; потом переходим к стаканам, бутылкам, стульям, а в более важных случаях, – к зеркалам, картинам, статуям и другим ценным предметам. Чем труднее разбивается вещь, чем больше мы производим шуму, разбивая ее, чем дороже эта вещь, тем полнее изливается и наша ненависть при таком превращении психических сил, главные законы которого мы уже исследовали в другом сочинении[74].

В состояние гнева почти всегда нарушается правильность кровообращения; движение сердца учащается или становится неправильным, обусловливая те припадки, которые известны под именем сердцебиения.

Вместе с кровообращением изменяется и дыхание: оно также делается неправильным, ускоренным и стесненным; все это прямой результат центробежных токов, исходящих из головного мозга, а также – различных мышечных сокращений.

Многие из этих расстройств сделались мимическими признаками гнева; таковы, например, внезапное

[74] Mantegazza, *Saggio sulla transformazione delle forze psichiche.* Arch, per l'antrop. e l'etimologia, vol. VII, p. 285. Firenze, 1878.

покраснение лица или, как обыкновенно выражаются, вспыхивание лица, затрудненное и замедленное дыхание. Этот последний признак составляет, впрочем, настолько обычное явление при известной форме холодного гнева, которая слывет под именем нетерпения или сдержанной злобы, что сделался до некоторой степени его постоянной характеристикой. Драматические артисты должны тщательно изучать мимику нетерпения или сдерживаемого гнева, так как она представляет замечательно изящные картины и поразительные выражения; владея искусством передавать все оттенки *crescendo* и *decrescendoe* можно вызвать у зрителей самые сильные душевные волнения. В виду интересов драматических артистов, я желал бы изложить здесь подробные сведения относительно специальной области и границ различных видов выражений, представив их как бы на топографической карте, где были бы обозначены мимические переходы от одного выражения к другому. В рассматриваемом случае, например, от простого ожидания постепенно переходят к тоске, к нетерпению и, наконец, к затаенному и задыхающемуся гневу. И, наоборот, – от вулканического ужасающего взрыва гнева мало помалу нисходят к нетерпению, неудовольствию и тоске.

Взвизгивание, ворчание, крик представляют собою как раз личные формы дыхательных расстройств и, вместе с тем, являются психическими выражениями ненависти; но сознательный элемент оказывается в них преобладающими. Это выходы для центробежных токов волнения, и в то же время это угрозы, находящиеся в связи с другими движениями, каковы, например, сжатие кулаков, поднимание плеч и скрежетание зубами.

Обыкновенно гнев воспламеняет лицо; но в некоторых редких случаях, с наступлением припадка ненависти, лицо делается сначала бледным, потом синеватым и наконец багровым. Без сомнения, это ни что иное, как результат раздражения нервных центров, так как означенные явления наступают внезапно и непроизвольно, прежде чем мы успеем подумать об обуздания гнева, охватившего нас со всех сторон. У некоторых особ мало экспансивных, а между тем очень чувствительных, гнев только в такой форме и проявляется. Для дополнения ужасной картины, к бледности лица присоединяется расширение ноздрей, неподвижность глаз, точно выступающих из глазниц, и всеобщее тоническое напряжение мышц, что дает понятие о той чрезвычайной силе, которая сдерживается от выхода наружу и грозит разрушить развившую ее машину. И в самом деле, организм, представляющий собой такую машину, часто при этом стоит на краю гибели. Припомните смерть Силлы, Валентиниана, Нервы, Венцеслава, Изабо де Бавьера, которые погибли в приступах гнева.

Вместо воплей и криков гнев часто вызывает дрожание и охриплость голоса, или же обусловливает невольное онемение, то есть невозможность произносить слова. Подобные явления в одинаковой мере свойственны как страху, так и гневу; подробный разбор их читатель может найти в моей *«Физиологии страдания»*.

Если ко всем этим элементам мимики ненависти вы присоедините мышечные конвульсии и дрожание всего тела, то этим дополните анализ той страшной центробежной силы, которая отравляет и расхищает столько счастливых часов жизни.

Если мы перейдем теперь от анализа к синтезу и пожелаем резюмировать в нескольких картинах общие и самые обычные выражения ненависти, то получим следующие наиболее выдающиеся и наиболее определенные типы.

Гнев, который мы уже рассматривали и который, впрочем, известен всем, как одно из самых частых проявлений человеческой природы. Это именно внезапный порыв проходящей ненависти, который часто причиняет вред только самому разгневанному, именно потому, что это только сильный взрыв, он вполне разряжает нервные центры от их напряжения и не оставляет по себе ни злобы, ни ненависти. Поэтому и пословицы всех времен и у всех народов выражают только похвалы таким вспыльчивым людям, и предостерегают от доверчивости к тихой воде. Некоторые несчастные люди роковым образом неспособны приходить в состояние гнева, но зато их ненависть, постепенно усиливаясь и накопляясь внутри, сильно вредит и характеру их, и счастью; она беспрестанно подготавливает различные планы мщения, которое длится целую жизнь, и развивает такой, страшный психический яд, в сравнении с которым синильная кислота и мышьяк – ничто. Тут постоянно происходит такое превращение сил, которое оказывается гибельным и для того, кто ненавидит, и для того, на кого обращена ненависть, и от которого так ужасно возрастают цифры статистики преступлений. Да будут же благословенны те, которые топают ногами, рвут

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

на себе волосы, бьют стаканы и ломают стулья. Да будут прокляты те, которые молчат, скопляют в себе свою ненависть и подогревают ее на огне вечной злобы.

Ревность и *зависть,* представляются смесью ненависти и страдания, не имеют характерной, самостоятельной мимики, но попеременно принимают то выражение гнев, или безмолвной ненависти, то постоянного озлобления или перемежающихся порывов бешенства, подобных клубам дыма, выбрасываемым локомотивом. В ревности могут чередоваться и смешиваться друг с другом любовь, ненависть и страдание, между тем как в зависти преобладает обыкновенно мимика оскорбленного самолюбия, а именно та, которая так похожа на выражение ощущения горького вкуса.

Презрение, испуг, ужас могут носить на себе печать ненависти, но к мимике этого чувства здесь примешиваются еще особые знаки отвращения, которые мы исследовали в нашей аналитической работе.

Жестокость есть особый вид ненависти; но она и сама по себе играет в сфере волнения и в мимике довольно видную роль, и потому имеет особое, присущее ей выражение. Можно и ненавидеть, и даже дойти до крайних степеней ненависти, не будучи вовсе жестоким; и наоборот можно обладать достаточной степенью жестокости, чтобы упражняться в ней с любовью, даже не питая при этом ни малейшей ненависти. Даже среди нас, при всем блеске цивилизации, при всем обуздывании страстей моралью и религией, можно встретить людей, жестоких от рождения, которые, правда, в силу каких-либо хороших или дурных соображений не делают зла другим людям, но за то заставляют страдать животных, наслаждаясь при этом зрелищем крови и убийства. Этот элемент жестокости участвует и в призвании, в силу которого некоторые люди избирают себе профессию мясника, хирурга, или палача. Я знал весьма достойных хирургов и мясников, которые, однако же, при исполнении своих обязанностей обнаруживали столько удовольствия и жестокой чувственности, что я мог вполне убедиться, что при отсутствии нравственной и религиозной узды они непременно сделались бы варварскими убийцами. Если вам случится присутствовать при смертной казни, на зрелище боя быков, или петухов, обратите внимание на мимику зрителей, – и вы, наверное, сделаете при этом не мало ужасных открытий. Перед самой виселицей или ареной вы увидите на лицах известные непроизвольные конвульсии кровожадности, которые заставят вас вспомнить и наших предков-людоедов, и великое братство зубов и когтей, разделяющее всех живущих на пожирающих и пожираемых.

Френологи для доказательства существования органа разрушительности, который они помещали несколько выше ушей, собрали массу примеров неодолимого стремления к жестокости. Я укажу только на один, взятый на выдержку из множества других подобных. Один священник сделался военным духовником единственно ради того, чтобы присутствовать при сражениях и видеть умирающих и раненых. Он вел переписку со всеми палачами даже отдаленных городов, чтобы получать от них известия о предстоящей где-либо смертной казни, и часто совершал далекие путешествия пешком, чтобы присутствовать при этом. Он любил также держать у себя домашних животных, а именно самок, с тем, чтобы иметь удовольствие отрезать их детенышам головы тотчас по рождению.

Выражение жестокости сосредоточивается почти исключительно в окружности рта, быть может потому, что в жизни нашей планеты убийство и пожирание суть два последовательных момента одного и того же явления, которое повторяется ежедневно миллионы раз. Рот сжимается, углы его до последней возможности оттягиваются и слегка приподнимаются вверх, как бы копируя улыбку, а дыхание часто сопровождается шипящими звуками. Глаз ясен, широко открыт и устремлен на жертву. Посмотрите на домашних, или на диких плотоядных животных, когда они выполняют свое предназначение, и вы увидите множество мимических картин, повторяющихся и у человека.

Никакое лицо настолько не напоминает мимику жестокости, как лицо сладострастное. Это ужасно, но так оно есть на самом деле. Любовь и кровь, смерть и воспроизведение в этом мире сменяют друг друга в короткие промежутки, часто даже без опускания занавеси между двумя последовательными актами. Рука, только-что совершившая убийство, спустя минуту уже ласкает, а губы, которые корчились лютым смехом, утопают в неге творящего поцелуя.

Ненависть, как и все волнения на свете, оставляет на нашем лице некоторые неизгладимые черты. И в народе часто говорят, что такой-то имеет вид *завистника, ревнивца, злого, жестокого* человека и проч.; в эти выражения, которые думают прочесть на лице, всегда входит один из элементов, присущих мимике ненависти.

Вопрос этот удобнее будет рассмотреть тогда, когда мы приступим к разбору *критериев,* с помощью которых можно оценивать нравственное достоинство физиономии. Здесь же мы остановимся только на выражении *жестокости. У париев* нашего общества оно может быть постоянным, но иногда оно служит даже племенной характеристикой для целого народа, у которого нет никакого понятия о нашей морали, и который живет только тем, что убивает и поедает себе подобных.

Посмотрите на наших каторжников: вы найдете между нами множество *лиц свирепых,* выражающих жестокость даже тогда, когда нет ни повода, ни возможности, убивать и резать. Вы увидите жестокое выражение на лицах этих несчастных в то время, когда они играют, шутят, едят и даже спят. Я уверен, что у них оказалось бы то же выражение лица, если бы случилось их наблюдать в минуты их любовных излияний.

Подобные физиономии я видел на фотографических снимках маорисов, папуасов, негров, северных и южных американцев. Собственными глазами я убедился в постоянстве такого выражения у тобасов и у различных племен, которые под общим родовым именем пампасов (тегвельхи, пегуэльхи, ранквельцы, арауканы и проч.) обитают в обширной равнине, расположенной к югу от Аргентинской республики и Чили. Эти мало симпатичные люди постоянно имеют нахмуренные брови и сжатые губы; на их устах никогда не заметно ласковой или веселой улыбки, и когда вы встречаетесь с ними один на один, где-нибудь в пустыне, вы тотчас хватаетесь за свой пистолет или за узду лошади, смотря по вашей храбрости, или по степени вашего боевого настроения.

Как ни обманчивы могут быть суждения о характере на основании физиономии, как ни редко встречается дух наблюдательности, – все таки самый невежественный в мире человек будет чувствовать себя в полной безопасности среди миролюбивого племени лапландцев; наоборот, он будет полон подозрительности и страха под кровом *toldo* в семействе пампасов: для этого достаточно ему только взглянуть на лица своих хозяев.

Кто видел хоть однажды в южной Америке *тобаса* рядом с *киригуано,* тот мог определить с первого же взгляда, который из них принадлежит к свирепому и жестокому племени, и который имеет честь считаться членом одной из главных отраслей кроткого и миролюбивого племени гуаранов, расположенного к любви и повиновению.

Глава XIV. Мимика надменности, тщеславия, гордости, скромности и уничижения

При исследовании бесконечного ряда выражений, к каким только способен человек, мы на каждом шагу находим подтверждение того закона, что мимика бывает тем яснее и характернее, чем сильнее и определеннее волнение, которым она вызвана. Мы можем констатировать этот закон при удовольствии и страдании, при любви и ненависти, при надменности и уничижении, представляющих собою главные психические движения человеческой природы, столь же древние, как и сам человек, и присущие всем обитателям земного шара. Напротив, стыд, скептицизм, религиозность являются уже чувствами производными третьего или четвертого порядка; они возникают только путем медленного и трудного развития, вследствие чего выражения их бывают неопределенны, скоротечны, изменчивы и мало характерны.

Надменность – одна из наиболее выдающихся и наиболее сильных аффективных энергий. В различных формах она встречается у ребенка и у старика, у дикаря и у великого поэта; мимика ее весьма выразительна и не может быть смешана ни с какой другой. Поэтому, всем артистам, даже самым посредственным, удается изобразить движение надменности; по той же причине самые древние и самые поверхностные физиономисты умели хорошо описывать мимику, относящуюся к этому чувству.

Грек Полемон посвятил ей две магические строчки, достойные пера Линнея:

> ПРИЗНАКИ НАГЛОСТИ. Вот приметы бесстыдного человека: открытые и ясные глаза, поднятые и толстые веки; толстые ноги, толстый нос; взгляд, направленный вверх, цвет лица красный, голос резкий.

Впрочем, определение надменных людей, сделанное Джиованни Баттиста Де Лапортой. еще удачнее:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Они имеют дугообразные брови, часто поднимающиеся кверху, большой, мясистый и отвислый живот; ходят они медленно, останавливаясь без всякого повода на улице, держатся прямо, осматриваясь вокруг.

Инженьери более многословен, но и он, в свою очередь, дает нам хорошее описание мимики надменности:

Люди большого роста, держащие высоко голову, показывают тем самым, что они надменны, честолюбивы, дерзки и высокомерны.

Действительно, такая осанка и порок надменности случайно имеют общий источник. Он происходит из сознания разумной душою превосходства своего над всеми другими предметами низшего порядка, и раз его оценивают с должной справедливостью, оно располагает человека к чувству величия. Но случается, что она, т. е. душа, переступает меру уважения к самой себе, и впадает в извращенное и необузданное пристрастие к пальме первенства, почестям, почитанию; именно в этих вожделениях и состоит надменность, служащая для человечества источником множества других нелепых и крайне гнусных заблуждений. То же самое сознание благородства души является причиною того, что человек принимает вертикальное положение, но при известном недостатке в темпераменте и чувства меры замечается излишек тех побуждений, под влиянием которых человек усвоил эту привычку, и мы видим, что некоторые персоны держатся уж чересчур прямо и склонны высоко поднимать голову. Действительно, природа, распределяя свои дары, пожелала, чтобы растения (не имеющие ни чувства, ни движения и лишенные тех свойств, какими обладает наша душа) были обращены ногами к небу, а головою погружены в землю *(sic?).* Животным она присвоила положение, более или менее отличающееся от только что упомянутого, смотря по степени их совершенства: она устроила так, что более презренные и низкие из них совсем не имеют ног и ползают по земле; другим, более совершенным она дала ноги и подняла их голову на более или менее значительное расстояние от земли. А так как человек есть творение более совершенное, чем все животные, и так как он имеет небесную сущность, то природе угодно было, чтобы его голова была обращена к небу; она сняла с него часть земной тяжести, которая заставляет других животных ходить согнутыми и которая могла бы, пожалуй, сделать его неспособным к деятельности и к выполнению предприятий духовных; наконец, она одарила его превосходным темпераментом, отвечающим строю мировых элементов. В самой природе земля, по своему свойству сухая, находится под водою, представляющею собою элемент холодный; воздух же, который влажен по своему естеству, располагается ниже огня, представляющего элемент горячий. Подобно этому относительно сложения человека природа распорядилась так, чтобы холодное было выше сухого, а горячее господствовало над влажным. От преобладания горячего элемента, служащего причиной движения, направленного вверх, зависит и то, что тело у человека вертикально и возвышенно.

Конечно, тут не мало примешано каббалистики и астрологии, но сама сущность описания почерпнута из чистых источников природы.

Никеций дает нам две хорошо нарисованные картинки:

НАРУЖНОСТЬ НАДМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА. Брови изогнуты дугою и часто приподнимающиеся; рот большой; веки сильно открыты, грудь широкая; туловище выпрямленное: походка медленная; шея прямая; плечи подвижные; глаза блестящие, большие и быстрые.

НАРУЖНОСТЬ СКРОМНОГО ЧЕЛОВЕКА. Глаза влажные, не слишком открытые, легко смыкающиеся: щеки ограниченного размера, покрытые румянцем стыдливости; движения умеренные: речь медленная; туловище сгорбленное, уши умеренно красные, но главным

образом скромность должна усматриваться в глазах и на челе[75].

Гирарделли, толковый и умелый наблюдатель, – если только дело не касается женщин, – долго останавливается над разъяснением вопроса, почему под влиянием надменности приподнимаются брови. Он держится мнения Плиния, по которому надменность бывает сосредоточена в бровях: возникает надменность в ином месте, но здесь ее седалище; она зарождается в сердце, здесь же проявляется и «выражается», и даже: «Во всем теле нет ничего выше и резче бровей (nihil altius et abruptius)». То, что Плиний различает под словами *nihil altius,* – Джиованни Боннфачио передает так, что поднятые брови – признак надменности.

Почему, однако, поднятые вверх брови считаются признаком надменности? Теолог утверждает, что *superbia est appetitus celsitudinis perversae voluntarius* (гордость есть произвольное стремление к мнимому величию), и что поэтому надменность обнаруживается поднятием бровей выше их обыкновенного положения.

Порок надменности состоит в желании быть предметом удивления и в склонности преувеличивать свои достоинства, во внушении необузданной и развращенной воли. Поэты, изображая гнев и надменность, также упоминают о дугообразных и приподнятых бровях, как о присущем им признаке и выражении. Данте, например, в XXXIV песне своего *Ада* говорит о портрете Люцифера следующее:

S'ei fu si bel, com'egli è ora brutto,
E contro il suo fattore alzò le ciglia,
Ben dee ela Iui proceder ogni lutto.

(Если он был настолько красив, насколько теперь безобразен, я осмелился поднять брови против своего творца, то конечно от него должны были произойти всякие скорби.)

Ювенал также пишет в своей V сатире:

Pauperibus miscere puer; sed forma, sed aetas
Pigna supercilio, quando at te pervenit ille?

(Дорого купленный мальчик не станет служить беднякам; его смазливость и возраст выражаются в его бровях; как же ему к тебе подойти.)

И это слово *supercilio* некоторые объясняют, как обозначающее надменность.
Тот же поэт, желая обрисовать Корнелию, мать Гракхов, в шестой сатире своей говорит:

Malo venusinam, quam te, Cornelia mater
Gracchorum, si cum magnis virtntibus affers
Grande supercilium et numeras in dote triumphos.

(Тебе, Корнелия, мать Гракхов, я предпочитаю генуэзскую поселянку, если только вместе с высокими добродетелями ты приносишь величественные движения бровей (т. е. надменность) и включаешь в приданое триумфы предков.)

Нужно, однако же, заметить, что поднятие бровей не всегда обозначает надменность, но иногда также и

[75] По замечанию Никеция, это описание заимствовано им у Да Лапорты.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

важность. Так, по Валерию Максиму, Сенека имел *censorium supercilium*, т. е. бровь, достойную римского цензора.

Точно также римский оратор, желая обрисовать не тираническую надменность, а внушительный вид Секста, выражает свою мысль вполне цицероновским красноречием:

> Tanta erat grravitas in oculo, tanta frontis contractio, ut illo supercilio, tanquam Atlante coelum, respublica niti videretur.
>
> (Он отличался такою важностью взгляда, таким нахмуриванием чела, что казалось, будто в его бровях государство находит для себя такую же опору как небо в Атланте.)

Альберт Великий также говорит:

> Брови, часто поднимающиеся вверх, означают человека надменного, честолюбивого и смелого.

Комментируя древних, Гирарделли прибавляет:

> Надменные люди по большей части имеют медленную и важную походку и выпрямленную шею; они часто останавливаются на ходу и осматриваются кругом; глаза у них беспокойные, большие, ясные и гордые. Так и Гомер описывал Ахилла, а Никита Коршат – Андроника.

Точно также Мишель Скот, которого я предпочитаю другим физиономистам, превосходно выразился:

> Дугообразные брови, часто поднимающиеся вверх, означают человека надменного, отважного, тщеславного, вспыльчивого, дерзкого и т. д.

Но довольно цитат.

По отношению к мимике аффективные силы, группирующиеся вокруг самолюбия, представляют нам три различных категории выражения:

1. Выражения экзальтированной или удовлетворенной гордости.
2. Выражения униженной гордости.
3. Выражения гордости, умеряемой или исправляемой воспитанием и другими чувствами.

Если, согласно нашему методу, мы подвергнем мимику гордости расчленению на элементы, то результаты этого анализа представятся в следующем виде:

Синоптическая таблица мимики гордости

Возбужденная или удовлетворенная гордость	Поднятие бровей. Поднятие головы. Выпрямление шеи. Выпрямление туловища. Взгляды, направленные вверх или к горизонту. Выдвижение нижней губы. Энергическое смыкание рта. Экспансивная мимика руки. Вращение пальцев вокруг оси руки. Поднятие рук над головою. Значительное расширение груди. Руки, упирающиеся в таз или в грудь, с тем, чтобы так или иначе увеличить поперечный размер тела. Небрежная походка с отбрасыванием ног. Шумное дыхание. Улыбка, смех или плач.
Гордость униженная	Опускание бровей. Опускание век. Наклон головы, шеи, туловища. Взгляд, обращенный к земле; потухший взор. Общая мимика сдержанности. Мимика горького вкуса. Общее стремление умалить себя, скрыться, убежать. Опускание головы.
Лицемерие удовлетворенного самолюбия	Глаз очень блестящий. Умаление всей фигуры. Жесты извинения, благодарности, просьбы. Слезы и смех, попеременно. Сжатие губ, как бы для уменьшения рта. Дрожание и подавленность голоса.

Как ни разнообразны, как ни многочисленны эти элементы горделивой мимики, но все они направлены к одной и той же цели: *увеличить* и *возвысить* нашу особу в тех случаях, когда самолюбие экзальтировано или удовлетворено, или же – умалить и сократить ее, когда гордость унижена. Здесь существует полное согласование геометрии с психологией, мимики с речью. По английски *haugty* (этимологически: высокий означает гордого; латинское же *superbia* (гордость) уже слишком очевидно происходит от слова *super* (над, выше). Глубокомысленный филолог мог бы придумать много вариаций на эту тему, которой я коснулся здесь только в общих чертах. В мимике происходит то же самое, что и в речи. Всей силою наших мышц мы стараемся казаться выше и шире, чем на самом деле. Из этих двух одновременных усилий, иногда противодействующих одно другому, весьма естественно и складывается форма надутой мимики надменности и тщеславия. И потому совершенно справедливо надменного человека сравнивают с павлином, который выступает гоголем со своим распущенным хвостом.

Мы поднимаем брови, веки, верхнюю губу, выпрямляем шею, туловище, талию; стараемся поднять кверху все главные или второстепенные части нашего «я», иногда обращаясь даже к шляпнику и сапожнику, чтобы они помогли нам в этой работе самовозвышения. Ах, если бы можно было укрепить шест к небу и взобраться в самую высь.

Все это – по поводу стремления подняться вверх. С целью же казаться толще мы надуваем щеки, расширяем грудь, упираемся руками в бока или в подмышки, расставляем ноги и покачиваемся справа налево и обратно; запускаем руку в прическу и взбиваем эту волосистую мураву; вообще мы стараемся захватить и в ширину столько же, сколько это удалось нам в длину, или наоборот выиграть в длину то же, что достигнуто уже в ширину, – смотря по тому, какую вы предпочитаете метафору, грамматическую или геометрическую.

После того, как мы уже раздались вширь и стали длиннее, увеличив всевозможными способами геометрические измерения нашего тела, мы стараемся расширить и наши движения; пальцы, насколько можно, раздвигаются один от другого и описывают круги; ноги также стремятся отойти, в сторону от туловища; часто мы захватываем с собой какой-нибудь объемистый предмет – плед, портфель или книги, лишь бы еще более увеличить размеры своих членов и вообще расширить горизонт нашей надутой особы. Есть особый характерный способ размахивания в воздухе носовым платком, по которому в девяноста случаях на сто можно отличить заносчивого человека.

Последней границей такого увеличения в длину и ширину, этой надутости во всех направлениях, является пыхтение, которое происходит в силу того, что дыхательные движения задерживаются для надувания щек и для придания голосу звучности; надо же воздуху, наконец, выйти, и он вырывается с

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

шумом, который между прочим служит и тому, чтобы обратили на нас внимание.

По той же причине надменные люди вообще говорят громко, часто восклицают, пользуясь всеми средствами, чтобы произвести побольше шуму.

Надутому гордецу нельзя обойтись без того, чтобы не выказывать презрения к кому-либо или чему-либо, или даже пренебрежения ко всему человечеству; в оживленной мимике, внушаемой этим чувством, всегда замечается известный оттенок презрительной улыбки – иронической, язвительной или просто надменной. Надменная улыбка отличается от других видов выдвижением вперед нижней губы. Мышца, служащая для этого движения, справедливо носит название мышцы гордости *(muscitlus superbus).*

Слезы могут быть выражением внутренней радости тщеславия или удовлетворенной гордости, хотя это случается редко; более обычное явление – смех, и при закрытых дверях смех этот может показаться даже наивным, добродушным и шумным; иногда он сопровождается явлениями какого-то бреда, восторженности, конвульсии. Мы уже неоднократно повторяли, что все вообще выражения, раз они достигают крайних степеней своего развития, делаются между собою сходными и незаметно сливаются друг с другом.

Даже каучуковые шары не остаются вечно надутыми, а павлин, индюк и человек тем более не могут беспрерывно удерживать всю свою напыщенность. Но легкий и постоянный оттенок ее служит самым обыкновенным выражением надменности и придает лицу своеобразный и стойкий отпечаток.

Мимика всегда остается одна и та же, но выступает слабее и менее отчетливо, так что соответствующая мышцы привыкают постоянно находиться в состоянии умеренного напряжения. Даже во время сна такое лицо может сказать смотрящим на него, что самолюбие в нем бодрствует.

В научных сочинениях слово надменность или гордость употребляется в самом общем смысле, и здесь не место входить в филологически разбор синонимов названия этой могучей аффективной силы, этого смертного греха. Для нас достаточно, если слово выражает вполне определенно и ясно для всех известное понятие.

Синонимические и родственные с надменностью чувства имеют определенные названия, и каждое из них выражается различной мимикой. Мы пересмотрим их кратко.

Чувство *собственного достоинства,* чувство *чести, благородная гордость* представляют собою прекрасные и самые возвышенные формы гордости вообще. Это далеко не пороки, а настоящие добродетели. Чувство чести и собственного достоинства выражаются мимикою скорее отрицательной, чем положительной. Часто уже серьезная сдержанность и энергическая поза служат наглядным выражением психических сил высшего порядка. Чувство гордости уже нахфавляет наш путь между пороком и добродетелью; мимика становится более воинственной, более решительной. В книге Дарвина *(О выражении волнений)* фиг. 1-я в таблице VII могла бы одинаково хорошо выражать как чувство презрения, так и движение гордости, возмущенной постыдным предложением.

Привычка повелевать, к которой всегда присоединяется известная доля гордости и даже надменности, придает многим генералам, князьям и государям особенный взгляд и властное выражение, которые очень трудно поддаются определенно, но бросаются в глаза всякому, даже самому заурядному наблюдателю.

Все мы помним тот взгляд, полный величия и авторитета, какой светился в глазах короля Виктора-Эммануила; такая же своеобразная черта разительно выступает и у короля Гумберта. Восемьсот лет царствования, конечно, должны были оставить в фамильных чертах такой след, который далеко не каждым может быть усвоен по желанию. Аристократизм – одно из самых естественных проявлений в истории человечества, и демократы, отрицая самые элементарные законы наследственности и человеческой природы, заставляют историю идти назад, вместо того, чтобы подвигать ее вперед. Аристократические манеры всегда представляют собою нечто наследственное в области мимических явлений и недоступное простому усвоению.

Тщеславие – одна из наиболее характерных форм надменности; оно состоит в самообольщении собственной красотою, роскошным образом жизни, богатством или изяществом покроя костюмов. Это – ничтожная гордость, прилагаемая к малым вещам маленькими людьми. Мужчины, всегда высокомерные по отношению к женщинам, желали бы сделать гордость и честолюбие привилегией сильного пола, а тщеславие предоставить слабому полу. В этом, как и во всем прочем, они захватывают себе львиную долю, совершенно забывая о том, что разница в наклонностях зависит не от пола, а от различия характеров и от

степени возвышенности идеи. Много найдется самцов, очень и очень тщеславных, но есть также и женщины, способные к гордости и честолюбию. Я знаю одного прекрасного человека, который показал себя на поле битвы храбрым солдатом, а в настоящее время это хороший писатель, которому, однако же, никогда не удавалось сделаться заметным оратором в палате. Во время своих речей он всегда смотрел на трибуну, занятую дамами и больше всего был занят известной округленной жестикуляцией своей правой руки, что сообщало блеск изящной его наружности, попеременно закрывая и открывая безукоризненный профиль его лица. Но эта кокетливая мимика отнимала всю силу у его мысли, и речь его не имела за собой ни убедительности, ни силы действия, ни нервозности одушевления. Конечное Бальзак присудил бы ему за такое округленное движение руки Монтионовскую премию, подобно тому как он ее назначил однажды за грациозное *движение юбками.*

Мимика тщеславия скудна, мало экспансивна, но богата сдержанными улыбками, скрытым самодовольством и затаенным коварством. Живописцы и поэты всех времен постоянно изображали тщеславных с зеркалом, потому что именно перед зеркалом красивая и занятая своею наружностью особа (заметьте, я говорю – особа, а не женщина) может вполне предаваться мимике самовосхищения.

Тщеславие почти всегда соединяется с кокетством, и тогда представляет сложную мимику, направленную к тому, чтобы пленять, нравиться и очаровывать. Все животные тех видов, у которых ясно выражено половое различие, способны к кокетству для удовлетворения своих любовных стремлений, и можно было бы составить занимательную книгу, если бы собрать все подобные картины, представляемые целым миром животных.

Задача кокетства вообще состоит в том, чтобы скрыть, или сделать менее заметными естественные недостатки, и напротив – выставить рельефнее свои достоинства, а то и подделать их, если они отсутствуют. В обществе, где собрались мужчины и женщины в возрасте половой зрелости (или даже еще не достигшие этого возраста, а также пережившие его) не найдется, пожалуй, ни одного индивида, который не сделал бы ни одного жеста, не произнес бы ни одного слова с известною целью, удачно выражаемою английским словом *courtship.* Один всегда жестикулирует открытою рукою, потому что она у него очень красива; другой непременно старается привлечь внимание на свои ноги, обутые в изящные ботинки, потому что они у него замечательно миниатюрны. Графиня А. постоянно смеется, даже говоря о похоронах, потому что у нее удивительные зубы, а маркиза У., хотя и преисполнена благочестия и скромности, декольтируется до последней возможности, потому что ее плечи достойны Юноны. Князь Х. постоянно носит панталоны в обтяжку, даже когда бывает мода на широкие панталоны, потому что у него ноги Аполлона, а его сестра никогда не снимает своих перчаток, даже за обедом, потому что кожа на ее руках покрыта пятнами. Однако, увольте меня от этого скучного, и без того слишком длинного повествования, так как вы сами ежедневно встретите сотню случаев, на которых можно с успехом изучать мимику тщеславия, связанного с кокетством.

Честолюбие – особый род психического волнения, имеющий много общего с гордостью, но не обладающий самостоятельной мимикой. Оно выражается то обычной мимикой гордости, то мимикой, свойственной решимости, борьбе или творческому вдохновению. Без помощи аллегорий и без особых ухищрений искусства самый великий живописец не мог бы изобразить честолюбца. Даже когда подобрана надлежащая аллегория и в произведение вложено достаточно искусственности, и тогда надо еще подписать внизу: это честолюбие. По этому поводу я не могу не вспомнить одного очень посредственного монумента, в котором скульптор (человек, впрочем, почтенный) желал изобразить политику, стратегию и другие науки в том же роде, но принужден был все эти названия подписать внизу золотыми буквами. И как этот великий муж не припомнил старую историю о св. Антонии и его свинье?

Высокомерие –та же гордость, только с некоторым плюсом и некоторым минусом. Придатком является грубость, а недостает здесь хороших манер. Дерзость, нахальство и наглость – родные сестры высокомерия; мимика этих психических движений спускается все ниже и ниже, по мере уменьшения в них деликатности и скромности, которые мало помалу вытесняются чувствами низшего порядка.

Соответственно иерархии чувств существует такая же иерархия и в формах выражения. Мне случалось быть перед лицом королей и императоров Европы, я разговаривал с королем Арауканш Колликвео и с Кациком, повелителем парагвайцев. Все эти властители давали мне хорошо почувствовать то расстояние, ту пропасть, которая отделяет их от меня, но различным образом. Колликвео и Кацик были высокомерны и

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

дерзки; король и император были просто только величественные и горды. Конечно, корона должна же иметь известное значение; все равно, сделана ли она из золота или из перьев попугая, носит ли ее тиран или конституционный король, – в любом случае это корона.

Из всех выражений цивилизацией налагается самая крепкая узда на выражение надменности, которое подвергается при этом резким изменениям и сильно стушевывается. Ведь всякий раз, когда мы обнаруживаем горделивое самодовольство, мы оскорбляем самолюбие другого. Если мы слишком откровенно обнаружим нашу радость перед лицом, которое нас хвалит или нам аплодирует, мы непременно внушим ему желание заменить хвалу порицанием, а аплодисменты – гавканьем. Увлечение и мода побуждают нас курить фимиам и перед героем, и перед танцовщицей; но мы хотим, чтобы и герой, и танцовщица чувствовали больше признательности, нежели гордости, и помнили бы, что нашими похвалами и венками они обязаны не столько своим заслугам, сколько нашей благосклонности. Надо побывать в Африке, чтобы видеть людей, готовых ползать животом по земле пред своим повелителем и нисколько не оскорбляющихся, если он плюнет на них. Нужно отправиться в Полинезию, чтобы увидеть там улицу, покрытую живыми людьми, которые, растянувшись на земле, образуют из себя род мостовой, по которой должен шествовать новобрачный в жилище своей супруги[76]. У нас же сами короли, входя в Парламент при громе аплодисментов, наклоняют голову в знак признательности. Драматические актеры, низводимые на уровень танцовщицы и вызываемые в тридцатый или сороковой раз, должны сгибать спину, а не выпрямляться; они должны выказывать смущение от такой чести, вместо того чтобы ею гордиться. Если бы актер или танцовщица подняли при этом голову, выпрямили бы шею и туловище, придя в восторг от бури аплодисментов, то вероятно их приняли бы за сумасшедших, и, наверное, освистали бы. Наоборот, чем более скрывается радость триумфа, тем сильнее становятся и аплодисменты; ничто так не очаровывает нас, как скромность при блестящем успехе. Только тогда мы отдаемся искренно и во всю ширь быстрым порывам восторга и удивления.

А завтра мы себя вознаградим за принесенную нами жертву ядовитыми пересудами и злыми насмешками. Так уж устроен цивилизованный человек; ему обрезали ногти и подпилили зубы, но из этих обрезанных ногтей и подпиленных зубов он все-таки умеет испускать тонкий яд, прививаемый под кожу ближнего с благочестивою миною и под лицемерным предлогом справедливости.

Под musculus superbus (см. стр. 174) автор, очевидно, имеет в виду мышцу, осаждающую нижнюю губу (m. depressor labii inter.). Это противоречит, однако, общепринятой анатомической терминологии. Дело в том, что еще со времен Кассерия и Риолана мышцей гордости, обыкновенно называют верхнюю прямую мышцу глаза (m. rectus superior), при сокращении которой взгляд направляется вверх и принимает выражение, характерное для горделивой мимики, что признается всеми и, между прочим, самим автором этой книги. Поэтому, вероятнее всего, что почтенный автор просто случайно ошибся в применении означенного термина, вовсе не имея в виду извращать произвольно его значение и таким образом запутывать номенклатуру.

Кстати отметим, что в анатомии существует не мало других синонимов, определяющих более или менее удачно мимические роли различных мышц при известных душевных волнениях. (П. П. Лесгафт, «*О генетич. связи между выраж. лица и деятельн. мышц»,* Труды Антрополог. Отдела Моск. Общ. Любит. Естествозн. и Антропологии, т. 5, Антрополог. выставка 1879 г., т. III стр. 300). Высокое значение глаза, как органа мимики, сказалось и в анатомической терминологии: все четыре прямые мышцы его окрещены мимическими синонимами. Верхняя прямая, как уже сказано, обозначается мышцей молодости, m. superbus s. sublimis; нижняя прямая – мышцей покорности, стыда, m. humilis s. deprimens; наружная прямая – это мышца презрения, m. indignatorius s. indignabundus; внутренняя прямая – m. amatorins s. bibitorius. Далее, мышца, оттягивающая кнаружи угол рта, прозвана мышцею смеха(m. risorius Santorini). Малая скуловая (m. zigomaticus minor), поднимающая угол рта

[76] Wfatt Gill, *Life in the Southern Isles*, London, p. 60.

вверх, получила название мышцы зависти, а большая скуловая (m. zigomaticus major) – мышцы иронии; последняя оттягивает угол рта вверх и кнаружи, при чем открывается доступ к корню языка, где по преимуществу воспринимается ощущение горького вкуса. Мышца, поднимающая верхнюю губу (m. levator labii super. proprius) называлась также мышцею скупости: при сокращении ее, как бы хотят удержать во рту вкусный кусок, чтобы подольше его смаковать. Сокращение мышцы, оттягивающей вниз угол рта (m. depressor anguli oris), характерно для мимики отвращения.

Е. Вербицкий

Глава XV. Мимика личных чувств

Мимика страха. Недоверие. Робость по описанию старинных физиономистов

Любовь к самому себе, конечно, есть одно из самых сильных чувств; оно, быть может, сильнее всех других, кроме разве чувства половой любви в известный период жизни. Тем не менее, для него не существует специальной мимики. Ни один художник на свете, каков бы ни был он гений, не может надеяться представить нам такую картину или статую, которая с первого взгляда заставила бы нас сказать: «Вот эгоист – человек, обольщенный своею особой». Если при закрытых дверях мы способны наслаждаться самообожанием, то эта аффективная энергия проявляется из вне в форме тщеславия, гордости или сдержанной радости; но такие интимные выражения относятся к галерее картин гордости, тщеславия и наслаждения. Напротив, когда мы боимся за свою безопасность и становимся в оборонительное положение, то в таком случае принимаем одно из многочисленных и разнообразных выражений страха или борьбы, и здесь, собственно говоря, не найдется ничего характерного для выражения нашей любви к себе. Если при помощи софизмов и ухищрений мы предоставим себе, что нам удалось схватить выражение эгоистического чувства, то и тогда наше открытие окажется чисто отрицательным; в самом деле, заключение наше относительно эгоистической любви было бы выведено только на основании полного и постоянного отсутствия выражения какого-либо благосклонного и великодушного чувства.

По строгой логической последовательности, мы могли бы отнести к личным чувствам еще и ненависть к самому себе. Но это патологическое и уродливое чувство в свою очередь развивается в ипохондрию, болезненную мнительность, в общее страдание всех чувствительных элементов нашего существа, – страдание, способное довести до отчаяния и самоубийства. Вопрос этот был подробно разобран нами в нашей *«Физиологии страданий»* и в общих чертах мы коснулись его уже в этой книге – в главе, посвященной мимике страдания.

Середину между страхом и любовью к самому себе, (чувством концентрическим, но преимуществу центростремительным, а потому отличающимся мимикою отрицательною) – занимает *недоверие,* представляющее собою начало страха, движение эгоизма, который пробуждается в виду угрожающей или предусматриваемой опасности. Тоже должно сказать о *подозрении,* которое весьма близко стоит к недоверчивости и имеет чисто интеллектуальное выражение с едва заметным оттенком приготовления к защите.

Недоверие, которое есть лишь начало оборонительного движения, имеет едва заметную мимику, состоящую в приподнимание бровей, в связи с образованием поперечных морщин на лбу, с поднятием верхней губы и усиленным сжатием рта.

Когда мы желаем сообщить другим свое недоверие и свои подозрения, наша мимика делается более выразительною и уже переходит в область условного языка. В подобных случаях мы искривляем лицо, в особенности рот, так что оно теряет свою естественную симметричность. Мы можем также поднимать плечи, искривлять туловище, подобно тому, как и черты лица, или же качать головою справа налево, или сморщивать нос, или, наконец, приставляем указательной палец к щеке или к нижнему веку, оттягивая его книзу. Такая мимика почти всегда сопровождается продолжительным – гмм… похожим на сопение или храп.

Здесь мы уже находимся на переходной территории, на той границе, где автоматически выражения

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

мимики смешиваются с условным или фигуральным языком. Некоторые из этих явлений объясняются легко, остальные – в высшей степени загадочны.

Искривление лица, носа, рта, всего туловища, очевидно, указывает на то, что в известном предмете или в известной особе, о которых идет дело, есть что-то неясное, не совсем прямое, что-то фальшивое, кривое. Поэтому-то и употребляюсь выражению: вздернуть нос или сделать кислую гримасу, когда обозначают признаки недостаточного уважения, а, следовательно, и недоверия. Еще проще объясняется качание головою и другие бесчисленные знаки, служащие выражением отрицания.

Поднятие бровей указывает на желание шире открыть глаза, чтобы лучше рассмотреть неясный предмет; по моему мнение, тот же смысл имеет и движение указательным пальцем, который прикладывается к нижнему веку с тем, чтобы оттянуть его вниз. Это последнее движение, которое многим кажется неясным, может выражать только одну мысль: тут надо смотреть внимательно.

Для такого рода мимики придумывали тонкое и запутанное объяснение: «Посмотрите на этого человека: он косой или кривой; берегись меченых и всего, что от них исходит». Я думаю, что нет надобности так далеко искать объяснения, когда оно находится под рукою.

Труднее понять, почему недоверие или подозрение выражают прикладыванием пальца к щеке или к носу. По всей вероятности, эти жесты имеют такое же значение, как и прикладывание пальца к нижнему веку. По моему, этот последний жест должен считаться нормальным, типическим способом выражения, а другие в этом же роде – его вариантами или синонимами. Часто на один тот же мотив мимика создает различные вариации, и даже в выражениях наиболее постоянных и наиболее устойчивых мы часто встречаем эквивалентные формы, чередующиеся между собою или заменяющие одна другую.

Недоверие, сделавшись привычным чувством, часто оставляет на лице постоянный отпечаток, который можно рассматривать, как выражение робости. Такое выражение замечается во всей своей силе у несчастных сумасшедших, страдающих идеей о преследовании. Они как-то неопределенно озираются кругом; брови их поднимаются, или же, в то время как одна приподнимается, другая опускается; взгляд у них нерешительный, время от времени губы их сжимаются, и они качают головой или же принимают такой вид, как будто внимательно прислушиваются к какому-то действительному или воображаемому шуму.

Так бывает в болезненном состоянии; но и вне патологической сферы в тесном смысле встречается выражение робости, которое характеризуется часто отрицательными признаками, как напр. отсутствием оживленной веселости, охоты к спору, часто некоторыми положительными явлениями, именно – неопределенностью в движениях лица и склонностью легко краснеть.

Мы еще будем говорить об этом явлении, играющем в мимике важную роль, когда будем рассматривать застенчивость, которая сама по себе представляешь особую и очень характерную форму робости.

Было бы весьма полезно найти возможность определять по лицу человека степень его робости и таким образом косвенно измерять недостаток в нем мужества. Кто знает, сколько национальных бедствий, сколько унижений можно будет предотвратить, если наука даст нам средство к подобному распознаванию. К сожалению, кроме тех немногих штрихов, какие мы набросали, на этот счет невозможно сказать ничего более определенного, если только не вдаваться в фантазии и не задаваться мыслью запереть туман в мешке. Такое убожество и такая скромность современной физиогномики достались ей в удел после эпохи того всезнания, которое теперь кажется нам смешным. Нет почти ни одной старинной книги, которая не предлагала бы верного рецепта для распознавания робких людей. Вот формула Никеция.

> НАРУЖНОСТЬ РОБКОГО ЧЕЛОВЕКА. Женщинам, оленям, кроликам, зайцам, диким козам и вообще холодному темпераменту свойственен вогнутый затылок. Цвет кожи бывает бледный, синеватый, лимонный или темный. Глаза слабые, часто мигающие, светлые, бессмысленные; волос мягкий; конечности короткие; чресла слабые; шея длинная, тонкая, вялая; грудь слабая, мясистая; голос тонкий, слабый, дрожащий; рот малый; подбородок круглый; губы раскрытые; голени и бедра мясистые, но с весьма слабо развитыми костями; руки длинные и тонкие; ноги малые, неуклюжие: весь вид унылый[77].

[77] Niqcettii, *op.cit,* p. 318.

Тот же автор в других местах своей книги поясняет: *люди, у которых волосы помятые, бывают робки; мясистые бедра означают робкого; малые голени присущи робким; искривленные голени признака робости; тонкие и длинные руки свойственны робким и проч.*

Во всех этих жанровых картинках с первого взгляда легко отгадать способ их составления. Автор, как и весь мир, сделал замечательное открытие, что женщины более робки, чем мужчины; затем под видом робкого мужчины он просто рисует нам портрет женщины – и делу конец.

Странно, что все старинные авторы приписывают робкому человеку мягкие, т. е. тонкие волосы. Гирарделли уверяет нас, *«что волосы тонкие и мягкие чаще всего служат признаком боязливого человека»*, и находит это весьма естественным, потому что олень, заяц и овца тоже имеют мягкую шерсть. Далее, этот физиономист старается отыскать подобные же признаки и приметы у птиц, в виду того, что по замечанию Аристотеля: «Все птицы с мягким опереньем «робки» таковы например, перепёлка и все птицы, бродящие стаями, что уже одно ясно доказываете их робость»[78].

Преподобный Инженьери также говорит, что мягкие и нежные волосы – признак робости[79]:

> В самом деле, они означают холодный и сырой темперамент, ибо мягкость главным образом зависит от холода и влажности, а так как действия соответствуют причинам, то и волосы получают свойство, преобладающее в теле, на котором они вырастают. Они ничто иное, как продукты влажности, выдвигаемые на поверхность кожи естественною теплотою и затем сгущаемые холодом воздуха и принимают вид удлиненных тел, настолько же тонких, как и те поры, через которые они выходят. В темпераментах влажных и холодных, где теплота развивается скудно, содержится мало и жизненных духов, а так как, по основному правилу, противоположности борются между собою, то жизненные духи оказываются слабыми. При угрожающих опасностях, душа для поддержания своей бодрости призывает из всех частей тела к внутренностям, как к средоточению жизни, кровь и жизненных духов; конечности же остаются покинутыми. Но подобно тому, как духи внезапно убегают из наружных частей в глубину, так точно и внешним образом человек предается бегству. Вот какова природа страха.

Вот так философия, вот так психология – какой-то каббалистический жаргон.

По мнению добродушного прелата, малая голова также обозначает робость, и конечно он находит для этого блестящее доказательство.

> В самом деле, наши действия – ни что иное, как исполнение мыслей и если жизненные духи не выполняют, как следует, своего назначения, то душа не в состоянии ни распознать истинную природу внешних предметов, ни удостовериться в их состоянии; поэтому она боится действовать и не может остановиться на каком-либо решении[80].

И, по мнению Де Лапорты, робкий человек имеет мягкие волосы, наклоненное туловище, очень тонкие мышцы ног, бледный цвет кожи, слабые и мигающие глаза. «Оконечности тела слабы и бессильны; ноги тонки – (а у женщин?), руки тонки и слабы, чресла малые (а у женщин?) и слабые и т. д.».

Инженьери и Гирарделли полагают, что *очень черный зрачок* (sic!) «указывает с точностью на человека боязливого, потому что подобные глаза почти всегда являются признаком робкой души. В самом деле, они происходят от чрезмерного изобилия водяных влаг и от недостатка жизненных духов, из чего видно, что естественная теплота уменьшена и что темперамент удаляется от надлежащей температуры и допускает преобладание холода и влаги, которые представляют основы страха».

Но все эти астрологические умствования – ничто в сравнении с тирадою того же Гирарделли, в которой этот «искусный веспертинский академик», словно забыв, что он сам уроженец Болоньи, города искони

---

78 Ghirakdelli, *op. cit.,* p. 7.

79 Giovaxni Ingegneri, *Physionomie naturelle,* p. 342.

80 *Ibidem,* p. 341.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

веков славившегося красотою и миловидностью своих женщин, предостерегает нас от прекрасных коралловых губок. По его мнению, чем они меньше и нежнее, тем более они свидетельствуют о боязливом нраве и о целой коллекции пороков и недостатков, зависящих от робости. Вот образчик недостаточной галантности этого писателя:

> Все вы, дозволяющие своему сердцу пленяться красотою женщин и их глазами, читайте и перечитывайте эти немногие, но правдивые строки. Дайте себе труд начертать мои слова в вашей душе, как на вечном мраморе, потому что я живо представлю вам, как в зеркале, все заблуждение, в какое вы впадаете, все беззаконие, учиняемое вами, всю опасность, которую вы создаете собственными руками, делаясь безумными поклонниками красоты, которая быстротечнее времени, эфемернее тени, непостояннее ветра и увядает быстрее цветов. Но еще с большим вниманием выслушайте меня вы, обожающие как священные останки, маленький рот и две нежные коралловые губки, которые вы покрываете поцелуями и через сто тысячу раз ежечасно спускает вашу душу в живую гробницу. Мы согласны с вами, что небольшой рот, украшенный двумя маленькими кругловатыми рубинами, составляет красоту женщины, но мы не допускаем, чтобы сладость поцелуев и нежность речей, которыми вы любите упиваться, не отрыгались бы горечью. Не мед вы пьете из этих бессчетно целуемых вами губ, а яд, который проникает в душу и еще при жизни подвергает ее жалкой смерти от любви.
>
> Любовью твой путь ведет наверно к смерти,
> И быстро губит нас волнения твои.

После разъяснения, что маленькие губы указывают на расположенность к страху, Гирарделли еще сильнее нападает на несчастных дочерей Евы:

> Если бы этот страх был единственною страстью женщин, в этом еще не было бы большой беды; но не так оно в действительности, ибо страх влечет за собою такое множество недостатков, что для перечисления их не хватило бы всей этой книги. В женском мозгу содержится столь холодная влага, что женщина оказывается ленивою во всякой деятельности.

В настоящее время мы более галантны, чем Гирарделли: мы уж не приходим в такой ужас от маленьких ртов, украшенных двумя небольшими кругловатыми рубинами. Но, увы! Мы уже не умеем угадывать по одному виду лица, приведет ли оно нас к позору Лиссы или к славе Палермо и Волтурна.

Глава XVI. Мимика мысли

Если мысли не сопровождаются удовольствием или страданием, каким-либо чувством или волнением, то мимика оказывается мало выразительной и весьма сосредоточенной. Отсюда, однако, не следует заключать, чтобы работа головного мозга не обладает никакой самостоятельной мимикой.

Умственная мимика способна выражать, посредством различных присущих ей движений, то силу мышления, то его природу, то известный момент деятельности мысли; или же она может сопровождать, в форме сочувственного ритма, те молекулярные движения серого вещества мозговой коры, которые составляют основу мышления. В этом и заключаются различные функции умственной мимики. Мы должны исследовать каждую из них в отдельности, и затем, по окончании этого анализа, мы будем уже в состоянии сгруппированные собранные материалы, и наметить некоторые законы, бросающие свет в один из темных уголков физиономики. У старших писателей можно найти каббалистические определения человека умного и глупого, а в числе работ новейших физиологов встречается несколько хороших исследований относительно внимания и размышления. Но мне кажется, что ни одна книга не дает нам полного отчета обо всей совокупности мимических явлений, сопровождающих работу мысли.

Чтобы получить понятие о той быстроте, с какой пополняются пробелы, оставленные невежеством

прошлого, стоит только сравнить таблицу II в сочинении Лебрёна, где изображено внимание, с прекрасной монографией относительно того же явления, составленной недавно Павлом Риккарди из Модены[81].

Лебрён показывает нам лицо, нарисованное, правда, с большим искусством, но которое совершенно одинаково могло бы выражать как подозрение, так и желание. Аналитический диагноз заключается у него в следующих четырех строках:

> Признаки внимания состоят в том, что брови опускаются и приближаются к носу, зрачки устремляются на данный предмет, рот открывается, особенно его верхняя часть, голова немного наклоняется или становится неподвижной, не представляя никаких других замечательных изменений.

Следующая таблица может, однако, служить как бы введением к нашему исследованию.

Синоптическая таблица мимики мысли

Сокращение и расслабление мышц лица	Сокращение мышц, нахмуривающих брови. Неподвижная установка глаза. Беспорядочные сокращения всех глазных мышц. Статическая неподвижность всех мышц лица. Чрезмерное расширение глазной щели. Закрытие или прищуривание глаза. Отвисание нижней челюсти. Сильное приподнимание одной брови. Частные или всеобщие конвульсии в сфере лицевых мышц.
Сокращения в области туловища	Статическая неподвижность всего туловища. Каталепсия. Частные или всеобщие судороги.
Сочувственные и чаще всего ритмические движения членов	Почесывания головы, лба, или носа. Дотрагивание до волос. Ударение себя по лбу или хватание за голову одной или обеими руками. Поглаживание щек или подбородка. Сильное трение глаз. Качание головою. Мерные движения плечами или руками. Размеренное постукивание ногами или руками. Беспрестанные раскачивания ног. Плотное закрывание ушей обеими руками.

С первого момента жизни, когда в мозговых клеточках начался процесс мышления, мысль не прекращает своей деятельности до последнего нашего вздоха. По всей вероятности, она продолжает работать даже и во время сна, и если многие люди воображают, что они ничего не видят во сне, то это зависит лишь оттого, что утром ими забываются туманные образы ночных сновидений. Разбудите человека внезапно и заставьте его обратить внимание на состояние своего сознания в эту именно минуту, – и почти всякий вам скажет, что ему что-нибудь снилось. Я часто проделывал этот опыт над самим собою и над другими, и он постоянно приводил меня к одному и тому же результату.

Эта непрерывность мысли выражается на человеческом лице слабой мимикой, которая ускользает от внимания потому только, что она постоянно и тесно связана с другими характерными признаками, отличающими лицо живое от мертвого. Основные черты всякого умного лица заключаются в известной живости глаз, в известной быстроте сокращения лицевых мускулов; и коль скоро этих признаков не достает, мы говорим, что такое-то лицо имеет выражение глупое. К этому предмету мы возвратимся при разборе критериев, служащих для оценки человеческого лица с точки зрения умственной и нравственной[82].

---

81 Paolo Riccardi, *Studio sill' Attenzione.*

82 В четвертом томе своей обширной «Физиономической библии» Лафатер поместил множество прекрасных рисунков, изображающих тупых людей, – снятых с натуры или заимствованных у Гогарта. Могло бы показаться невероятным, что небольшое число штрихов пера, не покрывающих даже поверхности одного су, способны с такою отчетливостью изобразить идиотизм и тупоумие.

Согласно знаменитому швейцарскому физиогномисту, наиболее характерные признаки тупости следующие:) лоб – почти совершенно вертикальный;) непомерная длина лба;) лоб, более или менее выдающийся в верхней своей части;) лоб, чересчур откинутый назад и выпуклый в области бровей;) сильно вогнутый нос ниже середины профиля;) слишком большое расстояние между носом и ртом;) мягкая и отвислая нижняя губа;) расслабление или морщины в области подбородка и челюстей;) слишком маленькие глаза, так что белки их едва заметны, особенно если к этому присоединяется большой нос и нижняя часть лица оказывается пассивной, а глаза окружены маленькими, но очень глубокими морщинами;

к) голова, откинутая назад и обезображенная двумя зобами, особенно если один из них поднимается вверх к щеке;) косая и принужденная улыбка, от которой не могут отделаться и которая вошла в привычку, является несомненным признаком лживости и резко выраженного слабоумия, или, по крайней мере, тупого озлобления.) слишком округленные и сближенные черты лица придают физиономии глупое выражение, и в этом случае действительность почти всегда оправдывает внешние приметы;) носы

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Умственная мимика всегда проявляется в сфере головы, служащей средоточием мысли, и в области глаз, представляющих собою главное ее орудие. Для того чтобы в этом убедиться, стоит только сравнить лицо безглазого слепца с лицом такого человека, у которого есть глаза, хотя и утрачено зрение. Первое из них всегда будет казаться более тупым, нежели второе. Хотя при известном навыке и удается понимать мимику рта, которая заменяет в этих случаях выражение глаз, тем не менее, лицо, лишенное глаз, наводит на нас какой-то страх и сильно напоминает выражение трупа.

Если бы нужно было отмежевать на лице возможно меньшее пространство, в котором сосредоточивается выражение мысли, как в главном центре, то я бы указал на небольшую площадку, занимающую лишь несколько квадратных сантиметров и расположенную над и между бровями; здесь именно появляются вертикальные морщины, так хорошо изученные Дарвином и служащие выражением нахмуривания бровей. Последнее, вследствие сокращения своих мускулов, взаимно сближаются и нависают, причем между обеими бровями образуются более или менее глубокие складки. Напротив, под влиянием страдания внутренние части бровей приподнимаются, при этом образуется множество поперечных морщин.

Мышца, нахмуривающая брови, была названа Дюшеном мышцей размышления, и хотя его теории не выдерживают критики, однако справедливо, что первый жест напряженного внимания и размышления заключается именно в нахмуривании бровей, и что это движение наблюдалось даже у австралийцев, кафров, малайцев, индусов и гуронов. По мнению Дарвина, происхождение этого характерного жеста весьма понятно, так как он напоминает первые впечатления чего-то неприятного, а в течение известного времени наблюдать или размышлять, как известно, бывает трудно и даже болезненно. По Дарвину, здесь можно видеть также проявление атавизма – наследие того отдаленного времени, когда необходимо было всматриваться вдаль, чтобы заметить свою добычу или быть наготове против опасности.

Это объяснение, хотя и остроумно, без сомнения несколько натянуто. Напротив, я думаю, что здесь просто дело идет о переходе сочувственного возбуждения на смежные части, на подобие тех проявлении мимической симпатии, которые имеют место при половых и гастрономических волнениях, а именно в мускулах, соседних с центрами волнения, хотя движения эти и не приносят прямой пользы при удовлетворении наших потребностей.

На мой взгляд, акт нахмуривания бровей имеете такое же значение, как и широкое открывание глаз в то время, когда мы слушаем чтение прекрасного поэтического произведения.

Внимание состоит в напряженном и видимом обращении одного или нескольких наших чувств к предмету внешнего мира, или же в незримом направлении нервных центров на какое-нибудь явление жизни внутренней или психической. Слово «внимание» я буду применять к ощущениям или к явлениям чувствительности внутренней или общей, а слово размышление – при исследовании чисто психических явлений.

Мы можем обращать внимание на различные ощущения вкуса, обоняния или осязания; но мимика бывает гораздо выразительнее в тех случаях, когда органами, воспринимающими впечатления внешнего мира, служат глаз и ухо. При зрительном внимании все тело наклоняется вперед, глаза становятся неподвижными, и кажется, будто деятельность всех мускулов шеи и туловища состоит только в том, чтобы направлять орган зрения и приближать его к тому предмету, который мы желаем внимательно рассмотреть.

При внимании слуховом, мы сначала вытягиваем голову в ту сторону, откуда слышится звук, и затем наклоняем ее к одному плечу (чаще всего в левую сторону), как будто хотим слушать только одним ухом.

Этот весьма характерный жест, который можно наблюдать ежедневно в театре, заслуживает более

вздернуты, с чересчур узкими или чересчур широкими ноздрями, а, также слишком длинные носы, не пропорциональные остальным частям лица, указывают обыкновенно на слабое развитие умственных способностей.

Непроизвольные судороги и конвульсивные движения рта, дрожание различных частей тела, их твердость или чрезмерная мягкость, сплющенность или округленность очертаний, слишком сильная напряженность или крайнее их расслабление, какая-то странная смесь утонченности и пошлости, – одним словом все возможные несоответствия указывают на внешнее несовершенство и вместе с тем служат признаками несовершенства внутреннего: в них одновременно следует видеть известный знак и нечто обозначаемое.

Не смотря на то, что это пишет Лафатер, сколько тут, однако, неопределенности, сколько астрологического и каббалистического произвола! Нет ни одной строки, которая не противоречила бы другим, хотя в каждой из них содержится известная доля правды.

Определение посредственного человека, которое мы встречаем дальше у этого автора, оказывается гораздо более удачным. (Рис. IV, стр. 16).

«Тот, кто не поражает нас ничем, кто ни привлекает нас к себе, ни отталкивает, не вызывает в нас скуки, но и не приводить в восторг, не возбуждает в нас ни симпатии, ни отвращения, кто недостаточно богат, для того чтобы давать свое, но и не настолько силен, чтобы отнимать чужое, кто оставляет все на своем месте, кто сам не производит ничего, но и не обладает «достаточным умением», чтобы пользоваться плодами труда других, – тот принадлежит к многочисленному классу людей посредственных».

Очевидно, что тот, кто сумел нарисовать такой портрет среднего человека, сам ни в каком случае не относится к этому типу, хотя автор и прибавляет: «Эти посредственности безусловно необходимы, для того чтобы поддерживать, утверждать и выполнять идеи творчества. Только безумец способен их презирать, только нечестивый и злой может считать их бесполезными…»

внимательного изучения. Было бы очень интересно исследовать, каждый ли из нас приближает к звуку то ухо, которым он лучше слышит, или наоборот, мы только стараемся при этом воспринять ощущение исключительно лишь одним слуховым органом, подобно тому, как это часто бывает со зрением.

Таблица 5

Различные выражения: а – презрение, б – боязнь, в – удивление, г – лицемерие, д – тупое лицо, ж – интеллигентное лицо.

Внимание, относящееся к трем остальным низшим чувствам, отличается неясной мимикой, несмотря на то, что последняя часто носит местный характер; нередко она выражается с помощью глаза и уха, хотя бы в это время, не воспринимались ни зрительные, ни слуховые впечатления.

Внутреннее внимание либо состоит только в сосредоточении сознания на каком-нибудь внутреннем, органическом или психическом, явлении, либо оно может возвыситься до сравнения, размышления, одним словом – до мышления. В этих весьма разнообразных случаях мимика бывает, однако, почти одна и та же. Ипохондрик, который прислушивается к движениям своих кишок или своего сердца, внешним видом мало отличается от философа, размышляющего о самосознании.

Как только размышление сделалось напряженным и глубоким, мимика становится почти исключительно отрицательной, точно будто бы вся энергия наша сосредоточилась в головном мозге так, что ее уже не хватает для сокращения небольшого числа мышц или хотя бы одной из них. В самом деле, при этом бровная мышца расслабляется, и взор блуждает, не останавливаясь ни на каком предмете. Мы смотрим то вверх, то вниз, но оба эти противоположные движения, в сущности, имеют одну и ту же цель – по возможности изолировать нас от внешнего мира. Дарвин, Дондерс и Грасиоле исследовали это явление, которое называется обыкновенно *рассеянным взглядом.* Заметим, однако, что трудно было бы придумать более неудачный термин. Мы называем рассеянным человека, не обращающего ни на что внимания, и вместе с тем говорим о рассеянном взгляде у того, кто погружен в глубокое размышление. И после этого мы еще восхваляем ежедневно достоинства словесной речи – этой бледной и неверной тени нашей мысли.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Чем напряженнее становится мысль, тем более слабеет иннервация лицевых мышц. При этом рот сначала бывает полуоткрыт, а потом и совсем открывается так, что, наконец, нижняя челюсть отвисает; лицо в этих случаях принимает, по-видимому, тупоумное выражение, и таким образом мы здесь имеем новый пример, служащий подтверждением того, что и в мимике крайности сходятся и смешиваются одна с другой.

Но лишь только мысль вышла из сферы мозговых центров, едва она стала проявляться в одном из своих могущественных центробежных токов, и особенно в форме речи, тотчас же мимика концентрическая превращается в эксцентрическую, и мы замечаем появление тех выразительных феноменов, которые были отмечены в нашей таблице под рубрикою сочувственных и чаще всего ритмичных движений членов.

С этих пор именно мы начинаем приводить в движение верхние члены тела и сопровождать мозговую деятельность жестами, которые могут быть весьма разнообразны по своей форме, но обыкновенно всегда стремятся придать мысли известный ритм, как бы отмечая, наподобие запятых и точек, наиболее выдающиеся части словесной речи. Никто в мире (по крайней мере, без особых усилий над собою) не мог бы говорить без жестикуляции, и множество красноречивых и страстных ораторов буквально задохнулись бы, если бы мы заставили их произнести речь, предварительно привязав их члены к туловищу. В этом мимическом аккомпанементе принимают участие даже нижние конечности, и есть люди, которые могут говорить или писать не иначе, как раскачивая ногами или выбивая одною из них такт.

Эта форма мимики резко отличается от той, которая состоит в ударении себя по лбу, в перебирании волос, в поглаживании подбородка или в почесывании носа. Весьма вероятно, что все эти движения имеют целью подействовать возбуждающим образом на головной мозг и облегчить его работу. Трение кожи лица могло бы привести к тому же результату путем поверхностного раздражения периферических нервов, ближайших к головному мозгу. Я тем более склонен согласиться с этим объяснением, что почесывают особенно часто волосистую часть головы и лоб, гораздо реже нос, щеки и подбородок. Доказательством того, что механическое действие на головной мозг может облегчать его работу, служит факт, что у многих людей мысль деятельно работает только во время езды в экипаже, верхом, или на лодке. Каждый головной мозг имеет свои индивидуальные особенности, а главная цель умственной мимики у всех людей состоит в облегчении работы головного мозга.

Если от анализа перейти к синтетическому изучению умственной мимики, то получится несколько картин, которые в своих различных выражениях представляют специальные виды мозговой работы. Вот главные из них:

Внимание

Размышление – уже рассмотренные при аналитическом исследовании

Созерцание

Воспоминание. Взгляд устремляется то вверх, то вниз, и глаза закрываются; при этом сильно трут себе лоб ладонью или различным образом ударяют по нему. В этом случае вполне очевидно, что толчками пытаются возбудить молекулярные движения головного мозга.

Работа речи. Лицо разгорается; глаза, шея, туловище, руки, пальцы принимают деятельное участие в мысли, выражаемой словами; известный жест то отмечает паузу и оттеняет мысль, то он выполняет роль хора древней трагедии. Речь является главным действующим лицом, а жесты – хором, который следует за мыслью, с тем, чтобы ее подкреплять и дополнять. Никто не может сделаться великим оратором, не умея хорошо управлять своими жестами, а у некоторых красноречивых людей жест выходит даже красивее и эффектнее самой речи. Несоответствие между жестом и словом самым неприятным образом выказывает посредственность ума, и часто его одного достаточно, чтобы засвидетельствовать, что речь заучена наизусть, но не продумана. Наоборот, у людей, трудно владеющих языком, жест слишком забегает вперед и как будто тянет за собою слово из тесной тюрьмы, где оно суетится и бьется, отыскивая выхода.

Можно было бы написать целый том на эту тему; но и сказанного будет достаточно, чтобы определить задачу и указать, каким путем следует добиваться ее решения. Впрочем, в старых и новых сочинениях об ораторском искусстве содержатся превосходные материалы, которые достаточно было бы сгруппировать по научному методу, чтобы вывести законы, управляющее высокой и удивительной гармонией между словом и жестом.

Работа механическая, художественная, научная. Эти различные формы интеллектуальной работы

имеют также различные мимические выражения. Человек, занимающийся механическим трудом, и скульптор выражают почти одинаково свою внутреннюю работу, и в мышцах руки и рта у них сосредоточивается своеобразное мимическое выражение, которое я назвал бы пластическим. Впрочем, есть некоторые, почти неуловимые жесты руки, свойственные лишь скульпторам, кажется, будто камень под их пальцами делается живым и начинает говорить; красноречивая стенография их движений дает понятие о том, каким образом форма, задуманная в голове артиста, переходит через его пальцы и воплощается в пластическом материале, послушном его вдохновению.

У живописца, наоборот, в мимике больше участвуют глаза, чем рука или рот; глаза его с беспокойством ищут перспектив, красок и фигур, которые отвечали бы внутренней мысли художника.

Научная работа слишком разнообразна, чтобы выражаться одной и той же мимикой; говоря вообще, ее мимика представляет смесь выражений внимания и размышления. Но она значительно видоизменяется, смотря по орудиям и способам, которыми пользуются для отыскания истины.

Работа поэтическая или работа воображения. При этой работе воображение и волнения часто играют важную роль; от тех же специальных условий зависит сила и одушевленность мимики; впрочем, напряжение освобождающейся энергии бывает при этом настолько велико, что оно само по себе может придать мимике экспансивный и эксцентрический характер. Только посредственности, не имеющие никакого понятия о том, что такое вдохновение, способны думать, что можно писать изысканно (di maniera) и увлекать других, не вложив ни «одной искры чувства в свое произведение. Старик Гораций, глубокий знаток в деле творчества, много уже веков тому назад, произнес остракизм против подобных господ. «*Si vis me flere, dolendum est primum ipsi tibi* (если хочешь меня растрогать, пострадай прежде сам)», – писал он. Все те классически страницы, в стихах или в прозе, которые заставляют нас плакать или парить в высших и идеальных сферах, – все они, наверное, были написаны дрожащею рукою волнения и под влиянием того божественного вдохновения, которое потрясает и приводит в трепет все внутренности писателя.

Я готов утверждать, что почти всякая работа в сфере искусства или науки, раз она возвышается до степени творчества, получает свой особенный мимический характер, который определяется степенью, а не свойством возбуждения. Есть выражения, свойственные только гению, и если бы мы обладали таким фотометром, который позволял бы измерять силу света, исходящего из глаза, то вероятно мы могли бы сделать правильную оценку известной статуи, картины, поэмы или книги, судя по блеску лучей, сверкающих в зрачке художника или писателя.

Однажды я воспользовался своего рода фотометром, хотя и очень грубым, с тем, чтобы определить, действительно ли один из моих молодых друзей заперся в своей комнате с целью заняться своею литературною работою, которую он должен был представить на конкурс. Я неожиданно позвал его под предлогом весьма срочного дела, – и в тот момент, когда он только что вышел из своей добровольной тюрьмы, его вдохновленный взгляд и пламенное лицо уже показали мне то, что я желал узнать. Скорее женщине удастся скрыть свою счастливую любовь, чем гениальному человеку сделать незримым живущего в нем бога.

Выражение творческого гения одно из самых прекрасных и самых возвышенных проявлении человеческой мимики. Надо быть гениальным и самому художнику, чтобы с помощью искусства передать такое выражение. Все мы можем испытывать гнев или удовольствие, отчаяние или любовь; но гениальность – привилегия очень немногих, и блеск глаз, в котором проявляется творчество артиста, такая драгоценность, перед которой бледнеют все в мире бриллианты и сапфиры.

Лафатер, глубокий наблюдатель, друг многих гениальных людей, может быть и сам гений, написал об этом предмете несколько превосходных страниц, из которых, в заключение этой главы, я хотел бы предложить читателю, следующую выдержку:

> …Впрочем, каков бы ни был гений, его характер и свойства всегда лучше всего отражаются в глазах. Ищите его именно во взгляде, в одушевляющем его огне, и в особенности в очертании верхнего века, рассматриваемого в профиль. За неимением другого, я всегда придерживаюсь этого признака, и он никогда меня не обманывал. Пока я не взгляну на этот контур, я не могу сказать, что человек мною уже осмотрен. Если эта единственная черта даст положительное и определенное указание, то до остального мне мало дела. Если иногда у меня

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

нет времени или случая подробно рассмотреть физиономию, я рассматриваю, по крайней мере, верхнее веко. Часто мне больше и не надо для приблизительного, но достаточного определения умственных способностей ребенка, хотя вообще я не люблю выводить свои заключения по выражению лица, которое еще не вполне сформировалось…

Еще одно слово о взгляде гениального человека. Прежде всего, я укажу на одну особенность, не очень часто встречаемую, не особенно выдающуюся и по своей редкости трудно воспроизводимую на рисунке. Кроме тех огненных стрел, пронзительных и быстрых, которые, в сущности, могут быть объяснены самим устройством глаза, глаз гениального человека имеет какие-то особенные истечения. Действительные ли это истечения, на подобие тех, которые исходят от светящихся тел, или же они исключительно только представляют движения того вещества, которое мы называем светом, магнетической или электрической жидкостью, – этого мы не знаем; верно только то, что глазу гениального человека присущи, по-видимому истечения, влияющие физически и непосредственно на глаза других. *Я* не говорю о каких-либо вещественных истечениях: это было бы нелепо. Еще менее я претендую на определение природы этих истечений, но я отношу это явление к области фактов, так как оно вошло в пословицу, подтверждается наблюдением и не может подлежать сомнению с тех пор, как признается разница цветов. Если верно то, что всякое тело отражает свет особым, свойственным ему образом, что зависит от самой сущности или, по крайней мере, от какого либо сродства данного вещества, то естественно, что и всякий глаз придает своим лучам своеобразные направления и колебания, откуда уже понятно, что лучи, исходящие из глаза гениального человека, должны производить более сильные ощущения, чем лучи, исходящее из глаз обыкновенного человека. *Я* нахожу намеки на подобный животворящий взгляд в портретах кардинала Ретца, Фан-Дика и Рафаэля. Взгляд гения в полном его блеске непреодолим, чудесен, божествен. Все, пораженные этим взглядом, склоняются перед ним на колени, опускают глаза и воздают ему благоговение.

Истинный гений во всей его силе распространит от себя свет всюду, куда только проникает его взгляд; он везде господствует, куда бы ни направились его шаги; он привлекает и отталкивает по своему усмотрению; он может выполнить все, но желает он не всего, чего мог бы пожелать; достигнув вершины своей славы, он все-таки считает себя еще малым, так как выше своей собственной сферы видит целый мир гениев, высших сил, великих деяний; чем более он возвышается, тем более и более открывается перед ним неизмеримость того пространства, которое ему остается еще пройти[83].

Со своей стороны, на основании долгого опыта, я смело могу подтвердить эти наблюдения. Гениальные люди могут быть так же безобразны, как Эзоп, или так красивы, как Рафаэль или Гёте, но все они имеют огненный взгляд, не поддающийся более точному определению, – взгляд, который никогда не встречается у обыкновенного человека, и в котором, как в фокусе, кажется сконцентрированным весь огонь жизни, весь блеск света и все энергии мысли и воли.

Глава XVII. Покой и деятельность, беспокойство, нетерпение, ожидание, желание

Особенности мимики сообразно возрасту, полу, темпераменту, характеру, воспитанию.

Мимика служит не только средством для проявления удовольствия и страдания, любви и ненависти; она может также выражать общее самочувствие, зависящее не от здоровья или болезни, а от известного состояния нашей чувствительности или наших психических сил. И вот почему, взглянув на человека, мы сразу можем решить, находится ли он в покое, или же готовится к действию, беспокоен ли он, или находится в нетерпеливом настроении, чего-то ожидает или желает. Так как вся жизнь состоит из

[83] Lavater, *op. cit.,* T. IV, p. 20 и следующая.

непрерывных изменений в наших состояниях, то почти невозможно, чтобы какое-нибудь лицо не выражало чего-либо особенного. Эта истина настолько элементарна, что даже дитя, видя статую, спросит нас: что выражает собою этот мужчина или эта женщина? И когда мы не находим ответа на этот естественный вопрос, мы остаемся недовольными и смущенными и, убедившись в своей неспособности удовлетворительно ответить на него, мы говорим с некоторым оттенком презрения: статуя весьма красивая, но без всякого выражения. Возможно ли, вообще, чтобы создание человеческое ничего не говорило нам ни о своем прошлом, ни о настоящем, ни о своих надеждах и желаниях в будущем?

По-моему, в этом отношении существует огромная разница между произведениями древних и новейших скульпторов. У первых я всегда нахожу известное выражение, хотя бы это было просто только выражение жизни: тут я вижу мускулы, словно трепещущие под кожею. У последних же я вижу в статуях одну только кожу: мускулов точно нет здесь, или они ничего не говорят. Чтобы убедиться в этом, взгляните на Венеру Медицейскую или Милосскую, и затем на Венеру Кановы или Торвальдсена, хотя нужно заметить, что из всех новейших скульпторов оба они с особенным усердием изучали античных художников. Целая пропасть разделяет эти образцы творчества, потому что перед глазами находятся две различные страницы из истории искусства. Понятно, что за образцы для сравнения я беру только статуи, не выражающие сильных волнений, но отнюдь не те, в которых представлены сильные кишечные сокращения, конвульсивные спазмы или вообще резкая мимика. В произведениях последней категории даже для посредственного скульптора обязательно вложить под кожу своей статуи нечто подвижное, трепещущее, чтобы оно громко говорило о том, что именно артист желал или надеялся воспроизвести. Древние не любили ни судорог, ни конвульсий, но они умели заставить статую мужчины или женщины, изображенных во весь рост, говорить всем и каждому о многих вещах и таким языком, секрет которого, по-видимому, утратили новейшие художники. Будем надеяться, что когда-нибудь он снова будет найден! Человеческая красота, даже без примеси страсти, прекрасна уже сама по себе; она умеет сказать нам очень и очень многое. Никогда, до скончания веков, глаза сынов человеческих не перестанут удивляться Венере Милосской, без всякого предварительного пробуждения страстных и нежных вожделений. Жизнь безмятежная, тихая, ясная, довольная сама собою, представляет столько спокойных выражений красоты, что за недостачу их нечего опасаться.

Вот почему я рассматриваю с постоянно возрастающим удивлением прекрасную статую Сунамиты, в которой мой дорогой друг, искусная ваятельница Аделаида Пандаани Мараини, представила красивую пленницу Соломона, выходящую из золотого дворца своего повелителя, чтобы отыскать своего пастуха. Здесь не видно никакого тяжелого или вообще вульгарного волнения, нет и следов напряженного сокращения мышц; но вся фигура, как есть, взятая в общем характере ее мимики, точно произносит во всеуслышание слова Библии: «Я ищу того, кого любит душа моя». Все тело, голова, шея, глаза, кажутся устремленными к одной точке, которая манит к себе и очаровывает эту женщину; левою рукою она скромно поддерживает край своей одежды, чтобы не споткнуться, а правая рука ее открыта, точно она готова уже прикоснуться к своему другу и осыпать его ласками. В смысле мимического искусства, это одна из самых обыкновенных и самых простых поз, а в эстетическом отношении статуя эта напоминает греческое искусство, столь величественное в своем олимпийском спокойствии и столь ясное в своей несравненной безмятежности.

Выражения *покоя* и *деятельности* – самые обыкновенные. В этом случае не столь выразительным оказывается лицо, сколько общее положение всего тела, в котором сказывается наклонность к расслаблению или к сокращению мускулов.

Стоя на ногах, нельзя хорошо отдохнуть, и потому мимика покоя проявляется лишь в сидячем или лежачем положение тела. И чем более приближается тело к горизонтальному положению, тем яснее обозначается мимика лени или отдыха.

Подобно тому, как при укладке какого-нибудь инструмента в футляр его складывают несколько раз, прилаживая одну часть к другой, так точно, по-видимому, и у человека, желающего отдохнуть, голова склоняется на шею, а различные части рук и ног, в свою очередь, складываются одна на другой. Локти опираются на колена, а голова – на ладони рук.

Таким образом мы по возможности уменьшаем работу мышечных сокращений, а поддержание тяжести тела в сидячем положении возлагаем исключительно на самые сильные мышцы, расположенные по

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

преимуществу на задней стороне туловища.

Если же утомление более значительно и потребность в отдыхе чувствуется сильнее, то является необходимость исключить из работы еще большее число мышц. Тогда мы изменяем сидячее положение в полугоризонтальное или в горизонтальное, переходя к нему в несколько приемов, именно отыскивая сначала точки опоры для нижних конечностей, потом для одной или для обеих рук и, наконец, для всего туловища и плеч.

Гамаки тропических стран, бамбуковые индийские стулья, такие удобные и прохладные, все наши кровати и диваны приспособлены к этим различным позам и к всевозможным степеням отдыха и мышечного расслабления. Разнообразие форм подобной мебели отчасти внушено мышечным опытом, отчасти же климатическими особенностями и различною степенью лени, присущей отдельным расам.

Весьма интенсивная мимика покоя почти исключительно выражается отрицательными признаками; она совпадает с мимикой сна, представляющего собою самую высшую степень покоя, при которой прекращается даже работа сознания. Мимика сна очень характерна, но почти всякий может искусственно изобразить ее. Только плохой рисовальщик оставляет нас в недоумении на счет того, что хотел он представить: отдых ли, сон или смерть. Великие артисты умеют даже передавать степень утомления и сопровождающее отдых ощущение удовольствия или страдания. Нужно различать покой приятный, доставляющий наслаждение, и покой обременительный, связанный с изнеможением; с другой стороны, отдых может быть вызван трудом или ленью. Художник, умеющий наблюдать природу, может передать все эти оттенки.

Мимика деятельности диаметрально противоположна мимике покоя. Прежде даже, чем начать борьбу и принять известное решение, тело, которое было известным образом сложено, точно развертывается, расправляет свои суставы и приготовляется к работе. При этом вы видите, что шея выпрямляется, голова покидает свои точки опоры, руки вытягиваются вверх и туловище приподнимается; словом, из лежачего положения человек переходит в сидячее, а затем в стоячее. Но даже пока он пребывает еще в лежачем положении, сильное сокращение мышц туловища или внезапное движение шеи, поднимающее голову, уже достаточно ясно дает знать, что деятельность начинается или готова начаться.

Но самое характерное из всех этих движений состоит в энергичном закрытии рта. Это явление обратило на себя внимание всех писавших о физиономии и мимики[84].

Движение закрытия рта – признак постоянный, указывающий на окончательную готовность к борьбе или на приготовление к ней; вероятно на этом основании считают упрямыми и твердыми людей с большим и выдающимся подбородком и, наоборот, слабыми и нерешительными – людей, у которых подбородок мал и оттянут назад. В этом народном поверии есть значительная доля правды, отчасти потому, что подбородок является одним из характерных иерархических признаков, отличающих человека от обезьяны, отчасти же потому, что упорным и решительным людям часто приходиться сжимать губы и выдвигать подбородок.

Прежде чем сделать усилие, мы закрываем рот и расширяем грудь глубоким вздохом. Я полагаю, что это делается не с тою целью, чтобы замедлить кровообращение, как это думает Грасиоле, а для того, чтобы дать надежную точку опоры для множества мышц, которые здесь прикрепляются, а также для того, чтобы запастись достаточной порцией кислорода, в виду предстоящего усиленного расхода мышечной энергии. Не подлежит сомнению, что мы задерживаем дыхание, готовясь стрелять в цель, вдевая нитку в иглу и вообще во всех тех случаях, когда нам нужно совершить какое-либо действие, требующее большого внимания или трудное для исполнения. Мы не желаем, чтобы потребность дыхания послужила помехой нашему делу, и потому мы задерживаем его, отчасти с тем, чтобы захватить про запас побольше воздуха, отчасти для того, чтобы дать прочную опору мышцам. Если я не ошибаюсь, высказанная мною теория дополняет взгляд Белля и Дарвина, но расходится с мнением Грастиоле, который принимает следствие за причину.

Белль совершенно справедливо замечает, что пока два человека ведут между собою борьбу и душат друг друга, до тех пор не слышно никакого крика; они хранят глубокое молчание; но раз вырвался крик, это значит, что удар уже нанесен, а быть может уже явилась и жертва.

Беспокойство, нетерпение, ожидание, желание суть такие общие состояния, которые могут

---

[84] Darwin, *op. cit.,* p. 235.– C. Bell, *Anatomy of expression,* p. 190.– *Gratiolet De la physionomie,* p. 118.– Piperit, *Mimik und Physiognomonik,* p. 79.

проистекать из самых разнообразных причин, но мимическая форма их больше зависит от степени волнения, чем от его специального характера и способа происхождения. Можно сделаться беспокойным, нетерпеливым вследствие лихорадочного недомогания или душевного страдания, под влиянием пламенного желания или при ожидании любимого человека; но во всех этих различных случаях мимика бывает почти одна и та же.

Беспокойство обыкновенно характеризуется быстрыми сокращениями и расслаблениями различных групп мышечных антагонистов; движения эти ускорены и сменяются через короткие промежутки времени; поэтому также мы изменяем каждую минуту свое положение. Взгляд в свою очередь отличается неопределенностью, подобно движениям туловища и членов.

Нетерпение мало отличается от беспокойства; впрочем, оно чаще происходит от нравственных причин и сопровождается рассеянным взглядом, а также знаками отрицания и отвращения. Беспокойным можно быть постоянно, вследствие темперамента; нетерпение же проявляется только время от времени, под влиянием каких-либо особенных причин. По мере того как нетерпение возрастает, мимика его может смешиваться с выражением начинающегося гнева; дыхание делается глубоким и прерывистым; человек повторяет какое-нибудь слово или слог, испускает различные ритмичные звуки с тем, чтобы отвлечь свое внимание от занимающего предмета. Для нетерпения и скуки весьма характерным признаком является раскачивание тела и членов из стороны в сторону.

Ожидание имеет мимику, тождественную то с выражением желания, то нетерпения, смотря по обстоятельствами. Если же оно не сопровождается ни желанием, ни нетерпением, то в таком случае оно проявляется лишь чисто умственной мимикой внимания, которую мы уже исследовали.

Желание есть известная степень весьма разнообразных душевных волнений, так как побудительной причиной его может быть любовь и ненависть, прожорливость или гордость. Мимика желания слагается из выражений ожидания и нетерпения; далее, к ней может быть примешано также беспокойство, так что она вообще получает специальный оттенок, смотря по вызвавшей ее причине. Лебрён изобразил желание на таб. VII своего атласа; но его рисунок скорее выражает ожидание, и если бы в нем только немного усилить черты, то получилось бы выражение сладострастия. Комментарий к этому рисунку тоже не удачен.

> Эта страсть сближает брови и надвигает их на глаза, которые раскрыты более обыкновенного; пылающий (?) зрачок стоит в середине глаза, ноздри приподнимаются и оттягиваются в сторону глаз; губы полуоткрыты, и волнующиеся духи придают им живой и яркий оттенок.

Как образчики мимических выражений общего характера, я рекомендую художникам фигуру пьяного человека, нарисованную Лафатером (т. I, стр. 155. изд. 4), и фигуру отца, укоряющего своего заблудшего сына, которого он горячо любит. Эти рисунки не нуждаются ни в комментариях, ни в объяснениях; уже само выражение их говорит, поет, кричит; это самое красноречивое подражание природе. Фигура пьяного человека напоминает нам своей мимикой могучий, богатырский сон; недаром же говорится – я сплю как пьяный, я заснул как мертвый. Таким образом, аналогия мимических выражений идет на встречу синонимам языка.

Я не рассчитываю разобрать здесь все общие мимические состояния, т. е. не зависящие от какого-либо специального душевного волнения; но если к тем формам, которые были уже исследованы нами, присоединить мимические выражения здоровья, болезни и умственной работы, то мне кажется, что наш обзор будет довольно полным.

Нам остается, однако, коснуться еще другого вопроса, относящегося к общей мимике, – исследовать характер выражения, поскольку он зависит не от специальной причины, вызывающей волнение, но от природы того человека, у которого оно возникает, а также от тех частных условий, в каких находится этот индивид в данный момент.

В деле мимики каждый из нас имеет свой собственный стиль, подобно тому, как это замечается в манере писать, одеваться и во многих других отношениях, важных или мелочных, из которых складывается вся наша жизнь, – такая короткая и вместе с тем столь сложная.

Способ жестикуляции так тесно связан с нашей природой, что, увидев двух индивидов, похожих лицом

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

друг на друга, можно смело утверждать, что между ними окажется сходство и в способе выражения волнений. Обыкновенно думают, что такая аналогия в семействах и племенах обусловливается подражанием; я же, напротив, уверен, что в этом случае гораздо большее значение имеет сходство натур. До конца своих дней я не забуду того странного впечатления, какое произвел на меня губернатор в Санта-Фе, дон Жозе-Мария Куллен, встретивший меня в своем дворце при первом моем визите. Дело в том, что он до того оказался похож на моего покойного друга, д-ра Бролю, что мне представилось, будто последний воскрес и стоит перед моими глазами. А после того как он раскланялся со мною, я нашел его жесты до такой степени сходными с жестами моего друга, что просто стал в тупик и не мог скрыть своего удивления от любезного дона Жозе. Между тем он был уроженец Америки, тогда как Бролю был ломбардец. Впоследствии мне приходилось встречать много других случаев подобного же сходства.

Вопрос, рассматриваемый нами, весьма важен и интересен; между тем в других сочинениях по физиономике он затрагивается обыкновенно лишь мимоходом и поверхностно. Великие живописцы, великие скульпторы, великие драматические артисты, по вдохновению своего гения, умели пополнять эти пробелы знания, но они не оставили нам письменных сообщений относительно того, что им удалось почерпнуть в сокровенных недрах природы. То немногое, что мы скажем по этому поводу, должно послужить зародышем для будущих изысканий.

Мимика одного и того же волнения может быть различна по силе и по богатству частностей. Известное выражение может быть сильным и в то же время бедным в смысле форм проявления, или наоборот – слабым, но с богатым оттенками. Иногда, однако же, сила мимики совпадает с разнообразием ее проявлений, при чем выразительность достигает высшей своей степени. Так у дикаря, или у человека мало интеллигентного, когда он сильно страдает или испытывает сильное удовольствие, оживленность мимики доходит до степени животного выражения, но формы ее представляют мало разнообразия. Наоборот, человек весьма впечатлительный, очень развитый и образованный придаст своему выражению такую тонкость игры, такое богатство красок и оттенков, что остается только поражаться и проникнуться удивлением к этой способности.

Индивидуальные условия, оказывающие наибольшее влияние на различия в мимике, следующие:

Возраст.

Пол.

Темперамент.

Характер.

Воспитание.

Раса.

Мы рассмотрим их одно за другим.

Возраст

Ребенок, дитя, молодой человек и старик могут испытывать одно и то же страдание или одинаковое нравственное огорчение, но какая разница между их выражениями!

Мимика ребенка отличается преимущественно чрезмерною напряженностью и бедностью форм. Мозговые полушария еще слабы; рефлекторные движения проявляются в выразительных мышцах внезапными сокращениями, которые не умеряются и не сдерживаются ни самолюбием, ни рассудком, ни какими-либо иными высшими психическими энергиями, берущими свое начало из серого вещества передних долей головного мозга. И смех, и плач тут одинаково порывисты, а потому детская мимика сходна с мимикою обезьяны или негра. Ни малейших оттенков, никаких особенностей – ничего ровно здесь нет, кроме нестройного сокращения и расслабления мышц. Распределение психической работы, которое в этом возрасте находится еще в зародыше, играет в мимике столь же важную роль, как и во всех других случаях.

Крайняя скудость детской мимики главным образом обнаруживается малочисленностью жестов руки и кисти руки, сопровождающих и дополняющих выражение лица. Посмотрите, каким ничтожным числом жестов сопровождается речь ребенка в возрасте трех или четырех лет, и вы увидите перед собою портрет дикаря, который плохо подчеркивает главные части своей речи и слабо оттеняет различные степени своего

волнения. У детей очень умных раннее появление сложного жеста обыкновенно вполне совпадает с большим развитием энергии мышления.

Таблица 6

Различные выражения: а – кокетство, б – смелость, в – страх, г – сострадание, д – внимание, ж – неустрашимость, з – висельник.

Между тем, сила воли сказывается уже в самом раннем возрасте в форме сильной напряженности выражения. В возрасте, занимающем середину между ранним детством и юностью, мало помалу развивается деятельность мозговых полушарий и начинает обособляться и вырабатываться работа мышц лица и конечностей. В этом возрасте у ребенка замечаются даже полутона иронии, недоверия, подозрения, и его мимические мышцы, уже привыкшие подчиняться головному мозгу, лучше повинуются воле и усмиряются психическим влияниям высшего порядка.

У людей низшей расы, а в расах высших – у тупых личностей эта переходная мимика в таком виде и остается навсегда. Вообще, впрочем, у юноши впечатления еще весьма сильны и весьма бедны оттенками, а под влиянием сильных волнений у него часто еще выступают беспорядочные порывы животного, которое живо чувствует, но мало рассуждает.

Молодой человек достигает уже полного равновесия между силою и богатством выражения. Его мимика уже представляет нам самые красивые и самые полные выражения, соответствующие его сильным душевным волнениям и повышенной восприимчивости, и в то же время энергетически обуздываемые волею.

Биолог и художник должны ревностно собирать материалы для мимических картин из этого именно возраста, так как мимика выступает здесь в полной своей силе и в то же время очень богата формами и красками.

Мало-помалу преобладающее развитие передних долей головного мозга берет верх и обуздывает рефлекторные движения; разум и воля укрепляются за счет чувствительности. У взрослого человека

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

выражения становятся слабее, упрощеннее и беднее оттенками, и в старости, наконец, мы снова делаемся похожими на малых детей. Старики легче плачут и смеются, чем люди в молодом и зрелом возрасте; мышечная сила у них уменьшена, и ослабление умирающей деятельности головного мозга сопровождается неверностью мышечных сокращений, которые ограничиваются весьма тесной мимической территорией.

Мне кажется, что в выражении стариков я подметил одну детскую черту, на которую мало или вовсе не обращалось внимания. Это именно настойчивое повторение какого-нибудь одного жеста, или одного и того же мимического движения. Таким повторением они стараются, по-видимому, пополнить недостаток интенсивности выражения. В то время как молодой человек или взрослый мужчина выражают одно и то же волнение целым рядом различных мимических движений, имеющих сходство с вариациями на известную музыкальную тему, – старик бьет и забивает все один и тот же гвоздь. Риторическую фигуру повторения я всегда считал слабее других, и вот при исследовании мимики мне удалось найти новое подтверждение этого взгляда.

Я охотно резюмировал бы сравнительную физиологию мимики различных возрастов в такой общей формуле: у ребенка мимика сильна и бедна оттенками, потом становится сильнее и богаче частностями; уже у молодого человека она отличается силою, богатством содержания и в особенности экспансивностью; у возмужалого мимика лучше уравновешена, скорее богата подробностями, чем силою выражения и постепенно становится все менее и менее экспансивною; наконец, у старика она слаба, неопределенна и очень концентрична.

При такой слишком широкой формулировке конечно неизбежно стушевывается множество тонких оттенков, так что до настоящей истины можно дойти не иначе, как по возможности сузив круг наблюдаемых явлений; но интеллигентный читатель сумеет сам отнести к синтезу то, что принадлежит ему, и на основании собственных наблюдений исправит излишнюю, быть может, схематичность моего очерка. Естественно, что всякое душевное волнение претерпевает различные видоизменения под влиянием возраста, и что мимика достигает своего совершенства и наибольшего разнообразия в том периоде жизни, когда душевные волнения отличаются наибольшей силой и устойчивостью.

Поэтому, в юношеском возрасте мы встречаем самые эстетические и самые возвышенные выражения любви, между тем как в возмужалом возрасте, когда мысль и слово достигают высшей степени своего развития, работа мысли сопровождается жестами самыми богатыми и самыми разнообразными. Никакому художнику не придет в голову изучать на стариках живую мимику мышечной игры или у ребенка – выражение спокойной меланхолии воспоминаний о прошлом.

Пол

Мимика женщины очень сильна, бедна оттенками для интеллектуальных выражений, но богата ими для выражений трогательных и скорбных, и причины этого факта мы достаточно выяснили в своей *«Физиологии страдания»* [85].

Мимику женщины можно охарактеризовать в нескольких словах, сказав именно, что она похожа на мимику ребенка.

Другие же второстепенные особенности ее зависят от слабости мускулатуры женщины и от преобладающей потребности последней – нравиться и пленять собою. Сильные движения ее утомляют и отчасти лишают ее грации; ведь гримасы безобразят лицо и подготавливают на нем преждевременные морщины; а из всего этого следует, что лицо женщины редко будет представлять энергичную мимику, и что она будет стараться делать по возможности меньше гримас.

Каждый пол совершенствует в себе известные группы присущих ему выражений; так, мужчина лучше всего усваивает себе мимику настойчивости, повелевания, энергии, а женщина доводит до высшего совершенства непобедимую грацию улыбки и убийственную гибкость стана. Сравните слезы маленькой девочки, плачущей оттого, что ее не берут в театр, и слезы женщины, желающей восторжествовать над малочувствительным или неблагодарным, неверным или слишком скупым любовником. Ведь обе они плачут и притом вследствие аналогичного повода, но какая разница в способах и средствах выражения!

---

[85] Mantegazza, *Fisiologia del dolore*, Firenze 1880, p. 309.

Какое однообразие с одной стороны, и какое богатство с другой! Опыт, развитие ума, воспитание уже открыли женщине всю важность подразделения мимической работы; и вот, когда девочка только и знает, что орет во все горло, ворочает глазами, искривляет рот, нос и вообще все лицо, обезображивая его до последней возможности, – красивая дама ласкает вас улыбкою, полною слез; каждая улыбка ее сулит вам блаженство, каждая слеза является побуждением к жалости, каждое содрогание ее мышц, каждая ласка ее пальцев, каждый изгиб ее стана, – словом, все эти волшебные чары, которые раскрываются перед вами с каждым ее движением, постепенно вас опутывают тонкой сетью, и вот вы падаете к ее ногам, побежденный и скованный: вы сделались ее пленником и рабом. Сколько предательства в этих взрывах смеха, плавающих, утопающих и вновь всплывающих в целом море слез! Какое сладострастие скрывается за кажущейся стыдливостью, с которой она спешит привести в порядок то, что расстроилось под влиянием огорчения! Сколько стрел выбрасывает каждая точка ее кожи, каждое движение ее глаз! Какой могучий гений мимики исходит из этого маленького, гибкого и грациозного создания, чтобы размягчить и парализовать грубое тело бородатого мужчины, который осмеливается провозглашать себя богом вселенной и который в этот момент оказывается невольником женской мимики!

Темперамент. Характер

В сотнях книг уже повторялось то, что нервные люди имеют мимику очень выразительную, а лимфатики – вялую. Таким образом составились своего рода жанровые картинки, представляющие лишь карикатуру истины. Но, по-видимому, иначе и быть не может, так как в этом случае истина слишком сложна, чтобы ее можно было втиснуть в рамки наших определений. Впрочем, в моих *«Элементах гигиены»* и в других более популярных работах я уже не раз высказывал относительно темпераментов ту мысль, что хотя они и существуют в природе, но таким жалким рыболовам, как мы, не попадаются в сети.

Не подлежит сомнению, что высокой степени чувствительности (составляющей наиболее выдающуюся особенность людей нервных) почти всегда соответствует и высокая степень возбудимости; но это ни что иное, как малая часть всех особенностей индивидуальной конституции. Если взять сотню людей нервных, или столько же лимфатиков, то, наверное, между ними можно будет найти массу различий.

Характер представляет в психической жизни то же самое, что *темперамент* и *конституция* в жизни органической, и без сомнения, он видоизменяет мимику гораздо больше, чем *темперамент*.

Идти далее этого мне представляется поистине страшным, ибо мне кажется, будто я намереваюсь вычерпать целый океан горстью руки. Достаточно известного роста, высокого или низкого, чтобы значительно видоизменить мимику; достаточно тучности или худобы, чтобы придать одному и тому же волнению различное выражение. Длина рук сама по себе уже делает некрасивыми некоторые движения, кажущиеся грациозными у человека с пропорциональным телосложением. Вообще я заметил, что у людей очень маленького роста мимика бывает живее и экспансивнее; недостаточность размеров своего тела им приходится вознаграждать быстротою движений. Напротив, очень высокие или очень тучные люди имеют мимику менее экспансивную или более концентрическую, что в сущности одно и то же.

Каждый старается приурочить к мимике, в качестве главного органа, самую красивую часть тела, и наоборот – скрыть части несовершенные. Кто имеет красиво сформированный рот, тот делает его центром выражения, даже для таких чувств, которые обыкновенно лучше передаются глазами. Напротив, тот, у кого очень красивые глаза, отдает им предпочтение перед ртом, в смысле органа мимики.

То же можно сказать относительно руки, шеи, туловища и т. п.

То же самое происходит, без нашего ведома, и с наиболее деятельными энергиями головного мозга. Они задают тон мимике и налагают на нее своеобразный отпечаток, который удерживается выражением в самых различных случаях. Человек, склонный к сатире, привыкший со злорадством отыскивать слабые или смешные стороны во всем божеском и человеческом, будет иронически улыбаться даже в минуты сладострастия или в минуты меланхолического настроения. Это – сардинская полынь, которая какими-то судьбами примешивается к пчелиному меду, или керосин, попадающий в мороженое. Точно также чревоугодник склонен придавать сластолюбивый характер даже мимике страдания, гнева и тому подобных волнений. У гордеца какая-то особая надменная манера смеяться или плакать, ласкать или бить; злой человек подделывает все свои выражения и сообщает своей мимике отталкивающий характер

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

неопределенности и коварства. Все это такие факты, которые можно констатировать даже при самом поверхностном наблюдении. Нам следует их тщательно собирать с тем, чтобы пользоваться этим материалом для нравственной диагностики, в которой мы ежедневно чувствуем потребность, как в сфере мелочных, так и в области крупных житейских дел. Лгать гораздо легче губами или пером, нежели жестами; мне часто удавалось угадать характер мужчины или женщины, жестикулировавших на балконе так далеко от меня, что я не мог слышать их голоса.

Воспитание

Если на основании характера человека часто трудно бывает установить диагноз и избежать ошибочных выводов, то совсем иное следует сказать о той диагностике, которая опирается на воспитание. Здесь почти всегда можно высказаться с полною уверенностью, если усвоена хоть в незначительной мере привычка наблюдать факты.

Прежде чем человек заговорит, по его манерам мы уже приблизительно можем судить о его воспитании. А ведь *манеры* – ни что иное, как те же жесты или мимика, т. е. известная походка, характер приветствия, способ выражения радости, печали и т. п.

По мимике мы судим не только о количестве, но и о качестве воспитания. Часто мы высказываем, напр., следующее предположение: такой-то, вероятно, воспитывался в духовной семинарии, в кадетском корпусе и т. п.

Вообще воспитание действует на мимику постоянно в одинаковом направлении: оно сдерживает чрезмерность выражений; оно уменьшает его чисто-рефлекторную, животную сторону; оно укрепляет или поддерживает влияние умеряющих центров. Таким образом, нам удается скрывать грубые или злобные волнения и обнаруживать только прекрасные и добрые. Человек простой сразу выражает все, что он чувствует, а благовоспитанный делает это с известной осторожностью; он не хочет нарушать спокойствия близких, и в особенности желает показать, что он действительно держит в руках своих коней. Впрочем, это влияние воспитания на мимику не безусловно благотворно; наш век в значительной степени обязан ему тем характером лицемерия, которым он по преимуществу отличается. Но, с другой стороны, было бы еще менее заманчиво находиться в обществе таких людей, которые оглушают вас своими рыданиями всякий раз, когда они испытывают огорчение, или же посредством толчка кулаком или локтем делают вас участником своей радости или своего удивления. Тот, кто привык вращаться между людьми культурными, попадая вдруг и наперекор своему желанию в среду людей, не получивших никакого мимического воспитания, чувствует себя в этом обществе так же дурно, как если бы он очутился в зараженной и удушливой атмосфере. Конечно, это стеснение вызывается не одной только распущенностью мимики, но, между прочим, и она играет в подобных случаях видную роль.

Влияние воспитания сводится главным образом к тому, что оно делает мимику более тонкой и сообщает ей весьма разнообразные эстетические черты. Это усовершенствование мимики сказывается прежде всего в том, что с помощью маленьких движений достигаются большего эффекта. Мимика в этом отношении похожа на все те механизмы, которые, по мере своего усовершенствования, производят с меньшею тратою сил большее количество полезной работы. Можно выразить красивой женщине самое пламенное поклонение одним только взглядом или улыбкою, между тем как грубый крестьянин свидетельствуем о своей любви молодой девушки щипками или толчком кулака. В обоих случаях чувство, может быть, и одинаково, но какое различие в способе его выражения! Равным образом, мы выражаем простою улыбкою самое глубокое презрение, тогда как мужик при этом плюнет на землю, или примет такой вид, словно его позывает на рвоту.

С эстетической точки зрения есть мимика красивая и мимика уродливая. Выражение может быть миловидным, грациозным, чарующим, или же – грубым, неуклюжим и отталкивающим. Все эти выражения различного стиля изучаются драматическим актером, который, выходя на сцену, умеет придать себе как утонченные, аристократические, так и грубые, плебейские манеры.

Раса

Раса есть выражение очень широкое, обнимающее собою множество различных явлений, как напр., известное проявление чувствований, известную степень умственного развития, известную силу душевных волнений; все это влияет на выражение и видоизменяет его. Это один из самых темных вопросов в учении о мимике, и мы посвятим ему особую главу.

Глава XVIII. Мимика рас и профессий

Так как в течение десяти лет я посвятил большую часть моего времени и труда изучению антропологии и этнологии, то в целой книге эта глава должна была бы менее всего страдать неполнотою. К сожалению, материалы, собранные путешественниками, еще довольно скудны, а главное, до такой степени разбросаны в сотнях и тысячах книг, что на одно только собирание и приведение их в порядок потребовалась бы целая жизнь трудолюбивого и неутомимого человека.

Сам Дарвин, который занимался этническою мимикою более чем кто-либо другой, и формулировал свои *вопросные пункты* для собирания сведений относительно характера выражения волнений у различных народов, мог поместить в своем сочинении только неполные материалы. К этому я прибавлю то немногое, что мне самому удалось собрать во время моих путешествий в Америке и в Африке, и затем оставлю вопрос открытым для будущих исследований.

В исследованиях этого рода подвигаться вперед следует благоразумно и не спеша, как бы со свинцовыми подметками, и в особенности необходимо воздерживаться от выведения общего закона из недостаточного числа наблюдений. Кому из нас не случалось читать и перечитывать сотни раз заметки о различных способах выражения волнений у Европейских народов и потом строить на этом красивые обобщения и изящные теории о влиянии климатов? И что же, в конце концов, масса неудачных гипотез, ложных законов, неосновательных синтезов! Вот пример: говорят, что скандинавы молчаливы и умеренны в движениях; в них мало живости, одним словом – мимика их полна сдержанности и, следовательно, концентрична.

Но поезжайте в Берген, один из самых больших городов Норвегии. Там, наоборот, вы увидите людей веселых, шумных, с эксцентрической и изобильной мимикой. Что же что значит? Ведь холодно и в Бергене! Отчего же здесь не такая мимика, как в Драгтгейме и в Христиании? А это оттого, что несколько веков тому назад в Берген было привезено значительное количество ирландских невольников, и, стало быть, вместе с кельтийской кровью сюда одновременно проникли быстрота жестов и живость мимики. Таким образом, вы сравниваете обитателей Норвегии, происходящих из различных рас. Да и кто может решиться говорить, напр., об общей итальянской мимике, когда она так различна в Неаполе и Милане, в Кальяри и Турине?

Показатели племенной мимики заключаются, однако же, и в других моментах, которые мы уже рассматривали, а именно в различиях умственного развития, культуры, характера. Если к этому присоединить еще исторические традиции, которые, в силу подражательности, кладут общую печать на всех жителей известной страны, то получится почти полный анализ тех видоизменяющих мимику влияний, которые мы разумеем под словом *раса*.

Подвижность черт лица донельзя разнообразна у различных племен и навсегда соответствует ступени, занимаемой ими в умственной иерархии. Так, если вести речь только о народах виденных мною, то вообще у негров я находил очень подвижную физиономию, хотя у них, вследствие недостаточного разделения труда между лицевыми мышцами, сокращаются и расслабляются сразу целые группы мимических мускулов. Но если негры проделывают много гримас, то итальянцы тоже ведь имеют очень подвижное лицо, а между тем последние стоят на гораздо более высоком уровне развития. Напротив, покоренные племена Аргентинских пампас (тегвельхи, пегуэльхи, ранквельцы и проч.) имеют самые неподвижные лица, какие только приходилось мне видеть.

У народов высшей расы употребление некоторых пищевых веществ, возбуждающих нервную систему, оказывает сильное влияние на подвижность лица. Так, привычное употребление кофе, чая, гуараны возбуждает чувствительность и делает мимику живее; между тем как привычка к табаку, опию, коке и к другим наркотическим веществам уменьшает подвижность лицевых мышц, вследствие чего физиономия

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

приобретает крайне апатичное выражение.

В племенах близких одно к другому, те народы, которые занимаются скотоводством и земледелием имеют мимику менее экспансивную, тогда как у наций воинственных или занимающихся мореходством и торговлей, мышцы лица более подвижны и более выразительны, потому что жизнь их значительно сложнее и менее созерцательна. Всему миру известно спокойное выражение лица у восточных народов, которые всего ожидают от Бога и совершенно не знакомы, с лихорадочной деятельностью европейцев.

Если бы требовалось составить классификацию, хотя и довольно грубую, самых выдающихся этнических выражений лица, то я установил бы следующие группы:

Выражение свирепое: тобасы, пампасы, маоритяне, жители островов Вити.

Выражение ласковое: киригуанцы и большая часть гуаранцев.

Выражение апатическое: патагонцы, квикуанцы, эмаранцы, малайцы, китайцы, японцы, лапландцы.

Выражение смешное или обезьянье: негры вообще и негритосы.

Выражение тупоумное: готтентоты, бушмены, австралийцы.

Выражение интеллигентное: европейцы.

Прошу извинения за такую смелую попытку, которая обнаруживает только скудость наших знаний по этому предмету. С большой вольностью и с меньшими колебаниями мы можем развить некоторые подробности.

В главнейших чертах между выражениями всех народов земного шара замечается согласие: всюду смеются и плачут, всюду ласкают для выражения любви; всюду показывают кулак или высовывают язык, чтобы засвидетельствовать ненависть и презрение. Ла-Биллардьер видел маоритов, которые в знак радости хохотали во все горло, потирая руки; но так же смеялся Бальзак, так смеется и наш Фогт.

Различия появляются только в подробностях. Мы рассмотрим их вкратце.

Один король Новой Зеландии выл, как дитя, оттого, что наши матросы испачкали мукою его праздничное платье.

Дарвин видел фиджийца, который по случаю смерти своего брата издавал раздирающие крики скорби, и потом вдруг начинал смеяться по поводу самой ничтожной безделицы, которая казалась ему забавной. Англичане плачут, пожалуй, менее всех прочих европейцев: они стыдятся проливать слезы. Одна дама англичанка, очень образованная, упрекала меня за то, что в своем сочинении *«День в Мадере»* я заставил плакать Вильяма.

Уатт Джилль видел одну молодую австралийку, которая, оплакивая потерю своего отца, жестоко колотила себя сжатыми кулаками по груди и по щекам[86].

В моей «Физиологии страдания»[87] можно найти множество и других этнических выражений скорби.

По-видимому, не подлежит сомнению, что смеются все обитатели земного шара, а когда смех доходит до крайности, то выступают слезы. Это констатировано у индусов, китайцев, малайцев, дайяков о-ва Борнео, у австралийцев, кафров, абиссинцев и у северо-американских индейцев.

Радость, не сопровождаемая смехом, также повсюду выражается одинаковым образом. По крайней мере, наблюдалось, что в подобных случаях расширяются и блестят глаза у австралийцев, индусов, маорисов и дайяков. У некоторых низших народов мимика удовольствия заимствуется из области гастрономических ощущений. Так негры верхнего Нила потирают себе живот при виде красивых стеклянных безделушек, а австралийцы делают жевательные движения, когда увидят лошадей, быков или собак. Гренландцы, говоря о чем-либо для них приятном, втягивают в себя воздух с особенным шумом, как будто проглатывая вкусный кусок. Да и мы, люди высшей расы, подсмеивающиеся над такой мимикой низшего разряда, не можем, однако, отрицать, что, увидев красивую женщину, мы делаем иногда такую мину, как будто хотим отведать нечто очень вкусное.

Австралийцы Ла-Биллардьера выражали свою радость смехом, поднятием рук к голове и топаньем ног.

---

[86] Wyatt Gill, *Life in the southern, isles*, London.

[87] Mantegazza, Fisiologia del dolore, p. 316.

Туземцы островов Дружбы, в знак выражения приятного удивления, кричат – eho! eho! Островитяне Амбоины, в беседе с Ла-Биллардьером, замечательно воодушевлялись, когда речь шла о молодой женщине *(paranpouang mouda),* и делали ужасные гримасы, коверкающие все лицо, когда говорили о старухе *(paranpouang tuna).*

Дарвин уверяет, что поцелуй вовсе не известен у фиджийцев, маорисов, таитян, папуасов, австралийцев, сомалисов Африки и у эскимосов; но Уатт Джилль видел в Порт-Моресби, как папуасы, в знак выражения своей привязанности, целовались, обнимались и царапались ногтями.

Ла-Биллардьер подал руку одному австралийцу; тот также протянул ему свою, улыбаясь и наклоняясь; в тоже время он поднимал левую ногу и заносил ее назад, по мере того как наклонялось туловище[88].

Тот же Ла-Биллардьер видел, что туземцы островов Дружбы целуются концами носов; без сомнения, от этого, прибавляет он, кончик носа у них представляется раздавленным (?). Их женщины выпрашивали подарки с грациозною улыбкою, наклоняя голову и прикладывая руку к груди. Те же самые женщины низко кланялись царице Тинэ, подставляя свою голову под ее правую ногу и прикасаясь к ее подошве правою рукою.

В Полинезии приветствия всегда весьма учтивы и сопровождаются поэтическими излияниями. Так, в Таити и Раротонге говорят: «Живите с Богом!» У Мангеа в разговор вставляется эпитет – брат; у Самоа и на острове Дикарей слова: «Да придет к вам любовь». При прощании на Самоа говорят: «Желаем вам хорошего сна», в какой бы час дня это ни было, потому что сон для этих людей – идеал блаженства.

Целованье носом встречается почти у всех малайцев; аннамиты, кажется, присоединяют к этому еще особый род ржания.

В стране Миттосов, когда путешественник Швейнфурт входил в хижину *(seribe),* ему тотчас приносили *освежающее яство* (хлеб из сорго с холодною водою) и обмывали его ноги водою; затем являлись посетители, приносившие с собою масло, молоко, мед, мелиссу и проч.

Ниам-Ниамцы здороваются вообще вежливо, а когда желают придать своим приветствиям больше сердечности, они говорят: «Badya, badya, muia (мой друг, мой дорогой друг, иди сюда)». Они протягивают друг другу правую руку и соединяют их так, чтобы встретились между собою средние пальцы; и когда обе руки приводятся в движение, то это сопровождается такими странными жестами, которые у нас были бы сочтены знаками отвращения. С женщинами в обществе никто не здоровается, кроме самых коротких знакомых.

Когда негритос о-ва Люсона находится в лесу и хочет есть, он не может приняться за свой обед до тех пор, пока громко и несколько раз не пригласит принять участие в его обеде всех, кто только услышит его голос. Не исполнившего этого обычая строго наказывают, иногда даже убивают.

Мимика, которою пользуются мужчины и женщины для выражения друг другу своих любовных чувств, таит весьма космополитический характер; следовательно, ни тот, ни другой пол никогда не может быть лишен наслаждения любви в силу невозможности понять выражение взаимности. Нимфа у латинского поэта убегала под ивы; молодые новокаледонянки, по словам Ла-Биллардьера, сняв с себя единственное свое покрывало, откровенно показывались французским морякам. Правда, что эти две формы мимики сильно отличаются друг от друга: одна исполнена стыдливости и кокетства, другая – бесстыдна и откровенна: но обе они ведут к одной и той же цели.

Ненависть, гнев, презрение выражается почти одинаково во всех странах света. Дарвин доказывает это многими примерами относительно самых различных племен. Так, напр., туземцы Адмиральских островов выражают гнев, поднимая верхнюю губу так, чтобы показать стиснутые зубы, сморщивая брови, опуская голову вниз и поворачивая се к предмету, вызывающему гнев. У другого туземца того же острова все мышцы лица, и в особенности глазные, приходили в конвульсивное движение. Но ведь та же самая картина может подойти и к нам.

Монбюттоносы, выражая удивление, непомерно раскрывают рот и закрывают его ладонью. Кажется, что и туземцы Северной Америки точно так же выражают свое удивление.

Если от этих очень далеких племен мы перейдем к европейским народам, более нам известным, мы также найдем между ними заметную разницу в способах выражения одного и того же волнения. В этом

---

[88] Li Billardière. *Relation du voyage à la recherche de La-Pérouse* etc., t. Il, année VIII, Paris, p. 29.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

отношении можно встретить даже у древних писателей первые попытки к установлению этнической физиономики; но все они постоянно смешивали черты лица с мимикою, анатомические, неподвижные формы с изменяющимися движениями, т. е. с выражением. Мы приведем из них несколько примеров, в которых содержится также множество признаков чисто психических.

Последнюю главу своего сочинения, уже цитированного нами, Гирарделли посвящает *общему исследованию различных наций и провинций.* Вот несколько отрывков из четырех небольших страниц, которые он уделяет столь важному предмету[89]:

> На сколь различны земли и страны, настолько же не сходны между собою и нравы их обитателей. Египтяне хитры, покорны, легкомысленны, скупы и склонны к наслаждениям любви. Народы Фракии – несправедливы, ленивы и вероломны. Народы Скифии (по сообщению Матернуса) жестоки. Нации трансальпийской Галлии упрямы, отважны и горды. Итальянцы похваляются и славятся своим происхождением от римлян. Французы и греки легкомысленны, сирийцы скупы, азиатские народы преданы Венере и постоянно отдаются наслаждениям. Сицилийцы очень находчивы, вавилоняне – благоразумны.
>
> …
>
> В Лузитании (называемой Португалией) люди родятся меланхоликами, сангвиниками и с крепким телосложением, но умственное развитие их идет медленно и туго.
>
> Сицилийцы – раздражительны и меланхоличны, хорошо сложены, отважны; часто упражняются в борьбе, скачут и танцуют очень оживленно и приобретают большую ловкость.
>
> Италия по большей части производит людей слабых, хотя некоторые из них (в виде исключения) оказываются крепкими; они отличаются более подражательностью, нежели изобретательностью, все они среднего роста и довольно худощавы.
>
> Немцы флегматичны и холеричны, дородны, тупоумны(?!) и мало способны к трудным предприятиям, хотя очень искусны в механической работе. Французы имеют темперамент флегматический и холерический: по большей части слабы, а если и найдутся между ними мужественные (!!) и сильные, то такие дурно пользуются своим мужеством и силою.
>
> …
>
> По свойству небесных знаков можно разгадать темперамент людей, находящихся под их влиянием. Так, нарбонская Галлия находится как раз под знаками Овна и Марса, и обитатели ее обыкновенно суровы, дерзки и жестоки. А Италия, Апулия, Ломбардия, Сицилия находятся под знаками Льва и Солнца, и потому народы, населяющие их, склонны к почестям, к величию, великодушию и к дружбе. Тосканцы, трансальпийские галлы и испанцы находятся под знаками Стрельца и Юпитера, и потому они друзья свободы, справедливости и вежливости.

Все это только грубая психология и астрология, а не сравнительная мимика. Заключение из этих нелепых разглагольствований вполне достойно посылок.

> Итак, мы заключаем, что темпераменты и нравы людей зависят главным образом от природы стран и планет, а так же небесных знаков, под влиянием коих они находятся…

Лафатер, явившись столетием позже и со взглядом более широким и более научным, очутился лицом к лицу перед великим вопросом *о национальных физиономиях,* и действительно посвятил ему много страниц и рисунков, но только постоянно смешивая анатомию с мимикой.

> Если нации представляют различия в своих нравственных свойствах, то еще более они должны отличаться одна от другой по физиономии. Это факт положительный, и сомневаться в нем может разве только тот, кто никогда не видал людей различных наций, никогда не

[89] Казалось бы невозможным, чтобы итальянец мог написать такую ересь.

приближался к границе двух народностей…

Все, что было писано по этому поводу, и все, что я могу сказать об этом, – ничто в сравнении с теми интересными исследованиями, какие мог бы возбудить этот вопрос. Мне остается только показать, что он заслуживает сделаться предметом скандального трактата, достойного внимания наших академиков и покровительства наших принцев.

…

Естественная история национальных физиономий – предмет достойный изучения для человека и философа, интересный как для ума практического, так и чисто спекулятивного. Это одно из первых и главнейших оснований физиономики, и я повторяю, что отрицать существование особых национальных физиономий и характеров, значило бы не видеть света в ясный полдень.

Все это только постановка вопроса и предвидение будущих его решений; но когда Лафатер пробует окунуться в подробности, описание выходит у него неопределенным и смутным. Если исключить из этих заметок о национальных физиономиях все то, что относится к чертам лица, то в нашем распоряжении останется скудный запас нижеследующих фактов.

Относительно французов, например, он говорит, что они преимущественно отличаются зубами и манерою смеяться.

У швейцарцев нет другого национального или типического признака физиономии кроме откровенного взгляда…

Лафатер сознается, что сам он мало путешествовал, и потому заимствует свои наблюдения из рукописей и печатных сочинений многих ученых.

Но и тут сколько неопределенностей!

Торопливая речь, поспешные и суетливые движения, постоянно замечаемые у евреев, отличают их от других народов… (Ленц).

Я не ограничивался в моих наблюдениях одним только изучением лиц различных наций, но из бесчисленных опытов имел случай убедиться, что главный остов всего тела, его общая осанка, неповоротливость и свободность движений головы, твердость или нерешительность, скорость или медлительность походки – что все это часто представляет признаки, пожалуй, более надежные, чем лицо, взятое само по себе. Если бы удалось изучить человека во всех состояниях – от совершенного покоя до высшей степени гнева, ужаса или скорби – то его так легко было бы распознать, что мы отличали бы венгерца, словенца, иллирийца, валаха только по осанке тела, движениям головы и жестам. Следовательно, те же самые признаки могли бы служить для составления положительной и верной характеристики той или другой нации (Fueslin).

Есть очень тонкие замечания одного дармштатскаго литератора, имени которого, к сожаление, Лафатер не называет. Вот некоторые из них:

Англичанин имеет *прямую походку*, а когда он стоит, то сохраняет окоченелую неподвижность… Когда он молчит и бездействует, по его лицу никак нельзя догадаться о том уме и образовании, которыми он обладает в высокой степени. Его глаз ничего не говорит и не старается нравиться.

У француза… походка как бы танцующая. Его открытое лицо говорит вам сразу тысячу комплиментов и любезностей. Он не умеет молчать; его глаза и лицевые мышцы продолжают говорить даже при закрытом рте. Красноречие его наружности делается подчас *оглушительным*, но свойственное ему добродушие покрывает все его недостатки. Хотя лицо у него весьма своеобразное, но его трудно описать: ни у одной нации не встречается менее бросающихся в глаза и в то же время более подвижных черт лица. Француз все, что угодно, выражает своим лицом и жестами, почему он узнается с первого взгляда и ничего не в

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

состоянии скрыть…

Портрет итальянца, представленный этим почтенным дармштадским гражданином, так интересен, что я не могу устоять против соблазна привести его целиком.

> Физиономия итальянца – это воплощение души. Его речь – непрерывное восклицание и жестикуляция. Ничего нет благороднее его наружности; его страна – отчизна прекрасного. Небольшой лоб, сильно выдающиеся скулы, энергический нос и изящно очерченный рот свидетельствуют о родственной связи его с античною Грецией. Огонь его глаз служит доказательством, до какой степени развитие умственных способностей зависит от счастливых климатических условий. Его воображение постоянно бодрствует и всегда в соответствии с окружающими предметами. Ум его – отражение всего мироздания. Посмотрите, с каким торжеством Ариосто проник во все сферы. Его поэма, на мой взгляд, есть прототип гения. Наконец, у итальянца все изливается в поэзию, музыку и пение; ему по праву принадлежат высшие области искусства. Правда, что в недавнюю эпоху политическая и религиозная система могла дать уродливый склад его национальному характеру, но только одна чернь заслуживает тут упрека в измене. Все остальные классы населения отличаются самыми честными и благородными чувствами.

Художникам не бесполезно было бы изучить в сочинениях Лафатера таблицу Ходовецкого, где представлены в малых размерах 28 национальных типов с их жестами и характерными чертами.

Но если бы теперь, после скитания в тумане прошлого, мы захотели подышать более, чистым воздухом и воспроизвести определенные типы, способные выдержать научную критику, – мы очутились бы в большом затруднении.

Всякий из нас, в узком кругу своей личной опытности, мог подметить, насколько различна мимика у французов, англичан, испанцев. Но совсем другое и гораздо более трудное дело – определить и описать эти различия.

Мы ограничимся немногими словами, в надежде, что при этом условии труднее, по крайней мере, наделать ошибок.

Мимика различных народов всецело проникнута наиболее выдающимися у них психическими особенностями.

Культ красоты и горячая любовь к ней – вот наши добродетели; вынужденная необходимость повиноваться в течение нескольких веков маленьким мирским и большим постриженным тиранам – вот наш позор; отсюда и наша мимика, в общем красивая и страстная, остается недоверчивою и не всегда бывает искреннею.

Каждая провинция Италии имеет свой особый способ выражения душевных волнений. Тогда как миланец охотно смеется своим грубым смехом и этим очень походит на кельтов, – житель Кальяри в высшей степени серьезен, так как он сильно испытал на себе испанское влияние. Тосканец – это по преимуществу итальянец, и вот почему он недоверчивее и сдержаннее всех остальных итальянских народностей; неаполитанец делает руками телеграфические жесты; ромашолец груб и откровенен, а римлянин с его движениями, достойными изваяния, как бы постоянно носит на себе невидимо начертанные вещие буквы: S. P. Q.R.

У француза мимика эксцентрическая, быстрая и веселая; мимика англичанина – горделивая и жесткая; у немца она тяжела, доброжелательна и всегда неуклюжа; испанец и португалец жестикулируют мало; их лицо постоянно апатично, часто вследствие азиатского влияния, а больше из опасения скомпрометировать свое достоинство *Hidalgo*. Многие из славянских народов неохотно смотрят прямо в лицо, и мимика у них очень двусмысленна; евреи во всей Европе имеют мимику стесненную и робкую, – всяким своим движением они точно просят прощения за свое существование; кажется, будто они всегда готовы бежать, как кошки, которые высматривают беспокойными глазами в какую дверь или через какую стену можно шмыгнуть. Виною тому, однако же, не сама по себе еврейская раса, а наши преследователи, которые в течение стольких веков были направлены против нее с истинно евангельским благочестием.

Скандинавы имеют грубую и неуклюжую мимику, которую я описал в последней моей книге о Лапландии[90].

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сказать вообще, что в Европе господствует мимика двоякого рода: экспансивная и концентрическая. Первая встречается у итальянцев, французов, славян, русских; вторая – у немцев, скандинавов, испанцев. Можно бы сказать также, что существует мимика изящная, полная грации, как это замечается у народов греко-латинского происхождения, и мимика грубая, крайне угловатая, без всякой округленности; такова она у немцев, англичан и скандинавов.

Нам остается сказать несколько слов о мимике, свойственной некоторым профессиям. Известно, как часто, при виде какого-либо незнакомца, мы восклицаем: «Этот человек должен быть аптекарем! Держу пари, что это священник или переодетый солдат! А этот непременно столяр!» И нередко эти предположения, высказанные на удачу, оказываются верными.

Если в подобных суждениях или, вернее сказать, догадках мы отбросим то, что может зависеть от покроя одежды и манеры говорить, то все остальные признаки будут относиться к области мимики. Таким образом, профессия оказывает изменяющее влияние на выражение нашего лица, равно как на наш характер, наше здоровье и на множество других внутренних и внешних отношений нашего «я».

Всего более видоизменяют мимику такие профессии, при которых ежедневно повторяются одни и те же мышечные движения или известный род мозговой работы. Вот почему я узнаю дрогиста, аптекаря, столяра, священника и солдата легче, чем других членов общества.

Привычка постоянно сидеть за прилавком и выделывать сверточки и пакеты, придает жестам дрогиста весьма своеобразный характер; у аптекаря выступает почти та же черта, но соединенная с важностью чародея, царящего над предрассудками, страхами и тайнами. По той же причине и врач нередко похож на аптекаря, только у него больше стереотипной серьезности человека, который не может и не должен улыбаться среди страданий, почти постоянно происходящих пред его глазами.

Труднее сказать, почему мне удается часто отличать столяра от других мастеров, обрабатывающих и выделывающих разные материалы. Я считаю возможным, впрочем, объяснить это тем, что привычка стругать, сверлить, пилить, проводить линии, отыскивать симметрии в кусках дерева придает мышцам лица особое выражение, остающееся навсегда.

Священник и солдат принадлежат к определенным общественным сословиям; они носят форму и внешние знаки, которые как бы врезываются в их кожу, мышцы и во все их существо. Жест солдата всегда точен, резок, энергичен: жест священника, податливый и плавный, словно парит в высших сферах, населенных херувимами. Солдат, даже в гражданском платье, всеми своими жестами выражает усвоенную им привычку повиноваться или командовать. Священник, даже в светском костюме, удерживает на себе следы рясы и узкого воротника; пальцы его как будто постоянно благословляют или разрешают грехи; его губы точно непрерывно бормочут унылую требу; он вечно находится в каком-то созерцании, словно беспрестанно чует благовоние небесного фимиама или какое-нибудь земное лицемерие. Один из лучших моих друзей, д-р Эммануил Мальфаки, полагает, что священника можно узнать по его нижней губе, всегда выдающейся, а иногда даже отвисшей, и еще по привычке мусолить себе палец, чтобы быстрее переворачивать листки своего молитвенника.

Легко также отличить от всех других людей моряка, кавалериста и танцовщика; само собою понятно, что это зависит от их особенного способа пользоваться своими ногами. Привычка к верховой езде достаточно ясно определяет национальную черту венгров, арабов и народов Аргентинской республики.

У часовщиков, банкиров, нотариусов, адвокатов есть также своеобразные жесты. Но здесь распознавание становится менее верным и довольно затруднительным. По этому поводу можно бы написать не одну любопытную страницу; забавные карикатуры можно бы нарисовать на каждую профессию, но из всего этого наука мало извлечет материала, пригодного для возведения солидных и положительных построений.

Глава XIX. Сдержанность и притворство выражения

[90] Mantegazza, *Voyage en Laponie avec mon ami Sommier,* Milan, 1880.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Мимика есть эффект центробежного тока, исходящего из головного и спинного мозга. Если бы каждому волнению и каждому психическому явлению постоянно соответствовали известные мышечные сокращения или расслабления, то было бы весьма легко определить выразительное значение всякого мимического движения, как только под рукою имелись бы опытные данные, необходимые для составления уравнения. При этом условии мы могли бы не только понять смысл выражения, но даже измерить и степень вызывающей его силы. К сожалению, задача не может быть уложена в эти тесные рамки, так как она оказывается гораздо сложнее. В тот момент, когда волнение готово выразиться известным образом посредством той или другой группы мышц лица, туловища или конечностей, оно часто осложняется противодействующими или умеряющими моментами, под влиянием которых мимика испытывает различные модификации и, в конце концов, при одном и том же волнении может оказаться совершенно измененной. Таким образом, мы утверждаем, что мимически весьма редко выражаются простые волнения, и что, вообще говоря, мы имеем перед собою равнодействующую различных и противоположных сил, взаимно уравновешивающих и видоизменяющих одна другую. В этом состоит главное возражение, которое выставляется против физиогномики, в смысле толкования внутреннего человека, и которое послужило поводом для Лафатера написать его *первый отрывок – об ошибках, приписываемых физиономисту* [91]. Но это было столетие тому назад, когда защитник физиогномики не располагал экспериментальными данными, а также тонкими, строгими, неопровержимыми выводами науки, которые давали бы ему возможность возражать своим противникам с более солидным оружием в руках, проникая в самую сущность дела. Кроме этого затруднения, зависевшего от эпохи, в которую жил Лафатер, он, благодаря своей чувствительной натуре, обыкновенно быстро скользил по поверхности явлений, чтобы насладиться пылом того чувства, какое они ему внушали.

> Мы согласны, что физиономист иногда заблуждается; однако, мы твердо убеждены в том, что подобные заблуждения указывают только на недостаток в нем проницательности, но отнюдь не доказывают, что наука, которою он занимается, сама по себе ложная. Построенное на ошибках физиономиста заключение, будто физиономика вообще не заслуживает никакого доверия, было бы равносильно утверждению, что разум – химера, потому что и всякому разумному человеку случается иногда поступать вопреки требованиям разума.

Лафатер и другие, менее известные физиономисты, по отношению к причинам, сбивающим с толку наши суждения о мимике, занимались почти только одним притворством, хотя на самом деле есть, кроме этого, много и других противодействующих факторов. А так как, с другой стороны, физиономисты постоянно смешивали анатомию с мимикой, другими словами, явления стойкие с изменяющимися, то понятно, что они могли только слабо защищаться от нападений своих противников.

Сложные мимические эффекты можно наблюдать у наиболее смышленых и близких к нам по развитию домашних животных. Положим, что собака была несколько раз наказана за то, что вскакивала на стол и хватала поставленное там мясо. Затем ей предлагают вкусный кусок на блюде и ставят его перед нею. Казалось бы, собака должна в этом случае проявить самую простую мимику стремления к еде и к удовольствию; но ведь в то же время она вспоминает и полученные суровые внушения; и вот попеременно она то взглядывает на мясо, виляя хвостом, то бросает на вас вопрошающей и подозрительный взор, время от времени мимика ее прерывается, и она смотрит в пространство, точно она отвлечена и озабочена чем-то посторонним. Такая картина живо представляет выражение удовольствия, возмущенного страхом. И конечно, это не единственный пример, представляемый животными. Я сошлюсь в этом отношении на охотников, которым приходится наблюдать сотни подобных картин, или на тех людей, которые держат у себя смышленую кошку и могут постоянно следить за хитрыми повадками этого домашнего тигра.

У человека простое и откровенное выражение всегда усложняется и видоизменяется актом воли; но и воля, в свою очередь, может испытывать колебания под влиянием какого-нибудь психического и изменчивой природы.

Вот несколько примеров.

---

[91] Lavater, *op. cit,* t. II, p. 1.

Стыдливость, особенно у женщины, которой она более присуща, нежели нам, мужчинам, может видоизменять или даже совершенно скрывать любовное сладострастие. Таким образом, чувство стыдливости открывает нам несколько картин высшей эстетики, где удовольствие то одерживает верх и опрокидывает все преграды, противопоставляемые волей, то стыдливо прячется под покров благородного лицемерия. В других случаях, напротив, желание обмануть товарища наслаждений или понравиться ему может заставить более или менее искусно подделать порывы страстного влечения, которого вовсе не чувствуют.

Иногда также мужество или самолюбие являются как бы укротителями мимики страдания, – и вот на спазмолически сведенном лице блестит насильственная улыбка, или же достигается желанная неподвижность, налагающая узду на самые сильные и непреодолимые мышечные сокращения. В этом отношении я отсыпаю читателя к моей «Физиологии страдания», где целая глава посвящена исследованию некоторых фактов, задерживающих развитие выражений страдания. Ради того, чтобы дополнить предлагаемый эскиз, да позволено мне будет напомнить здесь важнейшие из моих заключений. Самые выдающиеся признаки притворных выражений страдания следующие:

1. Выражение почти всегда преувеличено и непропорционально причинам, вызывающим страдание.
2. Лицо не обнаруживает бледности, а мышечные возмущения имеют перемежающийся характер.
3. Кожа сохраняет свой нормальный цвет.
4. Недостает гармонии в мимике, при этом заметны такие сокращения и расслабления известных мускулов, которых никогда не бывает при настоящем страдании.
5. Пульс ускорен вследствие усиленного напряжения мускулов.
6. Достаточно неожиданного удивления или какого-либо предмета, который обратил бы на себя внимание, для того чтобы вся страдальческая мимика вдруг исчезла.
7. Иногда сквозь слезы, рыдания и самые глубокие вздохи случается заметить блеск мимолетной улыбки, обнаруживающей, быть может, злобную радость, что удалось провести своего ближнего.
8. Мимика почти всегда бывает эксцентрическая, при этом замечается полное отсутствие концентрических форм выражения.

Это аналитическое исследование дает нам, между прочим, метод, с помощью которого можно наблюдать и описывать проявления всех остальных форм мимического лицемерия.

Притворное удовольствие, например, выражается принужденным смехом, глубокими и продолжительными вздохами, вылетающими невпопад и без меры. Притворный гнев сказывается усиленными движениями членов и принужденным сокращением бровей, между тем как губы невольно улыбаются, а глаз смотрит в другую сторону.

Все притворные выражения могут быть сведены к двум типам:

Преувеличение слабого волнения или имитация волнения не существующего.

Ослабление мимического выражения или полное угнетение (скрытие) этого выражения.

Стараясь преувеличить мимику, мы почти всегда хватаем через край и выходим за пределы вероятного. Это упражнение в лицемерии нас утомляет; поэтому, мы часто отдыхаем, и в эти промежутки, сами того не замечая, нередко примешиваем к избранной нами роли мимику диаметрально противоположную.

Так, однажды я видел, как одна женщина при получении наследства от своего брата, билась головою о стену и рыдала, прикидываясь неутешной, а потом вдруг залилась смехом. Точно также, когда выражают напускное религиозное чувство, притворное удивление или сострадание, может случиться, что при этом вырвется внезапно циничный или язвительный смех, или промелькнет смешная гримаса поддразнивания языком.

Преувеличивание выражения, беспорядок в движениях, заметные перемены – вот самые выдающиеся признаки мимики, которая стремится выразить больше, чем сколько чувствуется на самом деле, или уверить в существовании такого волнения, которого совсем нет на лицо.

Есть, впрочем, и другой признак, еще более постоянный, но, вследствие своей тонкости, большей частью ускользающий от внимания заурядных наблюдателей.

Из всех мускулов более всего подчинены нашей воле мускулы туловища и членов; лицевые мышцы уже не так ей повинуются, глазные же – самые независимые из всех. Вот почему в притворном выражении

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

является столько движений руками и ногами, столько сокращений лицевых мускулов, в то время как глаз мужественно сопротивляется лжи или, по крайней мере, поддается ей последним. Вы видите ураган в миниатюре, перед вами целая буря конвульсий; но глаз остается неподвижным и апатичным – и этого достаточно, чтобы обнаружить тайну притворства. Слезы очень редко текут из глаз при напускном страдании, и только разве некоторые женщины, по истине гении лжи, умудряются иной раз проливать настоящие слезы, не испытывая ни малейшей печали. В обыкновенном состоянии, слезные железы не повинуются нашей воле; но, путем длительных упражнений, их тоже удается подчинить себе и приурочить к известному порядку; тогда они начинают выпускать свою драгоценную влагу, как только в этом представится надобность отъявленному лицемеру, желающему обмануть ближнего.

Приучившись с детства выражать то, чего не чувствуешь, можно сделаться великим артистом лицемерия; но и достигшие в этой области первоклассного таланта все-таки постоянно боятся потерпеть неудачу в своем искусстве, так как чувствуют разницу между искренним чувством и разыгрываемой комедией. Отсюда – неудержимая склонность к преувеличиванию, беспрестанное сомнение относительно удовлетворительности своей мимики и потребность усиливать ее криками и словами. Сильная скорбь почти всегда безмолвна, и самое большее, если она сопровождается такими жизненными явлениями, которые можно бы назвать автоматическими, и к которым относятся, например, вздохи и стоны; наоборот, волнения притворные чаще всего бывают красноречивы и сопровождаются большими взрывами болтливости.

Наоборот, если с какой-нибудь целью стараются скрыть волнение, то прибегают к совершенно противоположным приемам.

Прежде всего, является стремление ограничить область мимики, при этом, естественно, начинают с таких мускулов, которые быстрее и легче всего подчиняются нашей воли. Прежде всего, стало быть, приостанавливают движения ног, рук, туловища, шеи. По мере того как возрастает умеряющее действие мозговых полушарий, мимическое поле все более и более суживается, так что прекращаются даже движения мышц рта и щек, пока, наконец, выражение не очутится в границах той последней территории, которая во все времена и на всех языках недаром называлась *зеркалом души*.

Именно в области глаз происходит решительная битва; они представляют собою последнюю крепость, где выражение сосредоточивает все свои силы и часто остается победителем, хотя бы оно уже покинуло все остальные области мимики. Толпа, которая смотрит на вещи поверхностно, скажет теперь, что волнение прошло, или что его вовсе не было, и скажет это потому, что она видит неподвижность членов и туловища и бесстрастное выражение лица; но более внимательный наблюдатель найдет, что в глазах собраны теперь все силы, рассеянные перед ним на обширном пространстве, и справедливо признает, что в данном случае волнение еще очень сильно, но оно всецело сосредоточено в тесной крепости.

Иногда с помощью лицемерия или героизма (ибо, рассуждая о физиологии известного явления, можно не принимать в соображение нравственной его стороны) удается наложить тормоз на все мимические мышцы туловища и конечностей, но тогда на сцену выступает противоположная мимика. Мы донельзя огорчены и оскорблены, а между тем смеемся и оживленно двигаем пальцами, шеей или ногами. Все наше тело выражает удовлетворение; только один глаз молчит и сопротивляется этой оргии криводушия. Но вот вдруг две крупные слезы катятся по щекам и выдают тайну грустной борьбы, которая только что происходила. Великие живописцы и драматурги умеют воспроизводить все сокровенные красоты этих возвышенных картин; нам же, не причисляющим себя ни к живописцам, ни к актерам, приходится изучать эти усложнения мимики, чтобы иметь возможность лучше ориентироваться в жизни.

Я не раз подмечал, как некоторые дети, казавшиеся сильно углубленными в свои занятия, предавались своим порокам, при чем я следил только за выражением их глаз, которые одни выдавали то, что удавалось скрыть остальным частям тела.

Сосудодвигательные нервы, в свою очередь, почти или совершенно не подчиняются воле. Поэтому, на внезапную красноту или бледность лица также следует обращать большое внимание: та и другая часто невольно выдают известное волнение, хотя бы во всей остальной мимической области и даже в сфере глаза нельзя было открыть ни малейших его следов.

Если во время оживленного разговора в театр или в бальную залу неожиданно войдет лицо, которому отдается предпочтение, то можно сказать, наверное, что в девяноста случаях из ста влюбленная в него женщина внезапно покраснеет или что случается гораздо реже, побледнеет. Ни одним знаком удивления,

никакой улыбкой, никаким движением она не приветствовала этого появления, исключая, быть может глаза, который закрылся, или века, которое опустилось, с тем, чтобы скрыть внезапный блеск этого зеркала души; но сосудодвигательные нервы должны были уступить волнению и вызвали краску или бледность лица.

Если при входе в залу возлюбленного мужчины не изменяется цвет лица и не опускаются веки у любимой женщины, то одно из двух: или она его не любит, или уже успела дойти до такого совершенства в лицемерии, что можно усомниться, бьется ли еще сердце в ее груди.

Мужчины с твердою волей и женщины, слишком долго упражнявшиеся в притворстве, вытеснив мимику в последнее ее убежище, т. е. в глаза, иногда одерживают над ней победу даже в этой неприступной крепости, так что внутреннее пламя уже никоим образом не может вырваться наружу. Но когда таким образом закрыты все клапаны мимического выражения, почти всегда случается, что один из членов (нога, рука, палец) внезапно поражается ритмической судорогой и начинает правильно выбивать такт. По большей части ударяют пальцем по какому-нибудь твердому предмету, таким образом, чтобы это производило шум, или же постукивают ногою о землю. Реже наблюдается тяжелое, затрудненное дыхание, которое может даже превратиться в свист.

Явления эти нередко можно проверить в тех случаях, когда стараются скрыть гнев. Последний тем сильнее, чем чаще повторяются ритмичные удары, заменяющие в данном случае обычную экспансивную мимику, особенно если она сопровождается затрудненным дыханием. Кажется, что в этом случае не только в переносном смысле тут ключом кипит закрытый котел, который может ежеминутно лопнуть, но что действительно дело идет о полоненной силе, вырывающейся из своей тюрьмы с бешенством, тем более ярым и стремительным, чем теснее найденный ею выход.

Во всех этих случаях притворства и скрытности дело идет, в сущности, о проявлении мышечной силы или, самое большее, о сопутствующих ему отдельных феноменах, каково, например, проливание слез; но существуют и другие, более глубокие и вместе с тем более темные для нас трансформации силы, при которых явление чисто мимическое переходит в психические, более возвышенные сферы. Не желая выходить из пределов темы, которой посвящено это сочинение, мы должны, однако, исследовать, каким образом означенные явления могут быть связаны с мимикой.

Довольно часто усилие, сделанное с целью скрыть волнение, бывает настолько громадно, что, продлись оно несколько дольше, оно непременно вызвало бы глубокие расстройства в нервных центрах. Сила мимики, не находя себе исхода в мышечной системе, стремится уже в область мысли и создает здесь новые и мощные выразительные формы. Положим, что в залу входит мужчина и любящая его женщина не выкажет никакого волнения; но из молчаливой она вдруг сделается чрезвычайно разговорчивой, а если перед тем она участвовала в разговоре, но равнодушно, то теперь она начнет говорить с воодушевлением; звук ее голоса изменяется и может даже сделаться музыкальным. Чаще всего она забывает предмет разговора, и по какой-то странной, причудливой ассоциации идей принимается болтать о сотне посторонних вещей, не имеющих отношения ни к предмету общего разговора, ни к обществу, в котором она находится. Неожиданные ласки к ребенку, которого она до тех пор не замечала; внезапное восхищение картиной иди мебелью, мимо которой она проходила сто раз без всякого внимания, – вот очень драгоценные и важные признаки, указывающее нам на то, что волнение было очень сильно, но, не имея возможности вылиться в естественное мимическое выражение, оно вторглось в сферу мысли и чувства и вдруг пробудило там необычную и беспорядочную деятельность.

Власти, творящие суд; матери, воспитывающие своих детей; девушки, начинающие любить; женщины, дерзающие оставаться наедине с развратниками; президенты, составляющие министерство, – все вы, отыскивающие на человеческом лице следы виновности или невинности, любви или измены, опасности, самолюбия или ложной скромности, должны изучать самым тщательным образом те факторы, которые умеряют мимику и делают ее изменчивой.

Глава XX. Способы оценки степени и силы волнения при помощи мимики

Лицо почти неподвижное не выражает ничего; лицо очень подвижное может выражать сильное волнение; лицо же совершенно неподвижное способно выразить самую высшую степень волнения.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Я не плакал, но все у меня окаменело внутри.

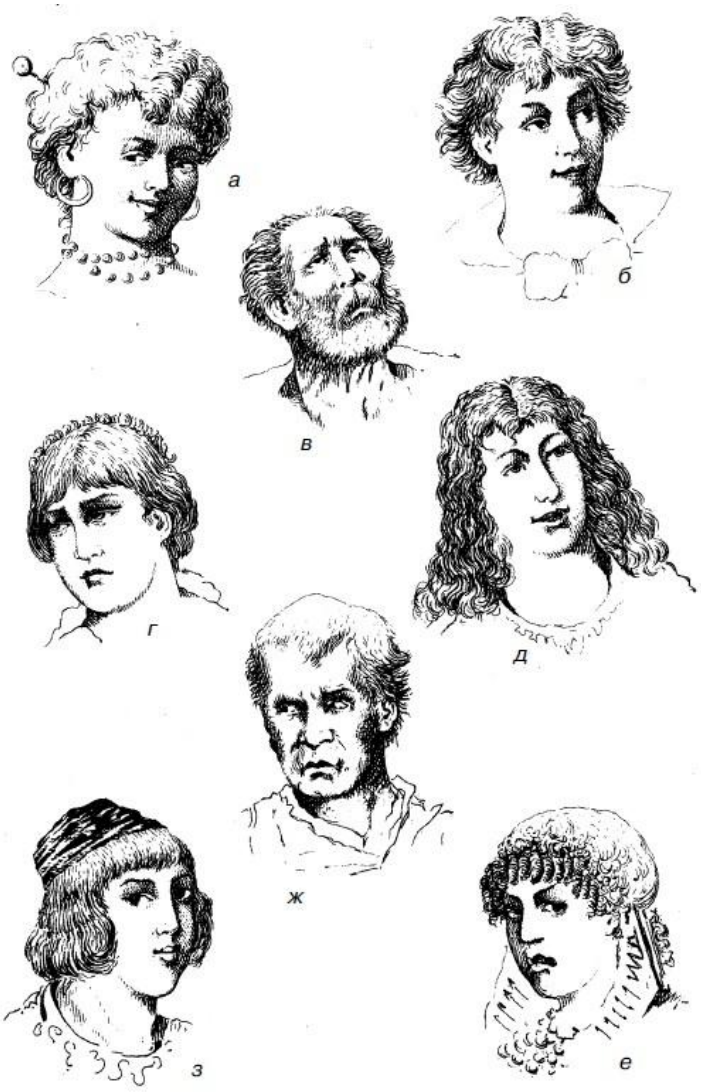
Вот стих, памятный всему миру и показывающий, что наш великий поэт был вместе с тем и глубоким наблюдателем. В то же время он нам доказывает, до какой степени трудно измерять напряженность волнения по известной степени мимики. Не подлежит никакому сомнению, что и в мимике крайности тоже сходятся, и что циничный смех может сопровождать мучительное страдание, подобно тому как слезы порою служат знаком величайшей радости.

Проникая своим скальпелем глубже, мы узнаем, что запутанность отношений не так велика, как это казалось с первого взгляда. Лицо, сделавшееся неподвижным под влиянием чрезмерного волнения, приходит в состояние непрерывного или титанического сокращения, тогда как на лице, лишенном выразительности или безразличном, мышцы находятся в состоянии полупокоя, при котором не происходит ни малейшего нарушения равновесия ни между мышцами поднимающею и опускающею губу, ни в сфере мускулов, направляющих глазное яблоко в ту или другую сторону горизонта. Безразличное лицо представляем общую, но не спазмолическую неподвижность, при чем на нем не замечается никаких характерных расслаблений, а также никаких специальных сокращений. Омнибус – одно из лучших мест, где удается наблюдать некоторые образчики таких безразличных или нейтральных физиономий; но при этом следует оговориться, что вполне индифферентные лица встречаются весьма редко. Малейшей степени внимания, скуки, удовольствия или страдания, простого вспоминания смешного слова или тяжелой сцены уже достаточно, чтобы придать глазу более блеска, чтобы заставить приподнять или опустить угол рта и таким образом вызвать на лице легкую мимическую игру. Безусловно, отрицательное выражение на лице человека, который не спит, встречается до такой степени редко, что даже на полотне или мраморе, в портретах, снятых без намерения передать какую-нибудь страсть, – словом везде мы непременно отыскиваем ту или другую черту, раскрывающую мысль, характер, и вообще известные следы психического акта. И чаще всего подобная черта действительно существует, так как многократное повторение одного и того же выражения рисует или высекает ее на лице, и если живописец или скульптур – не простой копировальщик носов и ушей, он обязан воспроизвести те черты физиономии, которые относятся к области мимики. Это так же верно, что, рассматривая известный портрет, мы каждый раз ищем это выражение: если мы его не находим и следовательно не можем сказать, что физиономия выражает ум или вдохновение, или же что она похотливая, печальная или веселая, то мы говорим, что данное лицо – тупое, а это для нас почти синоним лица вполне апатичного и лишенного всякого выражения.

Один из моих ближайших друзей до того не общителен, что мимика его отличается поразительно слабой выразительностью: но когда он читает или слышит что-либо, способное вызвать в нем удивление, он вытягивает в вертикальном направление туловище, – все равно, сидит ли он или стоит, – и этим простым движением выражает свое волнение и удивление.

Из состояния полной апатии, соответствующей нулю, постепенно, шаг за шагом, переходят к выражению высших степеней сладострастия, отчаяния, гнева или любви.

Таблица 7



Степени выражения: а, б – удовольствия, в, г – страдания, д, ж – любви, з, е – ненависти.

Независимо от природы чувства, которое движет нами, сила душевного волнения определяется следующими данными:

1. Силою сокращений мимических мышц.
2. Устойчивостью этих сокращений.
3. Распространением движений в смысле более и более обширных мимических кругов.
4. Быстротою чередования периодов сокращения и расслабления.

Обыкновенно напряженность волнения измеряется силою сокращений. На таблицах, приложенных к этому сочинению, можно видеть первые следы развивающейся улыбки и смех во все горло, легкое облако скорби и жестокое страдание, равно как и различные степени ненависти и любви, выражающиеся по преимуществу количественным различием мышечной энергии, присущей мимическим движениям.

Акт стискивания челюстей, прижимаемых одна к другой, есть один из самых верных признаков гнева; но от простого закрытия рта постепенно переходят к скрежету зубов и, наконец, к спазмолическому сокращению мышц, какое мне случилось однажды наблюдать у одной женщины в припадке ревности.

Устойчивость мимического явления служит менее надежным признаком, ибо самые сильные волнения длятся недолго. Вообще, однако, если дело идет о сильном, но не чрезмерном волнения, устойчивость выражения может свидетельствовать о напряженности соответствующего психического явления. Продолжительные слезы обыкновенно сопровождают затяжные страдания (при прочих равных условиях), а долго не умолкающий смех едва в состоянии освободить нас от того сильного напряжения, которое вызывается в нас очень комической или смешной сценой.

Распространение мимики в форме все более и более расширяющихся кругов может, пожалуй, служить более точным мерилом силы волнения. Сначала мимическая картина выражается небольшим числом мышц, затем выражение распространяется на мышцы все более и более отдаленные и, наконец, оно становится всеобъемлющим.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

То, что происходит в подобном случае, напоминает те центробежные круги, которые образует на поверхности озера камень, брошенный в него.

Это прогрессивное распространение мимики можно изучать, наблюдая улыбку, которая в начале едва сокращает поднимателя верхней губы, а впоследствии превращается в смех, в котором участвуют все мышцы лица, равно как грудобрюшная преграда и дыхательные мышцы грудной клетки и шеи; когда смех становится неумеренным и чрезвычайным, то в сотрясение приходят руки, ноги и мышцы туловища, и, в конце концов, данное волнение, выйдя из пределов цереброспинальной системы, вторгается, по-видимому, в сферу сочувственной нервной системы и обусловливает непроизвольные отделения мочи и кишечных газов.

Распространено мимических кругов следует известным законам сопредельности и симпатии. На лице это происходить, как кажется, просто вследствие смежного расположения мышц, с чем неизбежно совпадает и смежность соответственных нервно-двигательных (эксцитомоторных) центров. После лица следует шея, которая тоже часто приходит в движение, затем руки, далее туловище и, наконец, ноги.

Вообще говоря, высокое искусство представляет больше мимики, чем искусство второразрядное, а возрастающая напряженность речи и воли сопровождается даже движениями рук и ног. Впрочем, в некоторых случаях, сочувственное сообщение между мимическими кругами происходите скорее вследствие соответствия отправления, чем благодаря смежности выразительных мускулов. Таким образом случается, что сладострастная мимика лица, по мере того как волнение становится более сильным, вызывает сочувственное возбуждение в мышцах таза и нижних конечностей прежде, чем в мускулах руки, не смотря на то, что эти последние отличаются большею выразительностью.

Плечо и рука – это настоящие орудия мимики: они совершенствуют, утончают, и дополняюсь мимическую деятельность лица. К поцелую, который обрисовывается на губах, примешивается либо улыбка, либо соединение рук в знак обожания. При изумлении, вместе с широким раскрытием рта и расширением глаз, происходить переплетение пальцев рук. К губам, сжатым под влиянием пива, присоединяются стиснутый кулак и горизонтально протянутая рука и т. д.

Как ни разнообразны отправления мышц лица, туловища и конечностей, тем не менее, при распространении мимического выражения по различным мышечным областям общий характер известной выразительной формы постоянно сохраняется. Таким образом, внезапная и сильная радость, вызывая на лице движения исключительно центробежного свойства, вместе с тем неудержимо заставляет широко расставлять руки, потом ноги. И наоборот, жестокая печаль, придавая всем мышцам лица одно общее центростремительное направление, заставляет приблизить к средней линии тела как руки, так и нижние конечности. Это зависит оттого, что выражение удовольствия всегда центробежно, а выражение страдания всегда центростремительно.

Расширение мимического поля соответственно возрастающему напряженно волнению представляет собою один из главных законов, управляющих распространением движений, и в основе этого закона лежит весьма простое, элементарное физическое явление. Небольшого числа нервов и мышц не хватило бы для распространения и превращения данного количества психического движения. И вот, после того как истощены все средства цереброспинальной и симпатической нервной системы, мимические акты иногда, по-видимому, стремятся выйти из нас наружу, при чем мы сочувственным образом вовлекаем в движение внешние, окружающие нас предметы, как одушевленные, так и неодушевленные. Как часто человек, опьяненный счастьем, в период наибольшего напряжения мышц своего тела заставлял танцевать стулья и столы своей комнаты, а также своих друзей, если только они находились под рукою! В других случаях, те же предметы, попадая в наше распоряжение, становятся как бы метательными снарядами, которые в припадке страдания или ненависти мы далеко отбрасываем от себя с большой центробежной силой.

Следующая схематическая фигура представляет графически распространение мимических кругов, в том виде, какое оно имеет в большинстве случаев; начинаясь с лица, движение переходит на шею, руки, туловище, нижние конечности и, наконец, в бессознательную область своей чувственной нервной системы.

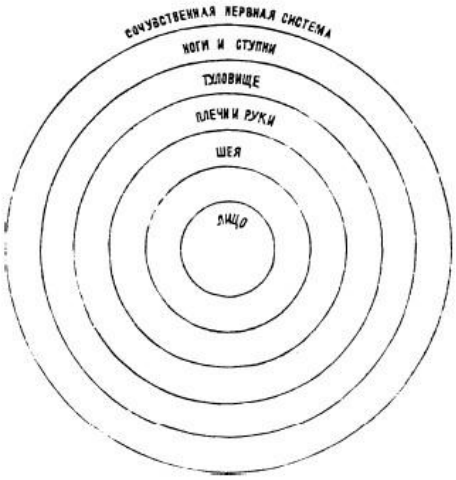


Рис. 3

Последний критерий, весьма важный для измерения силы волнения, заключается в быстроте чередования мимических сокращений и расслаблений, т. е. в последовательной смене различных мимических картин. Здесь напряженная сила центрального движения, сопровождающего данное волнение, благодаря именно такой смене, находит возможность освободиться к несомненной пользе нервных центров. Это чередование особенно ясно можно наблюдать при выражениях страдания: за слезами следуют рыдания, стоны, крики, вздохи, вздрагивания, и все эти явления могут следовать одно за другим в различном порядке.

Таким образом, спазмолический и удушливый смех может чередоваться с воплями и различного рода конвульсиями.

Когда все четыре элемента, исследованные нами порознь, соединяются вместе и сочетаются между собою, тогда уже в одной мимической сцене находятся налицо все доказательства сильной напряженности волнения. Действительно в одно и тоже время могут проявиться сильные сокращения и сокращения продолжительные, а также широкое распространение мимических явлений и последовательная смена различных картин.

При самых высших степенях волнения ни одно из этих условий само по себе, ни все четыре, взятые одновременно или последовательно одно за другим, не оказываются достаточными для полного воспроизведения мимической картины. В этих случаях имеет место паралитическая форма выражения, вызываемая истощением нервных центров и усталостью мимических мышц. Отсутствие движений может быть абсолютным или почти полным. Но это уже совсем не та неподвижность, какую представляет тот, у кого все внутри окаменело; это скорее неподвижность мнимой смерти. Много, если при этом замечается несколько характерных следов того волнения, которое привело нас к такому крайнему состоянию. Крик – я умираю – одинаково может служить выражением как крайней степени удовольствия, так и чрезмерного страдания; обморок может быть последним финалом яростного гнева, равно как неистовой зависти, или обманутого честолюбия. Глубокий наблюдатель в подобных случаях всегда может открыть истинную причину этой высшей мимической катастрофы. Великие художники умеют изображать различным образом, но одинаково хорошо Франциску де Римини в тот момент, когда она в объятиях Павла перестает читать роковую книгу, и христианскую мученицу, падающую в обморок от ужаса пред секирою палача.

Глава XXI. Пять критериев относительно человеческого лица

Критерий физиологический. Вид здоровый и болезненный. Патологические физиономии

Человеческое лицо представляет нам такое обширное поле для наблюдений, что с самого детства мы привыкаем считать его важнейшим предметом среди всего одушевленного, окружающего нас мира. Можно сказать, что самый первобытный дикарь, более всего похожий на обезьяну, все-таки, будучи животным общительным, чувствует потребность прямо смотреть на другого дикаря с тем, чтобы читать на его лице угрозу или любовь, желание или страдание. Наши дети, с самого юного возраста, не получившие еще

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

никакого воспитания, очень скоро приобретают достаточно опытности для надлежащего понимания языка человеческой мимики: в этом отношении они обладают даже удивительной проницательностью, так что могут угадывать наши желания, дурное расположение духа, наши подозрения, прежде чем мы выразим все это словами. Эта опытность из году в год совершенствуется и, в конце концов, создает в каждом из нас известный физиономический талант, который, начиная с бессознательного толкования наиболее автоматических явлений, постепенно возвышается до самого утонченного распознавания морщин, улыбок и слез. Это и есть обильная жатва, откуда наука должна выбрать несколько содержащихся в ней спелых и здоровых зерен, отделивши их от всей мякины легкомысленных догадок, и предположена, от всей туманности того инстинкта, который умеет только предчувствовать истину, но не способен передать ее в ясных и точных выражениях.

Бросив взгляд на человеческое лицо, мы сразу, пожалуй, не заметим цвета глаз, формы подбородка или длины носа; но почти всегда мы в состоянии при этом сформулировать нисколько суждений, относящихся к одной из следующих пяти главных проблем, представляемых лицом каждого человека.

1. Состояние здоровья или болезни.
2. Степень красоты или безобразия.
3. Нравственные качества.
4. Умственные качества.
5. Раса.

Эти пять проблем приводят к пяти различным критериям, которые мы можем применить к человеческому лицу, а именно:

1. Критерий физиологический.
2. Критерий эстетический.
3. Критерий нравственный.
4. Критерий умственный.
5. Критерий этнический.

Когда я имел удовольствие считать в числе своих учеников несколько интеллигентных молодых людей, слушавших курс филологии и философии во флорентийском институте высших наук, я старался поощрять в них дух наблюдательности. Обыкновенно одни только натуралисты тренируют в себе эту способность, а между тем для всех, желающих изучать психические явления, тоже было бы необходимо развивать ее в себе путем правильного, рационального упражнения. Вместо этого, именно в силу того, что названные явления сложны и неясны, они предоставляются произволу эмпирических догадок, или же их стараются постигнуть на крыльях метафизического Икара.

Вот каким образом я тренировал моих молодых людей: я клал перед ними хороший фотографический снимок мужчины или женщины и предлагал им высказать об этом незнакомом лице троякого рода суждение: эстетическое, нравственное и интеллектуальное. Я не ставил им задачей определение здоровья или расы, потому что для оценки первого фотография представляет разве лишь недостаточные данные, а второе – требует этнологических познаний, которыми эти молодые люди не обладали. Собрав сведения, заключавшая в себе троякий приговор, я обсуждал их вместе с моими учениками, спрашивая последних о мотивах высказанных ими суждений; затем, делая выкладки из этих цифр, я составлял свою статистику. Во избежание сбивчивости при таких суждениях, я предложил употреблять только три формулы для каждого определения: *красивый, безобразный* и *посредственный* – в эстетическом отношении; *добрый, злой* и *посредственный* – в нравственном; *умный, глупый* и *посредственный* – со стороны умственного развития.

Вот результат моих экспериментов, сгруппированный в одной таблице, которая доказывает всю пользу подобного рода исследований. Когда теоретическая философия, мораль, метафизика и множество других ложных наук, следуя естественному закону развития, преобразуются в *экспериментальную психологию,* тогда чувство и мысль будут изучаться только этим методом.

Оказывается, что наибольшее число согласных показаний дано в области нравственной оценки и меньше всего в области умственной; эстетическая оценка занимает середину – и это совершенно естественно.

Чувства оставляют на нашем лице более глубокий и более характерный след, чем мысль, а с другой стороны, выражение последней может совершенно исчезнуть в фотографии. Большинство наших фотографов обладают драгоценной способностью превращать в идиота гениального человека, будь это Данте или Шекспир. Кстати, я всегда буду вспоминать одного смелого фотографа, который, желая мне всякого добра, добивался с помощью различных манер и артистических поз сделать из меня Аполлона или Байрона. Как он ни старался осуществить эту мечту, но в каждом новом портрете получалось все больше и больше безобразия и тупости выражения. Я ему не мешал и, насколько хватало у меня терпения и снисходительности, покорялся пытке, которой он меня подвергал, имея лучшие и самые чистые намерения. Наконец, после десятой или одиннадцатой пробы я сказал этому усердному другу: «На этот раз вы все-таки достигнете своей цели и получите тип совершенного кретина».

	Суждения о физиономии									Число голос.
	Эстетическое			Нравственное			Умственное			
	красив.	посред.	безобр.	добрая	посред.	злая	умная	посред.	глупая	
Тьебо	46,2	15,4	38,5	38,5	23	38,5	61,5	15,4	23	
	6		5	5	3	5	8	2	3	13
Австралиец	16,7	8,3	75	41,7	-	58,3	16,7	8,3	75	
	2	1	9	5		7	2	1	9	12
Римская женщина	90	10	-	70	20	10	70	20	10	
	9	1		7	2	1	7	2	1	10
Римский крестьянин	33,3	41,7	25	8,3	8,3	83,3	66,7	16,7	16,7	
	4	5	3	1	1	10	8	2	2	12
Сиамская женщина	13,3	73,3	13,0	66,7	26,7	6,7	33,3	46,7	20	
	2	11	2	10	4	1	5	7	3	15
Негр из Занзибара	-	-	100	-	11,1	88,9	22,2	-	77,8	
			9		1	8	2		7	9
Маленькая балийская девочка	-	72,7	27,3	72,7	18,2	9,1	27,3	45,4	27,3	
		8	3	8	2	1	3	5	3	11
Маленькая японская девочка	77,8	22,2	-	88,9	11,1	-	33,3	55,6	11,1	
	7	2		8	1		3	5	1	9
Мужчина с Коромандельского берега	40	30	30	30	10	60	50	40	10	
	4	3	3	3	1	6	5	4	1	10
Средн. относ. цифры	317,3	273,6	309,1	6,8	128,4	354,8	381,0	248,1	270,9	
	900			900			900			

Есть и другая причина, вследствие которой наши суждения часто гармонируют между собою в деле нравственной оценки человеческого лица, а именно привычка, начало которой кроется в самом раннем детстве, направлять свою наблюдательность в этом смысле. Ничто нас так не интересует, как знание того, чего можно ждать, с хорошей или дурной стороны, от известной женщины или от известного мужчины, которых мы приближаем к себе. Для нас гораздо важнее знать о человеке, добрый ли он или злой, лживый или искренний, чем насколько он красив или умен. Чтобы убедиться в этом, притворитесь только, будто вы журите своего ребенка, и старайтесь при этом выражать на своем лице попеременно знаки то гнева, то расположенности. Ребенок будет смотреть вам прямо в лицо и изучать вас бессознательно, но глубоко; со своей стороны, он начнет производить над вами эксперименты, улыбаясь, когда вы будете серьезны, и, удерживая свою серьезность, в то время как вы улыбнетесь, с тем чтобы узнать, действительно ли вы сердитесь или шутите. Тот же опыт вы можете повторить с умной собакой, и, видя, что тут получается то же самое явление, вы убедитесь (если еще имеете в этом надобность), что азбуку мимики нужно искать у детей и у собак, а не на высотах метафизики.

В тех случаях, когда дело идет об эстетической оценке, субъективные влияния вносят сбивчивость в наши суждения; за исключением случаев редкой красоты или крайнего безобразия, разногласия встречаются на каждом шагу.

Из нашей таблицы вытекают еще два других заключения. В суждениях относительно сильных выражений сходятся все; но различия мнений выступают очень резко, коль скоро дело идет о выражениях менее определенных. Точно также я могу заметить, что суждения всего более согласуются между собою, когда речь идет об индивиде нашей расы, и, наоборот, до крайности расходятся, когда мы говорим о людях,

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

принадлежащих к такому типу, который с морфологической точки зрения сильно уклоняется от нашего.

Так, например, при определении красоты миловидной маленькой римлянки, из десяти мнений девять получилось согласных, и только одно признало ее красоту посредственной. Напротив, Тьебо один из двух Аккасов, находящихся в Вероне, был признан красивым шестью голосами, безобразным – пятью, посредственным – двумя. Однако же, если красота или безобразие выступают очень резко, то значение этнического элемента отходит на задний план, и наши суждения оказываются согласными. Вот почему негр из Занзибара был всеми единодушно признан безобразным, а маленькая японка названа красивою семью голосами из девяти.

Я не собирал при своих наблюдениях цифровых данных относительно такого рода суждений, которыми, на основании исследования лица, определяется состояние здоровья или болезни. Но я могу утверждать, что в этих суждениях, называемых мною физиологическими, существует больше согласия, чем где бы то ни было; это, быть может, зависит оттого, что оценка в данном случае составляется легче, а может быть и оттого, что мы постоянно упражняем в этом отношении свою наблюдательную способность. Что-то невероятное представляет собою то совершенство, которое могут достигнуть наши чувства, когда они постоянно упражняются в одном и том же направлении, или когда наше внимание сильно напряжено вследствие особых побуждений. Сколько раз приходиться слышать суждения: «О, какой здоровый вид и право, приятно смотреть» или «О, несчастный, какой у него жалкий вид ему остается прожить всего несколько дней» и т. п. Более всего странно то, что подобного рода эмпирические суждения заключают в себе огромную ценность, часто такую же, как и в приговоре, произнесенным людьми науки.

Если вы спросите людей, незнакомых с медициною, на чем построены их определения, относящиеся к здоровью, вы еще более удивитесь вескости простого наблюдения. Все те основания, которыми они руководствуются, заключают собой половину физиологии и патологии. Тут будут приняты в соображение и условия *питания,* и состав *крови,* равно как гармония и сила *инервации* многочисленных мышц, заправляющих движениями глаза и остальных частей лица.

И эти немногие стенографические знаки, добытые народным опытом, воспроизводят столько явлений нашей жизни, что могут служить для нас надежными критериями при составлении верных суждений.

Говоря о прекрасном цвете лица, что подразумевают, как, не кровь, достаточно снабженную шариками, в количестве которых нет ни недостатка, ни избытка, и циркулирующую с надлежащей быстротой в сосудах кожи лица? И наоборот, что подразумевают под дурным цветом лица, как не порочное смешение крови, с очень скудным или чересчур большим содержанием различных составных частей? И простой люд совершенно здраво рассуждает, что в надлежащем составе и в правильном обращении крови заключается большая половина условий для обладания прекрасным здоровьем.

Лицо ни худое, ни жирное может выражать, по всей вероятности только одно – именно, что хорошее питание не истощает тела перевесом расхода над приходом, равно и не обременяет его чрезмерным избытком последнего. С другой стороны, не служит ли исхудание лица выражением такого упадка питания, который мало-помалу приводит к смерти?

В основу эмпирического представления, сложившегося в народе относительно здорового вида, входят не только свойства крови и общее питание, но также известная оживленность мышц, которые, подобно хорошо вооруженным солдатам, готовы в каждый данный момент приступить к действию. Эта оживленность лица – явный признак того, что нервные центры находятся в возможно лучшем состоянии. А при таких условиях, когда человек обладает хорошей кровью, хорошим питанием и сильной иннервацией, как ему не быть здоровым, и как нам не испытывать возникающего в нас удовольствие при взгляде на картину полного здоровья?

Все эти эмпирические наблюдения, собранные вместе, приведенные в порядок, освобожденные от всевозможного сора, могли бы привести нас к двум следующим научным определением *хорошего* и *дурного* вида.

Под хорошим видом, или здоровой физиономией, нужно различать то, как в лице отражается хорошее общее питание, наилучший химический состав крови, а также гармония и мощность иннервации.

Дурной вид, или болезненная физиономия, означает отсутствие одного из этих трех условий хорошего здоровья. Это может зависеть от недостаточного или чрезмерного питания, или от бедности крови красными шариками, или от ее засорения, или от недостаточного насыщения ее кислородом, или, наконец,

от слабости и расстройств иннервации. Эти три условия могут встретиться, или все сразу, или же только два из них, и основательность нашего приговора будет пропорциональна большему или меньшему числу расстройств, которые замечаются нами на лице и из которых каждое указывает на болезненное состояние одного из органов или одной из функций, необходимых для жизненной работы.

В своей «Физиологии страдания» я описал некоторые стойкие выражения физического страдания, которые в то же время представляют собой различные формы болезненного вида. Но патологам и клиницистам следовало бы специально заняться этим предметом, так как весьма часто достаточно одного наружного вида больного и особенно взгляда на его лицо, чтобы разгадать природу болезни и быть на пути к верному диагнозу. При некоторых специальных душевных болезнях своеобразная природа страдания до того резко отмечена на лице, что непосредственно диктует диагноз наблюдающему врачу, прежде чем он приступит к исследованию больного. У страдающих бугораткой, удушьем, ипохондрией, раком физиономия и мимика на столько характерны, что их часто распознает даже обыкновенный наблюдатель. Никто в новейшее время не трактовал об этом предмете так хорошо, как наш Полли в своем специальном исследовании о физиономиях больных[92] – это юношеское произведение служит лучшим памятником подвижного и смелого ума автора. Надеемся, что читатель не посетует на нас за то, что мы обращаемся к этому труду, напечатанному около полстолетия назад и почти совсем забытому.

Таблица 8

Выражения физиологические. Красота и Безобразие. Здоровье и Немощь

Полли, определив значение патогномомии, или науки о болезненных физиономиях, и подвергнув последние аналитическому разбору, соответственно возрасту, темпераменту и другим различным признакам, предлагает следующий перечень отдельных форм болезненных физиономий:

Физиономия страдальческая.
Физиономия зловещая.

[92] Polli Giovanni, *Saggio di fisiognomonia e patognomonia*, etc., Milan, 1837.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Физиономия умирающего, или гиппократово лицо.
Физиономия больного головой.
Физиономия больного животом.
Физиономия больного водянкою головы.
Физиономия больного пороком сердца.
Физиономия больного воспалением грудобрюшной преграды.
Физиономия больного чумой.
Физиономия больного холерой.
Физиономия больного гриппом.
Физиономия больного истерикой.
Физиономия больного тифом.
Физиономия больного воспалением брыжейки.
Физиономия больного свинцовой коликой.
Физиономия больного водянкой
Физиономия больного диабетом.
Физиономия больного перемежающейся лихорадкой.
Физиономия больного простудным воспалением брюшины.
Физиономия больного водянкой матки.
Физиономия больного подагрой.
Физиономия больного цингой.
Физиономия больного пеллагрой.
Физиономия больного столбняком.
Физиономия больного судорогами.
Физиономия больного водобоязнью.
Физиономия больного глистами.
Физиономия больного онанизмом.

Конечно, в этих тонкостях подразделения не мало схоластики и преувеличения, ибо выражения многих перечисленных физиономий не имеют ясно определенной индивидуальности и потому легко смешиваются; но, тем не менее, можно удивиться тонкой наблюдательности, которой обладал Полли. Здесь я приведу самые замечательные из его описаний, которые могут быть интересны также и художникам, так как эти последние иногда изображают на своих картинах известные болезненные состояния человека.

Физиономия умирающего, известная также под именем гиппократова лица, потому что Гиппократ был первый, кто составил ужасное ее описание.

Все части тела умирающего опускаются, теряют жизненное выражение и по своей неподвижности и окоченелости напоминают неодушевленную материю. Кожа лба натягивается, становится сухою или покрывается холодным потом; синеватые, бессильно упавшие веки во время дремоты и сна не вполне закрывают глазное яблоко, так что из-под них виднеется белая поперечная полоса; роговая оболочка уплощается, становится вялою и покрывается слоем слизи; глазное яблоко западает в орбиту и отделяет несколько слезинок; нос делается тоньше и холодеет, крылья его опадают и сближаются; из ноздрей выдаются внутренние волоски, покрытые темно-серой пылью; виски делаются углубленными, а скуловые кости выдаются; щеки западают; уши высыхают и сморщиваются; губы бледнеют и тускнеют; нижняя губа отвисает, так что рот остается постоянно открытым.

Физиономия онаническая. Молодые люди, усвоившие пагубную привычку к онанизму, отличаются бледным, свинцовым цветом лица; их кожа часто принимает стойкую желтушную окраску; маленькие сальные железы на лбу, висках и на крыльях носа превращаются в красные прыщи, которые исчезают только для того, чтобы уступить место другим; глаза теряют свой блеск, становятся впалыми, мутными, гноящимися; зрачок постоянно расширен, и зрение мало помалу слабеет, так что более продолжительное чтение вызывает усталость глаз и слезотечение; губы утрачивают свой румянец, бледнеют и трескаются; зубы делаются грязными; рот издает резкий и отвратительный запах. Выражение лица тупое и меланхолическое; в манерах замечается нерешительность и известная робость, причина которой для

опытного глаза сразу становится понятной. Тело представляет вообще недостаточное развитие относительно возраста; часто также развиваются худоба, наклонность горбиться все более и более и всеобщее бессилие организма.

Такие индивиды часто соединяют в себе дряхлость старика с привычками и стремлениями молодого человека; сон их всегда прерывист и сопровождается страшными сновидениями; умственная способности у них притуплены, а память почти совершенно утрачивается.

У женщины клиторизм вызывает подобные же эффекты, хотя и не так быстро ведет к полному истощению. Розовый цвет лица уступает место страшной бледности; губы обесцвечиваются; глаза быстро утомляются; нижние веки расслабляются и приобретают синевато-свинцовый цвет; нос принимает иногда болезненное выражение; грудь сплющивается и делается слабою; гнойные прыщи беспрестанно обезображивают лоб, и т. п.[93].

Полли составил так же несколько прекрасных описаний различных болезненных телосложений; мы приведем здесь в виде примера, изображения апоплектика и чахоточного[94].

Телосложение апоплексическое. Плотное, коренастое туловище; мускулистые члены; округленные плечи; широкая и очень короткая шея; короткие и толстые пальцы рук и ног: неловкие, грубые, но твердые движения; лоб широкий; хорошо развитый затылок; глаза обыкновенно маленькие; веки большею частью закрывают половину глаза; кожа на носу ноздреватая: щеки и подбородок объемистые, жирные, лимфатические; живот часто вздутый, тучный; голова постоянно горячая, потому что сердце смежно с мозгом: характер раздражительный, беспокойный, упрямый, почти всегда тщеславный и дерзкий.

Телосложение чахоточное. Это телосложение почти во всем противоположно предыдущему; отличительные признаки следующие: фибры худощавые, напряженный, нежный и раздражительный; белизна и тонкость кожи; присутствие некоторых признаков английской болезни и золотухи; волнистые волосы; тонкий и длинный нос; очень выдающиеся челюсти; большие, широко открытые, чаще всего голубые (?) глаза; молочная белизна склеротики глаза; тонкая, длинная, наклоненная вперед шея, на которой ясно выступают синие вены; узкая и плохо сложенная грудь; высокий стан и длинные, тонкие конечности. Этой конституции присущи: живой, влюбчивый характер, проницательный, иногда сатирический ум, наклонность копировать других, а также очень раннее развитие умственных способностей. Особы такого темперамента говорят много, едят и спят мало, крайне обидчивы, любят развлечения и легкую литературу.

Есть, однако, и другая разновидность чахоточного сложения, отличающаяся исхудалым, как бы измятым телом, непропорциональной длиной членов, плохо уравновешенными движениями; представители ее лишены той нежности и тонкости очертаний, какие свойственны первому типу; они обладают слабым, нерешительным, застенчивым характером и в свою очередь представляют болезненную расположенность к легочному страданию.

Удачнее описывает Полли физиономию чахоточного, когда болезнь находится в последнем периоде и когда истощение членов достигло крайней степени.

Глаз прячется под бровями, то с живым и блестящим взглядом, точно в нем собралась вся жизненная энергия, прежде чем ей исчезнуть навсегда, то прикрытый посиневшим веком, окаймленным темным кругом; лоб имеет выражение скорее унылое, чем сердитое; волосы небрежно разбросаны, что придает лицу много выразительности, особенно у женщин; виски и щеки ввалившиеся, высохшие и исхудалые; углы рта опущены к зубам, как при горькой улыбке; подбородок заострен и угловат; губы стали тоньше, бледны, бессильны и более не соединяются одна с другой; румянец, выступающей в виде небольших пятен, придает скулам лица обманчивую жизненность, напоминающую, по выражению Бальзака, вечернее зарево, которое предвещает заход солнца. Длинная, худая, немного искривленная шея оканчивается двумя выдающимися шнурками, между которыми находится глубокая впадина, пересекаемая у мужчины резко очерченным кадыком гортани; межреберные промежутки широки, и ребра настолько выступают из-под кожи, что образуют на груди двойную лестницу; у женщины грудные железы почти исчезают, так что от

[93] Polli, *op.cit.,* p. 331 и 368.

[94] Polli, *op. cit.,* p. 264–265.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

них ничего не остается, кроме сосков; ключица почти отделяется от туловища и, по-видимому, угрожает продырявить растянутую кожу; конечности, почти лишенные мускулов и превращенные в кости, обтянутые кожею, готовы, кажется, сломаться при малейшем движении; сочленения толсты и резко выдаются; исхудалые, удлиненные, прозрачные пальцы рук оканчиваются загнутыми синеватыми ногтями; повышенная температура кожи и ускоренный пульс свидетельствуют о том, что организм пожирается внутренним пламенем, очаг которого находится в легких; живое вещество мало помалу исчезает, и остается один только остов тела. Эта ужасная болезнь, часто похищающая прекрасные существа в полном блеске молодости, придает выражение глубокой скорби всему лицу и особенно взгляду умирающего, ум которого остается нетронутым, который лично присутствует при угасании и разрушении собственного тела и живо чувствует, как ускользают от него все радости, все счастье, которые сулила жизнь его молодости; с этих пор у него не остается ничего, кроме жалкого утешения быть предметом сострадания ближних.

Как ни живописны эти картины, тем не менее, они имеют важный недостаток: почти на каждом шагу они колеблются между смутною фразеологиею и карикатурным преувеличением правды. Ипохондрики, которые будут читать эту книгу, должны хорошо помнить об этом; в противном случае каждый из них в этих картинах может увидеть свой собственный портрет.

Старинные врачи занимались патогномонией гораздо больше, чем новейшие, потому что они не знали ни постукивания, ни выслушивания больного, и вообще – всех современных способов объективного клинического исследования. Но, с другой стороны, врачи нашего времени, слишком пренебрегающие этим учением, впадают в противоположную крайность. Поэтому, и теперь еще можно воскликнуть вместе с Лафатером, почти ничего не изменив в его словах: *«Медицина, опирающаяся на физиогномику, была бы произведением достойным вашего имени, знаменитый Циммерманн»* [95].

Между старинными авторами, которые писали более научно о патогномонии, кроме божественного Гиппократа, известны следующие: Аретей, Леомний, Эмилий Камполонг, Вольф, Гофманн. Шредер отец. Сочинение Самуила Квельмальца *«De prosoposcopia medica»* (Lipsiae, 1784 г.) в свою очередь весьма замечательно, равно как и труд Сталя *«De facie morborum indice seu morborum aestimatione ex facie»* (Halle, 1700 г.). Остается, наконец, указать еще на более древнюю семиотику Фомы Фиенскаго, имеющую важное значение *«Thomae Fieni, phuosophi ac medici praestantissimi»*, *«Semiotica, sive de signis medicis»* (Lugduni, 1664 г.).

Глава XXII. О критериях для оценки физиономии в нравственном отношении

Лицо доброе и лицо злое

Есть особы, имеющие притязание на известный дар природной проницательности, обладая которой, им достаточно взглянуть на лицо человека, чтобы отгадать, добр ли он или зол, двоедушен или чистосердечен; мало того, иной раз они берутся даже утверждать, что такой-то скуп или же расточителен, что он галантен или, наоборот, подходит к типу Иосифа Иудейского. Такое притязание, выражающееся иногда редкой и драгоценной способностью угадывать характер человека по исследованию его лица, нисколько не основано на убеждении, будто это таинственный, врожденный талант, вроде гения или красоты, и будто нельзя его приобрести с помощью труда или доброй воли. Единственный секрет заключается здесь в наблюдательности ума, которую можно развить упражнением, как и всякую другую интеллектуальную способность; и в этом нет ничего таинственного, ничего чудесного. Горе, однако, этим привилегированным смертным, если они пожелают перейти от искусства к науке и выразить в виде догм и логических положений результаты своего опыта и своей прозорливости. Тогда они начинают путаться и передавать в сбивчивых выражениях то, что им казалось вполне понятным. Они превращают в грубые афоризмы самые удивительные и тонкие догадки своего наблюдательного ума, – и это явный знак того, что физиономика может быть только искусством. Это хорошо заметно у Лафатера, самого проницательного, быть может, из

[95] Lavater. *Essai sur la physionomie* etc., La Haye, 1786, p. 125. – Лафатер посвящает патогномонии только четыре страницы своего бессмертного сочинения, именно в 3 томе. III главе, озаглавленной: *De l'état de santé et de maladie, ou Essai d'une sémiotique* (О состоянии здоровом и болезненном, или опыт семиотики), но и в этом немногом видна правильная постановка задачи. Автор говорит, что он убедился в важности этого вопроса и предвидит плодотворную разработку его в будущем.

наблюдателей человеческого лица, притом очень искусного живописца. Когда он пробует научить нас тому, что ему хорошо известно, когда он делится с нами своими убеждениями, он сам начинает бродить в тумане фразеологии. Поэтому, мне будет очень жаль вас, если вы захотите следовать его наставлениям в практической жизни. При этом вы ежеминутно должны будете убеждаться, что из сотни случаев, Лафатер ошибся в девяноста, или же, что вы не сумели его понять, или, наконец, что его современники не похожи были на теперешних людей.

Кроме этих артистов физиогномики, встречается множество заурядных претендентов на проницательность, которые постоянно судят вкривь и вкось, потому что плохо наблюдают, а еще хуже делают свои выводы. Каждый день можно быть очевидцем пагубных последствий подобного невежества и подобных, ни на чем не основанных, претензий. Влюбленный молодой человек утверждает, что его возлюбленная – ангел доброты и целомудрия, а на самом деле оказывается, что это ехидна или Мессалина. В других случаях, выбирая себе слугу или приказчика, заключают о его добродетелях по выражению лица, при этом нередко доверие отдается плуту или человеку, наделенному всевозможными пороками. Есть множество ошибочных критериев, на которые мы полагаемся в подобных случаях и которые делают нас жертвой собственной опрометчивости; но два из них более обыкновения и на каждом шагу могут устроить нам западню.

Красивое нравится всем и каждому; поэтому довольно редко бывает, чтобы мы заподозрили в коварстве тех мужчину или женщину, которые обращаются к нам с милой улыбкой на устах или смотрят на нас бархатным, улыбающимся взором. Вероятность ошибиться усугубляется, когда мужчине приходится судить о женщине, или, наоборот, в этих случаях внезапная симпатия, влечение, любовь легко ослепляет нас и заставляет считать хорошим красивое, а дурное – безобразным. Пословица – косой никогда не свободен от коварства, – которая с небольшими вариациями повторяется на всех языках, является дерзкою формулою того фальшивого критерия, которым пользуется толпа для оценки нравственного достоинства физиономии. Совершенно верно, что крайнее безобразие часто соединяется с характером, мало заслуживающим уважения: но, несомненно, также и то, что можно быть безобразным, как Сократ, и в тоже время обладать его добродушием, а с другой стороны, можно быть достойным презрения и вероломным, имея лицо Алкивиада или Байрона. Сколько дочерей Евы отравляют нашу жизнь и сеют вокруг себя измену и бедствия, хотя некоторые из них красивее Венеры Милосской.

Другой критерий, сбивающий с толку наши суждения в деле нравственной оценки человеческого лица, заключается в неумелом применении индукции. Если было замечено, что один кривой оказался злым, то на этом уже строится заключение, что всех кривых нужно остерегаться, как огня; если одна женщина, имевшая на подбородке ямочку, была признана ангелом, – отсюда готов вывод, что и все прочие женщины с такой же миловидной ямочкой непременно должны быть добродетельны.

Единственный научный критерий, дозволяющий отважиться на суждение в области таких темных вопросах, дает нам мимика. Напротив, нужно решительно освободиться от всех притязаний эстетического и анатомического критериев. Волнения, чувства – мы повторяли это уже сто раз – выражаются различным образом, а известная мимика, при частых повторениях, оставляет на лице постоянный отпечаток, имеющий определенный смысл и дающий возможность раскрыть весь характер или нравственную историю человека. У всех детей физиономия апатична и ничего на ней нельзя прочесть; но почти невозможно, чтобы на лице человека в возрасте тридцати лет, невозможно было прочитать какую-нибудь страницу его жизни, открывающую нам или одну из его добродетелей, или одну из его нравственных язв.

Но даже и тут, сколько трудностей, сколько сомнений предстоит одолеть, чтобы воспользоваться этим единственным научным критериями. В морщинах лица нервного, впечатлительного человека может быть написана целая поэма; с другой стороны, мне известна одна красивая дама, которая, далеко пережив критический возраст, не имеет еще ни одной морщины. Она никогда не плакала и почти всегда смеялась; но зато на протяжении многих лет она надевала на ночь маленький аппарат, прилегающий к обеим сторонам лба и прикрепляемый к затылку, с той именно целью, чтобы растягивать кожу у наружного угла глаза и таким образом препятствовать развитию ужасной гусиной лапки около глаз.

Если читатель следил до сих пор за моим аналитическим исследованием различных выражений, то он уже имеет в своих руках нить, для того чтобы ориентироваться при оценке человеческого лица; таким образом, эта глава могла бы показаться липшей. Но так как нам нужно сделать некоторые синтетические

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

обобщения, то не бесполезно будет сосредоточить свет в Диогеновом фонаре, после того как мы разложили его с помощью аналитической призмы.

Две основные черты, два самых верных признака доброго лица: *постоянное доброжелательное выражение его и полное отсутствие на нем всякого лицемерия.*

Любить, вечно любить весь мир и быть неспособным к ненависти – вот идеал добродетели, который написан на ангельском лице многими отрицательными и несколькими положительными знаками.

Не выражайте никогда ни ненависти, ни жестокости, ни гнева, ни злопамятства, ни зависти, ни сластолюбия, ни беспутства – и этого достаточно, чтобы лицо свидетельствовало о большом запасе добродушия. Если к этим отрицательным чертам присоединить *легкую улыбку,* указывающую на постоянно радостное настроение и желание нравиться, хорошо поступать и быть любимым, то перед нами будет нарисована в общих штрихах физиономия вполне благородного человека.

Я советовал бы вдуматься в эти строки, утверждающие несомненный факт, тем пессимистам, которые считают человека созданным для зла, и полагают, что некоторая способность к добру развивается в нем только вследствие воспитания, либо под влиянием страха и выгоды. Справедливо как раз противоположное, и нам, цивилизованным людям, у которых исчезли последние следы людоедства, нам приятно любить и тяжело ненавидеть. Добрый человек счастлив, и он выражает свою душевную ясность, свою потребность любить и быть любимым постоянной улыбкой, которая нас трогает и заставляет воскликнуть с жаром глубокого убеждения: «О, как должен быть добр этот человек! О, какой святой должна быть эта женщина!»

Привычка к ненависти и вообще ко всем порокам, унижающим человека и приближающим его к животному типу, напротив, отмечает на лице выражение уныния, неудовлетворенности, – признаки вечного недовольства, постоянной вражды к самому себе и к другим. Презрение, антипатия, которые выпадают на долю злых, усиливают в них злопамятство, затаенную и беспрестанную жажду мести, словом, все то, что придает их лицу унылое выражение и заставляет нас сказать: «Какое злодейское лицо! Невозможно, чтобы этот человек был порядочным!» Есть люди, которые никогда не улыбаются, разве только насмешливо или с оттенком выражения удовлетворенной ненависти – и вот у них-то мышцы лица решительно отказываются выражать доброжелательные чувства. Другой, почти постоянный признак *благородной физиономии* –это прямое выражение ее, открытое для всех душевных волнений, и неспособность что-либо скрывать. Злое лицо, наоборот, всегда *фальшиво.* В самом деле, порядочный человек никогда не остерегается других: он не чувствует нужды уклоняться от испытующих взглядов, между тем как плут всегда избегает их, невольно опасаясь, как бы не обнаружились его помыслы. Неоспоримо, что на всех языках цивилизованных народов *открытое лицо* есть синоним *доброго лица,* а *притворная физиономия* –синоним *злой физиономии.*

Открытым лицом обладает человек вполне спокойный, не уклоняющийся от взглядов тех, кто с ним говорит или его наблюдает. Такое лицо выражает печаль и радость, любовь и гнев без умалчивания и без лицемерия.

В противоположном случае мышцы постоянно находятся в тревожном возбуждении, неопределенно сокращены или расслаблены и, так сказать, колеблются туда и сюда, не зная, какому волнению подчиниться и какое принять выражение. Эта нерешительность особенно ясно выступает в блуждающем взгляде, который переходит от одного выражения к другому и чаще озирается по сторонам, нежели смотрит прямо. Вот почему его и называют *косым* или *воровским взглядом.*

Если и можно что-нибудь ясно прочесть на подобном лице, то разве бессознательную боязнь, чтобы посторонний глаз не подметил злую наклонность или злое душевное волнение, которыми чревата преступная совесть. Это оборонительное положение мало-помалу входит в привычку, и часто случается наблюдать, что человек с фальшивым выражением взгляда, участвуя даже в безразличном разговоре, никогда не смотрит прямо в лицо своему собеседнику.

Это один из самых верных признаков коварного характера, и он тем более драгоценен, что самым отъявленным лицемерам не удается скрыть свой лукавый взгляд под грубой маской искренности или с помощью принужденной улыбки. Мышцы глаза именно всегда очень упорно сопротивляются лицемерию и легче всего поддаются настоящим волнениям, исходящим из нервных центров. Можно плакать в то время, когда душа преисполнена радости; можно смеяться в минуты душевных терзаний; но почти невозможно

смело встретить чужой взгляд, коль скоро ощущается потребность скрыть свое волнение[96].

Довольно часто скрываемое волнение бывает настолько сильно, что смотреть в сторону или придать взгляду неопределенное направление оказывается недостаточным; в подобных случаях глаза судорожно смыкаются, является спазмолические сокращения губ или носа, или же наступает зевота. Эти симптомы всегда должны внушать вам подозрение; они напоминают прыжки зайца то назад, то в сторону, когда он, преследуемый собакою, возвращается по своим же следам обратно, чтобы сбить с толку противника.

Слова *добрый* и *злой* слишком грубы для выражения различных типов характера, а равно и соответствующие мимических форм. Это ни что иное, как жалкие стенографические знаки, удовлетворяющие нашим обыденным потребностям и соответствующие несовершенству нашего языка и скоротечности нашей жизни. Но искусство и наука не могут этим удовлетвориться. Великий романист употребляет целую книгу, чтобы описать мрачные бездны злодейского характера, а Рафаэль изобразил нам божественную доброту одной матери такими штрихами, которых никто не в состоянии воспроизвести.

К отрицательным и положительным чертам доброго лица можно прибавить еще другие, более возвышенные признаки, которые способны идеализировать его выражение. К совершенному отсутствие всякой злобной мимики и к беззаботной улыбке присоединяется тогда осанка, полная достоинства и мужества, а также привычка смотреть вверх, как бы желая обнять все человечество единым взором любви и созерцать обширные, бесконечные горизонты. Мгновенная решимость на известную жертву, или постоянное отречение от всех благ жизни, великодушное прощение или нежное чувство ко всем земным страданиям, – все это выражено в бессмертных произведениях великих художников, которые умели и всегда будут уметь очаровывать зрение изображениями Христа и мучеников. Угадывая научную мысль посредством высшего вдохновения, они сумели набросать на фоне безусловного добродушия несколько более ярких тонов необыкновенной добродетели, великодушных порывов, благородного геройства. Редкие выражения в природе! Еще реже приходится встречать их в мраморе и на полотне, ибо это беглые проблески, проявляющееся на мгновение, чтобы тотчас же исчезнуть, так что искусству едва удается их уловить с помощью меткого наблюдения, и еще чаще – благодаря счастливому угадыванию.

На противоположном полюсе мы встречаем лицо, далеко не столь редкое, как предыдущий тип, и называемое лицом висельника, – бесспорно на том основании, что обладатель его производит собою впечатление приговоренного к виселице или каторге. При этом замечается не только полное отсутствие на лице всякого доброжелательного выражения, не только лживость взгляда, но и следы всевозможных зверских инстинктов; все пороки наложили здесь свои багровые, отвратительные оттенки. Ненависть, сластолюбие, жажда наживы, косность, одолеваемая только вином, вялость, которую способен расшевелить только гнев, беспрестанное озлобление, скопляющееся подобно шлакам вулканической почвы, беспутная чувственность и непреодолимая влечение ко всему грязному, отпечаток медленного и неизлечимого страдания, зверский смех, страстное желание видеть море крови и слышать хор стонов, ненависть в самых грубых ее проявлениях, которые приводят в содрогание и иссушают мозг, бесконечная низость, как бы соединенная цепью каторжника с плотоядной свирепостью, – вот в крупных штрихах набросок лица висельника, какое можно встретить в местах заключения, называемых смирительными домами и острогами.

---

[96] Дон Пернетти весьма картинно описал мимическую борьбу, которую приходится выдерживать притворяющемуся человеку: «Хотел бы притворщик замаскировать свои чувства, но при этом внутри его происходит борьба между правдой, которую он намерен скрыть, и ложью, которую он желал бы выставить. Эта борьба производит беспорядок в движении его членов. Сердце, функция которого заключается в возбуждении жизненных духов, прогоняет их туда, куда они естественно должны устремляться. Воля же сопротивляется этому; она их обуздывает, держит в плену; она старается извратить их движение и характер действия, с целью обмана. Но множество сил от нее ускользает, и эти то беглецы приносят верные известия о том, что происходит в тайном совете. Таким образом, чем сильнее хотят скрыть правду, тем больше увеличивается смущение и тем лучше раскрывается обман».

Лафатер, цитируя это место, замечает, что он вполне разделяет такое мнение. И затем от себя уже дает нам красноречивое описание обольстителя, отрицающего, что он сделал матерью молодую девушку, которая показывает судье своего ребенка, восклицая: «Вот его отец». Послушайте эту вдохновенную речь знаменитого цюрихского пастора: «Передо мною два лица, из которых одно не имеет надобности заставлять себя казаться не тем, что оно есть; другое же делает над собою страшные усилия и вынуждено как можно тщательнее скрывать их. Виновный кажется более уверенным, чем невинный, но сразу видно, что голос невинности обладает большей энергией, выразительностью, убеждением; сразу заметно, что взгляд невинного более открыт, чем взгляд обманщика. Я смотрел на эти взгляды с умилением и негодованием, которое внушалось невинностью и преступлением; один взгляд, не поддающийся описанию, говорил самым решительным образом: смеешь ли ты его отвергнуть? Я различал в тоже время другой взгляд, подернутый облаком; я слышал грубый, высокомерный, но более слабый, глухой голос, который отвечал: «Да, я смею его отвергнуть!» В позе, особенно в движение рук, в походке, когда их вводили и выводили обратно, потупленный взгляд одного, его унылый вид, приближение кончика языка к губам в то время, когда я произносил самые торжественные и грозные места присяги, которые от них требовались; между тем как у другого твердый, открытый, удивленный взгляд, казалось, говорил: «Праведное небо! И ты готов присягнуть!» Читатель может мне поверить, что я слышал и ощущал невинность и преступление». (Lavater, op. cit. t. 2. p. 13)

Тот же автор высказывает по поводу откровенных лиц следующие драгоценные слова:

«Но где же это простое, истинное, прямодушие, узнаваемое без всякого усилия и сообщаемое без задней мысли? Где этот взгляд, выражающий искренность, братскую любовь, взгляд сам по себе открытый, без всякого искусственного усилия или принуждения, тот смелый взгляд, который никогда не скрывается и не блуждает?

Счастлив тот человек, который его отыскал! Пусть же он продаст все что имеет, чтобы приобрести поле, скрывающее подобное сокровище». (Ibidem, pag. 17).

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Глава XXIII. О критериях для составления умственной оценки физиогномики

Лицо тупое и лицо интеллигентное

Посмотрев на лицо мужчины, женщины, ребенка, часто мы задаемся вопросом: сколько ума под этим черепом? Какие сокровища мысли, воображения, воли таятся за этим лбом?

Эти вопросы отчасти могут быть внушены простым любопытством; но иногда они сопровождаются большим беспокойством, именно если дело идет о лице одного из наших детей, или о любимой нами женщины, которую мы навсегда хотели бы назвать своею, или государственного человека, которому мы решаемся вручить судьбы отечества. Но если даже спуститься с этих высот в пошлую обстановку будничной жизни, то все-таки и тут, сколько раз нам приходится определять степень и качество ума на лице слуги, служанки, фермера, компаньона, управляющего и т. п.

Когда я имел честь в первый раз представляться королю Гумберту, он с живым интересом осведомился о моих исследованиях и заметил, что возможность отгадывать способности человека по строению его головы была бы драгоценным даром; он также спросил меня, в состоянии ли наука дать нам в этом отношении некоторые точки опоры.

Если заглянуть в старинные сочинения по физиономике, то там найдется множество ответов на вопрос короля Гумберта.

Прежние физиономисты не только умели с точностью определять, какое количество ума заключает в себе голова человека, но они учили даже распознавать его специальные способности и особые дарования.

Джиованни Баттиста Де Лапорта оставил нам следующее описание грубого ума[97]:

«Части, расположенные вокруг шеи, и плечи мясисты, сближены и связаны вместе, но Полемон и Адаманций утверждали, что полости соединены между собою, что большие сосуды в окружности шеи взаимно связаны друг с другом и что не видно круглого углубления (χοτδλη); χοτδλη означает часть углубленную, или, как я думаю, χοτιζ есть ни что иное, как округленная часть затылка головы; действительно, как мы уже заметили об этом при описании головы, если выпуклость на задней части головы недостаточно развита, и если голова представляется круглой, то человек с такими признаками обладает злыми чувствами и грубым умом. Слово χοτδλη истолковывалось в смысле вертлужной впадины таза; но какое отношение к уму может иметь это углубление кости, я не могу этого понять. Или же χοτδλη в смысле углубленный, приписывается задней части головы, которая должна быть круглой, но не выдающейся. Но это χοτδλη не встречается ни у Адаманция, ни у Полемона. Плечи высокие, лоб большой, мясистый, круглый, взгляд вялый (χωωσι), тупой (т. е. бессмысленный, подобно глазам коз, которые глупы). Агостина ди Серса, вследствие незнания греческого языка, переводит это так: мясистые, круглые ноги, приближенные к пяткам, большие, мясистые челюсти. Но у Полемона и Адаманция говорится: ноги и спина длинные. *Я* полагаю, что в тексте Аристотеля есть ошибка, и что он хочет сказать не Παχεται, но Βραχεται, т. е. короткие, потому что руки и ноги длинные указывают на развитый ум, и наоборот, короткие составляют природный недостаток и признак грубости. Полемон и Адаманций говорит: тонкие суставы, короткая шея. Далее, они прибавляют, что несовершенные конечности, тучная короткая шея, широкое, мясистое лицо придают выражение глупости и тупости, дополняемое телодвижениями, манерами и привычками, которые обнаруживаются в лице. Но текст, как мы уже это заметили, крайне искажен. Так, Полемон и Адаманций говорят, что открытый рот придает лицу грубый вид; но Полемон употребляет слова ουμφυιζ χαεζ, а Адаманций говорит: αχαυιζ, что гораздо вернее.

> Они же выставляют признаком грубости чересчур белый цвет лица (но Полемон замечает: это относится не столько к очень белому, сколько к чересчур темному цвету), и меня удивляет, что это упущено из виду другим писателем, потому что очень бледный или очень темный цвет указывают на природное несовершенство, которое вредит гению, а также на выдающийся живот, на малые и соединенные суставы, на малоподвижные конечности. Здесь надо исправить

[97] Da la Porta, *Delia fisonomia dell'uomo,* Padova, 1627.

текст Полемона, где говорится τελεια, текстом Адаманция, который говорит ατελη, потому, что признаки человека остроумного совершенно противоположны признакам человека грубого; у первого из них пальцы хорошо сформированы и отставлены друг от друга, у второго же – они соединены и как бы связаны между собою. Авиценна, описывая фигуру человека хорошо сложенного, ставит на вид следующие признаки недостаточного остроумия и еще менее развитого ума: живот большой, пальцы короткие, лицо и голова округленные, рост слишком высокий или чересчур малый, лоб, шея и лицо мясистые, вся фигура напоминает полушарие, челюсти большие, голова и лоб округленные, лицо длинное, шея толстая и движения глаз очень медленные».

Во всем этом пустословии, которое Де Лапорта выдает за портрет тупого человека, кое-где несколько крупиц разгаданной истины выплывают из океана бесполезных слов, перемешанных с положительными заблуждениями, в роде, например, того, что длина рук выставляется признаком умственного развития. В настоящее время всем известно, что племена самые тупые в умственном отношении имеют особенно длинные руки.

Не более посчастливилось нашему неаполитанскому физиономисту представить нам портрет *умного человека*, хотя данные для этого он заимствует из сочинений Аристотеля, Полемона и Адаманция. Вот этот портрет:

Они имеют мягкое и сырое тело, не слишком шероховатое, не слишком гладкое, но среднее между тем и другим; лицо – не длинное и не короткое, приятного белого цвета с легким румянцем; волосы мягкие, посредственно густые; глаза больше, кругловатые; голова среднего размера, соразмерная с величиной шеи; плечи слегка опущенные; ноги и колени маломясистые: голос ясный, переходный между низким и высоким; руки длинные; пальцы длинные и довольно тонкие. Они мало смеются, мало плачут, а также мало шутят. Но общее выражение у них веселое и радостное.

Далее Де Лапорта рисует нам свой собственный портрет: «Вот мое изображение, которое выставляется не ради тщеславия, а для того, чтобы каждому были видны мои недостатки». Одно только лишает эту притворную скромность всякого значения, именно то обстоятельство, что автор поместил свой портрет как раз в главе, трактующей о *человеке остроумном*. И как бы опасаясь, что всего сказанного будет, пожалуй, недостаточно, он заканчивает главу следующими словами: «Я имею сходство с моим братом Джиовано Винченцо, который много занимался наукой».

Иезуит и богослов Гонорий Никеций издал в 1648 году свою физиономику *(Physiognomia humana)*, где на 317 стр. он в свою очередь дает нам описание *человека одаренного* и *человека тупого*.

Лицо одаренного человека. Тело мягкое, кожа тонкая, рост средний; глаза голубые или карие; цвет кожи белый; волосы довольно мягкие; руки длинные, пальцы удлиненные; выражение лица добродушное; брови соединены между собою; смех умеренный; лоб гладкий; виски умеренно вогнутые; голова имеет вид молотка, – и этот последний признак относится к числу наиболее постоянных.

Лицо человека тупого. Мясистая шея, мясистые плечи, равно как и лицо, поясница, ребра, грудь, соски; затылок, вдавленный или круглый, но ни в каком случае не выдающийся, лоб большой, мясистый; глаз бледный, такого же цвета, как у козла или у орла; выражение лица тупое, и т. д.

Несколько позже в *«Метопоскопии»* Кардана (Париж, 1658 г.) гороскопические и астрологические прорицания были доведены до абсурда. (Прочтите строки о Юпитере на страницах 52 и 53 его книги и сравните рис. 39 и 40.)

Преподобный Джованни Инженьери, епископ острова Истрии, говорит в своей *«Таблице достопримечательностей»* (Падуа, 1626 г., стр. 61): «Малая величина головы относительно туловища

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

служит признаком посредственного ума».

Это сказано очень хорошо, но автор умаляет свою заслугу следующей прибавкой: «Небольшая голова означает человека сердитого и злопамятного».

Достаточно этих немногих примеров, чтобы дать понятие о тех критериях, какими пользовались старинные физиономисты при распознавании ума по человеческому лицу. Приступим теперь к рассмотрению действительно научных критериев. Результаты моих опытов, с которыми я уже познакомил читателя, были бы крайне печальны, если бы в данном случае дело шло не о портретах, а о живых лицах.

При оценке красоты пользуются почти исключительно критериями анатомическими; для определения нравственного достоинства – почти исключительно мимическими; но для оценки умственных качеств сразу необходимы как те, так и другие, при чем, строго говоря, невозможно точнее определить, какую роль играет в наших суждениях каждый из этих двух критериев. Тем не менее, однако, мне кажется, что анатомические критерии вообще могут с точностью отмечать основные черты, тогда как в мимических явлениях сказываются лишь второстепенные различия и индивидуальные особенности склада ума у людей, принадлежащих к одной и той же расе. Никкотини (слепок лица которого имеется у меня), даже мертвого, нельзя принять ни за негра, ни за простого человека; но все, посещающие мой музей, когда я показываю слепок с лица Маззини, спрашивают, не святой ли это.

Анатомические признаки, служащие для приблизительной оценки умственных способностей данного индивида при исследовании его лица, все основаны на соотношении в развитии лица и черепа, – все равно, определяется ли проекция лица к черепу путем приблизительного вычисления объема головного мозга или же посредством грубого измерения известных углов.

Многими веками раньше, до появления краниологии, греческие художники, эти великие наблюдатели, наделяли Минерву и Юпитера большой головой, обширным лбом и настолько ортогнатическим лицом, что личный угол уклоняется иногда по ту сторону отвесной линии и превышает 90°. И напротив, они изображали сатиров малоголовыми, с узким, подавшимся назад лбом и большими, выдающимися челюстями. Даже и теперь еще под именем тупой слывет такая человеческая голова, у которой есть много общих признаков с головою обезьяны.

Взгляните на голову шимпанзе, и вы найдете в ней сильное сходство с выражением многих идиотов; при этом вы вспомните также, до чего отвратительны вам приплюснутый нос, два огромных уха, узкий, покатый лоб – словом все черты, свойственные обезьяне.

Некоторые анатомические особенности, не имея прямого отношения к емкости черепа или к его положению относительно лица, тем не менее, однако, вследствие морфологической гармонии, являются признаками низшей ступени умственной иерархии. Ни одна высшая раса не имеет ни очень малого черепа, ни огромных ушей, ни приплюснутого носа, ни подавшегося назад подбородка; и если мы встречаем эти черты на лице человека нашего племени, мы невольно склонны признать его мало интеллигентным, пожалуй, даже идиотом, прежде чем он откроет рот или совершит перед нами какой-нибудь психический акт, который послужит основой для нашего суждения.

Следующая таблица резюмирует все анатомические признаки, которые при современном состоянии наших знаний, могут руководить нами при определении места, занимаемого человеческим лицом в умственной иерархии.

Анатомические признаки

Лица умного	Лица тупого
Голова большая, красивой овальной формы.	Голова малая, или неправильного очертания.
Лоб широкий, высокий и выдающийся.	Лоб узкий, скошенный назад, лоснящийся.
Глаза скорее большие, чем малые.	Глаза скорее малые.
Уши маленькие или средней величины, красивые.	Большие безобразные уши.
Лицо небольшое, со слабым развитием мышц.	Лицо большое, очень мускулистое.
Челюсти мало выдающиеся.	Челюсти выдающиеся.
Подбородок большой, выступаюиий вперед.	Подбородок подавшийся назад, маленький.

Я представил вам эту таблицу с той целью, чтобы вы могли в ограниченном круге собственного опыта убедиться в шаткости анатомических признаков, когда они являются единственными критериями при оценке умственных способностей по лицу. Я уверен, что каждый из вас будет в состоянии найти несколько исключений из этих правил и представить мне тупого человека обладающего большими глазами или красивыми маленькими ушами, и наоборот, – человека гениального с маленькими глазами или с большими ушами. Но, с другой стороны, я одинаково уверен и в том, что подобные исключения, очень легко находимы каждым среди анатомических признаков, когда они берутся в отдельности, будут встречаться гораздо реже, если сгруппировать вместе два или три признака, и окажутся почти невозможными, если при сравнительном исследовании принимается в соображение вся совокупность этих признаков.

Но самые важные признаки доставляются мимикой, которая может обнаружить чрезвычайную силу мысли, как на странной физиономии Сократа, так и на аполлоновском лице Гёте.

Глаз и рот постоянно представляют собою два главных мимических центра лица. Первый из них лучше выражает природу и степень ума, а второй – силу или слабость воли.

Ходячее эмпирическое мнение приписывает гениальному человеку взгляд живой, а тупому – взгляд потухший. Действительно, у первого беспрестанно освобождаются наружу центробежные энергии, находящие себе широкий выход в многочисленных мышцах глаза; отсюда становятся понятными движения и колебания этих мускулов; отсюда же – и появление пелены слез, обусловливающей блеск глаза. У человека интеллигентного не только глаз, но и все мускулы лица отличаются подвижностью, живостью, постоянною напряженностью (tonus), благодаря которой они всегда могут быстро выражать самые разнообразные душевные волнения.

Лицо гениального человека можно сравнить с хорошо вооруженным солдатом, всегда готовым к своему делу; лицо тупого человека – это ленивый нищий, постоянно готовый спать и зевающий полчаса, прежде чем он решится встать.

Тупое лицо характеризуется расслабленными мышцами, полуоткрытым ртом, при этом одна бровь часто поднята выше другой, а блуждающий и бесцельный взгляд не имеет никакого определенного направления.

На лице интеллигентном все мышцы полусокращены; движения их ловки и постоянны. Лицо гениального человека обнаруживает постоянный отблеск душевных волнений, деятельной мысли и вечно бодрствующей энергии.

Переход между тупым лицом идиота и вольтеровским лицом, приправленном солью и перцем, составляет лицо обыкновенное, выражающее среднее количество мысли и воли.

Мимический центр рта выражает лучше глаза те страсти, которые окрыляют мысль и силу воли.

Идиот, воля которого всегда очень слаба, имеет отвислую нижнюю челюсть, так что иногда изо рта течет даже слюна. У человека со здравым смыслом, но с недостаточной силой воли, рот всегда полуоткрыт; напротив, у энергичного человека челюсти сомкнуты; часто даже можно заметить у него сильное

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

сокращение соответствующих мышц и выдвигание подбородка вперед.

Наибольшее развитие силы воли почти всегда соответствует следующей мимической формуле: *большой, выдающийся вперед подбородок и закрытый рот.*

Слабая воля, наоборот, выражается малым, *подавшимся назад подбородком и открытым или полуоткрытым ртом.*

Умственная мимика может проявляться в крайне резких, почти патологических формах; последние складываются из привычных сокращений (tics) некоторых лицевых мышц – сокращений, имеющих характер непроизвольных, кратковременных и прерывистых конвульсий. Эти конвульсивные судороги часто сопровождают чрезмерное напряжение мысли, и я неоднократно замечал их у людей гениальных и притом весьма различных между собой по природному складу ума.

Я назову Ломбарди, первоклассного представителя гидравлического искусства, Перуцци, человека с редкой энергией и замечательно тонким политическим умом, и Кардуччи, величайшего из современных поэтов. У первого из них всегда замечались на лице своеобразные судорожные сокращения, которые с возрастом постепенно усиливались; к конвульсиям лица присоединились потом конвульсии туловища, плеча, руки и, наконец, в последние годы дело дошло до того, что развилась настоящая пляска св. Вита, сильно затруднявшая речь этого великого человека. Перуцци также имеет две или три привычных конвульсии лица, которые он не может преодолеть силою воли, и эти конвульсивные сокращения выступают тем резче, чем напряженнее работает мысль. В известные моменты на лице Кардуччи бушует настоящий ураган; из глаз его сверкает молния, а содрогание мышц напоминает землетрясение.

Все это следует приписать уму, взятому в целом, как сумме всех психических энергий; но каждая отдельная форма и каждый момент мысли имеют свою собственную мимику, как это мы старались выяснить в своих аналитических исследованиях. Здесь нам остается только прибавить несколько черт, чтобы дополнить картину умственной мимики.

Две самые выразительные картины умственной энергии– это мимика творческого воображения или фантазии – с одной стороны, и сосредоточенного мышления – с другой. Я представлю их схематически на рисунках 4, 5, 6 и 7.

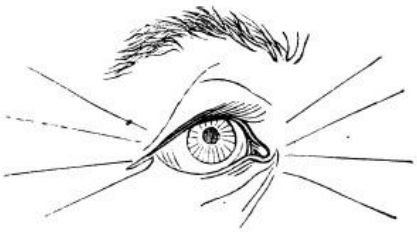


Рис. 4. Мимический центр глаза.

Рис. 5. Мимический центр рта.

Рис. 6. Мимический центр глаза.

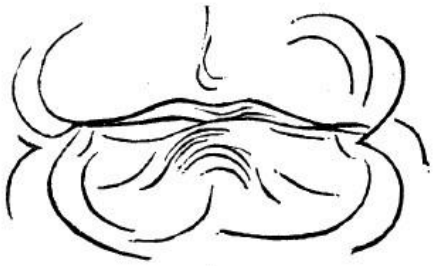


Рис. 7. Мимический центр рта.

При мимике воображения все движения, имеющие своим центром глаз или рот, как будто бы направляются от середины лица к его окружности, так что общий характер мимического движения – центробежный. Глаз широко открыт и смотрит вверх; рот открыт и расширен; в то же время шея вытягивается, голова поднимается и заставляет нас смотреть вверх или в направлении горизонта.

Наоборот, во время размышления все движения исходят из окружности лица и сосредоточиваются в его центре; глаза на половину или даже совершенно сомкнуты; рот также закрыт; голова склоняется на грудь; весь организм как бы складывается и уходит сам в себя, чтобы искать в собственной глубине то, что вдохновленный человек ищет вне своего «я», в обширном кругозоре природы.

Мимика воображения часто переходит в патологические и судорожные формы и, при некоторых видоизменениях, может сделаться *вдохновенной, поэтической, восторженной.*

Мимика *размышления,* в крайних своих пределах, придает лицу иступленное, неподвижное, почти тупое выражение. Общий и неизменный закон мимики состоит в том, что крайности сходятся и перепутываются между собой почти до неузнаваемости.

Приложение

Глаза, волосы и борода у итальянских рас

(По сведениям итальянского антропологического общества, обработанные д-ром Разери)

В Италии вообще, как и в каждом из ее отдельных округов, преобладает главным образом темно-русый цвет волос; за ним следует черный и, наконец, белокурый цвет, преобладающий только в двух с половиной общинах на сто исследованных. Однако же, в тех областях, где цвет волос очень разнообразен, белокурые волосы занимают видное место; но чаще всего черный цвет следует за темно-русым или наоборот.

Белокурый цвет волос занимает второе место только в пятнадцати из ста исследованных общин; во всех остальных он встречается изредка.

Наиболее изобилует белокурыми волосами Венецианская область, где из ста случаев в восьми белокурый цвет является преобладающим, а в сорока восьми на сто он занимает второе место. После Венецианской области следует Пьемонт, затем неаполитанские провинции и Сицилия. В центральной Италии нет ни одной общины, где преобладали бы белокурые волосы, но в довольно многих общинах они встречаются нередко.

Черные волосы весьма распространены в Сицилии и Умбрии, но очень редки в Венецианской области.

Кроме цвета, следует еще обратить внимание на количество волос, которое определяется сообразно тому, преобладают ли в данной общине густые или редкие волосы. Предлагаемая таблица показывает, как распределяются в этом отношении различные области Италии.

Цвет радужной оболочки глаз

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Провинции	Число общин, в которых преобладает цвет райка												Второй цвет после преобладающего											
	абсолютные цифры						процентные отношения						абсолютные цифры						процентные отношения					
	темный			светлый			темный			светлый			темный			светлый			темный			светлый		
	карий	черный	всего	серый	голубой	всего	карий	черный	всего	серый	голубой	всего	карий	черный	всего	серый	голубой	всего	карий	черный	всего.	серый	голубой	всего
Пьемонт	33	7	40	7	4	11	65	14	79	14	7	21	7	6	13	12	5	17	23	20	43	41	16	57
Ломбардия	38	12	50	8	10	18	56	18	74	11	15	26	9	8	17	10	7	17	27	23	50	30	20	50
Венецианская область	32	6	38	1	14	15	61	11	72	1	27	28	8	1	9	4	5	9	45	5	50	22	28	50
Эмилия и Мархии	22	11	33	1	5	6	57	28	85	2	13	15	7	1	8	-	5	5	54	7	61	-	39	39
Лигурия и Тоскана	27	17	44	-	5	5	56	34	90	-	10	10	5	4	9	4	2	6	34	26	60	27	13	40
Умбрияи и Лацум	11	10	21	-	-	-	53	47	100	-	-	-	7	2	9	-	3	3	59	16	75	-	25	25
Верхние неаполитанские провинции	45	14	59	2	3	5	71	22	93	3	4	7	5	8	13	-	12	12	20	32	52	-	48	48
Апулия, Калабрия и Базиликата	66	10	76	-	12	12	76	11	87	-	13	13	6	15	21	1	14	15	17	42	59	2	39	41
Сицилия	22	13	35	-	1	1	62	36	98	-	2	2	6	5	11	-	2	2	47	38	85	-	15	15
Сардиния	10	1	11	-	-	-	91	9	100	-	-	-	-	1	1	1	-	1	-	50	50	-	50	50
Все королевство	306	101	407	19	54	73	64	22	86	3	11	14	60	51	111	32	55	87	31	25	56	16	28	40

Цвет волос

Провинции	Число общин, в которых преобладает цвет волос							Второй цвет после преобладающего						
	абсолютные цифры				процентные отношения			абсолютные цифры				процентные отношения		
	русый	черный	светл.	всего	русый	черный	светл.	русый	черный	светл.	всего	русый	черный	светл.
Пьемонт	35	15	2	52	67	29	4	3	9	2	14	21	64	15
Лигурия	56	16	1	73	77	22	1	10	7	3	20	50	35	15
Ломбардия	10	5	-	15	67	33	-	2	1	-	3	67	33	-
Венецианская область	44	6	4	54	81	11	8	4	1	4	9	44	11	45
Эмилия и Мархии	32	8	-	40	80	20	-	3	4	4	11	28	36	36
Умбрия	15	16	-	31	48	52	-	3	3	1	7	43	43	11
Тоскана	24	9	-	33	73	27	-	3	4	2	9	33	45	22
Верхние неаполитанские провинции	57	13	2	72	79	18	3	4	10	1	15	27	67	6
Апулия, Калабрия и Базиликата	59	16	2	77	76	21	3	9	21	1	31	29	68	3
Сицилия	12	22	1	35	31	63	3	9	1	1	11	82	9	9
Сардиния	9	2	-	11	28	18	-	2	-	-	2	100	-	-
Все королевство	353	128	12	493	71,5	26	2,5	52	61	61	132	39	46	15

Цвет бороды

Провинции	Число общин, в которых преобладает цвет бороды							Второй цвет после преобладающего						
	абсолютные цифры				процентные отношения			абсолютные цифры				процентные отношения		
	русый	черный	светл.	всего	русый	черный	светл.	русый	черный	светл.	всего	русый	черный	светл.
Пьемонт	21	12	2	38	63	31	6	3	5	-	8	38	62	-
Лигурия	10	4	-	14	71	29	-	1	1	-	2	50	50	-
Ломбардия	46	20	2	68	67	29	14	6	-	2	8	75	-	25
Венецианская область	38	8	3	49	77	17	6	2	1	5	8	25	13	62
Эмилия и Мархии	32	3	-	35	91	9	-	1	2	2	5	20	40	40
Умбрия	16	6	-	22	73	27	-	2	1	-	3	67	33	-
Тоскана	24	9	1	34	71	26	3	2	4	2	8	25	50	25
Верхние неаполитанские провинции	44	18	4	66	67	27	6	4	4	2	10	40	40	20
Апулия, Калабрия и Базиликата	65	18	1	84	77	22	1	4	11	1	16	25	69	6
Сицилия	13	17	1	31	42	55	3	6	-	1	7	86	-	11
Сардиния	6	4	-	10	60	40	-	1	-	-	1	-	-	100
Все королевство	318	119	14	451	70	26	4	32	29	15	76	42	38	20

Количество волос

Провинции	Число общин, в которых преобладает цвет волос							Второй цвет после преобладающего						
	абсолютные цифры				процентные отношения			абсолютные цифры				процентные отношения		
	русый	черный	светл.	всего	русый	черный	светл.	русый	черный	светл.	всего	русый	черный	светл.
Пьемонт	35	15	2	52	67	29	4	3	9	2	14	21	64	15
Лигурия	56	16	1	73	77	22	1	10	7	3	20	50	35	15
Ломбардия	10	5	-	15	67	33	-	2	1	-	3	67	33	-
Венецианская область	44	6	4	54	81	11	8	4	1	4	9	44	11	45
Эмилия и Мархии	32	8	-	40	80	20	-	3	4	4	11	28	36	36
Умбрия	15	16	-	31	48	52	-	3	3	1	7	43	43	11
Тоскана	24	9	-	33	73	27	-	3	4	2	9	33	45	22
Верхние неаполитанские провинции	57	13	2	72	79	18	3	4	10	1	15	27	67	6
Апулия, Калабрия и Базиликата	59	16	2	77	76	21	3	9	21	1	31	29	68	3
Сицилия	12	22	1	35	31	63	3	9	1	1	11	82	9	9
Сардиния	9	2	-	11	28	18	-	2	-	-	2	100	-	-
Все королевство	353	128	12	493	71,5	26	2,5	52	61	61	132	39	46	15

Итак, густые волосы преобладают более чем в трех четвертях (75 %) из 441 общин, о которых собраны сведения. Только в одной Тоскане преобладающими оказываются редкие волосы, но зато в пограничной с нею Эмилии исключительно встречаются волосы густые. Вообще говоря, последними изобилует больше юг, чем север Италии.

Цвет волос не оказывает, по-видимому, большого влияния на их густоту.

Что касается внешнего вида волос, то в пределах Италии можно различать волосы прямые и вьющиеся. У последних, по Прунер-Бею, поперечный разрез имеет эллиптическую форму, тогда как у первых этот разрез почти круглый.

В следующей таблице вычислено для каждой области число общин, где вьющиеся волосы господствуют или, по крайней мере, встречаются очень часто рядом с прямыми.

Форма волос

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Провинции	Число общин, в которых преобладают волосы				
	абсолютные цифры			процентные отношения	
	прямые	вьющиеся	всего	прямые	вьющиеся
Пьемонт	42	1	43	98	2
Лигурия	13	-	13	100	-
Ломбардия	51	7	58	88	12
Венецианская область	46	3	49	94	6
Эмилия и Мархии	35	2	37	94	6
Умбрия	18	1	19	95	5
Тоскана	30	-	30	100	-
Верхние неаполитанские провинции	61	2	63	97	3
Апулия, Калабрия и Базиликата	86	5	91	95	5
Сицилия	29	1	30	97	3
Сардиния	8	1	9	89	11
Все королевство	419	23	442	95	5

Из ста исследованных общин, вьющиеся волосы преобладают только в пяти. Ломбардия, Венецианская область, Эмилия и Сардиния образуют группу, где вьющиеся волосы встречаются особенно часто; Лигурия, Пьемонт и Тоскана представляет обратное явление. Кажется, не существует никакого отношения между цветом и густотой волос, с одной стороны и формою их – с другой.

Наконец, были запрошены сведения и относительно длины волос. Но многие из тех, с которыми совещались по этому поводу, предположили, что требуется знать, имеет ли привычку мужское население носить длинные или короткие волосы; другие же, напротив, думали, что дело идет о действительной длине женских волос. Благодаря этому недоразумению, оказалось невозможным представить в статистической таблице данные, относящиеся к этой стороне исследования.

Борода

Почти все общины, ответившие на предыдущий вопрос, прислали ответ также и на 13-й вопрос, касательно цвета, длины и густоты бороды.

Цвет бороды не всегда совпадает с цветом волос: переходная, именно русая окраска встречается сравнительно реже, что увеличивает процент черных и белокурых волос. Всюду, однако, русый цвет оказывается преобладающим, но в некоторых случаях темно-русые волосы сочетаются с белокурыми, а еще чаще с каштановой бородой.

Говоря вообще, густота бороды соответствуем густоте волос. В южных провинциях густые бороды встречаются чаще, чем в северных: это различие между двумя частями страны сказывается здесь еще нагляднее, нежели относительно волос.

Боле сильное развитие бороды в южных провинциях гармонирует с тем фактом, что летом борода растет быстрее, чем зимой. По наблюдениям профессора Молешотта, рост бороды летом и зимой относятся между собою, как 122:100. Тоскана, отличающаяся преобладанием редких волосе характеризуется, вместе с Пьемонтом, такими же свойствами и бороды.

Провинции	Число общин, в которых преобладает борода				
	абсолютные цифры			процентные отношения	
	густая	более редкая	всего	густая	более редкая
Пьемонт	15	12	27	55	45
Лигурия	9	2	11	82	18
Ломбардия	33	24	57	58	42
Венецианская область	26	17	43	60	40
Эмилия и Мархии	20	7	27	74	26
Умбрия	15	5	20	75	25
Тоскана	15	12	27	55	45
Верхние неаполитанские провинции	57	7	64	89	11
Апулия, Калабрия и Базиликата	66	10	76	87	13
Сицилия	22	5	27	81	19
Сардиния	7	3	10	70	30
Все королевство	285	104	389	73	27

Другая очень важная особенность, касающаяся бороды, – это господствующий обычай у населения носить то длинную, то короткую бороду. Следующая таблица показывает, насколько различные области

отличаются в этом отношении одна от другой.

Провинции	Общины, где принято носить бороду				
	абсолютные цифры			процентные отношения	
	длинную	короткую	всего	длинную	короткую
Пьемонт	7	18	25	28	72
Лигурия	3	4	7	47	53
Ломбардия	8	36	44	18	82
Венецианская область	13	29	42	31	69
Эмилия и Мархии	8	18	26	31	69
Умбрия	4	11	15	27	73
Тоскана	2	16	18	11	89
Верхние неаполитанские провинции	13	37	50	26	74
Апулия, Калабрия и Базиликата	19	40	59	32	68
Сицилия	9	14	23	39	61
Сардиния	5	5	10	50	50
Все королевство	91	228	319	29	71

Более чем в двух третях исследованных общин господствует обычай бриться или носить короткую бороду. Наоборот, в южных провинциях любят носить длинную бороду. Замечено, что эти области также отличаются и густотой бороды, между тем как в Тоскане, где чаще встречаются редкие бороды, в особенности распространен обычай носить короткую бороду.

Рыжие волосы

Профессор Топинар считает людей с рыжими волосами остатком почти исчезнувшего племени, некогда достигавшего до берегов Рейна и до Англии. Напротив, по мнению д-ра Беддоэ, рыжие волосы представляют не этнический, а только случайный признак. В этнографических изысканиях распространенность рыжих волос в Италии разбирается как отдельный специальный вопрос. Чтобы резюмировать результаты этих исследований, я нашел полезным подразделить общины на четыре группы. К первой группе я причислил те из них, где рыжие волосы встречаются нередко (вообще в количестве 3–8 %); ко второй группе мною отнесены те общины, в которых они попадаются изредка; к третьей – те, где рыжие волосы весьма редки и, наконец, к четвертой – все общины, где рыжие волосы совсем не встречаются.

Распространенность рыжих волос

Провинции	Число общин, где рыжие волосы							
	абсолютные цифры				процентные отношения			
	отсут-ствуют	весьма редки	редки	не редки	отсутс-твуют	весьма редки	редки	не редки
Пьемонт	5	20	22	1	10	42	46	2
Ломбардия	5	27	27	9	7	40	40	
Венецианская область	1	21	27	2	2	41	53	
Эмилия и Мархии	-	17	18	4	-	44	46	10
Умбрия и Лигурия	3	8	9	-	15	40	45	-
Тоскана	2	15	18	6	4	37	44	15
Верхние неаполитанские провинции	5	26	31	5	7	39	46	7
Апулия и Калабрия	19	33	30	8	21	37	33	9
Сицилия и Сардиния	5	25	14	-	11	57	32	-
Все королевство	45	192	196	35	9,5	41	42	7,5

Рыжие волосы встречаются во всех частях королевства, но всюду в довольно низком процентном отношении. Из всех исследованных общин существует только одна, именно Санта-Агата в Апулии, где, по свидетельству статистики, рыжие волосы оказываются преобладающими у населения. Наиболее изобилуют ими провинции, весьма удаленные одна от другой, каковы напр. Ломбардия, Эмилия, Тоскана и Апулия, между тем как в других областях, еще дальше отстоящих друг от друга, как то в Пьемонте, Умбрии и Сицилии, рыжие волосы составляют более редкую находку. Нельзя сказать, чтобы изобилие рыжих волос совпадало с распространенностью белокурого типа, потому что, как мы уже видели, Ломбардия, Эмилия и Тоскана как раз именно те области, в которых белокурые волосы встречаются крайне редко, между тем как Пьемонт и Венецианская область наиболее богаты ими.

Различные провинции, разделенные по этим трем категориям, дали следующие результаты:

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Провинции	Число общин, в которых плешивость появляется						
	абсолютные цифры				процентные отношения		
	часто до 50 лет	часто после 50 лет	редко даже в пожи-лом возр.	всего	часто до 50 лет	часто после 50 лет	редко даже в пожи-лом возр.
Пьемонт	16	27	1	41	36	62	2
Ломбардия	25	38	7	70	36	54	10
Венецианская область	17	32	5	54	31	60	9
Эмилия и Мархии	10	30	2	42	24	71	5
Тоскана и Лигурия	18	24	1	43	43	55	2
Умбрия	6	14	-	20	30	70	-
Верхние неаполитанские провинции	17	45	4	66	26	68	6
Апулия, Калабрия и Базиликата	26	66	3	95	27	70	3
Сицилия и Сардиния	10	32	2	44	24	71	5
Все королевство	145	308	25	478	30	65	5

1*Alopecia* (местное облысение), парши, различные стойкие органические изменения волосяного покрова.

По отношению к тому же вопросу врачи обратили внимание на следующие три специальные условия:

1. Часто ли появляется плешивость в цветущем возрасте?

2. Встречается ли она часто только у пожилых лиц, т. е. после пятидесяти лет?

3. Остаются ли волосы довольно густыми и в зрелом возрасте, т. е. приблизительно до шестидесяти лет?

Народонаселение Тосканы, занимающее последнее место по густоте волос, в то же время их теряет раньше и легче всех остальных итальянцев. За исключением Тосканы, в центральных и южных провинциях преждевременное выпадение волос встречается реже, чем в северной Италии.

Дело изменяется, коль скоро мы переходим в более специальную патологическую область. Преждевременная плешивость, служащая поводом к увольнению из военной службы, встречается во всех частях Италии, как это видно из представленной здесь таблицы.

Я не могу объяснить, почему в тех провинциях, где встречаются самые роскошные волосы и где они всего дольше сохраняются, в тоже время наиболее часто заболевает волосистый покров головы.

В Италии вообще на 1000 отставных солдат приходится 8 преждевременно плешивых; в неаполитанских провинциях, взятых отдельно, случаи увольнения по этой причине доходят до 51 человека на 1000.

Грехи любви и их происхождение

I

Если бы человек был подобен косуле, воробью или петуху, он удовлетворял бы потребность в любви в первобытных, грубых формах.

Но хотя человек и принадлежит, наравне с косулей, воробьем и петухом, к царству животных, он вместе с тем и царь всех созданий – он умнее и интеллигентнее всех их. С большой самоуверенностью и апломбом утверждает он еще и то, что он – царь всей вселенной.

Из всех этих преимуществ его, вместе со многими иными последствиями, проистекает и то, что для человека любовь не может быть простым удовлетворением его желаний. Она является для него одной из сильнейших страстей, бесконечно осложненной и запутанной задачами и требованиями нравственности, религии и свода законов. Любви присуши и грехи, и наказания. Она окружена множеством всяческих шипов и чуть ли не целым лесом колючего терновника, среди которого, кроме того, водятся и змеи, способные умертвить своими жалами.

И косуля, и воробей, и петух любят весело и открыто, нимало не стыдясь, при ярком солнечном свете, без каких бы то ни было гербовых бумаг и торжественных свадебных приглашений…

Мы же не смеем бросить любовного взгляда на показавшуюся на балконе девушку, не смеем пожать женскую ручку без того, чтобы тотчас же справа не появился у нас незримый карабинер, который начинает шептать нам на ухо: «Синьор, осторожней, не забудьте, что тут не следует попирать таких-то прав». А слева также незримо стоит на страже другой карабинер и шепчет: «Синьор, не забудьте, что тут необходимо выполнять такой-то долг, такие-то обязанности». И истинно, сколько прав, сколько обязанностей играют в нашем столь сложном обществе весьма полезную роль карабинеров! Да и на самом деле карабинеры весьма полезны, так как они поддерживают общественный порядок, защищают честь семьи, чистоту нравов и великое множество всяких иных вещей, дорогих и священных человечеству. Но рядом с этим они же и отравляют нам радости любви, конечно, только затем, чтобы избавить нас от еще большего зла, подобно тому, как последовательно и повторно прививают какой-нибудь специфический яд с тем, чтобы защитить, например, от дифтеритного заражения.

Если мы слишком близко подойдем к цветочной клумбе, слегка задев какой-нибудь стебелек верхней одеждой, тотчас же слышится испуганный возглас: «Осторожней, не сломайте этой гардении».

Если бы мы пожелали сорвать цветок, хотя бы один из сотни, украшающий куст: «Упаси, Боже! Цветы эти предназначены для семян». Вздумалось вам отдохнуть в беседке, – и вы спиной оперлись о зеленый переплет ее, – о, сколько бед натворили вы в один этот миг! Сопровождающий вас садовод с тяжелым вздохом укажет вам тотчас на всю вашу провинность, заставит вас коснуться рукой до смятых вами листьев, до надломленной веточки, и вы сто раз раскаетесь в том, что вздумали посетить этот сад. Но куда больше проступков мы можем совершить на каждом шагу, прогуливаясь в садах любви, чтобы сорвать в них несколько цветков. А сколько прекрасного в этих садах! Зачем же Творец создал все эти чудные розы, если нам не дозволено их рвать?

Сколько прав, которые могут быть попраны, сколько обязанностей, которые должны бить исполнены! И нам не дозволено сворачивать с пути, мы не имеем права сойти с проезжей дороги для того, чтобы свернуть на проселочную тропинку, не имеем права пренебречь цветочными клумбами, чтобы удалиться в лес. Всюду, и всегда – на страже карабинеры:

–Есть у вас входной билет?

–Есть, вот он.

–Прекрасно, однако, на нем нет подписи синдика, а тут нет гербовой марки.

– Хорошо, я приду в другой раз.

И вы сворачиваете с дороги.

Но и тут перед вами точно из земли вырастает новый карабинер.

– Синьор, что это с вашей обувью? Она вся в крови! Я вас арестую. Вы, наверное, попрали право третьего лица.

Ах, эти третьи лица, которые в любви являются всегда элементом, омрачающими мир счастливцев. Их такое множество, целые сотни, целые тысячи!

В общей сложности эти третьи лица составляют не менее целого села, целого города, целого человеческого рода, которые вы всегда можете оскорбить или уже оскорбили, сделав шаг вне дороги, предначертанной сводом законов и согласием большинства.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Раз дело обстоит так, как оно действительно обстоит в нашем современном обществе, я прекрасно понимаю, что некоторые из нас предпочитают лучше вовсе и не посещать садов в сообществе страстных фанатиков-садоводов и не предаваться любви среди столь значительного числа карабинеров. Но такие остаются всегда в незначительном меньшинстве.

Нельзя жить, вовсе отказавшись от любви. Это-то и есть причина, почему ведется, столь непрестанная и вековечная война между людьми, желающими любить свободно, и этими карабинерами, называющимися права и обязанности, которые и днем, и ночью бодрствуют, всегда стоя на своем посту, вооруженные с ног до головы для защиты всех указанных вами нравственных сокровищ.

С одной стороны, никогда не было более бдительной, деятельной и неустрашимой полиции, как эти карабинеры; с другой – не было никогда и более хитрых, искусных и изобретательных обвиняемых. С одной стороны – многочисленные и тяжелые наказания, с другой – неизмеримая сладость греха. И адвокаты обвиняемых всегда в каждом случае изощрялись находить смягчающие обстоятельства, указывая на «непреодолимое влечение». Одновременно и присяжные, сами, будучи созданы из плоти и крови, также чувствовали наклонность к совершению того же неизмеримо сладостного греха любви.

В этой борьбе – вся долгая, вековечная война влюбленных с общественными законами. В этой борьбе – вся история любви, в которой имеются страницы, написанные кровью; не мало страниц, написанных слезами, а также встречаются и странные, и смешные страницы, точно сборник карикатур. Возвышенное и карикатурное, дикое и смешное, жестокое и героическое, словом, все элементы сгруппировались и переплелись вокруг прекрасного, дорогого нам чувства любви – этого божественного дара, уготованного людям природой. Сколько радостей человек сумел окропить желчью; сколькими паутинами оплетаются чудные цветы того рая, который Бог создал и взрастил для нас! Цивилизации, – неизбежно идущей все вперед и вперед, – мы – в числе ее других благодеяний – обязаны еще и тем, что она устранила много пут и разорвала массу цепей, обвивавших любовь.

Теперь уже не существует больше, в виде признанного государственного закона, ни полигамии, ни полиандрии. Во многих странах имеется развод. Открыт уж не один предохранительный клапан для безопасности жизни пассажиров, путешествующих по железной дороге любви. Правда, карабинеры, все еще в полном вооружении, стоят на своих постах, но мечи их в ножнах, и требуется немало времени для того, чтобы вынуть их оттуда. Часто, пока карабинеры обнажат свои мечи, виноватый, преступивший закон, уже успевает бежать и скрыться с глаз. Нередко также и сострадательный карабинер, заметив лицо, совершающее преступление любви, делает вид, что ничего не замечает. Ведь, и карабинеры тоже люди. Если вовремя и достаточно щедро дать им на чай, и они сумеют, если нужно, стать глухими и слепыми.

Изобретение ключа повело за собой изобретение отмычек, а изобретение греха вызвало существование адвокатов.

Как-то однажды, в бытность мою в Индии, я часто хаживал в гости к одному богатому и ученому брамину, состоявшему в тоже время королевским секретарем.

Будучи свободным мыслителем, он, однако ж, вместе с тем, был и рабом всех абсурдов и вздорных предрассудков своей касты. Он никому из иностранцев не показывал своих жен, не ел мяса, а вино пил только украдкой, запершись с этой целью у себя в комнате и закрыв предварительно все ставни.

Когда я выражал ему свое удивление по этому поводу, он глубоко вздыхал и говорил тоном жертвы, покорившейся неизбежной участи:

– Да, да, религиозные предписания наши до того требовательны, до того неразумны и невыполнимы, что браминам поневоле приходится грешить против них, по меньшей мере, сто раз в день.

Но оставим в стороне Индию и ее браминов и разберем, как, каким образом каждый из нас, среди стольких славных сынов арийской цивилизации, может быть повинен в грехах любви.

Мы можем быть грешными в любви относительно религии, относительно законов, гигиены и нравственности.

А эти четыре главные проезжие дороги, по которым идут грехи любви, могут завести нас еще в такое великое множество проселочных тропинок, в такое множество побочных дорожек и аллеек! Для подробного каталога всех прегрешений и всех великих смертных грехов любви понадобился бы большой том, который ярко доказал бы нам, что и мы, хваленые наследники Прометея, также не отличаемся особенным разумом и что мы, потомки Ария, излюбленные Вениамины европейской цивилизации, могли

бы смело подать руку индусскому брамину, этому рабу браминской казуистики.

Не будем распространяться о религиозных прегрешениях и проступках любви, которым предстоит быть искупленными лишь муками чистилища или которые должны быть наказаны неугасимым огнем геенны. Существуют целые духовные библиотеки, в которых исследуются грехи мысленные, грехи содеянные, грехи упущения в любви и многое множество других бесчисленных, как песок морской, видов прегрешений. Это обширное поле оставляем на рассмотрение богословам и всем верующим в муки ада.

Не будем также вдаваться и в разбор свода законов, так как, с одной стороны, законы более или менее должны быть известны всем, а также и потому, что, несмотря на кары закона, угрожающие виновным в грехах любви, тем не менее, эти грехи совершаются всегда и всеми, в надежде, что найдется подходящая лазейка, которая позволит выйти сухим из воды и не навлечь на себя наказания. К тому же, при каждом поступательном шаге цивилизации, закон все более и более расширял петли своих тенет и вычеркнул со своих страниц целый ряд проступков в делах любви, за которые когда-то наказывали даже смертью!.. Теперь уже закон больше не упоминает о такого рода проступках, и он обращает на них свои взоры лишь тогда, когда они сопровождаются насилием или же оскорбляют права третьих лиц.

Точно также не станем говорить и о проступках любви против гигиены, а вместо этого займемся исследованием грехов любви против нравственности. Последняя, в искреннем и высокоразвитом в нравственном смысле обществе, должна была бы всегда идти рука об руку с законодательством и религией. Вместо того, она, в вопросах любви, часто противоречит им и исправляет их.

Эта мораль отчасти писанная, отчасти передается из поколения в поколение путем обычаев, нравов и всей той сложности действий, поступков и слов, которые составляют всю духовную атмосферу данного народа или данной исторической эпохи.

Эта мораль, имеющая большее значение, больший авторитет, чем все писаные законы, пугающая сильнее мучений ада, тюрьмы и плахи, имеет свои собственные уставы и отмечает неизгладимою, огненною печатью совесть всех цивилизованных людей. Это-то и есть та истинная, вековечная мораль, которая должна была бы научить нас быть джентльменами, – джентльменами с головы до ног, всегда и везде.

Женщины, грешащие в любви всегда вместе с нами и благодаря нам, больше всего повинны в том, что именно эта мораль не достигла еще высшей степени своего развития, что она все еще колеблется между лицемерием и грубостью, путаясь и цепляясь за великое изобилие колючего терновника – умолчания, софизмов и лжи.

Эта мораль – результат различных и противоположных сил, нечто, вроде сделки между невозможными, недостижимыми идеалами и великим могуществом страсти. Это нечто вроде *modus'a vivendi,* благодаря которому любви удается удержать и сохранить свое существование среди великого количества врагов, старающихся извести ее, среди множества завистников, пытающихся оклеветать ее. Это «modus vivendi», благодаря которому любовь, все-таки, успевает выращивать несколько цветов и даже собрать несколько плодов в окружающей ее злополучной, постоянной смене засухи, ураганов и наводнений. Эта мораль далеко не совершенна, так как ей приходится пробиваться среди множества препятствий и неурядиц, так как она часто для спасения своего вынуждена прикрываться чужим именем, так как для уничтожения предрассудков требуется орудие, которое и не легко отыскать, и не безопасно взять в руки. А предрассудков такая масса и они так живучи, более живучи, чем саламандра древних! Убить человека легко: для этого достаточно удара кинжала или нескольких капель мышьяка, удара молнии или пули пистолета, но чтобы убить предрассудок, быть может, вековой предрассудок, – для этой цели необходимо много соединенных сил: свет науки, выдержка, неустанная борьба, мужество, смелость, голос проповедников и перо писателей. А более всего и прежде всего для этого требуется действие времени, которое подобно тому, как медленно, но неустанно разъедающая ржавчина, уничтожает то, с чем не могло справиться даже лезвие железа.

Этому желанному и прекрасному делу уничтожения предрассудков в вопросах любовной морали может содействовать и всякий человек, который руководствуется в этом намерении здоровой и уверенной в себе совестью. Для того чтобы кричать, необходим громкий и сильный голос; но если первый возглас уже искренно вырвался из здоровой груди, непременно скоро найдутся люди, которые подхватят этот крик и составят громкий хор. Если верно то, что иерихонские трубы могли заставить упасть стены крепости, еще

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

вернее, что хор тысяч и тысяч людей способен уничтожить предрассудки, может положить конец их царству и вызвать к жизни семена новой цивилизации.

Во всех областях чувства и мысли гораздо легче начертать идеал теоретически, чем провести его в жизнь и осуществить на практике. В этом мы легко убедимся, если сопоставим нравственный идеал любви с практикой морали здравой, но вместе с тем и возвышенной.

Идеал самой высокой совершенной любви, – любви, в высшей степени нравственной, – со стороны мужчины был бы следующий: всю жизнь любить одну только женщину и любить ее до самой ее смерти. Со стороны женщины высшим идеалом любви было бы: любить всю жизнь одного мужчину и любить его до самой его смерти.

Остается сделать лишь один шаг дальше, поднять этот высокий идеал любви еще несколько выше, т. е. любить любимую женщину даже после смерти и любить лишь ее одну; любить любимого мужчину даже после смерти и любить одного его.

Впрочем, я должен признать, что при такой постановке вопроса область простого идеала переходит уже в область сверхидеального. Таким идеалом можно было бы, конечно, восхищаться, но он собственно недоступен человеческой природе. Лучше всего удовлетвориться первым, указанным нами, идеалом, и, пожалуй, даже еще несколько менее высоким. В таком случае оказалось бы большее число избранных, и если бы даже эти избранные не стояли на столь недостижимой высоте, зато человечество и счастье его только выиграли бы от этого. Мы всегда готовы предпочесть мораль более снисходительную, более доступную – слишком уж строгой, возвышенной, применять которую в состоянии лишь очень ограниченное число людей. Пусть будет у нас больше джентльменов и лишь незначительное число героев. Это куда лучше, чем несколько более значительное число героев, все же остальные – только ничтожные и вульгарные люди.

II

Если бы нужно было свести все добродетели нравственной любви к одной, самой существенной из них, как бы к источнику всех остальных, я бы выбрал искренность, которая является одновременно и синонимом верности. Кто искренен – тот и верен; кто верен – тот и искренен.

Первая, хотя бы и самая невинная ложь, сказанная любящим человеком своему спутнику жизни, являет собою уже первое нарушение клятвенного их договора, представляется первым облаком на голубом небе, предвещающим бурю.

Все всегда повторяли и повторяют известную фразу, что первая любовь – единственная, настоящая любовь; и обыкновенно добавляют к этому, будто бы истинно любить можно только раз в жизни. Владея достаточным запасом красноречия и прибегнув к некоторым софизмам, не трудно поддержать и защитить указанное изречение. Однако жизненная практика слишком часто противоречит такому положению.

Одна известная писательница утверждала, напротив, будто последняя любовь – единственная истинная любовь. Она утверждала это искренно, вовсе не замечая, что своим заявлением дает пищу насмешкам и

иронии для коварных и злых людей. И действительно, можно спросить, какую же любовь считать последней? А вдруг та, на которую смотрели, как на последнюю, окажется предпоследней или третьей с конца и т. д.?

Обыкновенно, мы именно в первую любовь вкладываем всю непреодолимую силу девственной страсти и если вообще изображают любовь слепою, то первая любовь вдвойне слепа. Вот причина, почему первая любовь влечет за собою столько разочарований; вот почему столько браков, явившихся плодом такой любви, оказываются несчастными. Ведь нет такого юноши, который в 20 лет мог бы сказать себе, что хорошо знает и понимает это хамелеонообразное создание, этого ангела-демона, имя которому женщина! И какая же девушка в 15 лет может сознаться, что хорошо знает и понимает это животноподобное существо, имя которому – мужчина?

Вот почему, если бы можно было дать точную статистику кратковременной, закончившейся изменой любви и статистику любви долговечной, ясной и верной, то главное место в первой статистике заняла бы любовь среди молодых людей, а во второй – любовь людей уже в более зрелом возрасте.

Необходимо внести хотя бы немного света во тьму неведения, которой окутано все, касающееся любви. Надо дать молодежи факел в руки, чтобы пламя его освещало ей путь в темном лабиринте любви, в который она устремляется с такой отвагой и таким доверием!

Древние латинские предки наши ставили над входом в свои жилища поэтическую надпись: *«Cave canem»*. Мне бы хотелось, чтобы и неопытные юноши над входом в приюты их любви читали начертанную пламенными буквами надпись: *«Cave amorem»*.

Если ваши руки встретились в нежном пожатии, и губы слились в поцелуй – прежде всего и непременно будьте искренни друг с другом. Чувствуя, что вы из тропических стран мало-помалу спускаетесь в более умеренную область, скажите же сейчас об этом вашей подруге или вашему товарищу по любви.

И если бы вы когда-нибудь заметили, что пламя в вашей груди начинает уступать место холоду, или же что из сфер солнечных сияний и райского блеска вы очутились вдруг в равнине, идете ли вы по самой обычной проезжей дороге или где-нибудь в прохладной тени – тотчас же спешите сообщить все это своему спутнику или спутнице в любви.

Не пытайтесь, побуждаемые чувством жалости, зажигать бенгальские огни, которыми вы стараетесь заменить прежнее солнечное сияние, прежний солнечный блеск. Не начинайте растапливать печь там, где прежде горел вулкан. Не всегда оказывается виноватым в нашем охлаждении наш товарищ по любви: вернее всего, что сама наша любовь была и невелика, и недостаточно одарена долговечностью и именно поэтому погасла через несколько дней или несколько месяцев.

В таких случаях остается одно: расстаться искренно и просто, как приличествует джентльменам. К счастью, чаще всего случается, что пламя любви угасает в обоих сердцах почти одновременно.

Искренность ваша вызовет искренность и вашего товарища по любви, и вы разойдетесь мирно, без слез, без всякого кровопролития.

Не трудно разомкнуть то, что уже не может дольше оставаться сомкнутым.

Если же случилось бы, что вы одни спустились со жгучих высот любви в прохладную долину, а товарищ ваш продолжал жить на этих высотах, тогда, конечно, ему предстояло бы пролить не мало горьких слез, и разлука должна бы выйти очень тяжелой.

А все же и это горе лучше лицемерия – лицемерия ежедневного и ежечасного.

Если любовь ваша была свободна, и ее не смыкали цепи клятвенного договора – в вашей жизни будет перелом, вам не легко будет перенести тяжелую бурю; тем не менее, вы честно и с чистой совестью расстанетесь друг с другом.

Если же, наоборот, клятвенный договор перед Богом и людьми сковал цепь, которая из гирлянды роз превратилась потом в железные кандалы, вы все-таки можете тогда сохранить на всю жизнь друг к другу искреннюю и честную дружбу, можете сохранить обоюдное уважение и будете в состоянии мирно и ясно провести вместе остаток вашей жизни.

Самый грубый и возмутительный из всех грехов любви – как перед религией и законом, так и перед нравственностью– преднамеренное обольщение девушки с намерением тотчас же бросить ее. Этот грубый и недостойный грех заслуживает собственно иного имени – имени «преступления». Это настоящее

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

преступление как перед людьми, так и перед Богом. Оно наказывается религией – осуждением на геенну огненную, а закон применяет к нему, смотря по обстоятельствам, известное число лет тюремного заключения. Но грозные муки ада так еще далеки, а суд очень редко и вовсе уж не так строго наказывает за это грубое преступление! Обман и ложные клятвы виновного и ловкость его адвокатов сумеют открыть не одну лазейку для устранения какого бы то ни было наказания. Что же касается общественного мнения, которое должно было бы в этих случаях являть собою высшую судебную инстанцию, то оно слишком часто относится очень снисходительно к виновному.

В таких вопросах любви, как, например, обольщение и разврат, большинство все еще держится мнения тех граждан города Лукка, которые, улыбаясь и пожимая плечами, так часто и так охотно повторяют циничное и насмешливое изречение – *questo non guasta il galantuomo* (это не портит джентльмена).

Грубый грех преднамеренного обольщения никогда не может быть совершен людьми, в высоком, истинном смысле слова, цивилизованными, и должен обязательно исчезнуть вместе с дальнейшим развитием цивилизации. Нравственная наша чуткость все больше и больше развивается вместе с возрастанием идеализма. С другой стороны, общее образование все более расширяется, и грех преднамеренного обольщения девушек и женщин непременно должен совершенно исчезнуть из списка человеческих грехов и проступков.

III

Надеюсь, что никто из моих читателей никогда не был повинен в грубом грехе преднамеренного обольщения девушки или женщины с предвзятой мыслью тотчас же потом бросить ее. Но не то, вероятно, окажется, если заговорить о грехе неверности женщин, будь она любовница или жена. Вряд ли кто из мужчин не был, не есть или не будет повинен в неверности, так как почти все они придерживаются мнения уже названных мною граждан города Лукка: «*Questo non guasta il galantuomo*». (Это не портит джентльмена.)

Я лично далеко не держусь этого мнения большинства, а также и не стою на стороне тех, кто, допуская неверность для мужчины, отрицает это право для женщины. Но я признаю, что вина неверной женщины куда больше вины неверного мужчины, хотя и мужчину нельзя оправдать в этом отношении, как я и пытался доказать в моей «Физиологии любви».

В настоящей статье мне бы хотелось исследовать причины неверности в любви; мне бы хотелось глубоко разрыть и перерыть всю почву, в которой скрываются корни этого греха. Вся наружная часть этого дерева у нас всегда на виду: ствол, ветки, листья, цветы и плоды, но мы очень редко добираемся до корня, который, между тем, – начало и источник всей этой внешней пышной растительности. Даже в том случае, если бы мы умело, терпеливо и бережно вынули растение и стряхнули с корней его землю, все равно невозможно было бы не оторвать или не сломать мельчайших и тончайших корневых отростков, которые так и остались бы в земле незримыми для всех. А между тем, именно они и дают питание и жизнь всему дереву.

Еще труднее, чем у обыкновенных растений отыскать все корни грехов любви. С виду растения любви все очень схожи друг с другом, но какие различные у них корни! В каких различных слоях почвы берут они свое питание и жизнь! Некоторые вбирают в себя соки тончайшими и самыми поверхностными корнями: стоит одной рукой вытащить растеньице и тотчас же без малейшего вреда для него можно пересадить.

Напротив, бывают растения с такими крепкими, пробивающимися в самую глубь почвы, корнями, что даже с заступом и киркой не удается разыскать все мелкие разветвления этих корней.

Конечно, можно вырвать растение, даже вместе с корнем, но только после больших усилий, после глубокого поранения; и после того останутся в земле оторванные корни. Сколько придется уничтожить в этом случае привязанностей, чувств радости и горя!

IV

Само собой разумеется, что даже наиболее целомудренная и наименее требовательная из женщин все же имеет полнейшее право срывать цветы с древа любви и даже претендовать на его плоды, доставляющие

ей высшее из счастий – счастье материнства. Если же ей изменяют, если ее обманывают в этом священном ее праве, понятно, что она будет возмущаться, что она сначала скажет самой себе в глубочайших тайниках своей стыдливости и своих любовных желаний: «Ты – женщина, отчего же он не мужчина по отношению к тебе?» Затем эту же самую жалобу она повторит во всеуслышание, и первые ее сомнения в верности ей любимого человека зародят в ней первые мысли о мести… А тогда может случиться, что она свернет с пути долга и чести, что и она также изменит и обманет с целью сорвать эти цветы и плоды любви, претендовать на которые всякая дочь Евы имеет полнейшее право. Как врачу и поверенному многих женщин, мне не безызвестна тайна их мученичества и их добродетели. Предположим, например, что брак, не дал женщине ни цветов наслаждения, ни плодов материнства. С некоторого времени ей стало ясно, что никогда уже не насладиться ей радостями чистой любви, что никогда дом ее не будет украшен колыбелью рожденного ею ребенка. Но, зная вместе с тем и о том, что жизненный спутник ее, которого она уважает и любит, ни в чем не грешен, она мужественно, геройски решается избегать постыдной измены, оставаться до конца жизни бесплодной и бездетной.

В случае если товарищ ее в любви не муж, а друг, и женщина желает лишь срывать цветы любви, а не добивается плодов ее, – все же она останется всегда верна своему другу, только бы он ее любил нежно и горячо, только бы их связывало всегда родство душ.

Все мы всегда отождествляем желания и потребности женщин с нашими собственными потребностями и желаниями и почти никогда не знаем о возвышенных стремлениях наших подруг. Между тем, если только женщина стоит хоть несколько выше самки, она почти всегда предпочтет любовь без сладострастия – сладострастию без любви, только под одним условием, чтобы любовь эта была неподдельной: верной, пламенной и глубокой. В этом отношении женщины составляют совершенную противоположность мужчинам.

Из всего сказанного легко вывести заключение, что неверность женщины, основанная единственно на одной только физической неудовлетворенности, очень и очень редка.

Между тем толпа продолжает думать, что старый супруг молодой жены непременно и неизбежно должен стать жертвой измены. И если нечто подобное случится, то уже никто не станет жалеть старика и все простят его неверной жене: «Tu l» as voulu, Georges Dandin!»

Также и для мужчины причина физического неудовлетворения никогда бы не должна служить источником его неверности ей, так как, если женщина и может иногда оказаться бесплодной, она, все-таки, всегда в состоянии подарить мужчине радости любви. В тех только странах, где браки основаны на непременном условии деторождения, мужчина в праве отвергнуть бесплодную женщину. А между тем и среди нас не мало мужей и любовников, которые изменяют своим подругам только потому, что последние, вследствие того или иного природного недостатка, неспособны разделять их любовных увлечений.

В таких случаях мужчина чувствует себя оскорбленным, находя, что на пиру любви его лишают лучшего дара. Он возмущается и ищет в ином месте того, чего не мог обрести в своей брачной жизни. Самая обольстительная мечта, присущая чуть ли не всем женщинам – это быть красивыми, очень красивыми, наиболее красивыми сравнительно с другими женщинами во всем своем селе, в целом городе. Женщины знают, что красота – орудие величайшего их могущества и что первая их слава – вызывать желания и зажигать пламя любви. Сочинения, проповедующие мораль, и религиозные учения видят, конечно, не в этом назначение женщин и указывают дочерям Евы более высокие задачи. Но даже в тех случаях, когда женщины свободные часы своего уединения посвящают чтению возвышенных книг религиозного и нравственного содержания, они, тем не менее, едва успевают выйти в народ, показаться хотя бы на улице, непременно, тотчас же постараются являться во всеоружии своих чар и будут счастливы и горды, если пробудят во всех восхищение и желание.

Из всего этого естественно следует, что женщина не способна довольствоваться только тем, что она будет нравиться лишь единственному мужчине, которого она выбрала или который ее выбрал. Без всякого намерения нарушить заключенный ею клятвенный договор, женщина все же наслаждается тем, что и другие, кроме любимого ею человека, восхищаются ею, – она наслаждается сознанием, что и другие отдали бы жизнь за ее любовь.

Какая женщина, войдя в бальный зал или в ложу театра и услыхав вызванный ее появлением шепот восхищения или увидев, что все глаза и бинокли направлены на нее, не обрадовалась бы этому? Не

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

осуждаем же мы полководца, если краска удовольствия вспыхнет на его лице в то время, когда при его победоносном возвращении с поля битвы целый народ встречает его кликами одобрения и восторга? Признаем и радость, охватывающую поэта или композитора, видящих, что целая толпа увлечена и опьянена стихотворениями или мелодиями, созданными их вдохновением.

Итак, слава женщин – их красота. Красота – те чары, которыми женщины пленяют мужчин. Они это знают и молча упиваются этим своим счастьем, смакуя его капля за каплей, не теряя ни одной из них, подобно жаждущему в пустыне, среди необозримых песков, вдруг нежданно обретающему в оазисе прохладный, серебристый источник, из которого он начинает жадно пить.

Добродетельная женщина, красивая и любимая, не станет, конечно, прислушиваться к вздохам, просящим о любви, обращенным к ней со всех сторон. Не отвечая на них ни малейшей взаимностью, она просто напросто слышит эти вздохи и спешит положить их к ногам того человека, которого любит. Добродетельная женщина счастлива тем, что она красива, что все считают ее красивой. Она гордится тем, что может эти свои победы в виде должной дани поднести боготворимому ею жизненному спутнику. «Я красива, – говорит она себе, – все мною восхищаются, но я принадлежу ему одному».

Но если женщина, на каждом шагу вызывающая желания, вздохи и любовь, не очень счастлива или совсем не счастлива, если спутник ее жизни из любви ее сотворил себе как бы хлеб, которым питается без всякого уже восторга, без всякой благодарности; и если он обманывает, часто повторяя ей, что она хороша, прекрасна, тогда женщина начинает желать нечто большего, чего-то другого и, конечно, в толпе своих поклонников она скоро найдет того, кто даст ей это нечто.

Впрочем, в этой области некрасивые женщины грешат куда чаще красивых. Последние удовлетворяются большей частью тем, что ими все восхищаются и что они таким образом вбирают в себя сладость вызванного ими фимиама любви. Напротив, некрасивые женщины просто в отчаянии от того, что им никогда не приходиться слышать ни шепота восторга, вызванного их появлением, ни вздохов любви, ни желаний. И вот они кокетством, разного рода ухищрениями стараются приобрести себе поклонников. Муж, например, выбрал себе некрасивую жену из-за ее приданого или по иным соображениям, но она не может отказаться от чарующих плодов древа познания добра и зла; ей так страстно хочется, прежде чем умереть, чтобы кто-нибудь горячо полюбил ее ради нее самой, чтобы и у нее нашелся пылкий, восторгающийся ею возлюбленный.

Красивы ли женщины или некрасивы, но все они непременно наблюдают друг за другом и завидуют друг другу: «Если такая-то, кроме мужа, имеет еще друга, то чем же я хуже ее? Разве я менее красива, менее ее достойна внимания»? Стремленье к подражанию становится таким образом соучастником зависти. Делать то, что делают другие – свойственно не только стаду баранов, но и большинству животных, обитающих на нашей планете, и прежде всего человеку. Одна и та же женщина, смотря по тому, родилась ли и выросла ли в нравственной среде, в которой измена мужу оказывается лишь исключительным явлением, или же, напротив, в другой среде, где неверность чуть ли не общее правило, – остается верной в первом случае и будет неверной во втором.

Нужно обладать очень сильной натурой, чтобы сохранить чистоту в среде развратной и относящейся легко ко всем вопросам любви.

Один грех порождает и влечет за собой другие, и так до бесконечности. Об этом печальном явлении мы почти всегда забываем, когда преступаем обязанности человека и гражданина. Каждый из нас дышит той атмосферой, которая его окружает; но каждый из нас в то же самое время и создает эту самую атмосферу, ту нравственную область, в которой все мы живем. Добродетельная женщина бессознательно является учительницей добра среди своих сестер, своих подруг. Напротив, неверная, развратная женщина учит и других пороку и измене. К несчастью, влияние второй гораздо более сильно, чем влияние добродетельной женщины. Итак, женщина часто грешит из чувства подражания. Раз совершен первый грех, совершить второй уже легче, третий еще легче, и так далее, до бесконечности. Кто возьмется сосчитать все неверности, все измены женщины, если она уже однажды решилась быть одной из тех, которых принято называть женщинами легкого поведения? Этим, на наш взгляд, слишком мягким и снисходительным именем, обыкновенно, принято называть женщин, повинных в адюльтере особенно тогда, когда они молоды и красивы.

Для дурной женщины нет более увлекательного греха, как возможность похитить у приятельницы и

соперницы по красоте и светским успехам ее поклонника, ее сердечного друга. Настолько этот грех привлекателен, что женщина похищает чужого любовника, даже не желая, даже не любя его, лишь бы уколоть гордость соперницы; остальное для нее безразлично. Мужчина, ведь, так легко дает себя победить, он так готов преклониться перед женской улыбкой, перед женским взглядом или грациозным движением ее маленькой ножки!

Бывают такие женщины, которые боготворят своих мужей или друзей сердца и боготворимы взаимно, но в тоже время не могут противостоять искушению отнять у подруги человека, который отличается или большей красотой, или большей известностью, или большим успехом в любовных похождениях, чем их собственный друг. Такого рода измена не сопровождается ни желанием, ни любовью, и после легкой победы женщина тотчас же и навсегда расстается с побежденным. Достаточно, чтобы подруга узнала о приключении и чтобы гордость ее, как женщины и любовницы, была унижена. В подобного рода поступках женщины выказывают необычайную жестокость и ловкость; в этом смысле они – изумительные воровки и убийцы.

V

Самолюбие со всеми его разветвлениями – честолюбием, тщеславием и соперничеством – уже само по себе способно побудить женщину, а в редких случаях даже и мужчину, впасть в грех неверности. Какая из женщин, как бы она ни была добродетельна и целомудренна, не фантазировала когда-либо в долгие часы, о том, что ее полюбит какой-нибудь принц, король или знаменитый человек, не мечтала о том, что и любовь, быть может, будет соединена с триумфом искусства, науки, литературы?

Быть любимой гениальным человеком – как это должно быть хорошо! Как прекрасно должно быть сияние лучей, окружающих его чело! Любовь гениального человека – нечто божественное! А затем, мерцающая вдали надежда не остаться неизвестной, когда пробьет его последний час, занять страничку в истории, даже две-три строчки и связать свое имя с биографией великого человека! Какое счастье обещает мысль оставаться навсегда спутником сверкающей планеты и вечно сопровождать ее в светлом ее течении через яркие небесные пространства!.. Быть как Беатриче для Данте или Лаура для Петрарки!

В подобных мечтаниях, однако, не все суета, не все самолюбие: у женщин вообще больше альтруизма, чем у мужчины; у нее больше альтруизма и в любви. Полюбив великого человека, она может надеяться быть его ангелом-хранителем, его нимфой Этерией, его утешительницей во все горькие минуты, во все его невзгоды жизни; она может надеяться стоять на страже перед всеми опасностями, угрожающими ему. Незримая, она с ним, когда он упивается творчеством; она поддерживает его в труде. Скромная и никому не заметная, она все же будет сознавать, что для него она – все тот же ангел, который ему улыбается, то доброе и снисходительное существо, которое страдает по нему, сожалеет о нем и все ему прощает. Для нее одной он работает и думает, для нее он пишет, рисует или лепит статуи, и ее одобрение – первая и самая высокая награда всех его трудов.

Сколько иллюзий в такого рода мечтах, сколько разочарований в такого рода надеждах! На одного Стюарта Милля, громко признающего, что лучшей долей своих идей он обязан своей подруге, сколько можно назвать великих людей, которые в любви своей оказываются мелкими, а в женщине видят только самку. Однако такого рода разочарования никогда еще не мешали и никогда же помешают многим женщинам изменять образцовому мужу или верному другу сердца, чтобы броситься в погоню за людьми, завоевавшими славу и известность. Такого рода женщины никогда бы не увлеклись человеком более молодым, более красивым, чем их жизненный спутник. Но слава обладает такими чарами, которые заставляют забыть все, которые побеждают самую твердую, испытанную склонность к добродетели, извращают самые сильные характеры. У подножия этого кумира все лежит простертым – тело и душа, чувственность и чувство.

Ни чувство неудовлетворенности в области любовных наслаждений, ни жажда мести, ни зависть, ни все вместе взятые остальные побуждения, подвигающие нас на грех, не обладают такой силой, таким могуществом, как отдельно взятое чувство любопытства.

Только что высказанное мною убеждение заставит читателя – я в этом уверен – протестовать, а у всех читательниц вызовет улыбку, смех и даже более того, насмешку. Негодование читателя и улыбки

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

читательниц, вероятно, будут сопровождаться не очень-то лестными для автора восклицаниями, вроде следующих: «Что за чудак этот Мантегацца, какой он шутник, какой охотник до парадоксов!» Или же в таком роде: «Скажите, пожалуйста, низвести страсть до простого любопытства, ту страсть, которая, чтобы дойти до измены, должна непременно обладать необычайной, непреодолимой напряженностью! Да, ведь это чистое безумие!»

Но пусть благосклонный читатель морщит лоб, и дорогие мои читательницы смеются и даже насмехаются, а я продолжаю стоять на своем и не отступлю от своего взгляда, выведенного мной из полувековых, обстоятельных наблюдений над человеческим сердцем. Мужчины и женщины, впадая в грех неверности, чаще всего побуждаются к этому чувством любопытства – любовь ко всему новому, как погоня за неиспытанным, жажда неизведанных впечатлений и ощущений.

От колыбели и до могилы человек вечно чего-то ждет, к чему-то стремится, постоянно находится в каких-то непрестанных поисках новых ощущений, новых привязанностей, новых идеалов. Самое лучшее удовольствие – искать и находить, и высшее наслаждение, когда последнее мгновение поисков превращается в первый момент обретения. Это счастье, когда из искры разгорается пламя, которое со временем начинает уменьшаться и гаснуть, пока не явится равнодушие, заставляющее нас снова искать, чтобы снова найти.

Если любовь продолжается лишь месяцами и годами, и только в редких случаях в течение целой жизни, то это происходит оттого, что производятся новые поиски и делаются новые открытия, вследствие чего получается картина, очень близко напоминающая прерывчатый ток электрической машины Румкорфа. Это самая элементарная физика и психология, неизбежным законам которой волей-неволей покоряются мужчины, а еще более женщины, и потому именно женщины, что наша прекрасная цивилизация отняла у них многие источники душевных волнений, приготовив для них жизнь монотонную и однообразную, почти всегда лишенную драматических положений и борьбы.

Это до того верно, что в тех случаях, когда женщина, выдающаяся по силе ума, или обширному образованию, находит в своей жизни не мало источников деятельности и волнений вне области любви – она всегда или почти всегда не поддается греху измены и хранит верность в любви.

Наоборот, когда вся жизнь женщины течет по одному и тому же руслу, вечно спокойному и невозмутимому, когда ее никогда не взволнует новое событие, она непременно начинает себя спрашивать: «Неужели за исключением этого приевшегося мне ежедневного хлеба, испеченного в одной и той же печи, поданного на стол в один и тот же час, – нет какой-либо иной пищи, быть может, и менее вкусной и менее питательной, но только иной, не той, которая мне уже так приелась?»

Жизнь женщин походит на плавание в лодке по гладкому каналу, вырытому рукою человека со всевозможными предосторожностями. Стенки этой лодки обиты матрацами, чтобы женщина не ушиблась, вода в канале всегда на одной и той же высоте. И женщины плывут тихонько по этим безопасным, неглубоким водам, по этой тихой зеркальной глади. Им нет повода опасаться ни бури, ни налетевшего шквала. Но, увы! Мы созданы таким образом, что нам необходимо плавать по свободно текущим рекам, путь которых предначертан одной только природой, по рекам, ниспадающим в море с гор, извилистым, порывистым, капризным. Они текут то медленно и величаво, то дико и грозно, то между зелеными и цветущими берегами, то между каменными утесами и скалами. Вода этих рек то хрустальна и ясна, как в озере, то покрывается пеной и бурлит, как в водопадах. Это-то и есть настоящая жизнь, который мы лишили наших женщин.

Вот отчего у женщин является так часто желание из тихого, гладкого канала броситься в бурную реку. Руководящее ими в таких случаях побуждение и есть именно любопытство. Любопытство склонило на первый грех Еву, заставив ее отведать яблока от древа познания добра и зла, но любопытство вместе с тем и побуждало нас создать науку, обрести искусство и поэзию; благодаря любопытству была написана вся история человеческого рода.

Вот это самое любопытство и побуждает всех дочерей Евы видно отыскивать что-нибудь необычайное, неизвестное в области любви.

И мужчины также несвободны от побуждений любопытства в любви, нередко приводящих их к измене, но любопытство мужчины при этом всегда анатомического или биологического характера.

Наоборот, женщина грешит любопытством более высокого, более благородного и утонченного разряда.

Мужчина обыкновенно ставит себе вопрос: какова окажется эта женщина в любви, каким обладает она темпераментом, какой стратегии, какой тактики будет она держаться в любовных распрях?

Женщина, напротив, интересуется лишь тем, как претендент на любовь ее будет ухаживать за ней, как он объяснится ей в любви: выскажет ли он смелость или смущение, постарается ли тронуть ее красноречивым молчанием или же разразится целыми потоками слов?

Редко когда женщины не поддаются такого рода психологическому любопытству. Весьма часто, вполне полагаясь на свои силы и решив во что бы то ни стало не поддаваться искушению, они все же позволяют своим поклонникам всячески любезничать и доводят до объяснения в любви, чтобы тотчас же заставить их замолчать негодующим жестом.

Все эти перекрестные взгляды, будто ничего не значащие, недоговоренные слова, кокетливые жесты, и составляют собственно ту увлекательную игру, известную под именем flirt'a, которая для большинства женщин является жизненной потребностью и имеет для них непреодолимую прелесть и очарование.

Однако, горе им, если они не обладают при этом железной силой воли и холодным темпераментом.

Очень и очень редко можно встретит величайших артисток flirt'a, проявляющих в нем столь же необычайную ловкость, какою обладают индийские фокусники, умеющие, никогда не ранив себя, прыгать, плясать и кувыркаться среди целого леса обнаженных и остро отточенных шпаг. Такая необычайная ловкость во «флирте» заслуживала бы удивления и даже более – восхищения всякого психолога. Я знавал двух синьор, которые, окруженный множеством поклонников, тем не менее, оставались безупречными и не поддавались искушению греха. Одна из них оставалась, например, долгие часы наедине с человеком, страстно влюбленным в нее и к которому и она сама питала взаимность. Со слезами на глазах выслушивала она его жалобы, была свидетельницей вызванного ею гнева, бешенства и смотрела на его слезы, оставаясь сама всегда ясна и недоступна.

Преступная любовь не только удовлетворяет острое женское любопытство, ее стремление к новому и неизведанному, но обладает, вместе с тем, еще и всеми чарами неожиданности и опасности.

В моей «Физиологии женщины» я уже исследовал этот таинственный, полный страсти мир женского сердца и советовал отвести женщине более широкую область в жизненной борьбе. Я указывал, что опасно оставлять женщин, окруженными поклонением мужчин, среди вечного однообразия и безделья, также и теперь я настаиваю на том же. Женщина слаба, робка и ее испуг и страсть не считаются для нее бесчестьем. Вот мы и воображаем, что эти ее недостатки должны защитить ее от непреодолимого обольщения. Женщина не идет на войну, не принимает вызова на дуэль, не участвует в словесных стычках, происходящих в парламентах. Она почти не причастна ни к литературной, ни к научной или к политической борьбе, но и она тоже человек, и она желает также, чтобы сердце ее иногда забилось от ожидания или угрозы опасности.

В то время как мужчины изображают собою борцов, не сходящих с полей битв, женщины сосредоточивают все свои воинственные инстинкты в области любви, где всегда им предоставляют играть первую скрипку и где закон и снисходительность большинства признают за ними столько прав, столько средств атаки и обороны.

Объяснение в любви шепотом, в нескольких шагах от мужа или любовника, тесное пожатие руки среди толпы любопытных и злоязычных, поцелуй, сорванный на лету, – все это преступные, даже более низкие наслаждения, но заменяющие для женщины тревоги и волнений, испытываемых мужчинами в иных битвах, где решаются вопросы чести партии, кружка, быть может, даже всего Отечества.

VI

Заканчивая свой анализ грехов любви, думаю, что кто-нибудь из читателей остановить меня замечанием, что я указываю на все источники грехов любви, за исключением, однако, одного, самого глубокого источника, который пробивается сквозь каменные глыбы и скалы и соединяет в своих водах и ручейки, и ручьи, и целые потоки.

Какой же это источник, о котором я забыл упомянуть? Несомненно, это, так называемое, родство душ, которое сразу уничтожает и разрушает всякие прежние комбинации, чтобы создать новые. Не возмущайтесь и не называйте профанацией любви это мое уподобление. У меня, скажем, есть вода, т. е.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

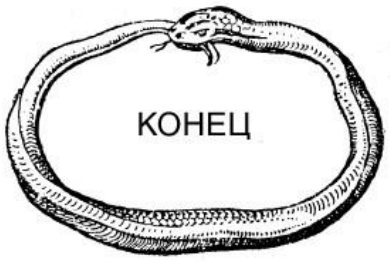
чистейшая окись водорода. Если вода эта стоит в сосуде вне влияния и прикосновения какого бы то ни было другого тела, она будет годами и веками оставаться спокойной и невозмутимой, но если я брошу в сосуд кусочек поташа, находящаяся в сосуде вода заволнуется и закипит. Кислород, который быть может быть веками оставался верным товарищем водорода, чувствует к поташу величайшее непреодолимое тяготение.

Поташ, так сказать, вырывает новую свою любовь из объятий водорода, соединяется с кислородом, и из этого соединения развивается такой жар, который сжигает водород.

Как раз то же самое происходит и с родством душ, которое соединяет мужчину и женщину. Это два отрицательных и положительных элемента той комбинации, которая называется любовью.

Пока не появится тело, имеющее для одной из двух составных частей большее родство, состав остается спокойным и неизменным, но раз окажется большее родство, то в области чувства повторится явление, о котором мы рассказали. Чем слабее притягательная сила, связывающая два тела и две души, тем легче разложить этот двойной состав. Но когда наоборот, притягательная сила велика, то для разъединения тел надо прибегнуть уже к более сложной химии, и часто даже и она не достигает цели, и приходится пустить в ход электрические батареи.

Когда химическое притяжение, соединяющее мужчину и женщину, очень слабо, то измена обыкновенно уже имеется здесь на лицо в скрытом потенциальном состоянии, как принято выражаться в физике. Но скрытое состояние превращается в деятельное, т. е. в грех, только тогда, когда равновесие сторон окажется нарушенным одной из тех причин, исследованием которых мы занялись в настоящей нашей статье.



Гигиена красоты

Глава первая

Пальмы и сосны. Каждому свое место. Цивилизация требует, чтобы прекрасное соединялось с истинным.
Джиоберти

La beaute me fait du bien en etant belle.
В. Гюго

Кто здоров, тот почти красив. Красота – великая, прекрасная вещь. Немного метафизической эстетики. Каждый возраст имеет свои особые красоты.

Кто здоров, тот прошел уже более половины пути, ведущего к красоте, и все гигиенические советы – хорошо питаться, жить в хорошей квартире, носить хорошее платье – склоняются также к тому, чтобы сделать нас красивыми.

Каждое существо, вышедшее здоровым из рук природы, красиво, и жизнь улыбается ему; всякий контраст, вред, болезнь, касающиеся его или заставляющие его страдать, делают его некрасивым, а безобразие – всегда болезнь или уродливость, всегда отклонение от естественного типа. И каждое существо чувствует ненормальность безобразия и поэтому всеми силами, со страхом и трепетом неуклонно стремится к сохранению своей красоты.

Каждое живое существо ищет красоту, а человек ищет и создает ее. В том загадочном движении, которое влечет всех живых существ к лучшему, некрасивое стремится к прекрасному и делается менее безобразным, а прекрасное также стремится к прекрасному и делается еще более прекрасным, между тем как уродливое само собою умирает, осужденное рано или поздно на бесплодие. На гигантском горизонте вселенной косоглазые, калеки и уроды выделяются, как бородавки на лице красивой женщины, как пятна на солнце, но подобно тому, как солнца и планеты нашего неба притягиваются одним большим солнцем, которого никто никогда не видел, так и травы, и деревья, насекомые и люди, словом вся несметная толпа живых существ в природе стремится передать через длинную цепь тысячей поколений вместе с любовью культ прекрасного – того неведомого божества, к которому направлены ум и сердце, сила и мысль всех людей, рождающихся на нашей планете.

Природа, создавая человека, наделяет его волосами, ногтями, червями и зловонным запахом; а цивилизация, которая есть лишь искусство прекрасного и хорошего, извлекла из его среды Венеру Милосскую и Аполлона Бельведерского.

Потребности есть, пить и спать легко удовлетворяются, и не для них мы нуждаемся в локомотиве и телеграфе; но для полного обладания прекрасным недостаточно еще всех ваших наук и искусств, потому что кроме купола св. Петра и трансфигурации Рафаэля, кроме «Рая» Данте и «Пятого Мая» Манцони, мы можем себе представить нечто еще лучшее, можем мечтать о высших красотах.

Жажда прекрасного никогда не утоляется – это неведомое солнце, к которому бессознательно стремится все бесконечное множество живых существ. Даже приобретения в области истины и добра нам не дороги, если они не носят отпечатка прекрасного; даже самые высокие и самые чувственные страсти не делают человека счастливым, если он их не сочетает с прекрасным, которое возбуждает и творит, которое превращает двуногое животное в мыслящего и надеющегося человека.

Каждое живое существо, само того не ведая, стремится к прекрасному; и каждая прекрасная вещь – излюбленное детище природы, которая ей покровительствует, защищает ее и дает ей возможность в жизненной борьбе пережить жалкие и некрасивые создания. Даже в мире растений и животных Парис всегда дает яблоко самому красивому существу. Все это есть ничто иное, как бессознательное поклонение неведомому Божеству.

Но человек не только дитя природы, а и ее разумный истолкователь; и вот он, первый между жрецами прекрасного, ищет его повсюду, в недрах земли и в небесах; в мире науки и искусства, в мире чувств и мысли; в мире цветов и звуков; повсюду, где воздвигается алтарь культу красоты, – и доходит до того, что открывает законы прекрасного, делая себя в этом почти равным Создателю.

Обязанность всякого человека не только искать прекрасное вне себя, но и сделать самого себя по возможности красивее. К неудержимой потребности природы: стремиться к лучшему, он должен прибавить коэффициент своего ума и своего опыта. Он должен распознать свой тип и стараться по возможности приблизить его к вечному типу красоты.

Каждый человек, родившийся под солнцем, имеет свой особенный тип красоты, отличный от типа всех других людей; но он всегда выше нас и мы не можем достать его руками. Приходится всегда созерцать его и приближаться к нему. Последний вздох нашей жизни должен быть последним стремлением к чему-нибудь прекраснее нас, к миру лучшему, чем наш мир.

Каждый человек обладает лучом человеческой красоты, но никто не обладает всеми. За исключением немногих уродов, обязанных этим какой-нибудь болезни, ни одного человека нельзя назвать абсолютно безобразным, и каждый обладает искрой, которая отражается в другом существе, искрой симпатии. Так два сверчка, показываясь в теплый вечер, говорят о любви своими световыми лучами.

У одной женщины имеется грация, но нет страстности; у другой слишком много света в глазах, но редко появляется улыбка на устах. Один мужчина Аполлон, но он не Геркулес, другой – Юпитер, но он не Амур. Каждый должен культивировать свою красоту, красоту своих детей, своих близких и дорогих. Она не заключается в греческой изнеженности и не в восточной похотливости, а в повиновении священным законам природы. И Бог изгоняет из храма подделывателей и не желает иметь жрецами уродливых людей. Не старайтесь быть милостивее Бога.

Любите прекрасное, которое есть одно из главных могуществ в мире, которое Платон, этот мудрейший

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

из мудрецов, поставил непосредственно за здоровьем, когда перечислил величайшие из человеческих благ. Непосредственно за здоровьем и… перед богатством.

Не стремитесь никогда к ложной красоте, потому что во лжи не может быть прекрасного, и помните, что разумное почитание этого неведомого Божества заключается в воспитании и морали.

Быть красивым значит распространять вокруг себя много радости, и красивое существо всегда окружено светлым ореолом, радующим всех, имеющих счастье дышать одним воздухом с ним.

Настанет тот день, когда наука научит нас как создавать красивых людей, подобно тому как искусство учит нас как создавать, по крайней мере, симметричные статуи; но и теперь гигиена защищает нас от многих уродливостей, точно также как учит нас окружать себя и своих детей тем дорогим для нас здоровьем, которое само уже есть истинная красота. Архитектура скелета займет науку будущего; современная же наука делает нас полными хозяевами нашей кожи, наших волос, ногтей, словом, всей внешней поверхности той оболочки, которая прежде других принадлежащих человеку вещей бросается нам в глаза, когда мы рассматриваем мужчину или женщину.

В этих немногих страничках моей книжки вы, спустившись из возвышенной и ясной области прекрасного идеала на простую дорожку практики, найдете много советов, как сохранять естественную красоту или создавать новую, найдете орудие, чтобы защитить себя от ложной красоты косметики, увлекающей ваше тщеславие и вредящей вашему здоровью.

Я отвергаю красоту, которая вредит здоровью, и не желаю красоты, которая бы шла в разрез с трудом и нравственностью.

Кто ищет красоту на четвертой странице газет или в магазинах парфюмеров, тот подобен человеку, ищущему алмазы в навозной куче или добродетель в тюрьмах.

Ищите прежде всего красоту там, где она находится, и примите во внимание, что, высказывая это, я не желаю прятаться за игрою слов.

Если вам двадцать лет, то не старайтесь иметь красоты, свойственной тридцатилетнему возрасту, а когда вам будет сорок лет, то не выходите из себя, чтобы быть красивым, как в тридцать. Каждый возраст имеет свою красоту, как и свой тип; никакой талант не сумеет создать красоты вне естественного типа. Вы можете подделывать векселя, лицемерить, открыть храм поддельными ключами, но не забывайте, что все это доставляет позор.

Как прекрасен набросок из роз и лилий, называемый ребенком! В невинной улыбке, в розовой заре не взошедшего еще солнца, скрывается будущее, которое никто не может толковать, но которое носит надпись – человек – Человеческое X, которое улыбается и движется, которое уже любит, но еще не ненавидит! Сколько красоты!

А разве подрастающее дитя не красиво? Солнце разума не блещет еще своим огненным диском на горизонте, но первые, ранние лучи его уже позолотили вершины далеких гор; и восход светила с душевным трепетом ожидается со дня на день.

Пока еще этот человек – подросток лепечет языком невинности; он уже коварен, но не зол; в нем кроется целый вихрь движений; он исполнен теплоты, веселья и беззаботности. Это – утренняя заря, которая скоро станет днем. Сколько прелести!

А разве юноша не Бог красоты? Разве он не Аполлон на человеческом Олимпе? На нем виднеются еще следы утренней росы, но полуденное солнце уже согрело его и пропитало теплым ароматом жизненного сада. Разве он не живая гармония силы и гибкости, могущества и грации; разве он не поражает блеском мысли и сиянием любви? Разве он не обладает молниями Юпитера и обворожительными формами Аполлона? Разве он не самое прекрасное существо в мире?

И можно ли сказать, что взрослый мужчина не красив? Ясное спокойствие уверенной силы, гордость, достоинство, смелость, неустрашимость и грация, ставшая силой, – разве все это не пестрые красоты лета

человеческой жизни?

Разве, наконец, старость здорового человека не исполнена различных красот? Разве мало прелести заключается в спокойной усталости без страдания, в жалостливой нежности взгляда, в серебристой красоте бороды и волос и во всем этом олимпийском величии длинной жизни, полной борьбы и труда?

Нет, здоровый человек не бывает некрасивым ни в каком возрасте своей жизни. Некрасиво только, если мальчик корчит из себя юношу, если юноша напяливает на себя тогу зрелого возраста; и что действительно вызывает отвращение, то это человек, весь превращающийся в живую ложь, в поддельный вексель, в фарс, вызывающий слезы.

Как прекрасна пальма, умеющая из скудных песков пустыни извлечь столько соков для своих плодов и отвечающая на жгучую тропическую жару своими длинными листьями, всегда зеленеющими вечной молодостью; но как смешны те пальмовые отростки, которые в оранжереях Норвегии рвутся вон из своей крепости из терракоты!

Как прекрасна сосна, возвышающая свою почтенную главу, покрытую серебристым снегом, на альпийском граните! Согревая ноги в бархатном мхе, она сохраняет вечную зелень своих сучьев в июльскую жару и январский мороз. Но как смешна сосна в Норвегии, растущая в теплице.

Италия кичится своим именем, более длинным, чем ее ствол.

О, человеческие пальмы, оставьте снег сосне! О человеческие ели, оставьте сладкие финики пальмам! Пусть каждая красота имеет свое место; пусть каждая красота будет истинной.

Глава вторая

Non ex vulgi opinione, sed ex sanojudicio.
Бэкон

Цвет лица и его прелести. Косметические средства. Лучшая косметика – гигиена. Бледные и красные. Хвала кольдкрему. Эстетика руки для дам и рабочих. Краски и их зловредность. Первый поход против лицемерия.

Ни один человек, посмотрев на себя впервые в зеркало, не остается доволен тем, каким создала его природа: то он желал бы быть более смуглым, то более бледным; то желал бы укоротить немного нос или сузить немного рот. Я уже не говорю о тех страшных страданиях, который причиняет нам зеркало, когда извещает нас о появлении морщины на лице или седых волос на голове, или о потере нежности и гибкости кожи; это те ужасные удары в набат, которые уведомляют нас о быстро бегущем времени, похищающем у нас ежедневно какую-нибудь красоту и какую-нибудь иллюзию.

Печальнее всего то, что мы очень легко можем повредить себе и сделать себя безобразными, между тем как сделать себя красивым – дело очень и очень трудное. Присмотритесь, возможно ли превратить тупой нос в греческий или удлинить короткий нос; а между тем одной лишь привычкой очищать нос правой рукой нам удается лишить его полной симметрии, так что из 100 носов вы найдете 99, обращенных концом вправо, также нюханье табака утолщает нос, а ковырянье пальцами в нем страшно расширяет ноздри; сосание губ удлиняет и уродует их; и таким образом мы в состоянии сами создать бесчисленное множество разных уродливостей.

Одна из прекраснейших вещей в мире – это розовый цвет лица, дышащей неподражаемой молодостью. Даже посредственное по своим чертам лицо может вызывать симпатию, если оно блещет той приятной краской, которая так нравится нам в едва распустившейся розе и которою обладает каждое живое существо в мире, если только пользуется здоровьем и силой.

Краски, которыми природа рисует ангельское личико ребенка, божественное лицо девицы, смуглое лицо сильного мужчины, имеют очень мало теней, но она умеет этими немногими красками создать самые

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

блестящие картины грации, красоты и силы. И все эти краски имеют один источник – здоровье. Здоровье придает лицу ребенка розовый цвет зрелого персика; здоровье дает женщине ту невыразимую прелесть смеси алебастра и рот, который составляет целый рай; здоровье придает лицу мужчины те мужественные краски мрамора и бронзы, за которыми клокочут страсти и бушует сила.

Вот почему гигиена – лучшая косметика в мире, самая плодотворная создательница красоты; вот почему быть здоровым значит пройти три четверти пути, чтобы стать красивым.

Косметическими средствами называются те вещества, которые должны поддерживать или увеличить красоту тела; каждого человека в этом мире инстинктивно влечет к красоте, которая составляет для него потребность. Даже наименее пустой человек в мире треплет свои волосы, когда тайком беседует с дамой или выступает публично. Даже самая стыдливая женщина кусает свои губки, чтобы сделать их коралловыми, когда чувствует на себе взгляд восторга, желания или любви. Это самые простые и невинные косметики в мире, и трудно найти такого строгого моралиста, который бы осмелился бросить первый камень в девушку, которая, будучи слишком бледной, легко растирает иногда щеки рукою, чтобы придать им румянец, или в юношу, который закручивает кончики своих усов.

Хороший цвет лица – это счастье, которое достается лишь на долю самых красивых рас и лучших темпераментов; и если розовый цвет преждевременно сходит с лица, то вместе с ним пропадает и здоровье. Когда последнее восстанавливается, то вместе с ним снова появляются и розы на лице. Холодные купанья, прилежный труд и умеренная жизнь – лучшие хранители света, золотящего лицо молодости.

Бледность, если она не впадает в зеленый и желтый цвет, бледность на теплой и нежной кожи может сочетаться с выдающейся красотой, и бледная андалузянка конечно не склонит головы и не опустит рук пред англичанкой с лицом, подобным цветущему персику.

Это высказал и De Monterif:

Si de jeunesse on doit attendre
Beau coloris,
Paleur qui marque une âme tender
A bien sou prix.

Девицы слишком красные, лица которых более похожи на красные яблоки, чем на розовые персики, втайне проклинают щедрую природу и пьют уксус или употребляют другие менее невинные способы, чтобы стать бледными. Бедные! Они подрывают свое здоровье и приобретают болезненную бледность, портя то, что им дала природа, а не улучшая его. Они теряют свои розы, не приобретая здоровой бледности красивых андалузянок.

Наша кожа, как и всякая другая вещь на этой грязной и пыльной планете, подвержена загрязнению, и часто одной воды бывает недостаточно, чтобы очистить ее, а приходится прибегать к мылу – самому простому и невинному косметическому средству. Но мыло должно служить для мытья рук, ног, для тела вообще, менее же всего им следует пользоваться для лица. Многие по несколько раз бешено моют лицо, трут и вытирают его так, как будто бы имели дело с кастрюлей или горшком, а между тем, стирая с лица вместе с грязью и эпидермис, они портят кожу.

Вот почему римляне, так любившие теплые купанья, растирали все тело маслами после купанья; вот почему я советую женщинам, имеющим слишком сухую кожу и усвоившим себе привычку мыть мылом лицо, шею и плечи смазывать эти части *кольдкремом,* тем самым *кольдкремом,* который им не безызвестен и который составляет одну из невиннейших прелестей их эстетических таинств.

Но так как в продаже имеются многие ядовитые кольдкремы, то лучше всего обратиться к врачу с просьбой выписать такой по рецепту из аптеки.

В особенности полезно натирать лицо кольдкремом, перед тем как выйти на улицу в ветреную погоду, если дело идет о слишком сухом климате; это сохраняет нежность и мягкость кожи, замедляя появление морщин.

Гибкость и мягкость кожи – это слабая сторона всего слабого пола; однако гигиена дает возможность культивировать эти качества лишь до известного предела, перешагнуть который нельзя без ущерба для кожи, становящейся чувствительной, легко ранимой и чрезвычайно предрасположенной к заболеванию вследствие самых ничтожных причин.

Частые теплые ванны делают кожу мягкой и гибкой, а еще лучше ванны из отвара отрубей. Миндаль и другие семена – прелестные средства для мытья рук, лица и других видимых и не видимых для глаза частей. Я знал старушку, которая прожила 87 лет, сохранив до самой смерти свежее и розовое лицо, умывая его всегда водой, процеженной через землянику. Но эта привычка немного отдает Людовиком XV и гаремом.

«Девичье молоко» одно из наименее вредных для здоровья веществ, потому что составляет смесь розовой воды с *Tinctura benzoes,* но с течением времени она покрывает кожу коркою, препятствующей ей правильно функционировать. Сколько алебастровых плеч ослепляют нас в театральных ложах, а между тем это *не натуральные плечи!*

Ароматический уксус также содержит *benzoe,* ему, следовательно, свойственны все недостатки «девичьего молока». Несколько капель, добавленных в воду, оказывают хорошее действие, если нужно умерить чрезмерный пот во время летней жары, если нужно освежить поблекшую и вялую кожу или если нужно предохранить ее от загара, когда приходится пребывать под слишком знойным солнцем. Но ароматический уксус имеет еще более могущественные и загадочные свойства, чем упомянутые, и прекрасная половина человеческой семьи ежегодно употребляет целые потоки его, но не для лица и не для рук. Если вы хотите знать для чего это, спросите об этом у красивой женщины, перешагнувшей за тридцатилетний возраст.

Что касается меня, то я могу лишь сказать – *laissons faire.* Гигиена должна поступать подобно морали:

Surtout pas trop de zêle.

Возьмем мир таким, каков он есть, улучшая его мало помалу. Наше дело – ортопедия, а не пытка. Припомните прекрасные слова великого Философа Кабаниса: *«Медицина и мораль покоятся на одной общей основе – на физическом познании человеческой природы»*.

Рука – это, можно сказать, половина всего человека; будучи прототипом инструмента и нерва артиста, она может отличаться замечательной красотой; она может выражать грацию и страсть, изящество и любовь. Частое ношение перчаток, охранение руки от действия солнечных лучей, морозов, чрезмерной теплоты и обращения с твердыми предметами, одевание на ночь перчаток, смазанных глицерином или вазелином, – вот вся гигиена красоты руки.

Рабочий, которому приходится обращаться с пилами или другими инструментами и руки которого грубеют в суровой мастерской, поступит хорошо, если будет пользоваться пемзовым мылом *(sandsoap* – у англичан, *savonponce* – у французов). В руке рабочего человека часто заключается весь его капитал; она доставляет пропитание его семье; а я люблю чистую и красивую руку, потому что она составляет самую благородную часть благороднейшего человека; но пемзовое мыло слишком мало употребляемое нами, имеет еще то важное достоинство, что делает руку более гибкой, а ее движения более эластичными.

Привожу здесь страницу из описания моего путешествия по Сардинии, чтобы показать вам, до чего может дойти мозолистость рук у некоторых рабочих:

«Добыватели кораллов, приезжающие ежегодно в Алгеро *(Alghero,* город в провинции Зассари на острове Сардинии) на 200 лодках, почти все неаполитанцы и тосканцы; они отлично зарабатывают, но ведут адскую жизнь. Они спят 4 часа в сутки, борются со жгучим солнцем, с ветрами, голодом, дождями, а их руки до того затвердели от употребления весел и инструментов, которыми они работают, что, если вы бросите им монету на пол, они часто не сумеют согнуть пальцев, чтобы взять ее, а ударом руки подбрасывают ее в воздух и ловят другой рукой»[98].

Эти добыватели кораллов, наверное, не имели бы таких мозолистых рук, если бы по крайней мере по

[98] Mantegazza. Profili e paesaggi della Sardegna. Milano, 1869.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

воскресеньям мыли их пемзовым мылом или разведенной в воде содой.

Многие привыкли прибавлять к воде, которой умываются, одеколон или ароматические настойки, содержащие спирт и различные эссенции. Для людей, потеющих много, достаточно несколько капель, но злоупотребление такой водой вредит здоровью кожи, которую она слишком раздражает.

Эти ароматические жидкости следует сохранять для самых жарких дней года, для выздоравливающих, на все те случаи, когда динамометр жизни показывает ниже нуля и приходится растирать, возбуждать, подкреплять сонливых и спящих.

Не употребляйте никогда белил, чтобы сделать себя белыми, и румяна, чтобы сделать себя розовыми; не употребляйте никогда косметических веществ, состав которых вам неизвестен, потому что почти всегда это – вещества ядовитые, вредящие здоровью и с течением времени лишающие кожу ее естественной нежности. В странах, где эти вещества слишком много употребляются, я всегда замечал у женщин отвратительные испорченные зубы, и вообще эти женщины при достижении тридцатилетнего возраста приобретают тот цвет лица, который напоминает колорит немецких кукол и который уже на далеком расстоянии вызывает смех.

Румяна не должны быть известны женщинам даже по названию, потому что самые невинные из них, из талька или цинка, не достигают желанной цели, т. е. не могут заставить принимать черное за белое. Румяна, содержащие свинец и висмут, имеют то неудобство, что чернеют при соприкосновении со светильным газом, вследствие чего с женщинами иногда случается на балу, что они вдруг становятся очень *смуглыми*, поражая знакомых неестественным цветом своего лица.

Видные актеры, которым поневоле приходится употреблять для грима румяна, содержащие часто свинец, страдают головной болью, параличами и другими недугами, которыми они обязаны медленному отравлению.

Красные румяна содержат иногда киноварь; кармин, сафлор, бразильское дерево безвредны для здоровья тела, не делают ужасно смешными тех, которые, употребляя их, рассчитывают ввести в заблуждение близоруких людей.

Для истории румян и белил потребовалась бы объемистая книга; я удовольствуюсь лишь несколькими примерами, чтобы дать вам представление обо всей зловредности этих тайных агентов лицемерия.

Капли Гоуланда, эмульсия Дункана и косметика Земерлинга содержат сладкий миндаль, горький миндаль и сулему, сильнодействующий яд. Но это еще не все. Смесь горьких миндалей с сулемой, которая есть ничто иное, как двухлористая ртуть, образует новый, еще более страшный яд – цианистую ртуть.

Сколько мигреней, зубных болей и других недугов покупают женщины за дорогую плату в магазинах парикмахеров и парфюмеров.

Не мешает от времени до времени делать визиты к туалетному столику жены или сестры; и тогда, закрыв один глаз на *habeas corpus*, ищите, конфискуйте и осуждайте.

А вы все, молодые люди, ухаживающие за красивой женщиной и желающие, может быть, взять ее себе в подруги жизни, не довольствуйтесь восторженным созерцанием ее по вечерам, старайтесь видеть ее и восторгаться ею также днем, даже утром, если это возможно, прежде чем «девичье молоко» и помада Аспазии, и божественная паста Венеры, и помада граций успели создать девственную красоту, которой не существует, Аспазию, которая давно мертва, Венеру, которая чуть ли не позавидовала бы Гарпии, и граций, которые можно купить за целковый в любой косметической лавочке.

Если вы любите женщину, то старайтесь, чтобы ваша любовь была нравственной силой, светом, освещающим темные пункты ума и сердца, путеводителем по лабиринтам жизни.

Предоставьте румяна проститутками, продающих свой разврат в темных аллеях садов или в коридорах театров.

Самую лучшую краску дают красные шарики крови, а это достигается хорошей гигиеной, пребыванием и движением на свежем воздухе, умеренным трудом и разумным пользованьем жизнью.

Глава третья

Продление жизни и здоровья, первый источника наслаждений и счастья, служит предметом самых страстных желаний людей.
Преси

Все мы, собственно говоря, всю жизнь остаемся детьми.
Альфиери

История, мифология и поэзия волос и бороды. Проклятие Иеремии. Гигиена волос. Первый седой волос и его история. Юлия, дочь Августа. Лысина: укрепляющие средства. Борода и ногти.

Женщина без волос и мужчина без бороды – вот два несчастнейших субъекта между всеми жалующимися на свою судьбу.

Женщина может быть богата, молода и красива; она может обладать Формами Венеры и сокровищами Клеопатры, белейшими зубами, умом Сафо и тем богатством, которое дороже всех других и называется двадцатилетними возрастом; но если у нее нет волос на голове или если их имеется очень мало, то она – одно из самых жалких существ в мире.

Несчастная! Ей приходится вечно скрывать язву, которой она стыдится, и находиться в вечном страхе, чтобы об этом не узнали. С обильными волосами на голове она была бы Венерой, без них она – достойное жалости создание; имей она много волос на голове, она была бы богиней; без них она даже не женщина.

А разве мужчина, который на протяжении нескольких месяцев напрасно осматривает свое лицо в зеркале, силясь открыть первый пух на губах, и тщетно щиплет ногтями щеки, в надежде открыть на них то, чего не находит глазами, разве такой мужчина не чувствует себя несчастнейшим из людей? Несчастный! То, что для него печально, другим кажется смешным; ему приходится стыдиться того, в чем он не повинен, приходится переносить насмешливые улыбки и безжалостные взгляды длинноволосого пола. О, почему он не может отрезать несколько сантиметров волос у Евы, чтобы украсить ими свой гладкий подбородок? Имей он хоть один сантиметр волос на лице, и он был бы может быть счастливым человеком, но без них он несчастный, жалкий человек, быть может, даже совсем не человек!

Какие мы, однако, жалкие существа, если отсутствие нескольких прядей волос на голове женщины может быть достаточно, чтобы лишить ее любви; если отсутствие нескольких сантиметров волос на подбородке мужчины может быть достаточно, чтобы усомниться в его достоинстве, силе, мужественности! Никогда более ничтожной вещи не придавали большего значения и важности; никогда ни в чем не сосредоточивалось столько волшебства и могущества, как в волосе, который отделенный от тела, отбрасывается как никуда негодная дрянь; никогда в человеческой натуре не сказался больший контраст между силой и слабостью, никогда на такой малой поверхности не поместилось столько предрассудков, столько парадоксов; никогда в такой короткий промежуток времени не создалась такая история!

О, загадочный и чудодейственный волос! Сегодня ты украшаешь голову девицы, вызываешь зависть у целого поколения женщин, восторг у толпы обожателей и служишь магнитом для тысяч скрытных, но жгучих поцелуев; завтра же, упав на пол, красивый, светящийся, эластичный, как вчера, ты принадлежишь уже к изгою, к которому никто не захочет прикоснуться. Вчера – лучший алмаз в короне красоты, ты сегодня валяешься в куче навоза.

Волосы человека вполне заслуживают того, чтобы на них остановились довольно подробно, но мы должны ограничиться лишь несколькими гигиеническими и нравственными советами.

Глаза – зеркало души; на губах может сконцентрироваться столько красоты, что она в состоянии убить или спасти человека; на челе может блистать ум, делающий человека Богом; подбородок может выражать безграничную доброту и кротость; тело своими движениями может говорить нам о силе или о любви; но волос, который не говорит, не движется и который даже лишен чувства, может в сто крат увеличить всякую другую красоту и может в своих бесконечных лабиринтах скрывать столько поэзии, какую только человек в состоянии прочувствовать, а поэт создать.

Послушный тысячам капризов фантазии, подчиняясь самым смелым желаниям вкуса, он до

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

бесконечности разнообразит эстетические комбинации черт лица, на котором создает каждый час новые красоты, делая из одного лица сто портретов и из одного вида красоты тысячу. Он – живая материя, послушно подчиняющаяся воле, вкусу, искусству каждого; и кажется, будто вдоль прядей этой материи течет волна теплоты, страсти, даже мысли, течет тихо и беспрерывно, подобно водам вечной реки.

Греция, первая и величайшая жрица прекрасного, создала целую поэзию волос. Она приписывает Гомеру и Юпитеру, Богу поэзии и Богу творчества, львиные гривы; Фебу золотистые волосы; а Венере она не дала другого покрывала, кроме ее длинных волос. Наконец и музы также обладали красивыми волосами: Καλλιχομαι.

Две божественные вещи: сила мужчины и красота женщины получили олицетворение в волосах. Юпитер потряхивает гривой и приводит этим в трепет весь Олимп; Ахиллес в разгаре битвы дает развиваться своим густым и страшным волосам, окаймляющие лицо его огненным ореолом. Все Венеры древнего мира имели длинные волосы, и если в Риме когда-нибудь существовала лысая Венера, то это было тогда, когда римские женщины, чтобы совершить величайшую жертву для родины, сбрили свои волосы, чтобы вооружить ими самострелы для защиты Капитолия, осаждаемого галлами.

Поклонение волосам было почти божественное. Троян, лучший из римских императоров, почтя неимевший по честности характера других соперников, кроме Тита, сохранил в истории прозвище *Crinitus* (Волосатый), так роскошны были его волосы. Спартанцы перед сражением с большой любовью причесывались, чтобы прилично явиться в мир мертвых.

Бритье головы считалось позором. Греки брили своих рабов, подобно тому как современные цивилизованные люди метили их раскаленным железом. Римляне обязывали к плешивости побежденных и доставили этот позор галлам, бретонцам, лигурийцам. У германцев неверной жене обрезали волосы, считая это величайшим наказанием за величайшее преступление.

Естественная лысина всегда считалась большим несчастьем. Цезарь постоянно стыдился своей безволосой головы, а Светоний описывает нам те средства, которыми пользовался величайший гений древнего мира, чтобы скрыть свою лысину от других[99].

Лысый Домициан однажды сурово наказал человека, надругавшегося над плешивым, а Агафокл, тиран Сицилии, покрыл голову миртовой короной, чтобы скрыть свою лысину.

В Библии волосы занимают не менее почетное место, чем у греков и у римлян. Иегова ниспосылает плешивость на ассирийского царя, как символ позора; Эсаул предсказывает ее моабитам, как страшное наказание, а Иезекииль призывает ее, как проклятие, на голову сирийцев. Наконец св. Елисей, преследуемый детьми, издевавшимися над его плешивой головой, теряет терпение и святость и бросает их на растерзание диким животным.

У греков и римлян голова детей считалась священной, ножницы не касались ее до того возраста, когда надетая тога и постриженные волосы превращали ангела невинности в человека, осужденного на труд и способного на преступление.

Ora puer, prima signans intonsa juventa.

И эта жертва невинности и красоты была посвящена богам. В Афинах Аполлон получал эту дань, а в Риме священное дерево, *capillata*. А в настоящее время сколько женщин можно встретить во всех странах всего мира, на груди которых блестит золотое святилище, где хранится клок волос. Разве любовь и религия не посвятили волосам длинной и благочестивой истории? Весталка, срезывая волосы, становилась жрицей, почти божественным существом; и современная монахиня с последним взмахом ножниц, лишающим ее лучшего украшения природы, чувствует, что последнее звено, связывавшее ее с миром, навсегда для нее разрушено. Кто не знает, что отнять у женщины волосы, значит притупить конец у одной из самых острых стрел амура? Находясь в присутствии монахини, я вспоминаю Теокрита, описывающего амуров, которые, оплакивая смерть Адониса, срезали себе волосы; вспоминаю Ахиллеса, который, стоя перед костром

---

[99] «Его лысина доставляла ему большое огорчения, тем более что это часто служило предметом издевательства со стороны его врагов; поэтому из всех декретов, изданных Сенатом и народом в честь его, ни один не был ему так приятен, как тот, который давал ему право носить постоянно лавровую корону».
См. Светоний. Франц. перевод. *Rome galante sous les douce Césars.* Издание *Dentu* 1887. Стр. 22. *Примеч. перевод.*

Патрокла, срезывает свою величавую гриву и бросает ее в пламя, пожирающее тело его друга.

Вспоминаю также про печаль целой нации. Вспоминаю Грецию, где все граждане, оплакивая своего поэта Алцея, побрили часть головы сзади. Даже солдаты Аттилы побрили себе головы после смерти своего короля и вождя, а Иеремия выражает самое горькое отчаяние возгласом: *«Tonde capillum tuum et abjice»!* (Постриги свои волосы и отбрось их прочь.)

Меняются обычаи, меняются языки, беспрерывное течение времени видоизменяет людей и вещи. Но еще теперь, спустя столько веков, возглас Иеремии сохранил свою справедливость, потому что вырывание волос служит выражением самых раздирающих страданий, какие может испытывать человеческая душа. Терзаемые какой-нибудь внутренней бурей, мы отрываем от себя единственную часть нашего тела, которая есть более чем платье, но не есть еще плоть наша. Вырывание волос немного менее самоубийства или почти самоубийство. *Tonde capillum tuum et abjice!*

Но может быть, воскликнете вы, какое нам дело до всей этой мифологии и этой экскурсии в область истории и поэзии? Где скромный практически-гигиенический подход?

Я хотел показать вам все значение волос, чтобы затем научить вас лучшему способу, как сохранять их красоту и полноту сколь возможно дольше и защитить вас от следующих двух несчастий: от *седины* и от *лысины*.

Guyon в своей книге *«Miroir de beauté»* (Зеркало красоты) выразился на старо-французском языке, что волосы, чтобы быть красивыми, должны обладать следующими свойствами:

«Sur le devant principalement, doivent estre crespeux et frisez, de mediocre longueur aux homraes, et aux fllles et femmes, longs, copieux, de couleur blonde comme l'or, ondés et reluisans»[100].

Сознаюсь, я не так требователен. Конечно, Аполлон, которому в деле красоты нельзя отказать в компетентности, отдавал предпочтение светловолосому Нарциссу; Цирцея обладала волосами цвета солнца, а Купидон – белокурыми. Но, вполне соглашаясь с Аполлоном, обожая Цирцею и Купидона, я не могу не согласиться и с Горацием, прославляющим черноволосую Lycas, и с Апулеем, восторгающимся в прекрасной Фетиде ее черными, как смоль, волосами; в особенности же мне нравится сравнение Соломона, восхищавшегося в своей красавице ее волосами, черными и светящимися, как крыло ворона.

Волосы могут быть красивыми, какого бы цвета они ни были: светлыми, каштановыми, черными, даже рыжими, не говоря уже о тысяче промежуточных оттенков между этими четырьмя классическими цветами. Они могут быть прекрасными, гладко причесанные или взъерошенные. Нужно только, чтобы их было много, чтобы они не были слишком жестки; нужно, чтобы они были мягкими и эластичными, в особенности же, чтобы они оставались до самой глубокой старости на своем почетном месте, медленно и постепенно седея, причем седина должно начинаться лишь за 40 лет, т. е. в ту фатальную эпоху, когда приходится мириться с лысиной и другими неприятными вещами.

Мужчина часто стрижет свои волосы, чтобы они ему не мешали в его жизни, полной деятельности и борьбы; часто, однако, он делает это из-за подражания моде. Я советую стричь волосы лишь в теплые дни или вообще в теплое время года, когда мы чувствуем себя бодрыми и в полном сознании своего здоровья. Многие, страдающие мигренью и другими невралгиями, получают самые жестокие припадки своего недуга, если срезают волосы в сырые и холодные дни.

Не следует никогда стричь своих волос после роскошного и сытного обеда; не следует также срезать все волосы сразу, если вы их привыкли носить очень длинными. *Percy* наблюдал много неприятностей во французской армии, когда солдаты должны были сразу срезать свои косы и начать причесываться à *la Titus*.

Внезапное и чрезмерное срезывание волос чрезвычайно раздражает кожу и может вызвать лихорадочное состояние у слабых индивидуумов или у лиц, поправляющихся от долгой и тяжелой болезни.

Во многих странах еще царит предубеждение, будто частое подрезывание волос у девочек и у девиц способствует их росту; но на самом деле происходит то, что у них волосы не достигают той длины, какая наблюдается при их естественном росте. Самые красивые волосы – первоначальные, и *Cazenave* наблюдал один интереснейший случай, доказывающий справедливость этого утверждения. Он знал трех красивых

[100] Cm. Guyon. Le cours de medecine, содержащий в себе и Miroirde beaute et sante corporelle. Lyon, 1664.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

белокурых сестер, обладавших прекрасными густыми волосами. У двух из них волосы были подстрижены в детстве, у третьей же ножницы никогда не касались ее волос, и, тем не менее, у последней волосы отличались своей пышной красотою и если чем-нибудь разнились от волос ее сестер, то именно тем, что были роскошнее. И действительно, ее волосы имели в длину 1,62 метра. Если девушкам желают подрезать волосы, то это должно делать лишь на несколько сантиметров.

Мягкость, эластичность и блеск волос – природные качества, зависящие почти всегда от темперамента и состояния здоровья каждого в отдельности, но нельзя сказать, чтобы и искусство оказалось бессильным в этой области.

Некоторые обладают такими жесткими волосами, что от прикосновения гребня легко ломаются или расщепляются. В таких случаях ножницы ничего не могут поделать, так как, срезав больные волосы, мы все-таки в остатке получаем концы, которые снова могут расщепляться до бесконечности, если мы до бесконечности будем ножницами бороться с этим недугом.

Иногда сухость волос сопровождается еще более тягостным явлением: перхотью. Эта последняя, носящая на языке врачей название *Seborrhoea sicca* или *Seborrhoea squamosa* особенно неприятна потому, что почти всегда сопровождается выпадением волос. У детей это явление может быть естественным или может также быть результатом недостаточной чистоты головы; но у взрослых оно имеет другую причину и требует лечения.

Если вы желаете излечиться от этого недуга, то поступайте, следующим образом. Вымыв хорошенько голову водой и мылом с целью удаления всей приставшей к ней грязи, помажьте ее одной из гигиенических помад, рецепт которой лучше всего получить от врача. Если после мытья и смазывания вы почувствуете зуд или чувство тягостной теплоты, то разотрите голову следующей смесью:

Acidi borici	0,5 грамма
Glycerini	
Spiriti vini	каждого по 15 грамм
Aqua destillata	

В другой раз дело идет об отпадении эпителия эпидермиса, и тогда это другой недуг, носящий название (врачи так мудры в создании слов!) *pityriasis capillitii.* В таком случае, если вы археолог, то утешьтесь мыслью, что уже древние имели эту болезнь, и что ее воспел в стихах поэт *Serenus:*

Cum caput immensâ pexum porrigine ningit.

Если же вы не археолог, а философ, то примите во внимание, что эта болезнь бывает весьма упорной и приходится покориться ей; если же вы не археолог и не философ, то освежайте почаще голову и мойте ее каждое утро и каждый вечер следующей смесью:

Borax	4 грамма
Aqua destillata	500 грамм

Если же это вам не поможет, то посоветуйтесь с врачом.

Случается, что и без перхоти на голове волосы бывают весьма сухими и жесткими, так что трудно расчесываются гребнем. В таком случае лучше всего употреблять самое простое косметическое средство для волос – миндальное масло. Если же простые средства вам (я обращаюсь к прекрасному полу) не нравятся, то можете оставить себе следующую помаду;

Spermaceti	20 грамм
Ol. amygdal dulc	30

Свежее и чистое рицинное масло также можно рекомендовать, как великолепное косметическое средство для волос. Я видел замечательно густые волосы у индийцев и креолов, пользовавшихся этим средством; но не упускайте при этом из виду, что и в данном случае нужно отдать кесарево кесарю, а Божье Богу. Быть может там климат и другие условия оказали большее влияние на рост волос, чем рицинное масло.

Но какова бы ни была помада, которую вы будете употреблять, заботьтесь о том, чтобы она была свежа, иначе она будет раздражать кожу и волосы.

Не забывайте также и того, что ваша голова, подобно вашему платью и мебели, притягивает к себе пыль и грязь, что ее, следовательно, должно содержать в чистоте, для чего необходимо чаще (конечно, не в сырую и холодную погоду) мыть ее мылом или еще лучше яичным желтком.

А теперь, милые читательницы, измерьте весь тот стыд, который я испытываю в тот момент, когда я вижу, как в угоду вам я должен был свое гордое перо употребить на скромные парикмахерские поучения. Я считаю это огромной жертвой, которой я не принес бы ни за все золото мира, если бы дело шло о сильном поле; но так как дело идет о вас, красоте которых я так страстно поклоняюсь, то я примиряюсь с этой жертвой. Когда мне придется беседовать с вами о гигиене души и о гигиене любви, то я постараюсь вознаградить себя за то унижение, которое я терплю, снизошедши ради вас до роли парикмахера.

Если волосы очень жирны вследствие чрезмерного выделения жира на голове, то вы поступите крайне неразумно, если станете употреблять помады и масла; напротив, вы должны выбросить эти вещи и взамен их каждый вечер пудрить волосы крахмальным порошком и по утрам хорошенько растирать голову щеткой. Вы можете также пользоваться смесью из боракса и дистиллированной воды, рецепт которой я привел выше.

Манера причесываться оказывает громадное влияние на красоту волос, а страшные и безобразные прически наших дам портят их волосы, терзая и раздражая их на тысячу ладов. Это старый недостаток, осмеянный еще Ювеналом:

Tot premit ordinibus, tot adhuc compagibus orbes.
Aedificat caput…

Женщина должна заплетать и скручивать волосы лишь в исключительных случаях; в течение ночи и нескольких утренних часов они должны быть распущены и свободны. Волосы тем раньше теряются, чем более их скручивают и растягивают. Лучшая прическа, по крайней мере, для молодых женщин та, которая держит волосы приподнятыми, так чтобы их тяжесть не раздражала кожи, а сами они хорошо вентилировались. Великолепные по тонкости и длине волосы я всегда видел в странах Америки, где их носят совершенно распущенными или легко собранными в неплотную косу.

Первый седой волос, появляющийся в черном или светлом лесу, приветствуется вздохом или проклятием, смотря по более или менее кроткому характеру несчастного смертного, сделавшего это открытие. Первый седой волос – это почти всегда тревожный крик, первое memento mori, немой советник, деятельный моралист, более красноречивый миссионер, чем все проповедники и писатели нравственных сочинений. Полные жизни и радости, мы кружимся в вихре того танца, который называется молодостью, опьяненные ароматом любви, беспечные и безумные, как будто бы нам принадлежало безграничное будущее; как вдруг какой-то незнакомец хлопает нас по плечу и делает нам знак следовать за ним. Мы неохотно следуем за этим загадочным нахалом в угол залы, и он показывает нам белый волос, шепча нам на ухо: это твой. И затем исчезает. Мы чувствуем, как холодная дрожь пробегает по нашему телу, музыка смолкает, свечи потухают, веселые вакханки исчезают перед нами. Мы одни средь этой тишины и этого мрака, в котором мы с широко раскрытыми глазами силимся что-нибудь разглядеть; лишь одну вещь мы можем отчетливо разобрать: тонкий белый волос, столь красноречивый. Он был той нитью, которая удерживала над пропастью нашу веселую и жизнерадостную молодость. Завтра мы уже не будем теми, какими были вчера: первый седой волос лучше всякой гранитной колоны, лучше всякой границы обозначает две эпохи жизни.

Как же поступить, чтобы по возможности отдалить встречу с этим назойливым незнакомцем?
Как поступить, чтоб отдалить от себя переход от молодости к старости?

Седые волосы обыкновенно появляются между тридцатилетним и сорокалетним возрастом, у мужчин ранее, чем у женщин, быть может потому, что последняя больше живет сердцем, чем мозгом. Некоторые счастливцы получают первые седые волосы лишь в 50 лет, а некоторые еще более счастливые знакомятся с

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

сединою лишь в самой глубокой старости. Некоторые наоборот седеют еще в детском или отроческом возрасте.

Возраст, в котором начинают появляться седые волосы, как и всякая другая вещь, может передаваться по наследству. Можно указать семейства, где седина является очень поздно, и такие, у которых она появляется уже на двадцатом году.

Кроме наследственности есть и другие причины, как головные боли, обильная и частая потеря крови, предрасположенность к чахотке, сифилис, половые излишества, сильные душевные волнения и, быть может, чрезмерное напряжение ума способствуют раннему появлению седины. Однако существуют мужчины и женщины, которые никогда слишком много не страдали и не любили, не наслаждались, словом, настоящие живые *plumpuddings,* которые все-таки очень рано седеют.

Всем известно, что какое-нибудь несчастье или жестокое нравственное потрясение мгновенно может покрыть сединою голову.

Adriano Junius знал одного испанца, который, застигнутый с одной придворной дамой в королевском саду и приговоренный к смерти за оскорбление величества, поседел за одну ночь. Тоже самое случилось и с Марией Антуанеттой, королевой Франции.

Saint Vallier, узнав о том, что его дочь, *Diana di Poitiers,* стала любовницей короля, сразу поседел.

Иоган Либени, покушавшийся на жизнь австрийского императора и приговоренный за это к смерти, совершенно поседел за последние 48 часов своей жизни[101].

Конечно, мои читатели и читательницы не будут осуждены на смертную казнь и не будут иметь такой дочери, как *Diana di Poitiers;* поэтому им придется защищаться лишь от медленного и непроизвольного поседения, которым мы бываем обязаны нашему возрасту. Вот то немногое, отчасти надежное, отчасти вероятное, чему поучает нас наука для отдаления или замедления появления седых волос:

–Избегать всяких излишеств, ослабляющих организм.

–Иметь довольное сердце.

–Содержать в чистоте голову.

–Не тратить никогда ни гроша на помады, жидкости и косметику, которым приписывается свойство предохранять от седых волос.

– Стричь волосы чаще обыкновенного, когда они начинают седеть.

Многие пользуются самым простым способом удаления седых волос: они вырывают их, пока их немного. Но наблюдения Броун-Секара доказывают, что едва мы вырываем один седой волос, как на том же самом месте вырастают три или четыре других волоса того же цвета.

Юлия, дочь Августа, не имевшая никаких претензий на добродетель весталки, стала седеть, когда была еще очень молода, и чтобы скрыть эту преждевременную седину, она заставляла своих рабынь вырывать ее седые волосы. Однажды император застал ее врасплох во время этого занятия и понял хитрость своей дочери, видя ее платье покрытым белыми волосами. Тогда он обратился к ней с вопросом, что она предпочитает седину или лысину? Юлия, не колеблясь, ответила: «Конечно седину!» «В таком случае, я не понимаю, почему эти женщины так трудятся надо тем, чтобы сделать тебя плешивой», – возразил Август.

Лысина страшнее седины, и хотя выпадение волос физиологически начинается лишь в пятьдесят лет, мы все-таки встречаем лысые головы у очень молодых людей, большие и широкие лбы которых не всегда говорят об интенсивной мыслительной деятельности. Гораздо реже можно встретить стариков с густыми волосами.

В этом отношении женщина счастливее мужчины: она позднее теряет блестящее украшенье своей головы, точно также как позднее седеет.

Гигиена очень много может сделать в деле борьбы с лысиной и с сединой, хотя и этот недуг может быть приобретен по наследству.

---

[101] Брандес в своей прекрасной статье о братьях Гонкурах рассказывает, что один из них, переживший другого, поседел на глазах у публики в то время, когда провожал его труп на кладбище. *Прим. переводчика.*

Тяжелые, непродуваемые шляпы у горожан и шлемы у солдат – самые жестокие враги волос, так что, воспользовавшись игрою этих слов, можно составить новую поговорку:

Cappello uccide capello.
[Шляпа (cappello) убивает волос (capello).]

Поэтому вы должны как можно меньше укрывать голову и носить самые легкие шляпы. Я знал одного человека, который прожил девяносто лет, сохранил до самой смерти густые и почти черные волосы, на восьмидесятом году женился во второй или в третий раз и дал жизнь еще двум детям; этот человек имел странность никогда не носить шляпы ни дома, ни вне дома. Однако к сказанному должно еще прибавить, что в течение двадцати или тридцати лет он не выпил ни капли воды, а пил лишь вино, которым, однако, никогда не злоупотреблял.

Я, однако, не отрицаю, что расовые и наследственные условия оказывают большое влияния на волосы, чем головное покрывало. На острове Сардинии я видел роскошнейшие волосы, сохраняющиеся там до самого позднего возраста, между тем как нигде в мире мужчины и женщины так тщательно не покрывают головы, как на этом острове.

Все те пороки, все те душевные волнения и болезни, которые могут покрыть голову преждевременной сединой, в состоянии привести и к выпадению волос. Когда вы начинаете замечать, что во время расчесывания в гребне оказывается слишком много волос, то вот лучшие средства борьбы с этим злом. Прежде всего, необходимо коротко постричь волосы, затем часто промывать всю голову холодной водой, чистой или (лучше) соленой, а также растирать голову щеткой, пока кожа не станет красной и горячей.

Здесь кончается наука и начинается мифология, кончается искусство и начинается магия.

Если ваша голова полысела, то можете начать с совета Клеопатры, которая посоветует вам смазывать голову медвежьим жиром; быть может, этому животному оказывалась такая честь, благодаря обилию волос на нем.

Если медвежий жир не поможет, то примените следующий рецепт Лебо:

«Prenez chairs de limaçons, de mouches guespes, de mousches ŕ miel, de sangsues, selbruslé; de tous parties ègales. En fermez en un yaisseau vitré qui aitplusieurs trous au fond comme un crible: sous ce vaisseau, mettez un autre vaisseau vitré pour recevoir I'humidité qui en decoulera, amasez cette humidité et en frottez la partie; elle en sera plus excellente, si vous couvrez ces deux vaisseaux de foin». (Возьмите мясо улиток, ос, пчел, пиявок и жженую соль по равной части. Поместите смесь в стеклянную посуду, имеющую на дне много дырочек, подобно ситу; под этой посудой подставьте другую стеклянную посуду, чтобы собрать стекающую из первой жидкость, которой вы и будете растирать себя, и которая выиграет в качестве, если вы покроете обе посуды сеном.)

Guyon тепло рекомендовал лысым лягушачий жир; другие советовали подкожный жир. Каждый парикмахер, однако, имеет свою мазь, и если вам удастся изобличить кого-нибудь из них в обмане, то это может составить ваше счастье, потому что один изобретатель заявил даже в прессе, что он заплатит 100 тысяч лир тому, кто докажет, что он обманывает публику своим средством.

Но и врачи обладают своими рецептами, и даже сам знаменитый Дюпуитрен не побрезгал выступить конкурентом парикмахеров, составив мазь, которая должна была заставить волосы расти там, где их не было. Известно, что чем неизлечимее болезнь, тем больше число предлагаемых против нее лекарств; что излечимость болезни всегда находится в обратном отношении к количеству средств. Вот почему для лечения эпилепсии имеется такое множество лекарств, а для лечения финансов в Италии столько финансистов.

Когда гигиена и медицина, парикмахеры и четвертые страницы газет, ученые и артисты, мази и микстуры не окажут желанного действия, то вам остается либо *покориться*, либо одеть *парик*.

Избрав первое, вы должны часто обмывать голову холодной водой и хорошенько растирать ее, чтобы сделать этот участок менее чувствительным к колебаниям температуры.

В 99 случаях из ста парик носят не ради гигиены головы, а из тщеславия, потому что каждый, носящий его, льстит себя надеждой, что другие сочтут его за естественный покров головы.

Парики такие же древние, как сам человек и его тщеславие, и мы видим их уже на некоторых

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

древнейших статуях Изиды. Светиной, Геродиан, Овидий, Ювенал рассказывают нам о париках Оттона, Домициана, Каракаллы, Мессалины, которая, между прочим, скрывала свои черные волосы под желтоватым париком, как это свидетельствует Ювенал:

Nigrum flavo crinem abscondente galero.

А поэт Флавий Ариан рассказывает в одной из своих басен про римского кавалера, у которого ветер сорвал парик во время одного празднества:

Hujus ab adverso Boreae spiramine perflant,
Ridiculum populo conspiciente caput;
Nam mox dejecto nituit frons nuda galero.

[При дуновении неблагоприятного ветра народ рассмешила его потешная голова, ибо, как скоро слетел парик, заблистал его голый череп.]

Напрасен был пафос Тертуллиана, воскликнувшего: «Вы бы, по крайней мере, стыдились одевать на свою голову, освященную крещением, волосы, принадлежащие, быть может, какому-нибудь негодяю, умершему среди безобразных оргий или на эшафоте».

Напрасно Синод, собравшийся в Константинополе в 692 году, запретил ношение париков.

Напрасно в более близкое к нам время *Coquillard* старался выставить ношение париков в смешном виде:

De la queue d'un cheval peinte
Quand leurs cheveux sont trop petits
Its out une perruque feinte.

Напрасно аббат Тьер вел суровую войну против париков духовенства[102]. Все это ни к чему не повело. Напротив, как всем известно, наступило даже время, когда даже обладавшие самыми красивыми волосами носили парики, чтоб не отстать от моды. Это было время косы – унизительного придатка, от которого природа пощадила мужчину, чтобы возвысить его, и который мужчина прибавил себе, чтоб унизить себя.

Гигиена париков сводится к одному следующему правилу: *носите парик лишь в случае самой крайней необходимости,* т. е. когда частое обмывание холодной водой и гидропатическое лечение не избавили вас от головной боли, частых простуд, зубной боли и других недугов, постигших вас после выпадения волос.

Я впрочем сознаюсь, что питаю очень мало надежды, чтобы кто-нибудь из носящих парик, прочитав эти строки, выбросил его в окно и обратился к холодной воде.

Борода, завидное украшение мужчины, защищает изобилующее нервами лицо от быстрых колебаний температуры и препятствует проникновенно пыли в дыхательные органы; поэтому представляется весьма необходимым для всех не брить, а лишь подстригать ее. В особенности должны заботиться о сохранении бороды рабочие, пребывающие среди пыли, и вообще люди, живущие в пыльных местностях.

Доказано, что мужчины, носящие усы, менее подвержены зубной боли; что вообще у таких лиц зубы реже портятся. *Chadwick* приводит случай простуды, вызванной удалением усов, а *Wilson* наблюдал случай тяжелой ангины вследствие удаления бороды. *Chadwick* прибавляет, что многие, подверженные частым простудам и горловым болезням, избавляются от этих недугов, отрастив бороду.

Но борода, служащая таким великолепным украшением мужского лица, может сделать несчастной женщину. Турки, вообще до смерти ненавидящие волосы, употребляют для их удаления пасту, называемую rusma, которая, приложенная к данному месту, должна оставаться там лишь самое короткое время и вообще

[102] Histoire des perruques, où l'on fait voir leur origine, leur usage, et I'irregularité des ecclesiastiques. Paris 1772.

должна быть применяема с величайшей осторожностью. Я знал одну красивую девушку, которая с ума сошла от огорчения, заметив, что на ее розовых щеках показались бакенбарды. Один смелый врач пожелал излечить ее одновременно и от сумасшествия, и от бороды и применил для этого турецкую пасту, но слишком долго оставил ее на щеках, тем самым не избавив девушку от психического расстройства и оставив ей безобразные рубцы на щеках.

Просто невероятно, до чего доходит суеверие даже в нашем XIX столетии. Я знаю людей, которые верят в связь между луной и нашими волосами, а потому стригут их, сообразуясь с календарем, и цирюльники очень бойко торгуют с появлением луны. Эти люди, конечно, верят и в ведьм, и в домового. Я нахожу, что они заслуживают, чтобы их посадили на осла и возили по улицам под звуки оглушающей музыки.

Ногти принадлежат коже и входят в область красоты. Как может поражать красотою рука с безобразными ногтями?

Ногти защищают конечности пальцев, которым придают силу и крепость при обращении с различными предметами. Рост их составляет: на руках один миллиметр в неделю, на ногах один миллиметр в месяц.

Ногти надо чистить мокрой щеточкой, а не острыми инструментами. Срезать их на руках надо в виде полукруга и не слишком коротко; на ногах лучше всего придавать им квадратную Форму и – что важнее всего – не сжимать их слишком тесными ботинками.

Если ногти загрязнены или бледны, то хорошо употреблять лимонный сок.

Щеголять очень длинными ногтями, хотя бы и чистыми, очень глупо. Нужно иметь очень мало уважения ко времени, чтобы уделять столько внимания и заботливости на такую малозначащую часть нашего тела.

Глава четвертая

Платье не делает монаха.
Итальянская пословица

Платье делает монаха.
Контрпословица автора

Платье – счастливое изобретение!
Рабенер

Туалет – это в одно время наука, искусство, привычка и чувство.
Бальзак

Одежда – живая часть нашего тела. Указ Генриха II, короля Франции. Общая гигиена одежды. Апофеоз фланели. Шерсть, хлопчатая бумага, полотно и мех. Цвет материи. Достоинства белого цвета и мнимые опасности красного. Шляпа и ее меньшие братья. Галстуки и сорочки. Корсет и зло, причиняемое им. Панталоны и прочее. Перчатки. Башмаки и слабость Франческо Петрарки. Гигиена ног солдата.

Одежда не есть привилегия разумного человека. И шелковичный червь в некоторых особенно тяжелых и торжественных случаях своей жизни, когда должен превратить жалкую куколку в грациозную и любвеобильную бабочку, ткет для себя то платье, которое мы называем коконом.

Многие насекомые умеют готовить себе покрывало из дерева, соломы, песка и цемента.

Однако лишь человек превратил потребность покрывать свое тело и защищать кожу от метеорологических невзгод в целое искусство, до бесконечности разнообразив его красоту и почти преобразующее его в столько же личностей, сколько разнообразных костюмов он на себя одевает.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Я предполагаю, что между моими читателями, наверное, найдется такой философ, который относится презрительно и к изяществу в одежде, и к моде; но я хотел бы посмотреть на этого философа, если бы ему пришлось в короткий промежуток времени увидеть одного и того же человека один раз в генеральском мундире, другой раз в блузе рабочего, а третий раз в рубище нищего: не оказал ли бы он этому человеку трех различных приемов и не получил ли бы трех различных впечатлений?

Пословицы всех языков показывают нам, какое выдающееся значение имеет платье для обычаев, нравов, законов, морали, религиозного культа, словом, для всех вещей, о которых человек может думать, которые он может делать, любить или ненавидеть.

Латинцы говорят: «Vir bene vestibus, pro vestibus esse peritus, creditor a mille, quamvis idiota sit illee». (Хорошо одетый человек может быть принят за выдающегося человека, хотя он может быть даже идиотом.) А сардинцы говорят: «Хороший плащ скрывает все язвы».

Шерсть, шелк, хлопок, мех, все возможные ткани, взятые из животного или из растительного царства, подогнанные к нашей фигуре, придя в соприкосновение с человеческой кожей, становятся частью нас самих, *очеловечиваются,* если мне дозволено будет употребить это смелое слово. Оглядывая одетого человека, мы неизбежно должны обнять одним взглядом фигуру и материю, черты лица и шляпу, изящество форм и покрой сюртука и панталон.

Платье, одетое человеком, становится живой, говорящей вещью, которая вызывает радость или страдание, которая приводит в веселое или грустное расположение духа, которое в одно и тоже время выражает пол, характер, интеллигентность данного лица.

Владея искусством сценического переодевания, вы можете мужчину превратить в женщину, крестьянина в министра, болвана в философа; но все это ложь, доказывающая, как велико первое впечатление, производимое на нас платьем; и если все мы умеем надевать на себя платье, сшитое на наш рост, то далеко не все могут быстро усвоить себе уменье одеваться генералом, священником, профессором в тоге. Другая материя, другой покрой, другой способ ношения платья, составляющей целое искусство, целый новый язык, которого нельзя изучить в один день.

Без платья исчезла бы более чем половина истории пола и значительная часть истории общественных классов. В бане король и дворник равны пред обнаженной природой; и многие законы позволяли себе в различные времена предписывать известную одежду различным классам, дабы иерархическая лестница, была долженствующим образом почитаема и дабы гармония тронов, владычеств, ангелов, архангелов и херувимов не была нарушена фальшивыми нотами.

Если вы желаете примеров, то вот вам любопытнейший документ, манускрипт которого хранится в парижском музее. Это указ Генриха II, запрещающий рабочим и их женам носить платье дворян. Указ этот был издан 17 июля 1549 года: «Nous, Roi de France, par la grâce de Dieu, faisons défense par la presente à tous les artisans mécaniques, paysans, hobereaux et gens de labeur, de porter pourpoint et bouffants de soie, et a cause qu'un grand nombre de bourgeoises se font quasiment demoiselles, il leur est infcerdit par icelle de clianger les estat, à moin que leurs maris soient gens d'épée ou de noblesse».

В настоящее время мы смеемся над Генрихом II и над его указами, но мы смеемся и над тем, кто хочет одеваться не так, как того требуют его условия. Не нуждаясь в королевских указах, каждый одевается, как ему заблагорассудится, как ему это дозволяет его кошелек, как того требует мода – всеобщий вкус, или собственный вкус – истинная мода всех избранных людей.

Но о политической экономии и философии платья, а также о его влиянии на красоту мы поговорим дальше; теперь же мы посмотрим, какое влияние оно оказывает на наше здоровье и на наше благоденствие. Нескольких слов достаточно будет для выполнения этой задачи.

Бедняки умирают в большем количестве, чем богачи, не только потому, что мало и плохо едят, а еще и потому, что носят плохое и жалкое платье.

Гигиенически правильно подобранная одежда может продлить драгоценную жизнь старика, точно также как может спасти сотни детей, умирающих от холода.

Вытеснение шерстяных тканей хлопчатобумажными в нашем столетии несомненно способствовало увеличению числа чахоточных. Новый прогресс шерстяной промышленности в Южной Америке и в Австралии должен восстановить гигиеническое равновесие; и я буду одним из первых, которые поднимут оружие за фланель и шерсть против мадаполама, *chirten'a,* муслина и холста; я думаю, что это будет

счастливая борьба и что победа будет на нашей стороне.

Платье, с точки зрения гигиены, должно быть очень легким, должно быть плохими проводником теплоты, достаточно пористым и, по возможности, светлых цветов.

Я говорю, что ткань наших платьев должна быть плохим проводником теплоты. Это значит, что она должна мало пропускать наружу теплоту тела и удерживать теплоту, получаемую извне, вследствие чего она нагревается, надолго сохраняет тепло и вызывает чувство теплоты.

Покрывающие наше тело ткани должны быть весьма пористыми, чтобы пропускать испарения кожи, которые можно назвать настоящими экскрементами нашего организма. Все непроницаемые материи и шкуры вредны для здоровья и тем вреднее, чем большую поверхность они покрывают. Это – настоящей лак для кожи.

А потому смерть макинтошу, смерть калошам и всем непроницаемым, непродуваемым материям!

Предоставьте носить резиновые и каучуковые вещи тем, ремесло которых этого требует; в остальных случаях носите всегда хорошее платье и хорошую обувь, и этого будет вполне достаточно даже для наиболее изнеженных.

Из всех тканей – шерсть наилучшая. Плохой проводник и хороший проводник тепла, эта ткань, при своей пористости и легкости, обладает всеми достоинствами, нужными для великолепного платья.

Не бойтесь слишком изнежить свое тело и носите всегда, в молодости и старости, шерстяные чулки в течение всей зимы и начала весны и фланелевые рубашки в течение четырех или шести месяцев в году.

Если вы предрасположены к болезням груди, то носите такую же рубашку, но более тонкую, и летом.

Если ваша кожа слишком сильно раздражается от прикосновения шерсти, то старайтесь постепенно привыкнуть к этому.

Постоянное ношение фланели может предохранить вас от частых простуд и легко схватываемых ревматизмов, а также предупредит развитие страшной болезни – чахотки. Быть может римляне потому страдали меньше нас от малярии, что всегда носили шерстяные платья.

Во время одной крупной войны в Соединенных Штатах доктор Руш заметил, что офицеры, носившие на теле фланелевые рубахи, заболевали гораздо реже других.

Баллингаль обратил внимание на то обстоятельство, что во время испанской войны отряды, носившие шерстяные вещи, дали наименьшее число больных.

Доктор Гопе имел обыкновение расспрашивать своих пациентов, заболевших воспалением легких, плевритом или острым ревматизмом, носили ли они фланель, и он уверяет нас, что большею частью получал отрицательный ответ.

Я также позволю себе прибавить к этим наблюдениям виденный мною Факт.

Было время, – и оно не особенно далеко от нас, – когда наши крестьяне у Лаго-Маджоре, едва только наступал октябрь, одевались с головы до ног в голубые платья из сотканной ими самими шерсти; платье это делало их более забавными, чем красивыми. Но теперь они стали одеваться в платье из бархата и других хлопчатобумажных материй, и все врачи единогласно утверждают, что с тех пор чахотка и острые заболевания в области грудной клетки значительно участились. Не подлежит сомнению, что изгнание шерсти оказало на это большое влияние. Следовательно, Шекспир был прав, сказав, что какая-то *магическая сила кроется во фланели.*

Не экономия и не расчет руководят нами, ответите вы мне, – не моде мы подражаем, ожидая сильных холодов, чтобы одеть на себя шерстяную или фланелевую рубашку; мы лишь боимся изнежить себя. Мы одеваем нашим детям полотняные рубашки, а не шерстяные, дабы они привыкли к непогодам и окрепли.

Заблуждение, заблуждение, устарелое заблуждение.

Лучше уметь противостоять дождю и снегу хорошо прикрытым телом, чем разыгрывать роль спартанца возле огня; гораздо лучше приобретать здоровье и аппетит на открытом воздухе во фланелевой рубашке, чем мерзнуть и дрожать в комнате в бумажных рубашках и чулках.

После шерсти по своим гигиеническим свойствам следует шелк. Главное его неудобство – дороговизна. Для человека, который может себе позволить эту роскошь, шелковые чулки весьма хорошая вещь.

Холст отличается от других тканей округленностью и мягкостью своих нитей – качествами, весьма приятными для чувствительных и требовательных людей. Но аристократическое полотно имеет то

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

неудобство, что служит хорошим проводником и плохим проводником теплоты, т. е. обладает свойством, совершенно противным желанному, а потому зимою не придает коже теплоты, а летом легко поглощает пот и, становясь еще лучшим проводником тепла, внезапно охлаждает наше тело и ведет к простудам.

Что касается меха, то в нашем климате – это излишняя вещь, и только роскошь может сделать ее необходимой в зимнее время.

Я не могу воздержаться от улыбки, когда в теплых местностях Тосканы или в Неаполе встречаю господина, одетого в длинную шубу. Что сделал бы этот герой, если бы очутился в Стокгольме или в Петербурге?

Шляпы

A tout seigneur, tout honneur! Шляпа – главная часть нашей одежды, подобно тому, как голова – главная часть нашего организма.

Природа наделила голову человека волосами, но современный человек, не довольствуясь этим, покрывает ее еще шапками, фуражками и шляпами – настоящими башнями; и тогда природное покрывало головы, находя свое присутствие бесполезным и излишним, выпадает, придавая трону Минервы тот вид, которого мужчины так боятся и который часто заставляет их прибегать к парикам.

Древние обыкновенно не покрывали головы, а если покрывали, то лишь во время путешествия, войны иди болезни. Это была привилегия путешественников по профессии, иностранцев, больных и врачей – являться публично с покрытой головой. Теперь же мы ходим с покрытой головой дома и вне дома, на солнце и в тени, и даже на ночь мы одеваем колпаки. Но одних париков и цилиндров для нас еще недостаточно. Для защиты волос мы носим шляпы, а для защиты шляп от солнца мы в течение полугода носим зонтик, и кто знает, не будет ли вскоре изобретена еще какая-нибудь вещь, которая бы служила защитой для зонтика в случае непогоды.

Вот качества хорошей шляпы:

Она должна быть легкой во всякое время года, должна предохранять нас от холода и сырости зимою, и от зноя летом, не должна сдавливать головы и должна быть пористой. Кроме того, ее следует держать как можно дольше в коробке и носить как можно меньше на голове.

Лучшая шляпа в мире та, которой не носишь.

Зимою следует носить мягкую касторовую шляпу, летом– положенную, панаму.

Летом шляпа должна быть белого или вообще светлого цвета, зимою – какого хотите цвета.

Англичане, разъезжающие по Италии, носят целую атмосферу из белой кисеи на своих шляпах, которая защищает их голову и шею от знойного солнца Индии, Сахары и Бразилии. В Италии они носят этот кисейный туман не из необходимости, а просто для того, чтобы он напоминал им туманную родину. Это невинное удовольствие, над которым не следует смеяться.

Между шапками, носимыми солдатами, имеются весьма вредные как вследствие своей тяжести или недостаточной защиты от холода и жары, так и вследствие того, что, будучи слишком высокими, требуют тягостного сокращения головных и шейных мышц, чтобы удерживать их в равновесии.

Еще раз повторяю и не перестану повторять, что носить дома колпаки и чепцы – самая дурная и вредная привычка, так как это ведет к приливам крови к голове и выпадению волос. В особенности не следует покрывать головы ночью на время сна.

Что касается шляп-цилиндров, то они, по-видимому, изобретены лишь для того, чтобы сделать человека смешным. Вместо того чтобы защищать его от солнца и дождя, цилиндр лишь защищает человека от камней; вместо того чтобы защищать голову от ветра, мы все время должны быть настороже и придерживать цилиндр обеими руками, чтобы ветер не унес его; наконец цилиндр, сдавливая лоб и не защищая ни от холода, ни от жары, ни от ветра, ни от дождя, может быть пригоден разве только для доказательства нашего происхождения от обезьяны. Но раз мода этого требует, все готовы ее критиковать, но все также повинуются ей.

Прекрасно выразился один выдающийся философ и поэт: Coûtume, opinion, reines de noire sort – Vous reglez des mortels et la vie et la mort.

И я сам, совершивший этот поход против цилиндра, ношу его, подобно всем другим, так что, ударяя себя в грудь, я могу прошептать вместе с Сенекой:

Si quando fatuos delectari volo, non est mihi longe quaerendus, video me et rideo. (Когда я желаю позабавиться над глупцами, мне нечего долго искать: я смотрю на себя и смеюсь.)

Говорить о шляпе женщин, бесполезно, ибо таковой не существует. Шляпа современной женщины представляет собою кучу цветов, растений, птиц или плодов на куске плетеной материи в виде ванночки или чего-нибудь другого, мало похожего на шляпу.

О, почему же наши дамы не подражают тем славным дамам, которые в конце прошлого столетия превращали свою голову в сады, где росли живые растения и естественные плоды? Это во всяком случай было бы лучше, чем превращать голову в музей птиц. Вот, например, что мы читаем в мемуарах знаменитой баронессы Oberkirzh от 6 июня 1782 года: «Мне нужно было причесаться и надеть парадное платье, чтоб отправиться в Версаль. Эти вечные придворные туалеты! А дорога от Парижа до Версаля так утомительна, в особенности когда боишься испортить юбки. Я хотела в первый раз сделать прическу, бывшую тогда очень в моде: я вплела в волосы несколько маленьких бутылочек с водой, в которые вставила живые цветы, свежесть которых таким образом могла поддерживаться в течение долгого времени. Это не всегда вполне удавалось, но когда это удавалось, то получалась весьма восхитительная вещь. Весна на голове среди белой пудры производила неотразимое впечатление».

Галстуки и шейные платки

Происхождение галстука *(cravate)* следующее: кроаты, вошедшие во Францию в 1660 году, научили французов носить шейный платок, который вначале получил название croate, перешедшее затем в crovate.

Если вы мне не верите, то я ссыпаюсь на Перси.

Восточные народы, поляки и крестьяне почти всех европейских народов никогда не применяли кроатского ошейника и много выиграли от того, так как гораздо меньше нашего страдают болезнями горла.

Действительно, мы более не носим галстуков наших отцов, но слишком высокие и тесные воротники рубах – те же галстуки, с той только разницей, что они не черного, а белого цвета.

Галстук только один раз должен обнимать шею, даже зимою, и никогда не должен стягивать ее. Полезно защищать шею от влаги, сырости, холода и в особенности от внезапных перемен погоды, но не следует никогда слишком кутать и согревать ее, ибо это делает нас весьма чувствительными к малейшим скачкам термометра и легко подверженными простуде. Поэтому я не одобряю даже ношения кашне.

Один полковник позволил однажды своим солдатам снять галстук в то время, когда им пришлось проходить через туннель, и шестьдесят человек тотчас же заболели вследствие этого простого несоблюдения основного правила гигиены.

Рубаха

Рубаха – это первая оболочка, которой покрывают нас, едва только мы успели показаться на мир Божий; и последняя оболочка, когда мы расстаемся с ним. Тонкая, почти прозрачная, она защищает нашу стыдливость и добродетель, превращает голое животное в уважающего себя человека, ребенка в ангела, женщину в святую.

Рубаха – это панцирь для девицы, первый барьер, где кончается человек-животное и начинается разумный человек, единственная оболочка, которую даже самый жадный разбойник оставляет своей жертве, наконец, вообще самая почитаемая, самая поэтическая, самая опасная и самая священная часть нашей одежды.

Но ее нужно часто менять, по крайней мере, два или три раза в неделю, а если возможно – каждый день.

Не носите ночью рубахи, которую одеваете днем, и не спите никогда без рубахи.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Меняйте также часто сорочки больным и роженицам. В особенности я обращаюсь к вам, моим читательницам, с советом менять чаще обыкновенное белье во время регул. Не бойтесь!

Не одевайте никогда влажной рубахи, а если речь идет о слабом ребенке, о выздоравливающем или о роженице, то нагревайте ее, перед тем как одеть.

Корсет

Скажите девушке: «Не носите корсета, пока не станете женщиной, да и тогда не стягивайте его сильно, а не то вы подорвете свое здоровье и можете даже умереть». И она, усмехаясь, ответит вам: *«Лучше я умру красивой, чем буду жить безобразной»,* или же быть может продекламирует вам стихи той красавицы, которая в своей красоте чувствовала себя превыше короля:

Il regne au milieu de sa cour;
Je fais bin mieux, sans diadème,
Je regne sur le roi lui même:
Rien n'est joli comme I'amour.

На это я отвечу следующим: хорошо, милые барышни, вы жертвуете здоровьем для красоты, вы становитесь жертвами этого каприза. Вы носите корсет, который уродует тело, лишает грудь всей ее прелестей и скоро старит женщину, злоупотребляющую им! Ущерб, наносимый корсетом красоте Евы, так велик, что врач, сравнивая тело женщины в том виде, как его создал Бог, и в том виде, как его создает мода, имеет полное право со вздохом повторить мизантропические слова Руссо: «Все прекрасно, когда выходит из рук природы; все уродуется, попадая в руки человека».

Если бы нашлись девицы, которые послушались бы моего совета насчет корсета, то они в награду за свое мужество могли бы в сорок лет петь эти милые стихи:

Aux regards en vain je dèrobe
De mon sein le double tresor;
Toujours sa rondeur indocile
Repousse le voile inutile.

Корсет всегда смещает грудные железы, лишает живот его грациозной выпуклости и до смешного удлиняет грудную клетку. Самые красивые женщины Востока и Америки не носят корсетов, а если носят, то очень легкие и широкие, и не смотря на это или, вернее, благодаря этому они обладают телом, которому бы им позавидовала большая часть наших стянутых узкими корсетами женщин. Французская поговорка язвительно гласит: *«Корсет создан для того, чтобы поддерживать слабые, замещать отсутствующие и стягивать исчезнувшие»*.

Вскрытие трупов женщин, носивших слишком тесные корсеты, всегда показывают отклонение в расположении внутренностей: печень сдвинута вниз, а желудок представляется в виде почти вертикального мешка.

Против корсета гораздо раньше меня высказались такие гениальные люди, как Платнер, Винслоу, Ван Свитен, Кампер, Зёмеринг, Бюфон, Руссо, Конт, Вильсон, Ревелье Париз, Флёри и многие другие.

Корсет препятствует свободному движению дыхательных мышц, вследствие чего последние теряют в силе и атрофируются; он также мешает свободному расширению грудной клетки – жилища сердца и легких.

А когда плохо дышишь, тогда и аппетит плохой, и пищеварение плохое, и ухудшается кровообращение. Плохое дыхание делает вас слабыми и хилыми, а иногда приводит к границам чахотки.

История корсета так же стара, как история женского тщеславия. Греческие и римские женщины носили опоясания, поддерживавшие груди и придававшие их телу изящество, и Овидий дает женщинам своего времени следующий совет относительно их туалета: *Inflation circa fascias pectus eat*.

Неровность плеч исправлялось посредством подушечек, носивших название *analectides* или *analedrides*, и разные другие вещи употреблялись еще для поддержки дряблого старческого тела. Историк Капитолии, говоря об императоре Антонии, пишет нам: *«Cum esset longus et senex incurvareturque, tiliaceis tabulis in pectore positis fasciabatur, ut rectus incederete»*. (Когда он стал тощ, стар и согбен, то завязывал грудь пряжками, чтобы прямо стоять при выступлениях.)

Против всех этих ухищрений и панцирей давно уже протестовали врачи и философы, а поэтам это дало обильный материал для сарказмов.

Но, как и следовало ожидать, современные женщины значительно опередили древних в искусстве уродования человеческого скелета, и железные корсеты XV века и корсеты из китовой кости, изобретенные Екатериной Медичи, были достойными предшественниками корсетов, употребляемых современными дамами.

Если вы разрешаете своей дочери носить корсет до достижения ею семнадцатилетнего возраста, то вы совершаете преступление. Но если уж без этой вещи решительно нельзя обойтись, то пусть хоть она служить для поддерживания, а не для стеснения груди. Да и в таком случае корсет должен быть легок и иметь как можно меньше костей. Во время беременности абсолютно следует запретить ношение корсета.

Если же какой-нибудь мужчина на земле наденет корсет, то пусть первая женщина, которая почувствует под своими руками эту кирасу евнуха, выдаст его всему человеческому роду, пусть его изображение будет повешено в Капитолии со следующей надписью: *«Мужчина, который не был мужчиной, от мстительных женщин»*.

Панталоны

И женщины, как бы в утешение за то, что не принадлежат к сильному полу, также носят какое-то подобие панталон, но в глубине своего сердца они сильно завидуют мужчине за его настоящие панталоны, придающие ему достоинство и ловкость и служащие отличительным признаком его пола. Женщина носит какую-то тень панталон, напоминая того слепого, который, не имея глаз, носит очки.

Да утешатся женщины, приняв во внимание, что римляне, бывшие трижды мужчинами, не носили панталон и что мы стали носить их лишь после германских войн, заимствуя различные модели у скифов, готов, дакийцев и галлов.

Панталоны были резко осуждены Гиппократом и многими современными врачами, в особенности Адрианом Лалеманом и Фаустом.

Мужчины, продолжайте без опасения носить панталоны! Женщины, не бойтесь за жизнь своих одетых в панталоны мужей! Уверяю вас, что, на какие авторитеты это обсуждение не ссыпалось бы, оно останется клеветой. Возможно, что мир, старея, во многом ухудшается, но что касается панталон, то я клянусь вам, что *gens bracata* (мужчины в панталонах) нашего времени стоят *gens togata* (мужчин в тогах) того времени. Достаточно бросить взгляд на древние статуи, чтобы совершенно успокоиться на этот счет.

Панталоны не должны быть ни слишком широкими, ни слишком узкими; в последнем случае они стягивают мышцы и сосуды и тем наносят вред организму. Нельзя без ужаса вспомнить о тех *culottes* наших отцов, в которые можно было влезть, как во вражескую крепость, лишь с большими усилиями и напряжениями.

Если вы носите подтяжки, то не затягивайте их никогда. Если вы страдаете одышкой или имеете слишком слабую грудь, то не носите их совсем, потому что они оказывают вредное давление на плечи и грудь. Кроме того, их не следует вовсе носить в детском возрасте, когда панталончики лучше всего пристегиваются к талии.

Различное платье, употребляемое мужчинами в наше время, не отличается особенною художественностью, но за то оно очень удобно и способствует ловкости движений. Предпочитайте всегда пальто всяким мантильям, осуждающим руки на бездействие и лишь слегка касающимся тела.

Перчатки имеют то важное достоинство, что поддерживают тонкость осязания и защищают руку от холода и знойного солнца. Но они не должны быть слишком тесными.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

В нашей стране слишком мало пользуются перчатками; в особенности их не носят те, которым всегда следовало бы носить их. Артисты, художники и рабочие, которым приходится иметь дело с тонкими вещами, лучше сохранили бы тонкость осязания, если бы носили перчатки; не мешало бы, однако, чтобы все люди стали носить перчатки, охраняющие от вредных влияний одну из благороднейших частей нашего тела. Ношение перчаток далеко не карикатура; это – гигиена и изящество, искусство и воспитание.

Чулки в нашем климате должны быть из шерсти; в особенности такие чулки должно носить в холодное время. Люди, предрасположенные к простудам, поступят хорошо, если будут носить шерстяные чулки в течение целого года.

Но во имя человеческого достоинства, во имя уважения к носу и обонянию ваших ближних – меняйте чаще ваши чулки!

Что касается нижних юбок, то они действительно защищают тело женщины от влияния холода и ветров, но они должны быть очень чистыми, чтобы не вызвать в мужчине чувства брезгливости: лучше дать побольше заработать прачки, чем купцу.

Декольтированные платья весьма опасны… для морали и гигиены и служат частой причиной воспаления гортани, дыхательных путей и легких. Злоупотребление такими нарядами может оказать самое гибельное влияние на здоровье и ускорить проявление скрытой чахотки. Если бы женщины могли знать, какое впечатление производит обнажение их тела, дающее иногда возможность изучать по нему остеологию и рахитичную или золотушную форму грудной клетки, то они не замедлили бы добавить кусок материи к верхней части своего платья.

Обувь

Обувь древних греков и римлян была очень изящна, но не здорова, и мы отлично сделали, что оставили ее, позаимствовав у скифов и галлов кожаную.

Ботинки никогда не должны быть из лакированной кожи; холодной зимою и жаркой летом она препятствует свободной транспирации ноги, которую мы вследствие этого всегда, находим облитой потом, в то время когда желали бы может быть защитить ее от влажности почвы.

Резиновые галоши гигиена признает вредными, и лучше пользоваться хорошо сделанными ботинками, с прочной подошвой, чем защищать ноги от сырости посредством галош. В теплое время года я советую и мужчинам носить носки из шерсти или из другой какой-нибудь нужной ткани. Это отличное средство для поддерживания свежести ноги и, защиты ее от мозолей.

Сапоги – плебейская или военная обувь, и если в каком-нибудь зале находится дюжина людей в сапогах, то об этом можно узнать по аромату, распространяемому ими в воздухе. Гигиена против сапог, потому что они заключают ноги в теплую и влажную атмосферу, размягчающую кожу и предрасполагающую ее к изъязвлениям, не говоря уже о давлении, которое они производят на ногу своею тяжестью.

Мы называем жестокими варварами китайцев, уродующих ноги своих женщин. Мы же, отнюдь не считая себя варварами, также уродуем свои ноги, заставляя их влезать в ботинки, имеющие совсем другую форму, чем та, которую придала природа нашим нижним конечностям.

Сравните пухленькие, розовые, красивые ножки ребенка с мозолистыми, изуродованными и исхудалыми от атрофии мускулов ногами взрослого и вы увидите, как ботинки и мода умеют обезобразить часть тела, которую природа создала такой прекрасной и которую люди умеют сделать такой противной, иногда ужасающей.

Возьмите самую совершенную женщину в мире, очаровывающую своих поклонников маленькой, изящной, грациозной ножкой; пусть она скинет ботинки и чулки, и вы отшатнетесь при виде этих изуродованных пальцев и неправильных, атрофированных ногтей.

Я полагаю, что знаю, почему каждый стремится к тому, чтобы иметь маленькую ногу; я полагаю, что открыл секрет, почему все люди со вкусом предпочитают ножки ножищам, но здесь не место об этом говорить. В моем будущем произведении о прекрасном, для которого я трудолюбиво и любовно собираю

обильный материал, я подробно остановлюсь на этом важном эстетическом вопросе. Пока же я ограничиваюсь констатацией факта, что все желают иметь маленькие ноги, и если не получили таковых от матери-природы, поручают заботу о том сапожнику. А между тем это большое заблуждение – думать, что систематическое сжимание ноги посредством тесной обуви, практикуемое с самого раннего детства, может сделать ногу более маленькой. В крайнем случае, удастся выгадать несколько линий, но это жалкая выгода ничто в сравнении с приобретаемым уродством.

Люди рождаются с маленькими ногами и с большими ногами и умирают такими же, какими родились. Здесь, как и во многих других вещах, следует покориться перед совершившимся фактом. Существуют расы с маленькими ногами и народы с могучими ножищами, и я видел самые маленькие ножки у индейцев Боливии, не носящих никогда никакой обуви или едва защищающих свои ноги сандалиями, между тем, как им вечно приходится ходить или бегать по своим горам; у некоторых же леди, никогда не выходивших из дому иначе, как в экипаже, я часто видел ноги, как у слонов. И все-таки все желали бы носить ботинки меньше своих ног. Как остроумно выразился Альфонс Карр: *«On veut que le contenant soit plus petit que le contemn»*.

Франческа Петрарка, один из величайших поэтов и писателей в мире, которого все женщины должны обожать, так страстно он воспевал и так много он писал о женской красоте, также имел обыкновение носить тесные ботинки, но сумел избавиться от этого порока.

Вот что пишет он сам по поводу этого: «Что мне сказать о ботинках? Они не служили защитой для моих ног, а держали их в тесном заточении, так что они неизбежно приняли бы уродливую форму, если бы я, в конце концов, не решил лучше неприятно поражать глаза других, чем изуродовать свои ноги».

О форме ботинок имеется целая литература; поэтому распространяться об этом в настоящее время представляется излишним.

Какую важную роль играет обувь не только в жизни индивидуума, но и в истории народа, видно из того, что много сражений было проиграно храбрыми солдатами благодаря, тому, что при больших походах не имели хорошей обуви.

У них было все: и мужественное сердце, и героизм, и стратегия, и тактика; недоставало только… ног.

Серьги не составляют часть нашей одежды, но так как наши женщины носят их с целью придать побольше красоты голове, то необходимо сказать здесь несколько слов об этом варварском обычае, доказывающем наше близкое родство с дикарями Азии, Африки и Америки. И я надеюсь, что мой друг, Феррарио ди Галларате позволит мне позаимствовать у него несравненную беседу двух женщин относительно ношения серег.

Эрсилия. Я никогда не позволяла и не позволю своим детям носить серег.

Фанни. Это меня ничуть не удивляет: ты всегда старалась поступать немного иначе, чем другие, чтобы казаться странной. Ты может быть помнишь еще, что в училище тебя все называли бабушкой или серьезной дамой.

Эрсилия. Это мне не кажется обидным. Но скажи мне лучше, разве тебе не кажется варварством – насиловать природу и причинять страдания или уродливость нашим детям из-за пустячного украшения?

Фанни. Ты весьма и весьма заблуждаешься. Если прокалыванье ушей и ношение серег причиняет некоторую боль и неудобства, то зато оно имеет ту хорошую сторону, что предохраняет нас от многих глазных болезней; таково, по крайней мере, общее убеждение. Разве мы не даем прививать себе оспы, которая гораздо болезненнее простого прокалывания ушей? Разве ты никогда не прививала оспы своим детям?

Эрсилия. Конечно, я это делала и не раз делала, но ведь это совсем другое: здесь наука кладет свою руку, чтобы предохранить нас от оспы. Но я никогда не дам оперировать ушей своих детей, чтобы этим предохранить их от глазных болезней.

Фанни. А между тем все уверяют, что это имеет основание.

Эрсилия. Да, в этом вас уверяют все ювелиры, извлекая из этого предрассудка свои выгоды; но разве повседневный опыт не убеждает тебя в обратном? Разве ты никогда не видела женщин, украшенных роскошными серьгами и все-таки страдающих болезнями глаз? Что касается меня, то я видела их очень много, и я не думаю, чтобы мужчины, более предрасположенные к глазным болезням, могли избавиться от

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

этого недуга ношением колец в ушах.

Фанни. О, мужчины были бы очень смешны, если бы носили серьги, придающие прелесть только женщине!

Эрсилия. Стало быть, здесь играет роль другая причина: не здоровье, как ты говоришь, а роскошь, желание придать себе побольше прелести. Но в таком случае следует признать, что самые прелестные женщины – те дикарки, которые вдевают себе кольца даже в ноздри.

Фанни. Какой вздор! Что за сравнение! Когда я имела случай видеть какую-нибудь из этих дикарок, которых выставляют на показ вместе с животными, я всегда чувствовала лишь отвращение. Нет, твое сравнение не подходит.

Эрсилия. Не подходит? Можно знать, почему?

Фанни. Почему?.. Потому что они дикари, а мы – цивилизованные женщины и прокалываем себе уши. Ты ведь знаешь пословицу: «Обычай предписывает законы».

Эрсилия. О, если бы это было так, если бы обычай служил законом, то прогресс, этот философ, умерщвляющей одним своим дуновением много вредных обычаев, не был бы даже знаком нам по имени, и мужчины щеголяли бы быть может своими косами, подобно нашим предкам, и разгуливали бы может быть в звериных шкурах, соперничая со львом, царем животных. Впрочем, если ты уж непременно хочешь разукрасить себя драгоценными камнями, то ведь в твоем распоряжении шея, руки, волосы. К чему ненужная операция со всеми последствиями в виде язвочек, струпьев и т. д.

Здесь я себе позволю самому попросить слово и предупредить читателей моей книжки, что в то время как обе матери рассуждают за и против серег, их дети стоят и прислушиваются к беседе. И вот при последних словах Эрсилии младшая дочь Фанни, девочка лет семи или восьми, вмешивается в разговор и заявляет следующее:

– Вот у меня и до сих пор еще струпья на ушах, не смотря на все мази, которые мне прописывали доктора, и на все отвратительные лекарства, которые они заставили меня выпить. Мне становится страшно, когда я подумаю о том, что мне еще предстоит!.. Попросите мою маму (обращается она к Эрсилии), чтобы она меня избавила от серег.

При этих словах наивной девочки мать ее сильно краснеет, а Эрсилия, любезно утешая ребенка, обращается к своей подруге:

– Послушай, Фанни, свою подругу хоть этот раз ради своих детей. Ты можешь продолжать носить серьги, но своих детей избавь от этого, по крайней мере, до 18 или 20 лет, а там они поступят, как им заблагорассудится.

Дети прыгают от радости при этих словах Эрсилии и горячо просят мать принять это предложение, и мать, не много подумав, отвечает:

– Чтобы доставить вам удовольствие и доказать своей подруге, что я, хотя и считаю ее немного странной, все таки ценю ее совет, я принимаю ее предложение, тем более, что порадую этим вашего отца, который также не особенно любит эти вещи.

И после крепкого рукопожатия, которое я склонен принять за искреннее, женщины переходят к другой теме.

Какой-то ювелир изобрел приспособление, которое дает возможность носить серьги, не прибегая к продырявливанию ушей. Если это правда и если дамы не рискуют при этом потерять своих серег, то я ничего не имею против такого ношения этого украшения. Таким образом гигиена может идти об руку с модой.

Каждый из нас встречал, наверное, мужчин, которые, не будучи дикарями, не будучи туземцами островов Целебеса или Мадагаскара, носят серьги. Если их родители прицепили им эти кольца, в надежде избавить их от болезней глаз, головы и от других недугов, то я могу их уверить своим честным словом, что серьги имеют такое же отношение к глазам, голове и здоровью, как чихание китайского императора к нашим ценам на хлеб.

Пусть же эти немногие европейцы, напоминающие еще собою варварство, покраснеют при этих словах и сбросят с себя вещи, роняющие их достоинство.

Глава пятая

L'homme à tonjours voulu ajouter quclque chose à Dieu.
L'homme retouche la création parfois en bien, parfois en mal.
V. Hugo

Ложная красота. Автор призывает всех сатириков. Поход против лицемерия. Едкая испанская пословица. Исторические личности, красившие свои волосы. Красящие вещества с точки зрения нравственности и гигиены.

О Ювенал, дай мне свои ядовитые стрелы; о Марциал, дай мне свое циничное перо; о Рабле, дай мне горечь своих сарказмов; о Парини, о Джусти, дайте мне желчь вашего благородного негодования; о сатирики всего мира, древнего и нового, дайте мне ваши зубы, ваши когти, ваши иглы, ваше жало, ваш гнев, ваши молнии, ваш яд, весь арсенал ваших орудий, дабы я мог бичевать и казнить то лицемерие, которым пропитаны все классы и которое покрыло все современное общество плащом лжи, напоминающим то шутовской кафтан, покрытый сусальным золотом и побрякушками, то погребальный наряд, сжимающий ваше сердце и заставляющий вас оплакивать вымершую добродетель, похороненную истину, целомудренную наготу поруганной природы.

Оглядываясь вокруг себя, я не нахожу ни одной женщины, которую бы я мог приласкать без страха, ни одного мужчины, которого бы я мог обнять без ужаса. Сколько Лукреций отнимают от своей головы ласкающую руку друга, только потому, что эта рука может оторвать шиньон или отделить фальшивый локон! Какое отвращение, какую жалость внушает мне лицо женщины, превращенное в одну воплощенную фальшь и ложь!

В настоящее время нет совсем красоты, относительно которой не возникли бы сомнения. Рука, простирающаяся к святилищу, отдергивается, испачканная бог знает какой фармацевтической краской. Даже старцы теперь стыдятся своей почтенной седины и красят волосы!

Я отлично знаю, что в жизни каждого человека наступает страшный день, когда зеркало возвещает нам, что молодость прошла и что каждый день подарит нам седой волос на лице и лишит нас пряди волос на голове. Похоронный колокол смерти приходит в действие с появлением седых волос или лысины, и тогда мы искусственными мерами начинаем противиться медленному и неизбежному упадку нашего организма, медленной, но фатальной потере наших красот. Но, читатели мои, цирюльник и химик слишком слабые союзники для борьбы со временем; при их помощи нам удается лишь несчастью придать иронию, а старость превратить в посмешище.

Есть молодость, которая никогда не теряется; она кроется в труде и в чувстве. Каждому возрасту свойственна его красота. Мы находим величественную красоту и в матроне и в бабушке, окруженной внучатами. Но женщина, покрывающая безволосую голову *шиньонами* и *фальшивыми волосами*, не может уничтожить морщин на своем лице; и мужчина с раскрашенными бакенбардами, шепчущий девушке на ухо слова любви, не может красками создать силы, которой ему не достает, не может зажечь в себе давно потухшего пламени.

Испанцы, быть может самый искренний народ в мире, имеют едкую пословицу: *«El diente miente, la cana engaña, però la arruga desengaña»*. (Зуб лжет, седина вводит в заблуждение, но морщина выводит из заблуждения.)

И действительно, до сих пор еще не был изобретен такой состав, который мог бы уничтожить морщины.

История упоминает о некоторых знаменитостях, сделавших себя смешными раскрашиванием своих волос и бороды.

Храбрый Муза на старости лет посыпал свою седую бороду каким-то красным порошком.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

Архидам, царь Спарты, заметив приближавшаяся к нему посланника Цея, имевшего раскрашенные волосы, сказал ему: «Какую правду можешь поведать мне ты, носящий ложь на своей голове?»

Филипп, царь Македонии, застав своего Фаворита Антипатра красящим свою голову, лишил его должности, занимаемой им в магистрате, на том основании, что нельзя верить человеку, носящему фальшивые волосы.

Марциал обессмертил некоего Лентина, ставшего вдруг из лебедя вороном:

Mentiris javenem tinctis, Lentine, capillis,
Tarn subito corvus, qui modo cygnus eras.

Луцилий в одной из своих эпиграмм бичует старуху, красившую свои волосы: «Тебе ничто не поможет, Гекуба никогда не станет Еленой».

Но скажите, ради Бога, кого все вы, раскрашивающие себя мужчины и женщины, думаете ввести в заблуждение, свои искусством производить иллюзию? Ведь эта иллюзия так кратковременна и так редко приводит в очарование!

Открываю Данте и в XXII песне его Рая нахожу указание на то, как вы белое превращаете в черное.

E se guardi al principio di ciascano,
Poscia riguardi lá dov'è trascorso,
Tu vederai del bianco fatto bruno.

Раскрашивание волос и лица имеет своим следствием лишь то, что заставляет считать человека, прибегающего к этому, старше, чем он в действительности есть. Разве же вам неизвестно человеческое злословие?

Сорокалетней, здоровой, сильной женщине все дадут тридцать лет, если она не будет фальсифицировать себя; но лишь только острый глаз какой-нибудь милосердной подруги откроет на ее лице тень парфюмерного искусства или на ее теле неверную линию, проведенную искусным портным, то ей сразу набавляется целый десяток лет и ей уже не сорок, а пятьдесят лет. Кроме того, это лицемерие мало помалу уничтожает и ту естественную красоту, которая без того еще долго могла бы оставаться неприкосновенной и которой вполне было бы достаточно, чтобы сделать эту женщину милой и увлекательной.

Если *в наш лицемерный век,* женщина имеет мужество явиться в общество, не скрывая своих седых волос, то она внушает всем окружающим чувство почтения и уважения. Женщины ценят это мужество и чувствуют превосходство такой героини; мужчины же не теряют своей любви к ней, ибо ни на одном языке в мире никогда не было сказано, что первый седой волос убивает любовь и красоту. Есть нечто противнее лысой головы – это фальсифицированная голова; есть нечто старее седых волос – это раскрашенные волосы.

Будьте же верными стражами искренности и правды, все вы, проповедующие повсюду нравственность и оплакивающие упадок веры в нашем обществе! Как ваши дети могут верить искренности ваших проповедей, когда они знают, что вы прибегаете к краскам, чтобы вводить в заблуждение своих ближних? Как вы хотите, чтобы вас окружало почтение последних, если вы живете в атмосфере лицемерия, если вы изображаете собой живую ложь?

О женщины, не дарите своей любви красящему свои волосы мужчине!

О мужчины, сорвите с голов своих жен безобразящие их шиньоны и фальшивые волосы и лишите их своего уважения, если они прибегают к краскам!

О мужчины, женщины, старцы, юноши, все вы, любящие прекрасное, боритесь против этого гадкого лицемерия, фальсифицирующего чувства, возрасты, волосы, бороды и черты лица, заставляющего нас вращаться среди отвратительного маскарада, где атмосфера обмана и лжи лишает нас естественного света, отравляет девственное созерцание прекрасного и вызывает в нас тошноту. Нужен потоп, чтобы смыть всю

эту массу красок; нужно огромное пожарище, чтобы сжечь все шиньоны; нужна отчаянная борьба, чтобы укрепить в душе человека чувство правды, без которого нет красоты, без которого нельзя испытать истинной любви.

О, замаскированные комедианты, станьте снова людьми и верните себе человеческий облик!

Где кончается мораль, начинается гигиена. А последняя твердит вам, что все эти краски, которыми вы пользуетесь для окрашивания волос и лица, – яды, раздражающие кожу и благоприятствующие выпадению волос. Не верьте шарлатанам, выдающим эти средства за безвредную косметику!

Глава шестая

Туалет заключается не столько в платье, сколько в известной манере носить его.
Бальзак

Гигиенический кодекс портных

Гигиенист, портной и моралист сошлись однажды, чтобы прийти к соглашению относительно такого кодекса, в котором здоровье шло бы об руку с красотою, а тщеславие с добродетелью. Вы легко поймете, что дело было не простое и не легкое; и этим милым людям пришлось таки порядком поспорить, прежде чем прийти к соглашению. Наконец, после некоторых взаимных уступок, они утвердили следующий *ультиматум*, который я, имевший счастье служить им в качестве секретаря, дословно здесь передаю.

1. Человек, имеющий десять рублей, должен истратить восемь рублей на еду и два рубля на одежду.
2. Человек, отложивший на одежду четыре рубля, должен истратить три на белье и один на верхнее платье.
3. Лучше опрятно и прилично одеваться всю неделю, чем разыгрывать франта по воскресеньям, а в остальные дни одеваться по-свински.
4. Чистота одежды придает здоровье и достоинство.
5. Одежда – вторая кожа, которую мы создаем для себя и о которой следует столько же заботиться, сколько о той коже, которою одарил нас Господь.
6. Рабочий должен иметь особенное платье для мастерской и особенное для семейного очага.
7. Прежде чем заказать себе новое платье, следует пойти с визитом на кухню и «ощупать желудок» своих детей.
8. Пятен на платье всегда следует стыдиться; ничто не может служить для него оправданием. Лучше иметь сто заплат, чем одно пятно.
9. Лучше носить новое платье из грубой материи, чем элегантное платье, ношенное уже другими.
10. Носить более богатое платье, чем позволяют средства, – своего рода ложь, которая может стать предверием порока и преступления.
11. Тщеславие, проявляемое в нарядах, изобличает пустую душу.
12. Цинизм, проявляемый в туалете, изобличает грязную душу, а в некоторых случаях служит начальным симптомом умопомешательства.
13. Подражание странностям великих людей не может сделать нас великими, но без сомнения делает нас смешными.
14. Быть рабом моды глупо, а слишком презирать ее безрассудно.
15. Простота одежды почти всегда сочетается с гигиеной и изяществом.
16. Мода одинакова для всех, но разумный человек приспособляет ее к своему темпераменту, к своим обычаям, к своей профессии, к своему возрасту.
17. Женщину одежда должна украшать, мужчину – покрывать.
18. Всякое тесное платье, препятствующее свободе движений, вредит здоровью и труду.
19. Лучше потеть, чем дрожать; другими словами: лучше носить теплое платье, чем легкое.
20. Уж лучше летом носить зимнее платье, чем зимою летнее.

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

21. При первых же морозах следует надеть на себя теплое платье; при первых же теплых днях следует подождать еще более теплых, чтобы скинуть его и одеть более легкое.

22. Шерсть и опрятность – два слова, заключающая в себе более трех четвертей гигиены платья.

23. Материя, из которой делается платье, не должна быть панцирем, а шнурки не должны быть цепями.

24. Одеваться должно красиво, но отнюдь не для введения в заблуждение своего ближнего.

25. Ложь не должна иметь места в одежде.

26. Ложь в одежде всегда вызывает неприятное чувство, доходящее до отвращения.

27. Лучше бороться с холодом несколькими легкими платьями, чем одним тяжелым.

28. Платье надо часто проветривать, в особенности летом; подобно нашему телу и жилищу, оно также требует чистого воздуха и ухода.

29. Платье, препятствующее или затрудняющее хоть одно из наших движений, есть плохое платье.

30. Портной подобен врачу: его следует менять как можно реже.